

Ги Дебор

Ги Дебор

Ситуационисты и новые формы действия в политике и искусстве

Статьи и декларации

1952–1985

ГИЛЕЯ

Составление, комментарии и примечания: СТЕПАН МИХАЙЛЕНКО
Перевод с французского: СТЕПАН МИХАЙЛЕНКО И ТИМОФЕЙ ПЕТУХОВ
Художественное оформление: АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

ISBN 978-5-87987-116-6

© Guy Debord, наследники, 2018
Русский перевод разрешён к свободному воспроизведению

Содержание

<i>От составителя</i>	9
КОНФЕРЕНЦИЯ В ОБЕРВИЛЬЕ	13
МАНИФЕСТ	14
НЕОБХОДИМО ВОЗОБНОВИТЬ ВОЙНУ В ИСПАНИИ	15
ПОКОНЧИТЬ С НИГИЛИСТСКИМ КОМФОРТОМ	16
ОТВЕТЫ ЛЕТТРИСТСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА НА ДВА ВОПРОСА БЕЛЬГИЙСКОЙ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ	17
ВОДА ВСЕХ МОРЕЙ НЕ СМОГЛА БЫ... ..	20
ЗАСТАВИМ ИХ ПРОГЛОТИТЬ СВОЮ ЖВАЧКУ	22
УПРАЖНЕНИЕ В ПСИХОГЕОГРАФИИ	23
ВОН ЗА ДВЕРЬ	24
МИНИМУМ ЖИЗНИ	25
КОРНИ НЕБОСКРЁБА	27
«...новая идея в Европе»	29
ИТОГ 1954 ГОДА	31
ЧЕТВЕРТЬФИНАЛ	32
АРХИТЕКТУРА И ИГРА	33
ПОЧЕМУ ЛЕТТРИЗМ?	36
ВВЕДЕНИЕ В КРИТИКУ ГОРОДСКОЙ ГЕОГРАФИИ	47

Методика DÉTOURNEMENT	54
Платформа Альбы	65
Теория дрейфа	68
Один шаг назад	76
О случае	79
Доклад о создании ситуаций и принципах организации и деятельности международной ситуационистской тенденции	80
Определения	109
Тезисы о культурной революции	112
Амстердамская декларация	115
Тезисы ситуационистов об уличном движении	117
Роль “Rotplaatсн” — вчера и сегодня	120
Манифест	122
Предварительные замечания к созданию единой революционной программы	126
Перспективы осознанных изменений повседневной жизни	136
О Парижской коммуне	151
“ALL THE KING’S MEN”	157
Ситуационисты и новые формы действия в политике и искусстве	164
Стачка в Астурии	173
Анкета	179
Послание революционерам Алжира и всех других стран	188
Упадок и разрушение товарно-зрительской экономики	197
Презентация ситуационистского движения	210
Классовая борьба в Алжире	212
Минимальное определение революционных организаций	227
Точка взрыва идеологии в Китае	229
Послание Парижского комитета Ситуационистского интернационала членам СИ и товарищам, поддержавшим наши тезисы	247

Листовки Комитета по оккупации Сорбонны и Комитета Бешеных-СИ	251
Отчёт об оккупации Сорбонны	257
За власть рабочих советов	262
Послание всем рабочим	264
Большая планета	268
О пожаре в Сен-Лоран-дю-Пон	277
Либертариям	284
Закуска	297
“Ротплатсн” (1954–57)	310
Замечания к «вопросу об иммигрантах»	313
<i>Комментарии и примечания</i>	321

От составителя

В книгу вошли тексты французского учёного, революционно-го деятеля и кинорежиссёра Ги Дебора (1931–1994), посвящённые социально-политической проблематике. Она является логическим продолжением выпущенного издательством «Гилея» в 2015 г. обширного сборника, вобравшего в себя его киносценарии, а также теоретические и критические работы, посвящённые кинематографу. Эти два издания (совместно с *magnum opus* Дебора — книгой «Общество спектакля» и авторскими комментариями к ней) создают достаточно цельную картину творчества, философской мысли и общественной деятельности Дебора.

Для книги были отобраны наиболее значимые исторически и наиболее интересные с нашей точки зрения тексты из всего периода творчества Дебора — от самых ранних до самых поздних. Бóльшая часть из них была издана в бюллетенях “Internationale lettriste” и “Potlatch”, в журналах “Les Lèvres nues”, “Internationale Situationniste” и “Encyclopédie des Nuisances”; часть была посмертно опубликована в собрании сочинений “Œuvres” (2006).

Название сборника, выбранное нами по заглавию одной из статей, — «Ситуационисты и новые формы действия в политике и искусстве» — достаточно точно и полно описывает тематику вошедших в него материалов. В нём в хронологическом порядке расположены политические воззвания и открытые

письма, тексты о психогеографии и революционном преобразовании городской среды, статьи о принципах нового общества и новой культуры, материалы, посвящённые критике буржуазного общества и буржуазной культуры, основополагающие документы леттристского и ситуационистского движений, прокламации мая 1968-го — всё то, что устанавливало теоретические основы этих новых действий и фиксировало их практику.

Отдельные тексты уже публиковались на русском ранее, будучи известны с десятков лет (а то и больше), и именно поэтому мы считаем необходимым перевести и издать их повторно. Ситуация с предыдущими опытами перевода социально-политических работ Дебора отлично демонстрируется тем фактом, что в общественном сознании возникла совершенно превратная мысль о крайне запутанном и сложном для понимания языке автора¹. Хочется верить, что нам удастся переломить эту тенденцию.

Отобранные нами для перевода и публикации работы, как правило, не носят исключительно архивный, исторический характер, они актуальны в той же мере, в которой капиталистический спектакль современной России соответствует капиталистическому спектаклю Франции пятидесятилетней давности (в строгом смысле — несоизмеримо больше, чем ему соответствовал спектакль брежневского квазисоциализма). В процессе их чтения сложно отделаться от ощущения, что тексты «Болезненная планета» или «О пожаре в Сен-Лоран-дю-Пон» написаны здесь и сейчас о Волоколамске и Кемерово. Дебор называл «интегрированной» возникшую в конце 1980-х гг. и затем распространившуюся по всему миру форму спектакля, соединявшую в себе сильные места прежних «социалистической» сосредоточенной и капиталистической рассредоточенной форм спектакля, — хотя в терминах нашего времени её было бы корректно назвать *гибридной*. Это наш современный спектакль, без нашего мая 68-го (и пока что даже без малейшего намёка на его возможность).

Степан Михайленко

Статьи
и декларации
1952–1985

КОНФЕРЕНЦИЯ В ОБЕРВИЛЬЕ

1. Принятие принципа большинства. В случае если большинства достигнуть невозможно, следует возобновить дискуссию на новых основаниях, которые могли бы привести к формированию большинства.

Принцип использования имён большинством.

2. Овладение критикой искусства и конкретных достижений в нём.

То, что предстоит совершить, заключается в преодолении искусства.

3. Запрет всякому члену Леттристского интернационала защищать регрессивную мораль, точные критерии которой предстоит разработать.
4. Предельная осмотрительность в презентациях личных произведений, которые могли бы затронуть ЛИ.

– Исключение *ipso facto*¹ за любое участие в деятельности группировки Изу², даже если это было совершенно из соображений защиты ЛИ.

– Исключение любого, опубликовавшего под своим именем коммерческое произведение.

В качестве окончательного расчёта³.

Обервилье, 7 декабря 1952

Жан-Луи Бро⁴, Серж Берна⁵, Ги-Эрнест Дебор,

Жиль Ж. Вольман⁶

МАНИФЕСТ

Леттристская провокация — способ времяпрепровождения. Ни в чём ином революционная мысль не присутствует. За неимением ничего лучшего мы продолжаем наши скандалы в тесном мирке мёртвой литературы. Естественно, для того чтобы заявить о себе, мы пишем манифесты. Бесцеремонность — прекрасная вещь. Наши желания были обманчивы и обречены на гибель. Неизменная молодёжь, как говорится. Недели проходят подобно прямой линии. Наши встречи бессистемны и наши ненадёжные связи затеряются за хрупкой защитой слов. Земля крутится как ни в чём не бывало. Короче, условия человеческого существования нам не нравятся. Мы распрощались с Изу, который верил в необходимость оставлять следы. Всё, что служит консервации, помогает работе полиции. Поскольку мы знаем, что все существующие идеи и поведенческие модели несостоятельны. Современное общество делится на леттристов и на полицейских стукачей, среди которых самый известный — Андре Бретон. Нет нигилистов, есть лишь импотенты. Нам запрещено почти всё. Раствление несовершеннолетних и употребление наркотиков преследуются по закону, как и в целом все наши действия по преодолению пустоты. Многие из наших товарищей сидят за воровство. Мы восстаём против наказаний, наложенных на людей, осознавших, что работать совершенно необязательно. Мы отвергаем диалог. Человеческие отношения должны быть основаны на страсти, если не на терроре¹.

САРА АБУАФ², СЕРЖ БЕРНА, П.-Ж. БЕРЛЕ³, ЖАН-Л. БРО,
ЛИБЕ⁴, МИДУ ДАХУ⁵, ГИ-ЭРНЕСТ ДЕБОР, ЛИНДА⁶, ФРАНСУАЗА
ЛЕЖАР⁷, ЖАН-МИШЕЛЬ МЕНСЬОН⁸, ЭЛИАНА ПАПАЙ⁹,
ЖИЛЬ Ж. ВОЛЬМАН

НЕОБХОДИМО ВОЗОБНОВИТЬ ВОЙНУ В ИСПАНИИ

Вот уже пятнадцать лет Франко цепляется за власть, отравляя ту часть нашего будущего, которой мы позволили себе лишиться вместе с Испанией. Церкви, которые наши друзья сожгли в этой стране¹, были выстроены заново, и лучшие из нас снова находятся в заточении. Средние века начинаются через границу², и наше молчание их усиливает.

Необходимо прекратить рассматривать эту ситуацию в сентиментальной манере и больше не позволять левым интеллектуалам дурачиться по её поводу. Это исключительно вопрос силы.

Мы призываем революционные пролетарские партии организовать вооружённую интервенцию с целью поддержки новой революции, предвестия которой мы видели недавно в Барселоне, революции, которая на этот раз не будет сбита с пути к её целям.

От лица Леттристского интернационала:

П.-Ж. Берле, Буль-Д. Бро, Хадж Мохамед Даху, Ги-Эрнест Дебор, Гаэтан М. Лангле³, Жан-Мишель Менсьон,
Жиль Ж. Вольман

Покончить с НИГИЛИСТСКИМ КОМФОРТОМ

Мы знаем, что все новые реалии являются по своей сути временными и всегда слишком ничтожными, чтобы быть для нас достаточными. Мы защищаем их, поскольку не знаем лучшего занятия и потому что это, в сущности, наше ремесло.

Но нам не позволено безразличие перед лицом удручающих ценностей нашего времени, когда они гарантированы Обществом тюрем и когда мы живём у ворот тюрьмы.

Во что бы то ни стало мы не хотим участвовать, не хотим быть согласными на то, чтобы нас затыкали, не хотим соглашаться.

Это лишь из гордости — для нас омерзительно быть похожими на слишком многих.

Красное вино и отрицание в кафе, первые истины отчаяния не станут кульминацией этих жизней, которые столь сложно защищать от ловушек молчания, от сотен способов **РАСПОЛАГАТЬСЯ ПО ПОРЯДКУ**.

За пределами этого всегда ощущавшегося недостатка и неизбежной, непростительной утраты всего, что мы любили, игра всё ещё разыгрывается, мы существуем. Таким образом, любая форма пропаганды будет хороша.

Мы должны способствовать восстанию, которое затронет нас в меру наших притязаний.

Нам предстоит утвердить конкретную идею счастья, даже если мы знали о её неудачах, идею, на которую должны равняться все революционные программы¹.

ОТВЕТЫ ЛЕТТРИСТСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА НА ДВА ВОПРОСА БЕЛЬГИЙСКОЙ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Какой смысл вы вкладываете в слово «поэзия»?

Поэзия утратила последние остатки своего формального престижа. За пределами банальной эстетики она целиком заключается в способности людей к приключениям. Поэзия читается на лицах. Значит, надо срочно создавать новые лица. Поэзия приняла форму городов. Значит, мы построим их волнующими. Новая красота будет СИТУАЦИЕЙ — то есть *мимо-лётной* и проживаемой.

Последние художественные эксперименты интересны нам лишь в свете того *влияния*, которое они могут оказать. Для нас поэзия является не чем иным, как средством разработки абсолютно новых моделей поведения* и придания им должной страсти.

Леттристский интернационал (Мохамед Даху, Анри де БЕРНА¹, Ги-ЭРНЕСТ ДЕБОР, Жиль ИВЕН², ГАЭТАН М. ЛАНГЛЕ, Жиль Ж. ВОЛЬМАН)

Озаряет ли мысль нас и наши действия с тем же равнодушием, что и солнце, или какова наша надежда и в чём её достоинство?

Равнодушие создало этот мир, но не может жить в нём. Мысль является ценной лишь в той мере, в которой она обнаруживает и навязывает новые требования.

* Преданность прежним моделям поведения неизменно является полицейской. По этой причине мы исключили Берна и Бро.

Те революционные студенты, которые выходили в бедной одежде на демонстрации в Кантоне в 1927 году, в следующем году умирали в топках локомотивов³. Тут заканчиваются праздники мысли. Если мы и сохраняем некоторое довольство интеллектом, который за нами обычно признают, то это лишь благодаря средствам, которые он может предоставить на службу экстремизма, выбранного нами без лишних дискуссий.

Самое время установить новые условия для человека. Экономические препятствия и их моральные следствия в любом случае будут вскоре и по всеобщему согласию уничтожены. Проблемы, которым мы ещё вынуждены придавать некоторое значение, будут полностью преодолены вместе с сегодняшними противоречиями, поскольку старые мифы определяют нас лишь до того момента, когда их в нашей жизни заменяют более жестокие.

Должна создаться новая цивилизация, в которой все формы деятельности будут постоянно стремиться к чувственному потрясению жизни.

Мы знаем первые решения *проблемы досуга*, о которой уже начали говорить (несмотря на то, что массы лишь недавно были освобождены от безостановочной работы⁴) и которая завтра станет единственной проблемой.

Великая грядущая цивилизация будет *создавать ситуации и приключения*. Наука жизни возможна. Авантюрист — не тот, с кем случаются приключения, но тот, кто делает так, чтобы они с ним случились. Сознательное использование *обстановки* обуславливает постоянно обновляющееся поведение. Сократится роль мелких случайностей, зовущихся судьбой. Архитектура, урбанизм и влияющие на эмоции пластические выражения (базовые основы которых уже нам известны) должны совместно служить этой единой цели.

Практика смены обстановки и выбор встреч, чувство незавершённости и мимолётности, любовь к скорости, воплощённая с точки зрения разума, изобретение и забвение на-

ходятся в числе компонентов *этики дрейфа*, который мы уже начали практиковать среди убожества городов этой эпохи.

Продолжается развитие науки отношений и обстановок, называемой нами *психогеографией*. Она возвращает игровому сообществу его подлинный смысл: общество, основанное на игре⁵. Не существует ничего более серьёзного. Развлечения являются атрибутом королевской власти, который надлежит дать каждому.

Сен-Жюст говорил, что счастье — это новая идея в Европе⁶. Эта программа сейчас получила свой первый реальный шанс.

Высшие развлечения, обнаруженные Шарлем Фурье в свободной игре страстей, должны постоянно изобретаться заново. Мы будем работать над созданием новых желаний, и мы будем вести самую широкую пропаганду этих желаний.

Мы будем теми, кто привнесёт в социальную борьбу единственный истинный гнев. Революцию не делают, требуя 25 216 франков в месяц. *Свою жизнь следует завоевывать* прямо сейчас, свою полностью материальную жизнь, в которой всё возможно:

Сколько высоки ни были бы наши надежды на силу и возможности духа, они всё же будут недостаточно высокими⁷.

Париж, 5 мая 1954

От лица Леттрристского интернационала:

АНРИ ДЕ БЕАРН, АНДРЕ КОНОР⁸, МОХАМЕД ДАХУ, ГИ-ЭРНЕСТ ДЕБОР, ЖАК ФИЙОН⁹, ПАТРИК СТРАРАМ¹⁰, ЖИЛЬ Ж. ВОЛЬМАН

ВОДА ВСЕХ МОРЕЙ НЕ СМОГЛА БЫ...

1 декабря Марсель М. (16 лет) предприняла попытку самоубийства со своим любовником. После того как их спасли, этот женатый и взрослый человек заявил, что участвовал в этом «против своей воли». Марсель предстанет перед судом по делам несовершеннолетних, которому предстоит определить её меру «моральной ответственности».

Во Франции несовершеннолетних отправляют в основном в религиозные тюрьмы. Вот так проходит их молодость.

5 февраля восемнадцать анархистов, пытавшихся воссоздать НКТ¹, были осуждены за вооружённое восстание.

Франкистская солдатня надёжно стоит на страже омерзительной «западной цивилизации».

В апреле журналы опубликовали несколько необычайно живописных фотографий из Кении: повстанец «Генерал Чайна» слушает свой смертный приговор. Тридцать четыре звёздочки на кабине самолёта Королевских ВВС — по количеству подстреленных местных.

Убитые негры называли себя Мау-Мау.

1 июня в нелепой газетёнке “Le Figaro” Мориак пристыдил Франсуазу Саган² за то, что она не проповедует ни одну из тех великих французских ценностей, которые, например, связывают нас с марокканцами, — и это в то время, когда Империя погружается в дерьмо! (Разумеется, мы не потратим ни секунды на чтение романов этого жалкого 1954 года, но когда ты выглядишь как Мориак, разглагольствовать о восемнадцатилетней девушке просто неприлично.)

Последний номер неосюрреалистического — и ранее безобидного — журнала “Médium”³ превращён в провокацию: фа-

шист Жорж Сулес⁴ упоминается в содержании под псевдонимом Раймон Абеллио, Жерар Легран⁵ выступает против североафриканских рабочих в Париже. Страх перед настоящими проблемами и самодовольство по поводу утративших силу интеллектуальных установок объединяют профессионалов писанины, претендующей на то, чтобы быть поучительной или, подобно Камю, мятежной.

Чего действительно не хватает этим господам, так это Террора.

Ги-Эрнест ДЕБОР

ЗАСТАВИМ ИХ ПРОГЛОТИТЬ СВОЮ ЖВАЧКУ

Фостер Даллес¹ опять призывает вас к оружию: правительство Гватемалы экспроприировало имущество United Fruit Company — корпорации, с 1944 года эксплуатировавшей каучук и народ этого государства для производства столь необходимой жевательной резинки.

Бог антикоммунистической армии выразился следующим образом: «Чтобы победить эти силы зла, мы должны прибегнуть к мирным и коллективным действиям». Эти действия разворачиваются на наших глазах: сделанное в США оружие уже доставлено реакционерам из Гондураса и Никарагуа; заговоры спонсируются огромными суммами в долларах; Америка вновь отправляется в крестовый поход.

В мельчайших подробностях воспроизводятся методы, которыми была уничтожена республиканская Испания.

Студенческая манифестация под танковым огнём в Боготе и революционное движение в Гватемале представляются единственными шансами на свободу на этом континенте. Правительство Хакобо Арбенса Гусмана² должно вооружить рабочих. На экономические санкции, на военные атаки империализма необходимо отвечать гражданской войной в порабощённых странах Центральной Америки и набором добровольцев в Европе.

Париж, 16 июля 1954

От лица Леттристского интернационала:

АНДРЕ-ФРАНК КОНОР, МОХАМЕД ДАХУ, ГИ-ЭРНЕСТ ДЕБОР,
ЖАК ФИЙОН, ПАТРИК СТРАРАМ, ЖИЛЬ Ж. ВОЛЬМАН

УПРАЖНЕНИЕ В ПСИХОГЕОГРАФИИ

Пиранези психогеографичен в лестницах¹.

Клод Лоррен психогеографичен в слиянии окрестностей дворца и моря².

Почтальон Шеваль психогеографичен в архитектуре³.

Артюр Краван психогеографичен в быстром дрейфе⁴.

Жак Ваше психогеографичен в обмундировании⁵.

Людвиг II Баварский психогеографичен в монархии⁶.

Джек-Потрошитель, следует полагать, психогеографичен в любви⁷.

Сен-Жюст отчасти психогеографичен в политике^{*8}.

Андре Бретон наивно психогеографичен во встречах⁹.

Мадлен Рейнери психогеографична в самоубийстве^{**10}.

И Пьер Мабиль — в собирании чудес¹¹, и Эварист Галуа — в математике¹², и Эдгар По — в пейзаже¹³, и Вилье де Лиль-Адан¹⁴ — в страдании.

Ги-Эрнест ДЕБОР

* Террор дезориентирует.

** См. «Завывания в честь де Сада».

ВОН ЗА ДВЕРЬ

Леттристский интернационал продолжает начатую в декабре 1952 года ликвидацию «старой гвардии».

Некоторые исключённые:

Исидор Голдштейн,
известный как Жан-
Исидор Изу

Моисей Бисмут,
известный как Морис
Леметр¹

Померанец, известный
как Габриель Померан²

Серж Берна
Менсьон
Жан-Луи Бро

Лангле
Иван Щеглов, известный
как Жиль Ивен

Некоторые причины:

Человек в целом
ретроградный,
с ограниченными
амбициями
Продолжающийся
инфантилизм,
преждевременная старость,
хороший апостол
Фальсификатор,
ничтожество³
Отсутствие строгости ума
Просто декорация
Милитаристские
отклонения
Глупость
Мифомания, бред
толкования, отсутствие
революционной
сознательности

МИНИМУМ ЖИЗНИ

Снова и снова нужно повторять, что современные притязания профсоюзного движения обречены на провал; и даже не из-за разобщённости и зависимого положения этих пользующихся признанием организаций, а из-за убогости их программ.

Снова и снова надо повторять эксплуатируемым рабочим, что на кону — их единственные, незаменимые жизни, за которые ещё всё можно успеть; что их лучшие годы уходят, а они так и не знают радости и даже не пытаются сопротивляться.

Необходимо требовать не повышения «прожиточного минимума», а чтобы толпу прекратили держать на минимуме жизни. Недостаточно просить хлеба — пусть дают игры.

В прошлом году Комиссия по коллективным договорам подготовила документ об «экономическом положении простого чернорабочего»¹ (положении, которое является гнусным оскорблением всего, что ещё можно было ожидать от человека), в котором всё, что касается свободного времени — и культуры, — ограничено одним детективным романом из «Чёрной серии»² в месяц.

И ни шага в сторону.

Мало того, для текущего строя эти детективные романы, как и Пресса, и Заокеанское кино — лишь продолжение его собственных тюрем, в которых уже не за что биться, но и нечего терять, кроме цепей.

А жизнь нужно *завоёвывать* снаружи.

Нужно ставить вопрос не о подъёме зарплат, а об улучшении тех условий, в которые в западном обществе поместили простых людей.

Нужно отказаться от борьбы внутри этой системы, борьбы за мелкие уступки, которые не будут исполняться или будут тут же отыграны капитализмом на другом поле. Главный вопрос — в дальнейшем воспроизводстве этой системы или её разрушении, и его надо ставить ребром.

Говорить нужно не о возможных соглашениях, а о недопустимых фактах реальности: спросите алжирских рабочих с государственных заводов “Renault”, где их досуг, их страна, их достоинство, их жёны? Спросите, какая надежда может быть у них? Социальную борьбу должна вести не бюрократия, но страсть. Чтобы оценить чудовищные последствия деятельности профсоюзов, достаточно проанализировать стихийные забастовки августа 1953 года; решение рядовых членов; саботаж главных жёлтых профсоюзов³; пассивность Всеобщей конфедерации труда, которая не смогла ни организовать всеобщую стачку, ни направить события в победоносное русло. В то же время нужно ясно видеть факты, способные разжечь дискуссию: тот факт, например, что по всему миру есть наши друзья, и мы узнаём себя в их битвах. И тот факт, что жизнь проходит, и нам не надо никаких компенсаций, кроме тех, которые мы придумаем и создадим сами.

Дело лишь за отвагой.

От лица Леттристского интернационала:

Мишель И. Бернштейн⁴, Андре-Франк Конор, Мохамед Даху, Г.-Э. Дебор, Жак Фийон, Жиль Ж. Вольман

КОРНИ НЕБОСКРЁБА

В эту эпоху, все области которой всё более и более помещаются под знак репрессии, существует исключительно омерзительный человек, гораздо больший мент, чем в среднем. Он строит ячейки жилых единиц¹, он строит столицу для непальцев, он строит вертикальные гетто, активно используемые современностью морги и *церкви*.

Протестантский модуль², Корбюзье-Синг-Синг³, пачкун нео-кубической мази, запустил «*машину для жилья*»⁴ во имя ещё большей славы Господа, творящего по своему образу всякую падаль и всякое корбюзье.

Невозможно забыть, что современный урбанизм никогда не был искусством, и ещё меньше он был жизненной средой, наоборот, он всегда был вдохновлён полицейскими директивами, и что в конце концов Осман создал нам свои бульвары лишь для удобства продвижения артиллерии⁵.

Но сегодня, когда тюрьма стала образцом жилища и христианская мораль беспрепятственно торжествует, стали замечать, что Ле Корбюзье стремится *уничтожить улицу*. Потому что он кичится этим. Вот его программа: окончательно разделить жизнь на закрытые островки, на находящиеся под наблюдением компании; покончить со всякой возможностью восстаний и встреч; установить автоматическую покорность. (Отметим мимоходом, что существование автомобилей приносит пользу всем, за исключением, конечно, некоторых «экономически слабых»: недавно скончавшийся префект полиции, незабываемый Байло⁶, после последнего парада выпускников также заявил, что уличные манифестации в наши дни несовместимы с требованиями трафика. И каждое 14 июля⁷ нам это подтверждает.)

С Ле Корбюзье игры и познания, которые мы вправе ожидать от действительно потрясающей архитектуры — ежедневная перемена обстановки — приносятся в жертву ради мусоропроводов, которые никогда не будут использованы для утилизации предписанной законом Библии, уже размещённой в отелях США.

Необходимо быть полным глупцом, чтобы видеть в этом современную архитектуру. Это лишь возврат сил плохо погребённого старого христианского мира. В начале прошлого века лионский мистик Пьер-Симон Балланш в «Городе искуплений»⁸ (описания которого предвосхищают «лучезарные города»⁹) уже выразил этот идеал существования:

«Город Искуплений должен быть живым отображением монотонного и унылого закона человеческих несчастий, несокрушимого закона общественных потребностей: необходимо атаковать в лоб все привычки, даже самые невинные; необходимо, чтобы всё непрерывно предупреждало, что ничто не постоянно, и что жизнь человека — это путешествие в землю изгнания».

Но на наш взгляд земные путешествия не являются ни монотонными, ни унылыми; законы общества не являются несокрушимыми; привычки, которые необходимо атаковать в лоб, должны уступить место непрерывному обновлению чудес; и главное удобство, которое мы ожидаем, это уничтожение идей этого порядка и стукачей, которые его пропагандируют.

Что мсье Ле Корбюзье подозревает о *потребностях* людей?

Соборы больше не белые¹⁰. И мы этому рады. «Солнечное освещение» и место под солнцем, эта музыка известна — органы и барабаны MRP¹¹ — и небесные пастбища, на которых будут пастись покойные архитекторы. Готово, эту тушу можно разделывать¹².

«...НОВАЯ ИДЕЯ В ЕВРОПЕ»

Праздность является истинно революционным вопросом. В скором времени экономические препятствия и их моральные следствия неизбежно будут уничтожены и преодолены. Организация досуга (организация свободы множества людей, *несколько реже* загоняемых на бесконечную работу) является насущной необходимостью и для капиталистических государств, и для их марксистских преемников. Однако повсеместно она оказывается ограничена принудительной дебилизацией вроде походов на стадионы или просмотра телевизионных программ.

По этой причине мы прежде всего должны осудить аморальные условия, наложенные на нас, — состояние бедности.

Потратив несколько лет на *ничегонеделание*, в общепринятом смысле этого слова, мы можем с полным правом называть себя авангардом общества, поскольку в обществе, всё ещё временно базирующемся на производстве, мы стремились посвятить себя исключительно праздности.

Если этот вопрос не будет открыто поставлен раньше, чем нынешняя система экономической эксплуатации потерпит крах, то все революционные изменения окажутся просто посмешищем. Новое общество, копирующее цели старого, не осознавшее и не установившее новое желание — вот уж воистину утопическое течение в социализме.

Лишь одна задача кажется нам заслуживающей внимания: разработка совместных развлечений.

Авантюрист — не тот, с кем случаются приключения, но тот, кто делает так, чтобы они с ним случились¹.

Создание ситуаций будет непрестанной реализацией большой игры, свободно выбранной игроками: переход из одного

окружения в другое, от одного конфликта к другому, и персонажи трагедии умирают за 24 часа. Но в жизненном времени больше не будет недостатка.

В подобном синтезе соединятся критика поведения, вдохновляющая планировка города, техники окружений и отношений; мы знаем основные принципы.

Необходимо постоянно заново изобретать высшие развлечения, те, что Шарль Фурье назвал свободной игрой страстей.

От лица Леттристского интернационала:

Мишель И. Бернштейн, Андре-Франк Коноф,
Мохамед Даху, Ги-Эрнест Дебор, Жак Фийон, Вера²,
Жиль Ж. Вольман

ИТОГ 1954 ГОДА

Большие города наиболее благоприятны для развлечения, которое мы называем *дрейфом*. *Дрейф* это техника бесцельного движения, основывающегося на притягательности обстановок.

Все дома прекрасны. Архитектура должна стать *страстной*. Мы не можем принимать во внимание затеи по постройке чего-то более узкоспециализированного.

Новый урбанизм неотделим от экономических и социальных восстаний, которые, к счастью, неизбежны. Можно думать, что революционные притязания эпохи являются функцией идеи о счастье, присущей этой эпохе. Таким образом, использование *досуга* больше не пустяк.

Мы напоминаем, что это означает изобретение новых игр.

Г.-Э. ДЕБОР, ЖАК ФИЙОН

ЧЕТВЕРТЬФИНАЛ

Для поддержания гнетущей повседневной реальности в известном нам виде буржуазия использует две-три индустрии отвлечения, полезные для системы. Вестерны, скаутское движение и экзотические репортажи рекрутируют в одни и те же Экспедиционные корпуса.

Сверх этих обычных потребительских отвлечений обманщики первой величины производят со штампом индивидуальности работы мастера путаницу в умах для просвещённых элит. Лучшие из них, несомненно, принадлежат истории их «цивилизации», если они идеально отождествляются с тем моментом, который берется защищать.

Можно говорить о своеобразном межполицейском чемпионате.

После многих попыток Главный Труд Мальро, Мальро-Г'Express, преуспевший в сравнении Сен-Жюста с Магометом шесть раз на двадцати одной странице, должен был надёжно гарантировать ему титул мамлюка XX века.

Но Мальро спёкся. На этот раз выиграл Кокто¹.

От лица Леттристского интернационала:

Мишель Бернштейн, Даху, Дебор, Жиль Ж. Вольман

АРХИТЕКТУРА И ИГРА

В книге «Homo Ludens: Опыт определения игрового элемента культуры» Йохан Хёйзинга выдвигает идею, что «культура в её изначальных фазах имеет характер игры, осуществляется в формах игры и проникнута её настроением»¹. Скрытый идеализм автора и узкосоциологический подход к анализу высших игровых форм не умаляют, тем не менее, ценности того, что эта работа является первым вкладом в решение этого вопроса. В то же время глупо искать в нашей теории архитектуры или дрейфа иную движущую силу, нежели страсть к игре.

И пока спектакль, захвативший почти всё, происходящее в мире, продолжает вызывать у нас гнев и отвращение, мы всё больше привыкаем относиться с насмешкой ко всему вокруг. Но записать нас по этой причине в сатирики могут только очень наивные люди. Жизнь вокруг устроена так, что подчинена бессмысленным нуждам, но бессознательно стремится удовлетворить свои истинные потребности.

Эти потребности, их неполное воплощение и неполное осознание, повсеместно подтверждают наши гипотезы. Например, совсем не случайно то, что бар, находящийся на границе одной из наиболее значительных парижских областей единства обстановки (район между улицами Муфтар, Турнефор и Ломон), носит название «На краю света». События для нас случайны лишь до тех пор, пока мы не поняли общих законов, управляющих той или иной сферой. Необходимо стремиться выявить всё большее число определяющих ситуацию элементов, лежащих за рамками сугубо утилитарных мотивов, которые в будущем непременно утратят свою власть.

То, что нам под силу сделать с архитектурой, тесно связано с тем, чего мы хотели бы от собственной жизни. Интересные приключения могут происходить только на фоне интересных кварталов, и исключительно ими и порождаются. А представление об интересных кварталах скоро изменится.

Уже сейчас можно прочувствовать атмосферу некоторых особо унылых областей, в которые текущий строй загнал массы трудящихся – прекрасно поддающихся дрейфу, но решительно непригодных для жизни. Сам Ле Корбюзье в книге «Урбанизм – это ключ» признаёт, что если принять во внимание тот беспорядочный и жалкий индивидуализм, которому подчинена застройка в странах с передовой промышленностью, «...отсталость может стать следствием *излишеств* точно так же, как и *нищеты*». Это замечание может само собой обернуться против нео-средневекового пропагандиста «вертикальной общины».

Весьма разные люди, действуя, вероятно, схожим образом, наметили ряд нарочно сбивающих с толку подходов к архитектуре: от замков Людвига Баварского до того дома в Ганновере, который Курт Швиттерс², судя по всему, пронзил тоннелями и заполнил лесом колонн из соединённых вместе предметов³. Во всех этих строениях проявился дух барокко, который можно заметить в любых попытках объединённого искусства и который будет в полной мере определять их в дальнейшем. В этом плане показательна связь Людвига Баварского и Вагнера, который и сам, вероятно, добивался эстетического синтеза, правда, самым нудным и в конечном счёте самым тщетным способом.

Следует заявить прямо, что если те архитектурные решения, которые мы склонны считать ценными, и сближаются в чём-то с наивным искусством, мы ценим их совсем по другой причине, а именно – как материальное воплощение будущих, ещё не разработанных сил нового вида деятельности, почти недостижимого для разных «авангардов» по экономическим причинам. В том, как большинству форм наивной вы-

разительности нелепым образом подыскивают рыночную стоимость, невозможно не разглядеть проявлений глубоко реакционного мышления, сродни социальному патернализму. Мы убеждены как никогда, что человек, заслуживающий хоть каплю уважения, должен был найти, как на всё это ответить.

Хоть мы пока что и довольствуемся лишь использованием случайностей и возможностей урбанизма, но продолжаем видеть своей целью активное и насколько возможно широкое участие в их действительном создании.

Если преходящую, вольную среду игрового действия Хейзинга считает возможным как-то противопоставить «обыденной жизни», определяемой через чувство долга, то мы-то знаем, что эта среда и есть единственное поле (жульнически ограниченное претендующими на вечность табу), где только и возможна настоящая жизнь⁴. Предпочитаемые нами модели поведения уже начинают определять все условия, необходимые для их полноценного развития. Теперь главное сделать так, чтобы правила игры строились не на случайно возникших условностях, а на этическом основании.

Ги-Эрнест Дебор

ПОЧЕМУ ЛЕТТРИЗМ?

1.

Текущие послевоенные годы должны войти в историю Европы как период тотального краха стремлений к переменам, как в плане ощущений, так и в политическом плане.

В то время как поразительные технические изобретения расширяют возможности будущего созидания и увеличивают опасность, которую несут ещё не устранённые противоречия, в общественной борьбе наблюдается явный застой, а в интеллектуальной сфере – тотальная реакция против новаторского движения, достигшего расцвета примерно в 1930 году и сочетавшего самые широкие требования с осознанием истинных способов их реализации.

На практике эти революционные методы вызвали разочарование в период от прихода фашистов к власти до Второй мировой войны, так что крушение связанных с ними надежд было неизбежным.

После неполного освобождения в 1944 году повсюду в интеллектуальных и творческих кругах бушует реакция: абстрактная живопись, простой этап в развитии современного изобразительного искусства, занимающий в этом процессе весьма жалкое место, вдруг объявляется по всем рекламным каналам основой новой эстетики. Александрийскому стиху¹ прочат неперемнное возрождение в пролетарском искусстве, когда пролетариату он нужен в культуре не больше, чем квадриги и триремы в транспортном секторе. Литературные отходы, которые лет двадцать назад наделали много шума и которые никто не читал, обретают недолгую, но звучную славу: поэзия Превера и Шара, проза Жюльена Грака, театр

этого непроходимого олуха Пишетта и иже с ними². Кинематограф, всевозможные нелепые приёмы режиссуры которого уже затёрты до дыр, единодушно связывает своё будущее с этим плагиатором Де Сика³; видят что-то новое — вероятно, как в экзотике, — и в некоторых итальянских фильмах, в которых нищета определила манеру съёмки, хоть и отличную от голливудской, но всё ещё слишком далёкую от С. М. Эйзенштейна. К тому же мы знаем, какому нелёгкому труду по перестройке феноменологии посвящают себя профессора⁴, которые, кстати, в подвалах не танцуют⁵.

И только одна группа всегда относилась с презрением к этому затхлому, но прибыльному базару, где на каждого начётчика найдутся ученики, на всякий регресс — свои поклонники, на всякий *ремейк* — свои фанаты, и держалась в абсолютной оппозиции к нему во имя исторически неизбежного преодоления всех этих старых ценностей. Своеобразный оптимизм изобретательства занял место отрицания и следующего за этим отрицанием утверждения. За этой группой стоит признать ту спасительную роль, которую в иную эпоху принял на себя Дада, при всей несхожести их задач. Возможно, нам скажут, что воскрешать дадаизм — не слишком умная затея. Но речь и не идёт о том, чтобы заново создавать дадаизм. То, что революционная политика серьёзно откатилась назад, с чем связан и оглушительный провал навязанной теми же ретроградными веяниями пролетарской эстетики, привело к интеллектуальному хаосу во всех областях, за которые тридцать лет назад шли такие ожесточённые бои. В сфере духа по-прежнему властвует мелкая буржуазия. Её монополия после нескольких громких кризисов расширилась ещё сильнее: всё, что печатается сегодня в мире — будь это капиталистическая литература, соцреализм, формалистский псевдоавангард, эксплуатирующий давно ставшие всеобщим достоянием формы, или лживые теософские агонии ещё недавно бывших освободительными движений — насквозь проникнуто мелкобуржуазным духом. Давно пора было покон-

чить с ним под давлением реалий эпохи. И для этой цели все средства хороши.

Неслыханные провокации, которые устроила или всего лишь готовила группа леттристов (поэзия, редуцированная до букв, метаграфические тексты⁶, кино без изображений), вскрывали смертельное вырождение искусств.

Так что мы без колебаний присоединились к ней.

2.

К 1950-м годам группа леттристов, проявляя достойную уважения нетерпимость к внешнему миру, в среде своих членов допустила достаточно серьёзный разброд идей.

Сама звуковая поэзия, родившаяся в футуризме и доведённая позже Куртом Швиттерсом и другими до определённого совершенства, имеет значение лишь с точки зрения абсолютной систематизации, которую она представляла в качестве единственной на настоящий момент поэзии, тем самым обрекая все прочие формы на смерть, да и себя — на короткую жизнь. Но вместе с тем осознанию роли, которую нам было отведено сыграть, многие предпочли наивную веру в концепцию гения и личную славу.

Таким образом, большинство членов группировки стало считать, что в создании новых форм есть некая величайшая ценность, превосходящая даже все прочие виды человеческой деятельности. Такая вера в формальное развитие, не имеющее ни причин, ни целей за пределами самого себя, и есть основа буржуазно-идеалистической позиции в искусстве. (Их идиотская вера в непреложные концептуальные категории, скорее всего, приведёт кого-нибудь из недавно исключённых членов к американизированному мистицизму.) Особенность экспериментов прежних лет заключалась в стремлении строго придерживаться заданных условий, и следствием, какое глупцы вроде Мальро не могут или не смеют вывести из, по сути, очень схожих посылок, ста-

ло полное разрушение этого формалистского начинания, когда оно достигло высшей точки; ускоренная, стремительная эволюция, обернувшаяся в конечном счёте ничем, поскольку происходила в полном отрыве от всех человеческих потребностей.

Целесообразность разрушения формализма изнутри неоспорима: нет никакого сомнения в том, что в какой бы взаимосвязи с остальным движением общества не находились интеллектуальные дисциплины, они, как и любые иные техники, подвержены относительно независимым переменам и открытиям, неизбежным в силу их собственных внутренних мотивов. Оценивать всё на основании его содержания, как нас это побуждает, значит вернуться к оценке действий по их намерениям. Совершенно ясно, что для того чтобы объяснить, почему разные периоды эстетики были основополагающими или обладали длительным очарованием, нужно углубиться в анализ их содержания (и по мере того как под давлением новых обстоятельств иное содержание начинает находить отклик в нас, происходит переназначение «великих эпох»), но также ясно и то, что возможности творчества в современный ему момент будут зависеть не от одного лишь содержания. Этот процесс можно сравнить с модой. Если смотреть с дистанции в полвека и больше, то все костюмы принадлежат к одинаково устаревшим стилям, хотя их внешний вид может восприниматься сегодня по-разному. Но при этом абсолютно все чувствуют нелепость женского костюма десятилетней давности.

Так, столь долго скрываемое книжными выдумками о XVII веке «прециозное» направление⁷, хоть созданные им формы выразительности и кажутся нам предельно чуждыми, вот-вот будет признано главным течением в мысли «Великого века»⁸, потому что ощущаемая нами сегодня потребность созидательной перестройки всех сфер жизни обнаруживает огромный вклад Прециозности в изменение окружающей обстановки и моделей поведения (разговор и прогулка как осо-

бые занятия; в архитектуре – дифференциация жилых помещений, изменение принципов убранства и мебелировки). Напротив, когда Роже Вайян пишет роман «Бомаск»⁹ стэндалевским тоном, несмотря на довольно сносное содержание он оставляет за книгой лишь одну возможность нравиться – в качестве добротной стилизации. Можно сказать, что, разумеется, вопреки собственному желанию он обращается главным образом к интеллектуалам со старомодными вкусами. И большая часть критики – это нелепые нападки на содержание, называемое неправдоподобным, одновременно с похвалой мастерству прозаика.

Вернёмся к историческому анекдоту.

3.

Из этого основополагающего противостояния, являющегося в конечном счёте столкновением довольно нового способа управления собственной жизнью и древней привычки к отчуждению жизни, и следуют всевозможные противоречия, временно сглаженные во имя основной деятельности скорее развлекательного толка, которую, несмотря на всю её неловкость и недостаточность, мы сегодня склонны оценивать положительно.

Также из-за той иронии, с которой некоторые превозносили собственную ошеломительную уникальность – а некоторые и вполне серьёзно – вышли многие недоразумения: относясь с совершенным безразличием к увековечиванию нашего реноме в литературе или любой иной области, мы с гонором, достойным актёришек из претендующих на вечность кинолент, писали, что нашим произведениям – которые, можно сказать, и не существовали вовсе – уготовано место в истории. Все мы при любом удобном случае заявляли, что мы великолепны. Низкий уровень аргументации, которую мы слышали в кино клубах и других местах, просто не оставлял возможности отвечать всерьёз. Впрочем, это лишь усиливало

наше обаяние. Кризис леттризма, который предвещало плохо скрытое противодействие экспериментам в кинематографе со стороны разных отсталых элементов, осуждавших «неумелую» жестокость этих экспериментов, хотя подобное суждение в первую очередь дискредитировало их самих, — этот кризис разразился в 1952 году, когда Леттристский интернационал, образующий радикальное крыло движения, находящееся в тени одноимённого бюллетеня, разбросал во время пресс-конференции Чаплина оскорбительные листовки¹⁰. Эстетствующие леттристы, коих с недавнего времени меньшинство, после произошедшего отмежевались от нас лишь из-за того, что им казался неоспоримым творческий вклад Чаплина в киноискусство — чем породили раскол, который их наивные извинения в дальнейшем не могли ни остановить, ни нивелировать. Остальные «революционно» настроенные осудили нас на тот момент ещё больше, потому что произведения и личность Чаплина, по их мнению, должны были остаться в списке прогрессивных явлений. Впоследствии многие расстались с этой иллюзией.

Изобличать устаревание доктрин и людей, связавших с ними своё имя, это самая необходимая и простая работа для всякого, кто не утратил интереса к решению занимательнейших вопросов, которые ставит перед нами современность. Что до самозванства нового потерянного поколения, заявившего о себе в период между последней войной и сегодняшним днём, то оно само по себе было обречено сдуться. И всё же, учитывая, что все эти фальсификации происходили на фоне полного отсутствия критической мысли, можно признать, что леттризм внёс свою лепту в их скорейшее исчезновение; и в том, что какой-нибудь Ионеско¹¹, воспроизводящий спустя тридцать лет, причём в двадцать раз глупее, некоторые из сценических крайностей Тцара¹², не получает сегодня и четверти того внимания, которое привлекала несколько лет назад эта растиражированная мумия Антонен Арто¹³, есть и заслуга леттристов.

4.

Обозначающие нас в эту эпоху слова накладывают на нас досадные ограничения. И правда, термин «леттристы» не слишком подходит тем, кто не возлагает никаких особых надежд на этот тип шумовых эффектов и практически не пользуются им, не считая пары звуковых дорожек к фильмам. А слово «французский» — приписывает нам исключительную связь лишь с этой нацией и её колониями. Наш атеизм называют «христианским», «еврейским» или «мусульманским» с обезоруживающей лёгкостью. И наконец, не секрет, что все мы получили «буржуазное» образование разной степени изысканности, и если даже не в плане идей, то точно — в плане словарного запаса.

Так, многие из этих терминов сохранились несмотря на развитие наших исследований и деградацию (с последующим изгнанием) множества наших попутчиков: Леттристский интернационал, метаграфии и прочие неологизмы, которые, как мы заметили, моментально приводят в бешенство совершенно разных людей. И главное, что нас объединяет, — это согласие в том, что таких людей нужно держать на расстоянии.

Нам могут возразить, что подобное самовольное распространение путаницы среди интеллектуальной элиты с нашей стороны является неумным и невежливым — среди той самой элиты, отдельные представители которой часто приходят к нам с вопросом, «чего же конкретно мы всё-таки добиваемся», задаваемым в таком заинтересованно-покровительственным тоне, что этого индивида тут же выставляют за дверь. Но будучи уверенными, что ни один профессиональный литературовед или журналист в ближайшие годы не займётся *всерьёз* тем, что мы делаем, мы знаем, что от подобной путаницы ничего не теряем. И к тому же нам она просто нравится.

Впрочем, учитывая, как скромны умственные способности и как невелик тот уровень культуры, которыми располагает сегодняшняя «интеллектуальная элита» Европы, проблема упомянутой выше путаницы уже не актуальна. Некоторые из тех, кто был в наших рядах ещё несколько лет назад, по-прежнему желающие привлечь к себе внимание или попросту жить писательским трудом, стали слишком глупы, чтобы водить за нос своё окружение. Они уныло повторяют одни и те же ходы, которые изнашиваются ещё быстрее, чем прежде. Они не понимают, как быстро устаревают методы обновления. Ради того чтобы появиться в «новых новых французских журналах»¹⁴, они готовы отречься от всего; эти шуты бесплатно приносят плоды своих потуг, потому как их писанина не стоит вообще ничего, и плачутся, что при разделе этого уже протухшего пирога их обделили *местом*, хотя бы как у Этьембля¹⁵, почтением, которое снискал даже Кайуа¹⁶, жалованием, как у Арона¹⁷.

Есть повод полагать, что их честолюбивые попытки завершатся идеей какой-нибудь иудео-пластической религии. И в итоге они станут, при хорошем раскладе, новыми Божественными Отцами¹⁸ или Мормонами¹⁹ эстетического творения²⁰.

Не будем останавливаться на тех, кто в своё время нас изрядно развлёк. Когда человек с головой уходит в какое-то развлечение — это явный показатель его посредственности: хоть бейсбол, хоть автоматическое письмо, зачем? Идея успеха, если она не ограничена рамками самых примитивных желаний, неотделима от глобальных перемен в масштабах всей Земли. А то, что остаётся после дозволенных побед, всегда очень похоже на полнейшее поражение. Мы и по сей день ценим в нашем действии в первую очередь то, что мы смогли избавиться от многих привычек и знакомств. Напрасно говорят, что редки те люди, которые устраивают свою жизнь — ту

маленькую часть жизни, в которой у них ещё осталась хоть какая-то свобода выбора, в соответствии с собственными чувствами и суждениями. В каком-то смысле фанатиком быть хорошо. Один оккультно-востоковедческий журнал писал о нас в начале этого года, что мы — это «...самые затуманенные умы, теоретики, обескровленные вирусом “преодоления”, которое, правда, совершается у них исключительно на словах». Обеспокоенность этих убожеств указывает на то, что оно совершается всё-таки не только на словах. Конечно, нас не схватят при попытке взорвать мост на остров Луи²¹ с целью подчеркнуть островной характер этого квартала, и не застукают на берегу напротив за совершенствованием кладки набережной Бернар. Потому что при тех малых средствах, которыми мы располагаем на данный момент, мы занимаемся лишь тем, что действительно не терпит отлагательств. Таким образом, запрещая различным свиньям сближаться с нами, делая так, чтобы все их попытки внесения путаницы в виде «общего действия» с нами заканчивались очень плохо, не допуская ни малейших поблажек, мы тем самым и доказываем упомянутым выше лицам безусловное существование того вируса. Но если мы и больны, то критики наши — мертвы.

Раз уж об этом зашла речь, лучше сразу оговорить ту позицию, которую отдельные наименее омерзительные личности часто ставят нам в упрёк: исключение довольно большого числа участников Леттрристского интернационала и то, что подобные санкции приняли вполне регулярный характер.

В действительности наше положение обязывает нас занять определённую позицию в отношении почти всех аспектов существования, которые того требуют, и потому мы выше всего ценим согласие с теми немногими людьми, кто полностью поддерживает наши позиции, как и конкретные направления исследований. Все прочие проявления дружбы, светского общения и даже простых законов вежливости нам безразличны или отвратительны. Если такой приверженности нет, то не остаётся никакой возможности избежать

полного разрыва отношений. Лучше отказаться от друзей, чем от взглядов.

В конечном счёте такое решение соответствует их способу существования. Те сомнительные связи, в которые оказалось вовлечено или к которым вернулось большинство исключённых, те бесчестные (а иногда и предельно бесчестные) обязательства, под которыми оно подписалось, демонстрируют глубину того противоречия между нашими позициями, которое мы разом решили; а возможно, и то, как драгоценно единство наших позиций.

Мы вовсе не отрицаем, что превращаем личные конфликты во вражду, и даже, напротив, заявляем, что представления о человеческих отношениях, которые мы разделяем, обязывают нас так реагировать на личные конфликты, порождённые идейными расхождениями, но при этом непримиримые. Те, кто сдаётся, сами выносят себе приговор: нам не на что сердиться и не за что извиняться.

Леттризм насчитывает уже немало ушедших. Но несравнимо большее количество живых существ живут и умирают по всему миру, даже не столкнувшись с возможностью понять его и применить. В этом смысле каждый полностью ответствен за те таланты, которыми мог бы обладать. Так должны ли мы из сентиментальных соображений примиряться с теми, кто столь малодушно захотел на покой?

6.

На основании всего вышесказанного следует уяснить, что наше дело — это не литературная школа, не обновление выразительности, не модернизм. Это способ жизни, которому предстоит ещё много исследований и промежуточных выводов, но и сам он существует скорее только как промежуточный этап. Суть нашей задачи предписывает нам действовать коллективно, проявляя себя лишь изредка: мы ждём прихода многих людей и событий. Но наша сила также и в том, что мы

ничего не ждём от массы уже знакомых действий, личностей, учреждений.

Нам нужно многому научиться, в том числе экспериментируя, по мере возможного, и в сфере архитектурных форм, и в сфере норм поведения. Но меньше всего мы стремимся наспех состряпать какое-нибудь учение: мы и близко не объяснили себе всего того, что необходимо, чтобы составить стройную систему на основе тех нововведений, которые кажутся нам достойными страсти.

Часто слышишь, как говорят — всё когда-то начиналось. А ещё говорят, что человечество ставит перед собой только разрешимые задачи.

Ги-Эрнест Дебор, Жиль Ж. Вольман

ВВЕДЕНИЕ В КРИТИКУ ГОРОДСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Среди всего, чем нам волей или неволей приходится заниматься, отрывочные поиски нового образа жизни остаются единственным увлекательным занятием. Очевидно, при этом совершенно не вызывают интереса те эстетические и прочие дисциплины, чью неспособность служить этим целям так легко обнаружить. Значит необходимо наметить несколько новых областей для предварительных наблюдений. Одна из них – это наблюдение за рядом случайных и предсказуемых процессов на улицах города.

Само слово *психогеография*, предложенное неграмотным кабиллом¹, чтобы назвать совокупность явлений, интересовавших некоторых из нас на протяжении лета 1953 года, оказалось не таким уж и плохим. Оно не выходит за пределы материалистического подхода к обуславливающим жизнь факторам и объективного по своей сути мышления. География, например, изучает влияние глобальных природных факторов, таких как состав почвы или климат, на экономическую формацию конкретного общества, а значит и на представления о мире, которые оно может выработать. *Психогеография* ставит себе целью изучение точных законов и конкретных воздействий географической среды, вне зависимости от того, были ли они организованы сознательно или нет, непосредственно влияющих на эмоции и поведение индивидуумов. Прилагательное *психогеографический*, несущее в себе некую приятную неоднозначность, может, таким образом, быть использовано для описания полученных в ходе подобных исследований данных, а также последствий упомянутых выше

воздействий на человеческие чувства, и даже в более широком смысле — для любой ситуации и любого поведения, в которых проявляется такой же дух открытия.

Пустыня монотеистична, это можно было сказать уже давно. Будет ли тогда нелогичным, или попросту безынтересным, заявление, что район Парижа между площадью Контрэскарп и улицей Арбалет тяготеет скорее к атеизму, к забвению и к состоянию, когда привычные реакции путаются между собой?²

Утилитарность надлежит рассматривать в исторической перспективе. В основу плана по благоустройству города, принятого во Вторую империю³, легла потребность всюду иметь пустые участки: для быстрого перемещения войск и чтобы можно было стрелять из артиллерии по восставшим. Но со всех других точек зрения, кроме полицейской, Париж Османа — это город, построенный идиотом, буйный и шумный, безо всякого смысла. Главная проблема, стоящая сегодня перед урбанизмом, — это правильная организация движения стремительно растущего числа автомобилей. И почему бы не представить, что будущий урбанизм возьмёт курс на такое строительство, которое, оставаясь утилитарным, будет максимально учитывать возможности психогеографии.

В то же время нынешнее изобилие личного автотранспорта — не что иное, как результат, причём поистине удивительный, перманентной пропаганды капиталистического производства, убеждающей толпы в том, что обладание автомобилем — это именно привилегия в нашем обществе, специально для избранных его членов. (Прогресс здесь беспорядочно отрицает сам себя, зато можно насладиться спектаклем, как префект полиции голосом из анонса фильмов призывает парижан-автомобилистов пользоваться общественным транспортом.)

Раз уж мы встречаем здесь идею избранности, пусть и по столь незначительному поводу, и знаем, с каким слепым рвением огромное количество людей — вовсе и не привиле-

гированных в реальности — бросаются на защиту своего скудного превосходства, приходится признать, что всё это происходит под влиянием идеи благополучия, принятой буржуазной средой и поддерживаемой индустрией рекламы, которая с равным успехом охватывает и эстетику Мальро, и слоганы «Кока-Колы», и потому главная наша цель — всеми средствами создавать кризис этой идеи.

Первое из таких средств — это, несомненно, систематическое провоцирующее распространение огромного количества способов превратить жизнь в сплошную увлекательную игру и постоянное обесценивание уже существующих развлечений в той мере, в которой они являются непригодными для создания более интересных обстановок. Понятно, что в таком деле главная сложность — придать этим очевидно безумным предложениям достаточное количество *настоящего соблазна*. В достижении этой цели нам может помочь умелое использование средств коммуникации, популярных в наши дни. В то же время демонстративный отказ от их использования, как и манифестации с целью открыть глаза потребителям этих средств коммуникации, несомненно, без особых трудозатрат поддерживают атмосферу замешательства, крайне благоприятную для внедрения некоторых новых определений удовольствия.

Из идеи о том, что для создания изысканной эмоциональной ситуации необходимы лишь точное знание и неукоснительное соблюдение ряда конкретных механизмов, родилась не лишённая юмора «Психогеографическая игра недели», опубликованная в № 1 бюллетеня “Potlatch”⁴:

«Соответственно вашим предпочтениям, выберите страну, город с большей или меньшей плотностью населения, улицу, более или менее оживлённую. Постройте там дом. Обставьте его мебелью. Приведите в лучший вид убранство дома и его окрестности. Выберите время года и нужный час. Соберите самых достойных людей, прибавьте подходящие пластинки и алкоголь. Свет и разговоры, разумеется, должны

соответствовать обстоятельствам, как и погода за окном и ваши воспоминания.

Если вы не допустили ошибок в расчётах, результат должен вас удовлетворить».

Нам нужно стараться наводнить рынок, пусть даже пока только интеллектуальный рынок, обилием желаний, превосходящих богатством не текущие способы воздействия человека на материальный мир, но старый общественный строй. Таким образом, нелишним с политической точки зрения будет публично противопоставлять эти желания тем первичным желаниям, которые — что и неудивительно — постоянно пережёвывает киноиндустрия и психологические романы, вроде тех, что пишет эта старая развалина Мориак. («В обществе, основанном на *нищете*, самые *нищенские* продукты имеют роковое преимущество служить для потребления самых широких масс», — объяснял Маркс бедняге Прудону⁵.)

Революционное преобразование мира во всех его аспектах докажет правоту представлений об изобилии.

Внезапная смена уличной атмосферы, с точностью до нескольких метров; очевидное деление города на чётко очерченные психоклиматические зоны; путь, на который выносит всякого праздно гуляющего, без какой-либо связи с неровностями ландшафта; притягивающее или отталкивающее влияние отдельных мест — всё это, похоже, остаётся сейчас без внимания. По крайней мере не воспринимается как нечто, чьи причины можно выявить посредством детального анализа и что можно использовать. Люди прекрасно знают, что есть тоскливые районы, а есть — приятные. Но, как правило, они убеждают себя, будто роскошные улицы вызывают чувство удовлетворения, а бедные — угнетают, и больше почти никаких нюансов не существует. На самом же деле многообразие возможных комбинаций обстановок, сравнимое с тем, как чистые химические элементы растворяются в бесконечном множестве смесей, способно вызывать настолько же разнообразные и сложные чувства,

как и любая другая форма спектакля. И стоит появиться хоть одному разоблачительному исследованию, как станет ясно, что все количественные и качественные различия во влиянии любых элементов городской среды невозможно вывести из их эпохи или архитектурного стиля и уж тем более из жилищных условий.

Исследования местоположения элементов городской среды в тесной связи с вызываемыми ими ощущениями, к которым мы призываем, невозможны без выдвижения смелых гипотез, которые следует постоянно уточнять в свете проводимых экспериментов средствами критики и самокритики.

Отдельные полотна Кирико⁶, несомненно, порождённые впечатлениями архитектурной природы, могут оказать и обратное воздействие на своё объективное основание, даже преобразовать его: они тяготеют к тому, чтобы теперь самим стать эскизами. Тревожные кварталы арок могут однажды продолжить и воплотить это завораживающее творение.

И кроме тех двух портов на закате кисти Клода Лоррена⁷, находящихся в Лувре и изображающих саму границу двух предельно непохожих друг на друга городских обстановок, я не знаю, что ещё может соперничать с красотой повсюду развешенной схемы парижского метро. Разумеется, говоря здесь о красоте, я имел в виду не пластическую красоту — новая красота может быть лишь красотой ситуаций, — а только особенно волнующее, в том или ином случае, выражение *сумы возможностей*.

Среди различных способов действия наименее сложным и уже готовым к применению представляется обновлённая картография.

Создание психогеографических карт и даже разных хитростей вроде знака равенства, хоть чуть-чуть обоснованно или полностью произвольно поставленного между двумя топографическими снимками, может помочь высветить варианты передвижения, быть может, и ничем не мотивированного, но зато совершенно *непокорного* привычным устрем-

лениям. А устремления эти классифицируются как туризм, популярная зараза, такая же мерзкая, как занятия спортом или покупки в кредит.

Один друг сообщил мне недавно, что обошёл район Гарц в Германии, слепо следуя при этом карте Лондона. Такая игра — это, разумеется, лишь весьма посредственная проба пера по сравнению с полноценным созданием архитектуры и урбанизма, которое однажды станет делом рук каждого. Но пока день не настал, можно выделить много отдельных, более простых шагов для работы в этом направлении, начиная с банального переноса тех элементов городской среды, которые мы привыкли видеть в специально приспособленных под них местах.

Так, в предыдущем номере этого журнала Марьен предлагал, когда мировые ресурсы перестанут растрачиваться на навязанных нам бессмысленных производствах, собрать в кучу все конные статуи со всех городов мира и расставить их на одной пустынной равнине. Вот будет зрелище для случайных прохожих — а им принадлежит будущее, — конница идёт в фиктивную атаку; можно даже посвятить его памяти самых кровавых убийц в истории: от Тамерлана до Риджуэя⁸. Здесь видно, как вновь проступает одно из главных требований этого поколения: образовательная ценность.

На самом деле не нужно ждать ничего, за исключением осознания деятельными массами, в какие жизненные условия их поставили во всех возможных отношениях и какими практическими средствами это можно изменить.

«Воображение — это то, что имеет склонность становиться реальностью»⁹, — написал бы поэт, чьё имя, по причине его беспутного поведения в области духа, я уже забыл. Это утверждение невольно содержит основу для отграничения, а потому может служить пробным камнем, чтобы покончить с отдельными пародиями на революцию в литературе: то, что имеет склонность оставаться нереальным, — это болтовня.

Жизнь, за которую мы в ответе, сталкивается не только с огромным количеством поводов для уныния, но и с бесконечным отвлечением внимания и с разной степени пошлости компенсациями. Не проходит и года, чтобы кто-то из тех, кого мы любим, не опустился, по причине своей неспособности ясно осознать сегодняшние возможности, до весьма заметной капитуляции. Но они не усиливают стан врага, насчитывающий уже миллионы слабоумных, — да и находясь в нём ты объективно обречён на слабоумие.

Главным нравственным пороком остаются побрякки в любых их формах.

Ги-Эрнест Дебор

МЕТОДИКА DÉTOURNEMENT

Всякий разумный человек в наше время знает очевидный факт, что искусство не может быть более названо ни высшей деятельностью, ни даже компенсирующей деятельностью, которой можно было бы посвятить себя с честью. Причиной этой деградации совершенно точно является развитие производительных сил, которое требует иных производственных отношений и новой жизненной практики. На этапе гражданской войны, в которую мы вовлечены, и в тесной взаимосвязи с направлением, которое мы разрабатываем для появления новых типов высшей деятельности, мы полагаем, что все известные средства самовыражения соединятся в единый стиль пропаганды, охватывающий все стороны социальной реальности в их непрерывном взаимодействии.

Существует несколько противоречащих друг другу мнений относительно форм и самой сущности просветительской пропаганды; мнений, в большинстве своём вдохновлённых одной из форм модной ныне политики реформизма. Достаточно сказать, что с нашей точки зрения предпосылки революции, как на культурном, так и на чисто политическом уровне, не просто созрели, но уже начали подгнивать. Речь идёт не только о возвращении в прошлое, которое является реакционным; даже «современные» культурные цели являются крайне реакционными, поскольку они зависят от идеологических формулировок старого общества, чья агония длится по сей день. Экстремальное новшество является единственной исторически оправданной тактикой.

Литературное и художественное наследие человечества должно быть использовано в партизанских пропагандистских целях. И речь идёт не о банальном провоцировании скандала. Поскольку отрицание буржуазной концепции гения и искусства уже порядком устарело, Мона Лиза с пририсованными усами¹ является не более интересной, чем оригинальная версия картины. Нам необходимо довести этот процесс до точки отрицания отрицания. Бертольд Брехт, рассказывающий в недавнем интервью еженедельнику “France-Observateur”, что он сделал купюры в ряде классических театральных постановок, чтобы усилить их воспитательный эффект, гораздо ближе, чем Дюшан, к тем революционным результатам, к которым мы призываем. Однако следует заметить, что в случае с Брехтом эти полезные изменения сильно ограничены его неуместным уважением к культуре, которое требует правящий класс, тем самым уважением, которому учат и газеты рабочих партий, и начальные школы буржуазии, и которое приводит к тому, что даже самые красные муниципалитеты рабочих пригородов Парижа предпочитают видеть на гастролях Народного национального театра пьесу «Сид», а не «Мамашу Кураж»².

Необходимо полностью уничтожить любые представления о частной собственности в этой области. Появление новых потребностей отменяет любую значимость ранее «великих» работ. Они становятся препятствиями, опасными привычками. Вопрос не в том — нравятся они нам или нет. Мы должны их преодолеть.

Любые элементы, независимо от того, что является их источником, могут быть использованы для создания новых комбинаций. Открытия современной поэзии в области аналогичной структуры образов показывают, что при совмещении двух объектов, неважно, насколько сильно отстранённых от оригинального контекста, между ними обязательно формируется новая связь. Ограничиваться рамками самостоятельного расположения слов по порядку — не более чем условность. Слия-

ние двух чувственных миров или объединение двух независимых выражений вытесняет оригинальные элементы и производит синтетическую организацию большей эффективности. Использовать можно всё что угодно.

Очевидно, что творец не ограничен лишь исправлением работы или сборкой разнообразных фрагментов устаревших работ в новое произведение; позволено также изменять значение этих фрагментов любым способом, оставляя идиотам рабское корпение над «цитированием».

Подобные методы часто использовались для достижения комического эффекта. Но такой юмор – результат противоречия, чьё существование заранее полагается неизменным. Поскольку мир литературы от нас также далёк, как и пещерный палеолит, подобные противоречия не кажутся нам смешными. Потому необходимо представить такой пародийно-серьёзный уровень, где накопление реверсированных элементов (далёкое от целей вызвать возмущение или смех ссылкой на оригинальные работы) выразит наше безразличие к бессмысленному и позабытому оригиналу и позволит выйти на более высокий уровень.

Лотреамон продвинулся настолько далеко в этом направлении, что он по сей день оказывается частично не понят даже самыми преданными поклонниками. Несмотря на очевидное применение такого метода к языку теории в «Поэзиях», где Лотреамон, основываясь на максимах Паскаля и Вовенарга, стремится свести умозаключения путём непрерывной концентрации к единой максиме; некто Виру³ вызвал значительное удивление три или четыре года назад, окончательно доказав, что «Песни Мальдорора» являются одним большим *détournement*, основанным главным образом на работах Бюффона⁴ и других исследованиях по природоведению. Тот факт, что авторы газеты “Le Figaro”, как и сам Виру, смогли увидеть в этом возможность принизить Лотреамона, и то, что другим казалось, что они должны защищать Лотреамона, восхваляя его дерзость, лишь свидетельствует о старческой

немощи этих двух лагерей маразматиков, находящихся между собой в придворной борьбе. Такой лозунг, как «плагиат необходим, прогресс требует плагиата»⁵, до сих пор не понят многими, как и известная фраза о том, что поэзия «должна твориться всеми»⁶.

Помимо творчества Лотреамона, чьё столь преждевременное появление позволило ему избежать по большей части заслуженной критики, тенденции *détournement*, которые можно распознать в современных выражениях, являются в основном бессознательными или случайными; лучшие образцы могут быть найдены скорее в рекламной индустрии, нежели в загнивающем искусстве.

Для начала мы можем выделить две основные категории реверсированных элементов, вне зависимости от того, сопровождалось ли соединение элементов внесением изменений в оригинал или нет. Это незначительный *détournement* и обманчивый *détournement*.

Незначительный *détournement* – это *détournement* элемента, который сам по себе не представляет ценности, и который потому черпает свои смыслы из нового контекста, в который он помещён. Например, вырезки из газет, банальная фраза или посредственная фотография.

Обманчивый *détournement*, также известный как *détournement* предыдущего предложения, наоборот, имеет в своём основании некоторый действительно значимый элемент, который меняет свой смысл под влиянием контекста. Например, лозунг Сент-Жюста или эпизод фильма Эйзенштейна.

Объёмные работы, созданные по такой методике, будут состоять по большей части из одной или более последовательностей незначительных и обманчивых *détournement*.

Теперь можно сформулировать несколько принципов использования *détournement*.

Элементом, реверсированным наиболее сильно, является тот, который наиболее ярко способствует общему впечатлению, а не те элементы, которые непосредственно опреде-

ляют природу этого впечатления. Например, в метаграфии, посвящённой Гражданской войне в Испании, фразой с наиболее глубоким революционным смыслом является фрагмент рекламы губной помады: «Красивые губы – красные». В другой метаграфии («Смерть J. Н.») 125 рекламных объявлений о продаже бара выражают самоубийство лучше, чем посвящённая ему газетная статья.

Искажения, вносимые в реверсированный элемент, должны быть максимально упрощены, поскольку основное действие *détournement* связано с сознательным или полубессознательным воспоминанием оригинальных контекстов этих элементов. Это общеизвестный факт. Отметим лишь, что эта зависимость от памяти предполагает необходимость выявления целевой аудитории до совершения *détournement*; это лишь частный случай общего закона, который регулирует не только *détournement*, но и всякое иное действие в мире. Идея о подлинной, незамутнённой экспрессии мертва; она лишь временно существует в виде пародии, пока наши остальные враги также ещё живы.

Чем ближе *détournement* по своей форме приближается к рациональному высказыванию, тем менее он эффективен. Это справедливо по отношению ко многим максимам, реверсированным Лотреамоном. Чем более очевиден рациональный характер высказывания, тем более оно становится схожим с обычной остроумной колкостью, использующей слова оппонента против него самого. Естественно, это не ограничивается рамками устной речи. Именно поэтому мы возражали против проекта наших товарищей, предлагавших реверсировать антисоветский плакат фашистской организации «Мир и свобода»⁷, на котором поверх флагов западных держав был написан лозунг «С единством придёт сила», добавив снизу надпись «с коалициями придёт война».

Détournement путём простого переворачивания «с ног на голову» является всегда самым очевидным и наименее эффективным. Например, Чёрная месса противопоставляет со-

зданию обстановки, основанной на христианской метафизике, создание обстановки по той же системе, на основе реверсированных (и, таким образом, сохранённых) ценностей этой метафизики. Такие перевёртыши, однако, могут быть не лишены прогрессивного смысла. Например, Клемансо (по прозвищу Тигр)⁸ может стать «Тигром по прозвищу Клемансо».

Из изложенных выше четырёх законов самым важным является первый, чьё применение универсально. Остальные три практически применимы только к обманчивым *détournement*.

Первыми видимыми последствиями повсеместного использования *détournement*, помимо возросшей силы революционной пропаганды, станут: возрождение многих плохих книг, что станет возможным благодаря участию множества безымянных авторов; всё более обширные трансформации фраз и пластиковых фигур, которые бывают в моде; и прежде всего простота производства, намного превосходящая по количеству, разнообразию и качеству автоматическое письмо, которое так давно нам наскучило.

Détournement ведёт не только к открытию новых граней таланта, но и к лобовому столкновению со всеми правовыми и социальными условностями; оно не может не оказаться мощным культурным оружием на службе реальной классовой борьбы. Дешевизна производства делает *détournement* тяжёлой артиллерией, которая пробивает Китайскую стену разума. Оно является реальным средством пролетарского эстетического воспитания, первым шагом к литературному коммунизму.

Идеи и творения в области *détournement* могут свободно множиться. На данный момент мы ограничимся демонстрацией некоторых непосредственных возможностей в разных сферах коммуникации — при осознании, что все эти отдельные сферы имеют значение только в связи с сегодняшними технологиями, и они стремятся слиться в высшем синтезе по мере развития этих технологий.

Помимо различных возможностей непосредственного использования реверсированных фраз на плакатах, музыкальных альбомах или в радиопередачах, две основные области применения реверсированной прозы – метаграфии и, в меньшей степени, ловкие извращения классической формы романа.

У *détournement* целых романов практически нет будущего, но во время переходного периода могут быть предприняты отдельные попытки такого рода. Подобные *détournement* станут лучше, если их будут сопровождать иллюстрации, чья связь с текстом не будет очевидна с первого взгляда. Несмотря на связанные с этим неоспоримые трудности, на наш взгляд, будет возможно сделать поучительный психогеографический *détournement* на основе романа Жорж Санд «Консуэло», который, украшенный подобным образом, мог бы возродиться на литературном рынке под каким-нибудь безобидным названием вроде «Жизнь в пригороде», или даже под реверсированным названием «Потерянный патруль». (Было бы целесообразно повторно использовать таким образом названия старых фильмов, чьи плёнки рассыпались в пыль под действием времени, или тех фильмов, что отупляют молодёжь в кино клубах.)

Метаграфическое письмо, вне зависимости от того, сколь устаревшей может быть его пластичная форма, представляет наиболее богатые возможности для реверсирования прозы, как и для других подходящих объектов или изображений. Составить мнение на этот счёт можно на основе проекта, задуманного в 1951 году, но впоследствии заброшенного по причине нехватки финансовых средств для реализации, который представлял собой машину для пинбола, сделанную таким образом, что игра света и более-менее предсказуемые траектории движения шара создавали метаграфически-пространственную композицию, называвшуюся «Тепловые ощущения и желания людей, проходящих мимо ворот музея Клуни примерно через час после захода солнца

в ноябре». С тех пор, конечно, мы уже поняли, что ситуационистско-аналитическое исследование не может развиваться научно за счёт подобных проектов. Финансы, однако, всё ещё годятся для менее амбициозных целей.

Очевидно, что в области кинематографии *détournement* может достичь наибольшего эффекта, и, таким образом, наибольшей красоты.

Силы киноязыка настолько обширны, и отсутствие координации этих сил настолько очевидно, что практически любой фильм, превышающий по качеству ничтожную среднюю отметку, может предоставить предмет для бесконечной полемики среди зрителей или профессиональных критиков. Лишь конформизм подобной публики мешает ей обнаружить столь же значимые достоинства и столь же вопиющие недостатки в самых худших фильмах. Чтобы развеять эту потешную путаницу ценностей, мы можем рассмотреть кинокартину Дэвида Гриффита «Рождение нации»⁹ как один из наиболее важных фильмов в истории кинематографа из-за использования в нём множества новаторских решений. С другой стороны, это расистский фильм, а потому абсолютно недостоин быть демонстрируемым в его нынешнем виде. Но его тотальный запрет мог бы показаться ошибочным с вторичной, но, возможно, более важной кинематографической точки зрения. Гораздо лучше было бы реверсировать весь фильм целиком, возможно, даже без перемонтажа, путём замены звуковой дорожки на осуждающий рассказ об ужасах империалистической войны и действиях Ку-Клус-Клана, продолжающихся в США и по сей день.

Такой крайне умеренный *détournement* в конечном счёте является не чем иным, как моральным эквивалентом реставрации старых картин в музеях. Но большинство фильмов достойно лишь быть разделёнными на фрагменты для составления новых работ. Очевидно, что подобное преобразование существующих фрагментов кинолент будет сопровождаться добавлением других элементов: как музыкальных и живо-

писных, так и исторических. Хотя всё кинематографическое фальсифицирование истории до сей поры было подобно шутовским реконструкциям Гитри¹⁰, можно было бы сделать так, чтобы Робеспьер перед казнью сказал: «Мой опыт и величие моих целей побуждают меня, невзирая на столькие испытания, признать, что всё — хорошо»¹¹. В этом случае *détournement* греческой трагедии позволил нам возвеличить Робеспьера, но мы можем представить себе и принципиально иной, неореалистический эпизод — у стойки придорожного бара один дальнбойщик со всей серьёзностью обращается к другому: «О морали писалось в книгах философов, мы же ввели её в управление народами»¹². Как можно видеть, подобное сопоставление подсвечивает идею Максимилиана, идею о диктатуре пролетариата.

Свет *détournement* распространяется по прямой линии. По мере того как новая архитектура, как нам кажется, начнёт своё развитие со стиля экспериментального барокко, архитектурный комплекс (под этим понятием мы подразумеваем динамичную обстановку в сочетании с поведенческими моделями), вероятно, реверсирует существующие архитектурные формы, и в любом случае будет физически и эмоционально использовать все виды реверсированных объектов: аккуратная расстановка кранов и строительных лесов заменит несуществующую скульптурную традицию. Это шокирует лишь наиболее фанатичных поклонников садов во французском стиле. Говорят, что на старости лет Д'Аннунцио¹³, этот фашистский чмошник, держал в своём парке носовую часть истребителя. Если забыть о его патриотических мотивах, то эта идея оказывается не лишённой своего очарования.

Если *détournement* распространится до урбанистической реализации, не так уж много людей останутся незатронутыми точным воссозданием в их городе целых кварталов другого города. Жизнь никогда не может быть слишком запутанной, *détournement* подобного уровня может сделать её воистину прекрасной.

Названия, как мы уже видели, сами по себе являются основным элементом *détournement*. Этот вывод проистекает из двух общих наблюдений: во-первых, что все названия являются взаимозаменяемыми, а во-вторых, что они играют решающую роль в некоторых жанрах. Все детективные романы из «Чёрной серии» необычайно схожи между собой, и лишь постоянная смена названий позволяет удерживать значительную аудиторию. В музыке название всегда оказывает большое влияние, хотя его выбор зачастую ничем не оправдан. Было бы недурно внести окончательную правку в «Героическую симфонию»¹⁴, назвав её, например, «Ленинской симфонией».

Название сильно способствует реверсированию произведения, но реакция на произведение по его названию неизбежна. Таким образом, можно широко использовать конкретные названия, взятые из научных публикаций («Прибрежная биология морей умеренного климата»), или из публикаций на военную тему («Ночной бой мелких подразделений пехоты»), или даже разнообразные фразы из детских книг с картинками («Красивые пейзажи приветствовали путешественников»).

В заключение мы должны вкратце упомянуть о некоторых аспектах того, что мы называем *ultradétournement* — тенденций по использованию *détournement* в повседневной жизни. Жестам и словам могут быть присвоены иные значения, как это делали на протяжении всей истории из практических соображений. Тайные общества в древнем Китае использовали крайнюю тонкость условных знаков для выражения множества форм социального поведения (способ расстановки чашек, питья, цитирования стихов, прерываемого на условленных строках). Необходимость в тайном языке, в паролях неотделима от стремления к игре. В конечном счёте любой знак или слово подходит для того, чтобы быть превращённым в нечто иное, даже в полную свою противоположность. Роялистских боевиков в Вандее называли Красной Армией за использование ими омерзительного изображения Святей-

шего сердца Иисуса в качестве своего символа. В ограниченной области лексики политической войны это выражение было полностью реверсировано через сотню лет.

Помимо языка те же методы можно использовать для реверсирования одежды, со всем присущим ей сильным эмоциональным значением. Здесь мы снова увидим, что понятие маскировки тесно связано с игрой. Наконец, когда мы окажемся на уровне создания ситуаций – конечной стадии всей нашей деятельности – каждый сможет реверсировать ситуации, целенаправленно изменяя то или иное определяющее условие.

Методы, которые мы вкратце рассмотрели, представлены не как наше собственное изобретение, но как широко распространённая практика, которую мы предлагаем систематизировать.

Сама по себе теория *détournement* мало нас интересует. Но мы обнаруживаем её взаимосвязь практически со всеми конструктивными аспектами пре-ситуационистского переходного периода. Таким образом, её обогащение через практику представляется необходимым.

Мы откладываем развитие этих тезисов на более поздний срок.

Ги-Эрнест Дебор и Жиль Ж. Вольман

ПЛАТФОРМА АЛЬБЫ

Со 2 по 8 сентября в городе Альба (Италия) проводился конгресс, созванный Асгером Йорном¹ и Джузеппе Галлицио² от имени Международного движения за имажинистский Баухаус, объединивший тех, чьи взгляды согласовались с программой Леттрристского интернационала относительно урбанизма и возможностей его использования (см. "Potlatch", № 26³).

Представители авангардистских фракций восьми стран (Алжира, Бельгии, Дании, Франции, Великобритании, Голландии, Италии, Чехословакии) встретились, чтобы заложить основы единой организации. По итогам работы конгресса этот результат был достигнут.

Кристиан Дотремон⁴, хотя некоторые и анонсировали его участие в Конгрессе в составе бельгийской делегации, но который некоторое время назад присоединился к редакции "Nouvelle Nouvelle Revue Française", воздержался от появления на собрании, где его присутствие было бы недопустимым для большинства.

Энрико Бай⁵, представляющий «движение ядерного искусства», был вынужден покинуть собрание в первый же день; и Конгресс закрепил разрыв с ядерщиками, опубликовав следующее сообщение: «Загнанный в угол конкретными фактами Бай покинул Конгресс. Он не унёс с собой кассу».

Одновременно с тем въезду в Италию наших чехословацких товарищей Православа Рады⁶ и Котика⁷ помешало итальянское правительство, которое, несмотря на вызванные этим протесты, не давало им визу для пересечения его

национального железного занавеса до самого завершения Конгресса в Альбе.

В выступлении Вольмана, делегированного Леттриским интернационалом, особенно подчёркивалась необходимость общей платформы, определяющей весь текущий опыт:

«Товарищи, параллельные кризисы, затрагивающие сейчас все способы художественного творчества, предопределены общим движением, и достичь преодоления этих кризисов можно лишь в единой перспективе. Процесс отрицания и разрушения, который всё ярче проявляется в отношении всех прежних условий артистической деятельности, является необратимым: он является следствием появления более совершенных возможностей действий над миром...

... [несмотря на] некоторое влияние, которое буржуазия хочет в наши дни придать фрагментарным или намеренно ретроградным артистическим потугам, созидание сейчас может быть лишь синтезом, стремящимся к целостному конструированию атмосферы, стиля жизни... Унитарный урбанизм — синтез, к которому мы призываем, соединяющий искусство и технику — должен быть создан в соответствии с новыми ценностями жизни, которые нам следует выявить и распространить...»

Итоговая резолюция Конгресса выражала глубокое согласие в форме декларации из шести тезисов, провозглашавших «необходимость целостного создания жизненной обстановки посредством унитарного урбанизма, который должен использовать совокупность искусств и современных техник»; «изначально устаревший характер всякого обновления, приносимого в искусство в пределах его традиционных ограничений»; «признание важнейшей взаимосвязанности унитарного урбанизма и грядущего стиля жизни», который должен быть установлен «с точки зрения наибольшей реальной свободы и наибольшего господства природы и вселенной»; и наконец, «единство действий всех подписавшихся под этой

программой...» (шестой пункт также перечислял разные формы взаимной поддержки).

Помимо этой финальной резолюции, которую подписали Ж. Калонн⁸, Констан⁹, Дж. Галицио, А. Йорн, Котик, Рада, Пьеро Симондо¹⁰, Э. Соттсасс-мл.¹¹, Елена Верроне¹², Вольман, Конгресс единогласно отказался от любого взаимодействия с участниками Фестиваля лучезарного города¹³ в продолжение бойкота, объявленного в прошлом месяце.

В конце съезда Жиль Ж. Вольман был включён в число ответственных за издание информационного бюллетеня Международного движения за имажинистский Баухаус “Eristica”, и Асгер Йорн был назначен в редакционный комитет “Internationale lettriste”.

Конгресс в Альбе, несомненно, отметил один из сложных этапов в области борьбы за новую чувственность и за новую культуру в контексте общего революционного обновления, которым характеризовался 1956 год и первые политические результаты которого выразились в подавлении масс в СССР, Польше и Венгрии (хотя в последнем случае в силу опасного заблуждения происходит возвращение старых протухших лозунгов клерикального национализма из-за смертельной ошибки в виде запрета марксистской оппозиции), в успехе алжирского восстания и в массовых забастовках в Испании. Его последствия дают основания для самых больших надежд в ближайшем будущем.

ТЕОРИЯ ДРЕЙФА

Дрейф, будучи одним из множества ситуационистских приёмов, определяется как техника быстрого прохождения сквозь различные обстановки. Понятие дрейфа неразрывно связано с распознаванием психогеографических эффектов и утверждением творческо-игрового образа действий, что во всех отношениях противопоставляет дрейф традиционным представлениям о путешествии или прогулке.

Отправляющимся в дрейф человеку или группе следует на некоторое время забыть о тех мотивах, которые обычно определяют их занятия и передвижение, о знакомствах, собственной работе и привычных местах отдыха, чтобы свободно следовать привлекательности изучаемой местности и происходящим на ней встречам. Роль случая при этом вовсе не так значима, как можно было бы подумать: теория дрейфа предполагает наличие психогеографического рельефа городов с постоянными потоками, узловыми точками и водоворотами, ощутимо затрудняющими как вход в некоторые зоны, так и выход из них.

Но дрейф как единое целое включает в себя и намеренную рассеянность, и её необходимое отрицание: хаотичность психогеографии подчинена исследовательским задачам и расчёту её возможностей. В этом отношении данные, которые выявила экология, сколь бы априори ограниченным ни было изучаемое этой наукой общественное пространство, продолжают успешно подкреплять психогеографическую мысль.

Экологические исследования, посвящённые абсолютному или относительному характеру разрывов в структуре

городов, роли микроклиматов, базовым городским элементом, полностью отличным от административного деления, и главное, определяющему влиянию центров притяжения, должны быть использованы и дополнены методами психогеографии. Поле объективных впечатлений, по которому будет происходить дрейф, должно определяться одновременно в соответствии с его собственным детерминизмом и в его связи с социальной морфологией. Шомбар де Лов¹ отмечает в своей работе «Париж и Парижская агломерация» («Библиотека современной социологии», PUF², 1952), что «район города определяется не только географическими и экономическими факторами, но и тем представлением о районе, которое сложилось у местных жителей и жителей соседних районов»; и далее в этой же работе, чтобы продемонстрировать, что «на самом деле тот Париж, в котором протекает жизнь каждого индивида, весьма невелик и географически ограничивается крайне небольшим участком», приводит схему всех перемещений, совершённых за год студенткой из XVI округа: её маршруты образуют небольшой треугольник правильной формы, в вершинах которого находятся Школа политических наук³, квартира девушки и дом её учителя по фортепиано.

Несомненно, подобные схемы, образцы современной поэзии, способной вызывать живой эмоциональный отклик — в данном случае негодование, что можно жить подобным образом, — или даже теория, выдвинутая Бёрджессом на материале Чикаго о распределении видов общественной деятельности по чётким концентрическим зонам⁴, не будут способствовать развитию дрейфа.

Роль случая в дрейфе особенно сильна, поскольку ещё не было накоплено достаточного количества психогеографических наблюдений. Но вмешательство случая, как правило, консервативно, и в непривычной обстановке стремится свести всё к чередованию ограниченного числа вариантов и к привычке. Учитывая, что прогресс — это всегда покорение

ние одной из подконтрольных случаю сфер путём создания новых условий, отвечающих нашим целям; можно сказать, что случай, с которым мы сталкиваемся при дрейфе, в корне отличается от случайностей в ходе прогулки, но всё же стоит найти первые точки психогеографического притяжения, как для дрейфующего индивида или группы возникает опасность: всё начинает выводить их на новые привычные траектории, от которых теперь будет сложно отклониться. Недостаточно критическое отношение к случаю и его идеологическому применению, неизбежно реакционному, обрекло в 1923 году на унылый провал знаменитые бесцельные прогулки четырёх сюрреалистов, с отправной точкой в случайно выбранном на карте городке⁵: ходьба по бескрайним полям, очевидно, действует угнетающе, а вмешательства случая там редки как никогда. Но неблагоприятие взяло новый рубеж в журнале “Medium” (за май 1954 г.), где некий Пьер Вандриес решил, что сможет сопоставить эту нелепую историю — потому что оба этих случая имеют отношение к освобождению от детерминизма — с некоторыми опытами в области теории вероятности, например, с опытом по изучению того, как в круглом чане головастики самопроизвольно распределяются по случайным группам, и тут же с особой важностью сообщает: «Разумеется, эта масса не должна получать извне никакого направляющего воздействия». В таких условиях победителями выходят головастики, ведь их преимущество в том, что они «в наибольшей степени лишены разума, социальных и сексуальных стимулов», и, как следствие, «действительно не зависят друг от друга».

В противоположность подобным извращениям, дрейф имеет принципиально городской характер, находящийся в тесной взаимосвязи с центрами возможностей и смыслов (которыми являются преображённые производством большие города), и в значительной степени соответствующий фразе Маркса: «Человек видит вокруг только собственный образ, всё говорит ему о нём. Даже в природе ему видится душа».

Дрейфовать можно и в одиночку, но всё указывает на то, что наиболее плодотворным с точки зрения числа участников будет разделение на несколько малых групп по два-три обладающих схожим уровнем осознания психогеографии человека, так как сверка впечатлений этих групп поможет прийти к объективным выводам. Желательно, чтобы состав этих групп менялся от дрейфа к дрейфу. Способность к единому дрейфу стремительно падает у групп, состоящих больше чем из четырёх-пяти человек, — во всяком случае, дрейф больше чем с десятью участниками неизбежно распадается на несколько параллельно идущих дрейфов. Подобная практика представляет, впрочем, огромный интерес, но связанные с ней трудности до сих пор ещё не позволяли воплотить её в желаемых масштабах.

Средняя продолжительность дрейфа — день, понимаемый как интервал между двумя периодами сна. Время начала и завершения относительно светового дня не имеет существенного значения, однако стоит отметить, что предрасветные часы, как правило, плохо подходят для дрейфа.

Такая продолжительность дрейфа — не более чем среднестатистическое значение. Во-первых, потому что дрейф в чистом виде почти никогда не занимает всё время, ведь участникам трудно не отвлечься на пару часов в начале или конце этого дня на привычные действия; накопившаяся усталость особенно способствует этому под конец. Но дело ещё и в том, что дрейф часто проводится в несколько строго определённых заранее часов, или же спонтанно, за очень короткое время, либо, напротив, в течение нескольких дней к ряду, без перерыва. Несмотря на необходимость делать перерывы на сон, некоторые дрейфы нужной интенсивности длились именно по три-четыре дня, а то и более. Верно и то, что при проведении серии дрейфов в течение довольно долгого времени практически невозможно установить конкретный момент, когда настрой, соответствующий данному дрейфу, уступает место другому. Длительность самой долгой из проводивших-

ся серий дрейфов достигала примерно двух месяцев без какого-либо существенного перерыва, что не могло не привести к появлению новых объективных условий поведения, вытеснивших немалое количество существовавших прежде.

Влияние перемены погодных условий на дрейф хотя и имеет место, но не является определяющим, кроме случаев затяжных ливней, делающих дрейф невозможным. В то же время грозы и другие виды осадков обычно влияют на него положительно.

Пространственные границы дрейфа очерчиваются с различной степенью точности, в зависимости от того, является ли его целью исследование конкретной территории, или же эффект эмоциональной дезориентации. Не стоит забывать тот факт, что эти два подхода к дрейфу взаимодействуют и многократно накладываются друг на друга, так что отделить в чистом виде один от другого невозможно. Тем не менее довольно чёткую границу устанавливает использование такси: когда во время дрейфа заказывают такси, например, для того, чтобы ехать в конкретную точку или просто двадцать минут на запад, это в первую очередь делается с целью личной дезориентации. Если же цель в непосредственном изучении территории, то на первый план выходят методы психогеографического урбанизма.

Во всех случаях пространственные границы дрейфа в первую очередь предопределяются заданной исходной точкой: для отдельных дрейфующих это их место жительства, для групп — назначенные места встречи. Максимально возможный охват — это вся территория крупного города вместе с пригородами. Минимальный масштаб, в свою очередь, может ограничиваться самым малым единством обстановки: одним кварталом или даже отдельным блоком зданий, если он представляет достаточный интерес (как пример такой крайности — статический дрейф длиной в день внутри вокзала Сен-Лазар).

Итак, исследование конкретной территории предполагает расстановку начальных точек и вычисление направлений

проникновения. В таких исследованиях активно задействованы карты, как обычные, так и экологические, и психогеографические: их изучают, исправляют и уточняют. Нужно ли говорить, что стремление к пока ещё неизвестным районам, в которых не был даже мимоходом, не играет здесь никакой роли? Мало того, что этот аспект совершенно неважен, он ещё и полностью субъективен и довольно быстро утрачивает всякое значение. Он никогда не использовался как критерий, за исключением очень редких случаев поиска психогеографической проблематики какой-либо зоны путём последовательного отсекаания всех её уже изученных точек. Таким образом, блуждать можно и в давно исхоженных районах.

В случае «возможных свиданий», напротив, главную роль играет не исследование, а дезориентация поведения. Участника просят прийти одного в назначенный час в указанное ему место. Он избавлен от тягостных обязательств, налагаемых обычным свиданием, так как ему некого ждать. После того как такое «возможное свидание» случайным образом приводит его как в знакомое место, так и в такое, о котором раньше не знал, человек начинает обследовать окрестности этого места. Кроме того, в это же время и в этом же месте может быть назначено ещё одно «возможное свидание», но первый участник не должен догадываться о том, кому именно. Лучше даже, если он никогда его прежде не видел — это простиमुлирует его вступать в беседы со случайными прохожими. Он может никого не встретить или случайно встретить того, кто и назначал «возможное свидание». Если время и место были выбраны хорошо, то человек в любом случае проведёт время самым неожиданным образом. Он даже может попросить по телефону о новом «возможном свидании» того, кто не в курсе, где закончилось первое. Возможности такого времяпрепровождения, как можно видеть, почти безграничны.

Так, в некоторых сомнительных забавах, которые я всегда высоко ценил в кругу своих знакомых, — как, например, ходить ночью по этажам подлежащего сносу здания; во время

забастовки работников транспорта безостановочно кататься автостопом по всему Парижу, чтобы запутаться ещё сильнее, позволив увезти себя неведомо куда; бродить по подземным катакомбам, куда вход воспрещён, — во всех них чувствовалось общее ощущение, которое было не чем иным, как ощущением дрейфа.

Выводы, сделанные из дрейфов, позволят набросать первые схемы психогеографической структуры современного города. Помимо выявления областей единства обстановки, их основных элементов и пространственных границ фиксируются также и основные направления движения по этим областям, выходы из них и их механизмы защиты от дрейфа. Здесь мы приходим к главной гипотезе о существовании психогеографических узловых точек. Мы устанавливаем те расстояния, которыми в действительности отделены друг от друга два разных района, что не имеет ничего общего с тем умозрительным видением, которое представлено на карте города. При помощи старых карт, аэрофотосъёмки и экспериментальных дрейфов мы можем заложить основы столь необходимой сейчас картографии влияний, чья неточность, неизбежная на этапе, пока не будет закончена эта громадная работа, сродни неточности первых береговых карт, с той лишь разницей, что задача здесь не в точном очерчивании непоколебимых границ континентов, а в изменении архитектуры и урбанизма.

Разные области обитания и единства обстановки сегодня не имеют чётких границ, а окружены пустыми полями различной ширины. Главное изменение, которое дрейф может предложить, — это постоянное сужение таких пустых полей вплоть до их полного исчезновения.

Собственно в архитектуре дух дрейфа приветствует популяризацию новых форм лабиринтов всевозможных видов, чему способствуют и современные возможности строительства. Так, в марте 1955 года в прессе появилось сообщение о строительстве в Нью-Йорке высотного дома, где можно

видеть первые признаки возможностей дрейфа внутри квартиры: «Жилые помещения этого винтообразного здания будут по форме напоминать куски торта. Комнаты можно будет по желанию расширять или сужать за счёт перемещения подвижных перегородок. За счёт того, что шаг здания — в полэтажа, количество комнат на одну квартиру не ограничено, так как арендатор может попросить подключить дополнительный кусок, находящийся чуть ниже или выше. Устройство здания позволяет за шесть часов превратить таким образом три квартиры по четыре комнаты в одну на двенадцать и более комнат».

Чувство дрейфа естественным образом связано с более общими взглядами на жизнь, но всё же их было бы глупо механически производить из него. Я не буду здесь распространяться ни о предтечах дрейфа из литературы прошлых лет, которые можно распознать обоснованно или ошибочно, ни об особых видах ощущений, порождаемых дрейфом. Все трудности дрейфа — это трудности свободы. Всё указывает на то, что будущее лишь ускорит необратимые изменения в образе жизни и в декорациях современного общества. Когда-нибудь города будут строиться для дрейфа. Некоторые из уже существующих зон вполне пригодны для этого после сравнительно небольшой переделки. Как и некоторые из уже живущих людей.

Ги-Эрнест Дебор

ОДИН ШАГ НАЗАД

Все формы современной культуры достигли предельной точки гниения; господствовавшая в послевоенное время стратегия повторения одного и того же провалилась у всех на глазах; поиск новых творческих горизонтов, пусть даже понимаемых по-разному, сплавливает самых разных художников и интеллектуалов, — всё это ставит перед объединёнными авангардистскими течениями задачу по совместной выработке революционной альтернативы официально производимой культуре, тон которой задают Андре Стиль и линия Саган-Друэ¹.

Рост наших рядов и открывающиеся возможности и даже необходимость истинно международного действия должны заставить нас кардинально изменить тактику. Необходимо захватить контроль над современной культурой и использовать её в наших целях, а не возглавлять внешнюю к ней оппозицию, занятую лишь развитием нами же поставленных вопросов. Нам нужно действовать быстро и сообща, чтобы критика тезисов и их теоретическое оформление дополняли друг друга, и переходить к экспериментам, совместно применяя эти тезисы на практике. Направление, представляемое бюллетенем “Potlatch”, должно согласиться быть в меньшинстве, если так будет нужно для общего сплочения в новой интернациональной организации. Но вне зависимости от того, во что конкретно воплотится это движение, оно обязано будет руководствоваться самой передовой программой.

Было бы неверно говорить о кризисе леттризма, поскольку мы всегда стремились поддерживать атмосферу перманентного кризиса и преуспели в этом; к тому же коль скоро само понятие леттризма не полностью лишено содержания,

все важные для нас ценности вызревали внутри леттристского движения, пусть и наперекор ему. Между тем, можно отметить, что некоторый сытый нигилизм, господствовавший в ЛИ вплоть до проведённых в 1953 году исключений², объективно сохранился во вспышках сектантства, пагубно влиявших на наши решения вплоть до 1956 года. Такая позиция невозможна без низостей. Один заявлял, что не будет больше писать; так ценил нашу закрытость и чистую пассивность, что призывал отказаться от сотрудничества с самым близким к совокупности наших взглядов журналом. Не прошло и пяти дней с момента его исключения, и вот он умоляет издателей того журнала — разумеется, тщетно — продолжить сотрудничество с ним «в индивидуальном порядке». Так что же, предыдущие действия этого товарища были провокацией? Нет, просто он сменил одно безответственное поведение на другое, противоположное, едва только у него забрали чисто формальное прикрытие в виде «леттризма», оставив ни с чем³.

Самые избитые трюки мира, с которым мы боремся, легко могут принимать вид новаторства и затормаживать наше движение. Нельзя позволить ярлыкам сбить нас с толку, сколь бы привлекательными они не казались. Нам нужно найти конкретные способы полностью изменить все те обстановки, в которых протекает повседневная жизнь.

Первая практическая задача, которую нам предстоит решить, это существенное расширение нашего экономического базиса. Кажется, сегодня мы в том положении, когда проще придумать новые чувства, чем новую профессию. Мы видим неотложную необходимость описать и подтвердить практикой множество новых видов деятельности, отличных, например, от социальных функций художника, и это подталкивает нас к тому, чтобы поддержать идеи коллективного экономического плана⁴, за который выступает Пьеро Симондо и наши итальянские товарищи.

Очевидно, что если мы будем довольствоваться обедками со стола современной эстетики, как в экономическом, так

и в творческом плане, — это с огромной долей вероятности приведёт нас в итоге к гниению. Возьмём конкретный пример: друзья обеспокоены тем, что внезапно стали численно преобладать художники, чья продукция, на их взгляд, непреодолимо ничтожна, а связи с художественной индустрией — нерушимы. Однако нам нужно объединить специалистов самых разных творческих методов; быть в курсе последних независимых достижений в этих техниках, не впадая при этом в идеологический империализм того, кто, не зная реальных проблем чуждой ему дисциплины, хочет командовать ей извне; экспериментировать, объединяя методы, существующие пока лишь раздельно. Значит, мы должны рискнуть откатиться назад; но стремиться при этом как можно скорее преодолеть сегодняшние противоречия путём углубления общей теории, чтобы её экспериментальная проверка дала результаты, которые уже невозможно будет оспорить.

И хотя отдельным художественным практикам будет суждено исчезнуть скорее, чем другим, мы считаем, что развешивание картин по галереям — это настолько же предельно безынтересная форма выживания, как и сборники стихов. Любое использование сложившейся системы интеллектуальной коммерции даёт почву для идеологической неразберихи, в том числе и в наших рядах; но, с другой стороны, невозможно действовать, не приняв сперва в расчёт эту временно господствующую конъюнктуру.

В конечном счёте вердикт принимаемой нами политике будет вынесен исходя из того, сможет ли она послужить созданию нового, более прогрессивного интернационального объединения или нет. В худшем случае это лишь укажет на начало реакции в общем движении. И тогда создание революционного авангарда в культуре будет полностью зависеть от прихода новых сил.

О СЛУЧАЕ

1. Нельзя преуменьшать значение случая. Но можно знать все ограниченные статистические возможности случая в существующих условиях.
2. Если условия известны, то роль случая консервативна. Таким образом, в азартных играх нет места ни для чего нового. Так же и гадалки на картах таро имеют дело со слишком малым количеством случаев, которые могли бы произойти в жизни человека. Они зачастую «предвидят» события в той мере, в которой жизнь среднего человека *столь же скудна*, сколь и классический набор вариантов их предсказаний.
3. Всякий прогресс, всякое созидание есть организация *новых условий для случая*.
4. На этом более высоком уровне забавным образом случай действительно непредсказуем в течение некоторого времени, но новая область случаев устанавливает для своего действия другие ограничения, которые впоследствии будут изучены и точно известны.
5. Человек никогда не желает случая как такового. Он желает большего, и ожидает от случая встречи с тем, чего он желает. Это – пассивная и реакционная ситуация (сюрреалистическая мистификация), если она не корректируется путём нахождения конкретных условий, увеличивающих вероятность желаемых случаев.

ДОКЛАД О СОЗДАНИИ СИТУАЦИЙ И ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИОНИСТСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ

Революция и контрреволюция в современной культуре

Прежде всего мы считаем, что мир должен быть изменён. Мы желаем наиболее освобождающего преобразования общества и жизни, в которых мы заточены. Мы знаем, что такие перемены требуют соответствующих действий.

Наша задача заключается в использовании особых способов действия и обнаружении новых, более легко узнаваемых в области культуры и поведения, но которые будут применены в контексте всех изменений, вносимых революцией.

Так называемая «культура» отражает, а также предвещает возможные способы организации жизни в данном обществе. Главной характеристикой нашего общества является отставание революционных политических действий от развития современных производственных возможностей, которые требуют превосходящей организации мира.

Мы живём в эпоху глобального исторического кризиса, и с каждым годом глобальная проблема рационального господства новых производительных сил и создания новой цивилизации становится всё более острой. Между тем международное рабочее движение, от которого зависит появление предпосылок для свержения экономической инфраструктуры эксплуатации, достигло лишь локальных частичных успе-

хов. Капитализм изобретает новые формы борьбы (государственное вмешательство в экономику, расширение потребительского сектора, фашистские правительства), опирается на вырождение рабочих лидеров, маскирует различными реформистскими тактиками противоречия между классами. Таким образом капитализму удалось сохранить старые общественные отношения в большинстве промышленно развитых стран, тем самым лишив социалистическое общество необходимой материальной базы. Слаборазвитые и колонизированные страны, на протяжении последних десяти лет массово участвовавшие в непосредственной борьбе против империализма, наоборот, смогли одержать несколько очень важных побед. Их успехи усугубляют противоречия капиталистической экономики и способствуют (в первую очередь Китайская революция) обновлению всего революционного движения.

Подобное обновление не может заключить себя в рамки реформирования изнутри капиталистических и антикапиталистических обществ, но, наоборот, должно повсюду провоцировать конфликты, поднимая вопрос о власти.

В области идеологической борьбы крах современной культуры является следствием хаотического усиления этих противоречий. Новые желания, которые уже точно известны, представлены в искажённом виде: современные ресурсы могут дать возможность для их исполнения, но анахроническая экономическая структура не способна использовать эти ресурсы для подобных целей. В то же время идеология правящего класса утратила всякую связность из-за обесценивания её последовательных представлений о мире, что привело её к историческому индетерминизму — из-за сосуществования реакционных идей, разделённых во времени и являющихся враждебными друг другу, таких как христианство и социал-демократия; из-за смешивания с современной западной культурой элементов других цивилизаций, ценность которых была признана в последнее время. Основной целью идеологии правящего класса является создание подобной путаницы.

В культуре (используя слово «культура», мы игнорируем научный и образовательный аспекты культуры, даже несмотря на то, что эта путаница в полной мере ощущается на уровне общих научных теорий и образовательных концепций, и подразумеваем под «культурой» исключительно комплекс эстетики, чувств и моделей поведения: реакцию эпохи на повседневную жизнь) параллельно существуют две контрреволюционные обманные тактики: частичная аннексия новых ценностей и использующее средства крупной промышленности нарочито антикультурное производство (романы, фильмы), продолжающее начатое в школах и семьях оболванивание молодёжи. Господствующая идеология занимается опощлением новых революционных идей и после подобной стерилизации помогает им широко распространиться. Ей даже удаётся использовать революционеров: как мёртвых, путём фальсификации их работ, так и живых, пользуясь общей идеологической путаницей, пичкая их одной из множества мистификаций, имеющихся в её распоряжении.

Одним из противоречий буржуазии в период её упадка является то, что хоть она и уважает абстрактный принцип интеллектуального и художественного творчества, но столкнувшись с его произведениями, поначалу противостоит им, а впоследствии — использует их. Причиной тому служит необходимость в поддержании среди меньшинства чувства критики и исследования, но при условии направления этой деятельности в узкие рамки обособленных утилитарных дисциплин и предотвращения любой попытки слияния критики и исследования воедино. В области культуры буржуазия стремится отучить людей от любви к новшествам, опасным для неё в наше время, в пользу разных деградировавших форм новизны, безвредных и запутанных. Через рыночные механизмы, которым подчинена культурная деятельность, авангардные тенденции оказываются отгороженными от тех сообществ, которые хоть и сами ограничены общими социальными условиями, но могли бы их поддержать. Отдельные

представители этих тенденций завоёвывают признание в индивидуальном порядке, приняв установленные для них ограничения: в первую очередь отказ от общих требований, а также согласие на создание фрагментарных работ, открытых для различных интерпретаций. Это придаёт некоторую сомнительность и нелепость самому термину «авангард» как таковому, который в конце концов всегда является объектом манипуляций со стороны буржуазии.

Само понятие коллективного авангарда, несущее в себе воинственный смысл, является новым продуктом исторических условий, порождающих одновременно необходимость создания последовательной революционной программы в области культуры и необходимость борьбы против тех сил, которые препятствуют реализации такой программы. Такие группы перенесли в свою сферу деятельности определённые организационные методы, созданные в рамках революционной политики, и дальнейшая деятельность находилась в неразрывной связи с политической критикой. В этом отношении заметно движение вперёд: от футуризма, через дадаизм и сюрреализм, к направлениям, возникшим после 1945 года. И всё же на каждом из этих этапов мы можем обнаружить одно и то же стремление к тотальному изменению и такой же стремительный распад, когда неспособность к достаточно глубоким изменениям реального мира заставляет авангард отступить на оборонительные рубежи доктринёрства, уязвимость которых была ранее продемонстрирована атакой этого авангарда.

Футуризм, распространявший своё влияние из Италии в период перед Первой мировой войной, стоял на позиции разрушения литературы и искусства, привнёсшей множество формальных новшеств, но притом базировавшейся лишь на крайне упрощённом понимании понятия механического прогресса. Ребяческий технократический оптимизм футуризма исчез вместе с возраставшим его периодом буржуазной эйфории. Итальянский футуризм деградировал от национа-

лизма к фашизму, никогда так и не достигнув уровня цельного теоретического осознания своей эпохи.

Дадаизм, основанный беженцами и дезертирами в Цюрихе и Нью-Йорке в годы Первой мировой войны, выражал отказ от всех ценностей буржуазного общества, банкротство которого стало столь очевидным. Неистовые проявления дадаизма в послевоенных Германии и Франции были нацелены главным образом на разрушение искусства и литературы, и в меньшей степени – на определённые формы поведения (нарочито идиотские спектакль, речь, походка). Историческая роль дадаизма заключалась в нанесении смертельного удара традиционной концепции культуры. Скорый распад дадаистского движения был неизбежным результатом содержания дадаизма, полностью основанного на отрицании. Несомненно, что дух дадаизма в некоторой мере вдохновил все последовавшие движения; и что отрицание, исторически дадаистское, должно в будущем стать частью всякой конструктивной позиции до тех пор, пока не будут уничтожены силовым путём социальные условия, предписывающие повторение разложившихся и окончательно интеллектуально деградировавших надстроек.

Создатели сюрреализма, принимавшие участие во французском дадаистском движении, стремились определить область конструктивных действий, основываясь на выраженных в дадаизме духе восстания и предельном разрушении всех традиционных методов. Сюрреализм, начинавший с использования фрейдистской психологии для нужд поэзии, распространил обнаруженные им методы на живопись, кино, некоторые аспекты повседневной жизни. Затем, в рассеянной форме – ещё дальше. На самом деле для подобного начинания принципиальное значение имеет не то, насколько оно было право, но насколько успешно оно смогло на протяжении некоторого времени катализировать желания эпохи. Период прогресса сюрреализма, отмеченный отказом от идеализма и в итоге присоединением к диалекти-

ческому материализму, прекратился вскоре после 1930 года, но упадок сюрреализма стал очевидным лишь к концу Второй мировой войны. Сюрреализм к тому времени распространился во множество стран. Также он ввёл в своих рядах дисциплину, и пусть её строгость не следует переоценивать, поскольку зачастую она смягчалась из коммерческих соображений, но которая несмотря на это стала эффективным средством борьбы против буржуазных механизмов создания путаницы.

Программа сюрреализма, провозглашавшая суверенитет желания и удивления и предлагавшая новое использование жизни, содержала гораздо больше конструктивных возможностей, чем о ней принято считать. Несомненно, недостаток материальных средств для выполнения поставленных целей сильно ограничивал возможности сюрреализма. Но переход основателей движения в спиритизм, и особенно убожество их последователей, указывает на необходимость искать причины провала попыток развития сюрреалистической теории в её основах.

Ошибка, лежащая в основании сюрреализма, — идея о несметном богатстве бессознательного воображения. Причина идеологического поражения сюрреализма кроется в убеждении, что бессознательное является огромной жизненной силой, наконец обнаруженной. Его следствием стал последовательный пересмотр истории идей, дальше которого сюрреалисты не пошли. Теперь мы знаем, что бессознательное воображение бедно, что автоматическое письмо однообразно, и что всякая «необычность» окаменелого сюрреалистического подхода является крайне предсказуемой. Последовательная верность такому стилю воображения приводит в итоге к совершенной противоположности современным условиям воображения: к традиционному оккультизму. Насколько сюрреализм остался зависим от своей гипотезы о бессознательном, можно судить по попыткам теоретических исследований, предпринятым вторым поколени-

ем сюрреалистов: Калас¹ и Мабиль связывают всё с двумя последовательными аспектами сюрреалистической практики бессознательного — во-первых, с психоанализом, во-вторых, с влиянием космоса. Действительно, открытие роли бессознательного было сюрпризом и новшеством, но не законом всех будущих сюрпризов и новшеств. Фрейд также в итоге пришёл к этой мысли, выразив её в строках: «Все сознательное изнашивается. Бессознательное — остаётся неизменным. Но стоит ему высвободиться, не превратится ли оно, в свою очередь, в руины?»

Сюрреализм, противостоящий очевидно иррациональному обществу, в котором разрыв между реальностью и всё ещё провозглашаемыми старыми ценностями уже дошёл до абсурда, использовал иррациональное, чтобы уничтожить лишь кажущиеся логичными ценности этого общества. Успех сюрреализма как таковой во многом связан с тем фактом, что идеология этого общества, в её наиболее современном виде, отказалась от строгой иерархии фиктивных ценностей и открыто использует иррациональное, в том числе и останки сюрреализма. Первоочередная задача буржуазии заключается в предотвращении возрождения революционной мысли. Она была уверена в том, что сюрреализм представляет для неё угрозу. Теперь, когда буржуазия смогла растворить сюрреализм в потоке коммерческой эстетики, ей нравится представлять его в качестве высшей точки нарушения установленного порядка. Она прививает своего рода ностальгию по сюрреализму, и в то же время дискредитирует всякий новый поиск, автоматически сводя его к подражанию сюрреализму, к поражению, которое, с её точки зрения, является абсолютно бесспорным. Отказ от отчуждения в обществе христианской морали привёл несколько человек к уважению совершенно иррационального отчуждения в первобытных обществах, вот и всё. Мы должны идти вперёд и делать мир более рациональным — первое условие для того, чтобы сделать его более страстным.

Разложение – высшая стадия буржуазной мысли

Доклад
о создании
ситуаций

Двумя центрами так называемой «современной» культуры являются Париж и Москва. Стили, рождённые в Париже, хотя среди их основателей французы отнюдь не составляют большинство, оказывают влияние на Европу, Америку и другие развитые капиталистические страны, например, на Японию. Стили, установленные в административном порядке из Москвы, влияют на все рабочие государства, и в меньшей степени на Париж и его европейские зоны влияния. Влияние Москвы является непосредственно политическим. Сохранение традиционного влияния Парижа является следствием достигнутого им прогресса в концентрации профессиональной культуры.

Поскольку буржуазная мысль затерялась посреди систематической путаницы, а марксистская мысль подверглась значительному искажению в рабочих государствах, и на Востоке и на Западе воцарился консерватизм, главным образом в областях культуры и нравственности. Он открыто проявляется в Москве, воспроизводя типичные мелкобуржуазные отношения девятнадцатого века. В Париже он скрывается под масками анархизма, цинизма и юмора. Хотя оба доминирующих типа культуры в принципе не способны совладать с истинными задачами нашего времени, можно сказать, что соответствующие эксперименты продолжаются на Западе, московская зона в свою очередь оказывается слаборазвитой в отношении подобного типа производства.

В зоне буржуазии, где к проявлению интеллектуальной свободы обычно относились с терпимостью, знание движения идей и беспорядочное видение многочисленных трансформаций социальной среды способствуют осведомлённости людей о происходящем потрясении, чьи движущие силы вышли из-под контроля. Доминирующий тип мироощущения пытается приспособиться к этому, сопротивляясь но-

вым изменениям, которые в конечном счёте крайне вредны для него. Решения, предлагаемые ретроградными движениями, сводятся в итоге к трём положениям: продление стилей, принесённых кризисом дада-сюрреализма (чей кризис является лишь продвинутым культурным выражением типа мышления, которое спонтанно проявляется там, где ранее общепринятые смыслы жизни и стили жизни терпят крах), погружение в умственный упадок и, наконец, возвращение в далёкое прошлое.

Что касается устойчивой моды, повсюду можно обнаружить сюрреализм в разбавленном виде. У неё есть все вкусы сюрреалистической эпохи, но ни одной из её идей. Повторение – это её эстетика. Остатки ортодоксального сюрреалистического движения, находящиеся на стадии старческого оккультизма, не способны ни обрести идеологическую позицию, ни изобрести хоть что-нибудь; они лишь способствуют всё более широкому распространению шарлатанства и требуют того же от остальных.

Установка на ничтожность была наиболее заметным культурным решением послевоенных лет. Она оставляет выбор между двумя различными вариантами, оба из которых уже были обильно проиллюстрированы: сокрытие ничтожности соответствующей лексикой и открытое бравирование ею.

Первый вариант стал особенно популярным благодаря экзистенциалистской литературе, воспроизводящей под видом философских заимствований наиболее жалкие аспекты культурной революции предшествующих трёх десятилетий и поддерживающей интерес к себе со стороны газетчиков путём различных подделок марксизма и психоанализа, а также постоянного произвольного занятия политических позиций и их самовольного оставления. У этой тактики большое количество последователей, открытых и тайных. Продолжающееся распространение абстрактной живописи и определяющих её теорий является ещё одним примером того же рода, того же масштаба.

Радостное провозглашение абсолютного умственного убожества лежит в основании такого феномена современной неолитературы, как «цинизм молодых правых романистов». Но оно свойственно отнюдь не только сторонникам правых идеологий, романистам или усердно молодящимся.

Среди тенденций, призывающих к возвращению в прошлое, доктрина социалистического реализма оказалась наиболее стойкой, поскольку претендуя на опору в виде достижений революционного движения, она может сохранять в области культурного созидания совершенно несостоятельную позицию. На конференции советских музыкантов в 1948 году Андрей Жданов² озвучил цель теоретических репрессий: «Правильно ли мы сделали, что оставили сокровищницу классической живописи и разгромили ликвидаторов живописи? Разве не означало бы дальнейшее существование подобных “школ” ликвидацию живописи?»³ Столкнувшись с подобной ликвидацией живописи и со многими другими ликвидациями, развитая западная буржуазия, осознающая крах всех систем ценностей, делает ставку на всеобщее интеллектуальное разложение, чему причиной являются безнадёжная реакция и политический оппортунизм. Наоборот, Жданов, с характерным вкусом парвеню, осознает себя среди мелкой буржуазии, противостоящей исчезновению культурных ценностей девятнадцатого столетия, и не видит иного пути кроме восстановления этих ценностей авторитарным путём. Он достаточно идеалистичен, чтобы верить в то, что недолговечные местные политические обстоятельства дадут ему силу избежать основных проблем этой эпохи, если он сможет заставить людей возобновить изучение устаревших задач, устранив предположительно все выводы, сделанные историей из этих задач в своё время.

Традиционная пропаганда религиозных организаций, и в первую очередь католицизма, очень похожа по форме и некоторым содержательным аспектам на социалистический реализм. Силами неизменной пропаганды католицизм

защищает единую идеологическую структуру, поскольку он является единственной из сил прошлого, кто до сих пор ею обладает. Но чтобы вернуть под свой контроль непрестанно возрастающее количество областей, избежавших её влияния, католическая церковь параллельно традиционной пропаганде пытается завладеть современными культурными формами, особенно теми, которые являются запутанным теоретическим ничтожеством — например, так называемой «спонтанной» живописью. У католических реакционеров есть преимущество перед другими буржуазными тенденциями: будучи уверенными в постоянной иерархии ценностей, они намного легче доводят до предела разложение любой активности, в которую оказываются вовлечены.

Результатом кризиса современной культуры стал тотальный идеологический распад. Ничто новое не может быть построено на этих руинах, и даже критическое мышление как таковое стало невозможным, поскольку всякое высказывание резко контрастирует с остальными и всякий человек опирается либо на фрагменты устаревших систем, либо на индивидуальные предпочтения.

Подобное разложение можно наблюдать повсюду. Речь идёт уже не о прежнем процессе, когда массовое использование коммерческой рекламы во всё большей степени определяло мнения о культурном творчестве. Мы достигли степени идеологической пустоты, где реклама стала единственным движущим фактором, исключаяющим любое ранее существовавшее критическое суждение или превращающим такое суждение в условный рефлекс. Сложное взаимодействие маркетинговых техник привело к автоматическому формированию псевдотем для дискуссий о культуре, что повергло в изумление даже профессионалов. Такова социологическая значимость феномена Франсуазы Саган, опыта, производившегося во Франции в последние три года, чьи последствия даже вышли за границы культурной зоны с центром в Париже и вызвали определённый интерес в рабочих государствах.

Профессиональные судьи культуры, сталкиваясь с феноменом Саган, видят в нём непредсказуемый эффект действия механизмов, доселе им неизвестных, и склонны связывать этот феномен с обилием газетной рекламы. Но выбранная ими профессия обязывает их выступать с подобием критики на это подобие творчества (более того, необъяснимость интереса к такому творчеству является богатым источником для лживой буржуазной критики).

Они остаются в полном неведении, что механизмы интеллектуальной критики уже стали им недоступны, задолго до появления внешних механизмов, призванных использовать образовавшуюся интеллектуальную пустоту. Они избегают признания факта, что творчество Саган — лишь потешная обратная сторона превращения способов выражения в способы воздействия на повседневную жизнь. Этот процесс превращения сделал жизнь автора гораздо более значимой, чем его творчество. Затем, когда уровень значимости выражений достигнет точки предельного сокращения, ничто не будет иметь значения, кроме личности автора, которая, в свою очередь, не сможет иметь никаких более значительных характеристик, чем возраст, какой-нибудь модный порок или любопытное древнее ремесло.

Оппозиция, которая должна немедленно объединиться против идеологического разложения, не должна сосредотачиваться на критике шутовства, проявляющегося в таких устаревших формах, как поэзия или романы. Мы должны критиковать те формы деятельности, которые важны для будущего, те, которые нам предстоит использовать. Наиболее важным признаком современного идеологического разложения является тот факт, что сейчас архитектурная теория функционализма основывается на самых реакционных концепциях общества и морали. То есть отдельные ценные элементы раннего «Баухауса» или школы Ле Корбюзье привнесли контрабандным путём крайне отсталые представления о жизни и о её окружении.

Однако всё указывает на то, что начиная с 1956 года мы выходим на новый этап борьбы, и что волна революционных сил, атакующая на всех фронтах самые серьёзные препятствия, начинает менять условия предыдущего периода. На наших глазах одновременно социалистический реализм начинает терять своё значение в странах антикапиталистического лагеря, как и породившая его сталинская реакция; культура, символом которой является Франсуаза Саган, выражает кажущуюся непреодолимой стадию буржуазного декаданса; и наконец на Западе возрастает осознание исчерпания культурных приёмов, использовавшихся в послевоенные годы. Авангардистское меньшинство может найти в этом положительное значение.

Роль фракций меньшинства в период упадка

Упадок международного революционного движения проявился впервые через несколько лет после 1920 года и неуклонно нарастал до 1950 года; пять или шесть лет спустя за ним последовал упадок движений, пытавшихся утверждать свободные новшества в культуре и повседневной жизни. Идеологическая и материальная ценность таких движений неуклонно снижалась, пока эти движения не достигли в обществе точки абсолютной изоляции. Их деятельность, которая при более благоприятных обстоятельствах могла привести к внезапному обновлению эмоционального климата, была ослаблена до того, что консервативным тенденциям удалось исключить какую-либо возможность их проникновения в шулерскую игру официальной культуры. Как только роль этих движений в производстве новых ценностей была ликвидирована, они были низведены до положения резервной армии интеллектуального труда, из которой буржуазия черпает отдельных лиц, способных придать её пропаганде дух новизны.

На данном этапе разложения социальная значимость экспериментального авангарда очевидно меньше значимости псевдомодернистских тенденций, которые даже не пытаются показать стремление к переменам, но которые представляют современное сформированное всеми доступными средствами лицо допустимой культуры. Однако те, кто действительно имеет отношение к производству современной культуры и кто определяет свои интересы как производитель этой культуры (всё более остро, поскольку эти интересы сводятся к чисто негативной позиции), развивают сознательность, которой неизбежно не хватает модернистским клоунам рушащегося общества. Бедность общепринятой культуры и её монополия на средства культурного производства приводят к аналогичному обнищанию теории и проявлений авангарда. Но лишь внутри этого авангарда постепенно формируется новая революционная концепция культуры. Эта новая концепция должна заявить о себе сейчас, в момент, когда господствующая культура и противостоящие ей культурные проекты встретились в конечной точке своего разделения и взаимного бессилия.

История современной культуры в период отступления революции, таким образом, является также историей теоретического и практического поражения движения обновления вплоть до разделения на миноритарные тенденции и тотального воцарения разложения.

Между 1930 годом и началом Второй мировой войны сюрреализм непрестанно снижал свою революционную силу, в то время как расширение влияния сюрреализма вышло из-под контроля его создателей. В послевоенный период сюрреализм быстро пришёл к краху, предопределённому двумя факторами, которые уже ограничили его развитие в 1930 году: отсутствие возможностей для теоретического обновления и упадок революционного движения, что привело к политической и культурной реакции в рабочем движении.

Этот второй фактор предопределил, например, исчезновение сюрреалистической группы в Румынии.

С другой стороны, именно под воздействием первого фактора в течение небольшого промежутка времени распались революционные сюрреалистические движения во Франции и Бельгии. За исключением Бельгии, где вышедшая из сюрреалистического движения группировка сохранила активную экспериментальную позицию⁴, все разбросанные по миру сюрреалистические тенденции пополнили лагерь мистического идеализма. Некоторых представителей революционного сюрреалистического движения объединил в своих рядах «Интернационал экспериментальных художников», действовавший в 1949–1951 годах в Дании, Бельгии, Голландии, а затем и Германии, чьим рупором был журнал «Собра» (Копенгаген – Брюссель – Амстердам)⁵. Заслуга этих групп заключается в том, что они смогли осознать необходимость в подобной организации, продиктованную сложностью и масштабами современных проблем. Но отсутствие идеологической строгости, ограничение поля экспериментальной деятельности сферой пластических искусств и прежде всего отсутствие теории, устанавливающей условия и направления их опытов, привели к их исчезновению.

Леттризм во Франции начинался как полная противоположность всем известным эстетическим течениям, продолжающееся загнивание которых он столь верно анализировал. Ставя своей целью непрерывное создание новых форм во всех областях творчества, леттристская группировка в 1946–1952 годах вела весьма полезную агитацию. Но поскольку члены группировки полагали само собой разумеющимся, что структура новых эстетических дисциплин будет похожа на прежнюю, эта идеалистическая ошибка ограничила их производство ничтожным числом экспериментов. В 1952 году левое крыло леттристов самоорганизовалось в Леттристский интернационал и исключило из движения ретроградов. В рамках Леттристского интернационала вопрос о выработке новых методов вмешательства в повседнев-

ную жизнь обсуждался в условиях острой борьбы между разными тенденциями.

В Италии попытки в области создания авангардистской организации оставались связаны со старыми художественными воззрениями и даже не достигли точки теоретического выражения (единственным исключением может служить экспериментальная антифункционалистская группировка, которая в 1955 году основала наиболее влиятельную секцию Международного движения за имажинистский Баухаус).

Одновременно с тем во всем мире, от США до Японии, воцарилось бездумное подражание наиболее безобидным и вульгаризированным образцам западной культуры (представители американского авангарда, собранные в американской колонии в Париже, настолько подвержены конформизму, что он привёл их к полной идеологической, социальной и даже экологической изоляции). Что касается культурного производства народов, до сих пор находящихся под пятой культурного колониализма (причиной которому часто служит политическое угнетение), то даже если оно является прогрессивным по меркам своей страны, то в культурно развитых странах оно неизбежно играет реакционную роль.

Критики, которые положили в основу своей карьеры устаревшие творческие системы, притворяются, что обнаружили новые достижения в греческих фильмах или гватемальских романах. Их антиэкзотичная экзотика заключается в возрождении старых форм, давно используемых и уже исчерпанных в других странах; что служит, однако, главной целью экзотики: побег из реальных условий жизни и творчества.

Из культуры рабочих государств для нас сегодня представляют ценность лишь эксперименты Брехта в Берлине, поставившего под сомнение классическое понятие спектакля. Только Брехту удалось противостоять глупости правящего социалистического реализма. Сейчас, в момент распада социалистического реализма, мы можем ожидать большего от революционного вторжения интеллектуалов рабочих

стран в реальные проблемы современной культуры. Поскольку ждановщина была чистейшим выражением не только культурной дегенерации рабочего движения, но и консервативной культурной позиции буржуазного мира, те, кто сейчас выступают на Востоке против ждановщины, вне зависимости от их субъективных намерений, не могут вести такое противостояние просто во имя большей творческой свободы, подобной свободе Кокто. Смысл отрицания ждановщины заключается в отрицании ждановского отрицания «ликвидаторов». Единственный способ преодоления ждановщины заключается в реальном осуществлении свободы, которая является осознанием нынешней необходимости.

Последние годы также были не более чем периодом беспорядочного сопротивления беспорядочному правлению реакционного слабоумия. Нас было не так много. Но мы не должны останавливаться на вкусах или незначительных результатах этого периода. Проблемы культурного творчества могут быть решены лишь в связи с новым подъёмом мировой революции.

Платформа предварительного противостояния

Революционное действие в области культуры должно быть нацелено не на передачу или объяснение жизни, но на её освобождение. Оно должно атаковать несчастье по всем фронтам. Революция не ограничивается определением уровня индустриального производства или владельцев средств производства. Вместе с эксплуатацией человека необходимо уничтожить порождённые ею пристрастия и привычки.

Необходимо установить новые желания, соотносящиеся с современными возможностями. Сейчас, в разгар борьбы между современным обществом и силами, которые собираются его уничтожить, мы должны найти первые элементы

более совершенного строительства окружающей среды и новые модели поведения. Это будет и экспериментом, и пропагандой. Всё остальное относится к прошлому и обслуживает его.

Сейчас нам необходимо предпринять организованную коллективную работу, направленную на унитарное использование всех средств изменения повседневной жизни. То есть в первую очередь мы должны признать взаимозависимость этих средств в перспективе ещё большего доминирования природы, ещё большей свободы. Мы должны создать новые типы окружений, которые будут одновременно и инструментом, и результатом новых форм поведения. Для достижения этой цели мы изначально должны опытным путём использовать ныне существующие повседневные образы действий и культурные формы, отказываясь признавать за ними какую-либо ценность. Сам критерий новизны и формального изобретения утратил своё значение в традиционном контексте искусства, то есть в контексте недостаточного, фрагментарного средства, в котором частичные новшества уже устарели и потому просто невозможны.

Мы не должны отвергать современную культуру, мы должны овладеть ею, чтобы её опровергнуть. Никто не может претендовать на звание революционного интеллектуала, если он не осознает культурной революции, которая нам предстоит. Интеллектуальный творец не может быть революционером, просто поддерживая ту или иную партийную линию, даже если он делает это оригинальным способом; он может стать революционером, лишь работая в стороне от партий над необходимым изменением всех культурных настроек. Также и то, что действительно определяет, является ли кто-нибудь буржуазным интеллектуалом или нет, — это ни его социальное происхождение, ни знание им культуры (что является общей отправной точкой для критики и созидания), но лишь его роль в производстве исторически буржуазных форм культуры. Авторы, придерживающиеся революцион-

ных политических воззрений, чьи произведения получают высокую оценку буржуазной литературной критики, должны спросить себя, что они сделали не так.

Объединение многочисленных экспериментальных тенденций в революционный культурный фронт, начало которому положил конгресс в Альбе (Италия) в конце 1956 года⁶, предполагает, что мы должны учитывать три важных фактора.

Во-первых, мы должны требовать полного согласия между всеми участвующими в этом едином действии группировками и индивидуальными участниками, и это единство не должно быть ослаблено замалчиванием отдельных его следствий. Шутники и карьеристы, которые достаточно глупы, чтобы желать подобным образом сделать себе карьеру, не должны быть допущены в наш круг.

Во-вторых, мы должны напомнить, что хотя всякая подлинно экспериментальная тактика допустима к использованию, это словосочетание часто используется не по назначению для оправдания художественных действий в рамках уже существующих форм, ранее опробованных другими. Истинный экспериментальный подход основывается на точной критике существующих условий и целенаправленном преодолении их. Необходимо осознать раз и навсегда, что то, что является лишь самовыражением через созданные другими средства, не может называться созиданием. Созидание — это не компоновка объектов и форм, это изобретение новых законов такой компоновки.

В-третьих, мы должны устранить среди нас сектантство, которое противостоит единым действиям с возможными союзниками для достижения конкретных целей и предотвращения проникновения наших представителей в другие организации. Леттристский интернационал в 1952–1955 годах после нескольких необходимых чисток постоянно двигался к абсолютной строгости, ведущей к абсолютной изоляции и неэффективности и в итоге к застою и вырождению духа критики и исследования. Мы должны выйти за рамки такого сек-

тантского поведения во имя реальных действий. Это должно быть единственным критерием, по которому мы объединяемся или размежевываемся с нашими товарищами. Разумеется, это не обозначает, что мы должны отказаться от размежевания, к чему нас все призывают. Наоборот, мы полагаем необходимым продолжать в дальнейшем отказ от определённых привычек и личностей.

Мы должны составить нашу программу сообща и реализовывать её дисциплинированно, используя для этого любые средства, вплоть до художественных.

К Ситуационистскому интернационалу

Нашей главной идеей является создание ситуаций, то есть создание мимолётных жизненных обстановок и их трансформация в ощущения превосходного качества. Мы должны осуществлять систематическое вмешательство, основанное на двух факторах, находящихся в постоянном взаимодействии: материальной среде жизни и моделях поведения, создаваемых ею и трансформирующих её.

Наши задачи по воздействию на окружающую среду привели нас в итоге к понятию унитарного урбанизма. Унитарный урбанизм в первую очередь определяется как использование всех форм искусства и техники как средств для цельного создания окружающей среды. Столь сложная конструкция должна рассматриваться как нечто гораздо большее, чем прежнее доминирование архитектуры над традиционными искусствами, или чем нынешнее избирательное применение к анархическому урбанизму специализированных технологий или научных исследований (например, экологических).

Унитарный урбанизм должен, например, определять акустическую среду, как и распространение разнообразных напитков и пищевых продуктов. Он будет включать в себя со-

здание новых форм и *détournement* старых форм архитектуры, урбанизма, так же как и *détournement* прежней поэзии и кино. Цельное искусство, о котором все так много говорят, может быть достигнуто лишь на уровне урбанизма. Но оно не сможет соответствовать никакому из традиционных определений эстетики. В каждом из экспериментальных городов унитарный урбанизм будет действовать посредством нескольких силовых полей, которые мы временно обозначим традиционным термином «квартал». Каждый квартал будет стремиться к достижению собственной гармонии, отличной от гармоний соседних районов, или же, наоборот, будет построен по принципу максимальной внутренней дисгармонии.

Во-вторых, унитарный урбанизм динамичен, поскольку он напрямую связан с моделями поведения. Микроэлементом унитарного урбанизма является не дом, но архитектурный комплекс, соединяющий все факторы, определяющие обстановку, или несколько противоположных обстановок, на уровне созданной ситуации. Пространственное развитие должно учитывать эмоциональный эффект, который призван вызывать экспериментальный город. Один из наших товарищей разработал теорию кварталов-состояний души, в соответствии с которой каждый квартал города должен был вызывать некоторое простое чувство, которое индивид таким образом сможет нарочно у себя провоцировать⁷. Кажется, что подобный проект основывается на соответствующих выводах из нынешнего движения к обесцениванию случайных основных чувств, и реализация этого проекта может ускорить это движение. Товарищи, которые призывают к новой, свободной архитектуре, должны понимать, что эта новая архитектура будет в первую очередь основана не на свободных, поэтических линиях и формах (в том смысле, который вкладывают в эти слова сейчас в «абстрактной лирической» живописи), но скорее на атмосферных эффектах комнат, коридоров, улиц, на атмосфере происходящего в них.

Архитектура должна развиваться, приняв в качестве своего материала движение ситуаций, а не движение форм. И эксперименты с этим материалом приведут к появлению новых, доселе неведомых форм. Психогеографическое исследование («изучение точных законов и конкретных воздействий географической среды, вне зависимости от того, были ли они организованы сознательно или нет, непосредственно влияющих на эмоции и поведение индивидуумов»⁸) тем самым приобретает двойное значение: активное наблюдение современных городских агломераций и разработка гипотез о структуре ситуационистского города.

Прогресс психогеографии зависит в очень большой степени от статистического развития её методов наблюдения, но главным образом — от экспериментирования путём непосредственного вмешательства в урбанизм. Прежде чем эта стадия будет достигнута, мы не можем быть уверены в объективной истинности наших первоначальных психогеографических данных. Но даже если эти данные окажутся ложными, они всё равно будут ложными решениями того, что является подлинной задачей.

Наша деятельность в области поведенческих моделей, во взаимосвязи с другими желательными аспектами революции в области нравов, может быть вкратце определена как изобретение игр принципиально нового типа. Основной целью должно стать максимальное расширение интересной части жизни и пропорциональное сокращение скучных жизненных моментов. Потому наше предприятие можно назвать проектом по количественному увеличению человеческой жизни, более значимому, чем позволяют ныне открытые биологические методы. Само собой, это подразумевает качественное улучшение, развитие которого непредсказуемо. Ситуационистская игра отличается от игр в классическом понимании радикальным отрицанием принципов состязательности и чёткого разделения между игрой и повседневной жизнью. С другой стороны, ситуационистская игра подобна

моральному выбору — выбору в пользу действий с целью установления будущего царства свободы и игры. Реализация этой задачи очевидно связана с непрерывным ростом свободного времени, который будет результатом уровня развития производственных сил, достигнутого к нашему времени. Она также связана с осознанием факта, что битва за праздность, чьё значение в классовой борьбе ещё не было должным образом проанализировано, происходит на наших глазах.

На сегодняшний день правящий класс преуспел в использовании досуга революционного пролетариата, отнятого у трудящихся посредством развития индустрии развлечений, которая стала беспрецедентным инструментом одурманивания пролетариата побочными продуктами мистифицированных идеологий и буржуазного вкуса. Обилие телевизионной глупости, следует думать, является главной причиной неспособности рабочего класса США политизироваться. Получив благодаря согласованному напору небольшое повышение оплаты труда, немного превышающее минимум, необходимый для осуществления этого труда, пролетариат не только увеличивает силы борьбы, но и расширяет территорию борьбы. Новые формы борьбы появляются параллельно с возникновением прямых экономических и политических конфликтов. Можно сказать, что до сей поры во всех этих формах непрестанно доминировала революционная пропаганда, во всех странах, где высокий уровень промышленного развития привёл к возникновению таких форм. К сожалению, несколько экспериментов XX века продемонстрировали, что необходимое изменение инфраструктуры может быть отложено из-за ошибок и слабостей на уровне надстройки. Необходимо бросить новые силы в битву за праздность, и мы примем в этом участие.

Первичный опыт в области новых поведенческих моделей уже был осуществлён посредством того, что мы назвали «дрейфом»: метод познания в психогеографических исследованиях и ситуационистской психологии, практика чувствен-

ного перемещения, основанного на быстрой смене обстановки. Но применение этого стремления к игровому созиданию должно быть распространено на все известные формы человеческих отношений и, таким образом, оказать влияние на историческую эволюцию таких чувств, как дружба и любовь. Всё указывает на то, что основные элементы нашего исследования сосредоточены в нашей гипотезе о создании ситуаций.

Жизнь человека представляет собой последовательность случайных ситуаций, и даже если ни одна из них в точности не повторяет другую, подавляющее большинство из них столь трудноразличимы и столь скучны, что создают впечатление одинаковости. Вследствие этого редкие притягательные ситуации лишь сдерживают и строго ограничивают жизнь. Мы должны пытаться создавать ситуации, то есть коллективные окружения, совокупности впечатлений, определяющие качество момента. Если мы возьмём простой пример собрания группы лиц в установленное время, следует изучить, с учётом знаний и доступных материальных средств, какая организация места встречи, какой набор участников и провоцирование каких событий являются подходящими для создания желаемой обстановки. Безусловно, возможности для создания ситуаций значительно увеличатся во времени и пространстве по мере реализации унитарного урбанизма и взросления поколений, выросших в условиях ситуационистской практики. Создание ситуаций начинается с ликвидации современного понятия спектакля. Легко увидеть, насколько сильно главный принцип спектакля (невмешательство) связан с отчуждением в старом мире. Наоборот, наиболее актуальные революционные эксперименты в культуре пытались преодолеть психологическую идентификацию зрителя с героем, чтобы вовлечь зрителя в непосредственную деятельность, разбудить его способности к преображению собственной жизни. Таким образом, ситуация предназначена быть прожитой её создателями. Роль

«публики», пассивной или выполняющей функции статистов, должна неуклонно сокращаться одновременно с увеличением числа тех, кого нужно назвать не актёрами, но в новом смысле этого слова «живущими».

Следует увеличить число субъектов и объектов поэзии, которые сейчас, к сожалению, настолько редки, что наименее значимым из них придаётся преувеличенное эмоциональное значение; также нам предстоит устроить игры, чтобы поэтические субъекты могли играть с новыми поэтическими объектами. Вот вся наша программа, которая по сути является временной. Наши ситуации будут проходящими, не имеющими будущего. Неизменный, вечный характер искусства или чего-либо ещё не рассматривается нами всерьёз. Вечность является наиболее пошлой категорией среди тех, в которых человек может помыслить свою деятельность.

Ситуационистские техники ещё предстоит изобрести. Но мы знаем, что задача возникает лишь там, где необходимые для её реализации материальные условия уже существуют или как минимум находятся в процессе формирования. Мы должны начать с фазы ограниченного экспериментирования. Безусловно, будет необходимо составить сценарии создания ситуаций, несмотря на то, что сначала они будут полны неизбежных недостатков. Для этого следует разработать систему обозначений, которая будет совершенствоваться по мере возрастания нашего опыта. Также будет нужно открыть или проверить точные законы, например, выявить зависимость ситуационистских эмоций от предельной концентрации или предельной рассеянности действий (классическая трагедия представляет образец первого случая, дрейф – второго). Дополнительно к непосредственным методам, которые будут использоваться для достижения конкретных целей, на стадии утверждения для нужд создания ситуаций потребуется новое применение технологий тиражирования. Можно представить, например, телевизионную трансляцию некоторых аспектов одной ситуации, которая демонстрируется в прямом

эфире участникам другой ситуации, вызывая тем самым искажения и изменения в обеих ситуациях. Проще говоря, так называемая кинохроника могла бы начать соответствовать своему имени, сформировав новую школу документального кинематографа, призванную сохранять для ситуационистских архивов наиболее значимые моменты ситуации, прежде чем движение элементов этой ситуации не создаст другую ситуацию. Поскольку систематическое строительство ситуаций приведёт к появлению ранее неизвестных чувств, такой фильм будет иметь важную воспитательную роль в пространстве этих новых страстей.

Ситуационистская теория решительно поддерживает нелинейную концепцию жизни. Следует перестать рассматривать понятие единства как применимое ко всей жизни в целом (в таком случае оно оказывается реакционной мистификацией, основанной на вере в бессмертную душу и в конечном счёте в разделение труда), наоборот, оно должно применяться к отдельным моментам жизни и к созданию каждого такого момента путём единого использования ситуационистских методов.

В бесклассовом обществе более не будет художников, будут лишь ситуационисты, которые среди прочего иногда занимаются живописью.

Главной эмоциональной драмой жизни, помимо постоянного конфликта между желанием и враждебной к желаниям реальностью, является ощущение течения времени. Ситуационистский подход использует течение времени для своих целей, и этим отличается от художественных средств, стремящихся зафиксировать эмоции. Ситуационистский вызов скоротечности эмоций и времени — это ставка на постоянное изменение, на предельно возможное продвижение в игре и преумножение волнующих моментов. Очевидно, нам не просто сейчас сделать такую ставку. Тем не менее даже если нам предстоит проиграть тысячу раз, у нас нет выбора и другой, столь же прогрессивной тактики.

Ситуационистское меньшинство изначально было сформировано в качестве тенденции в левом крыле леттризма, затем в Леттристском интернационале, в итоге оказавшемся под его полным контролем. То же объективное движение привело некоторые недавно образовавшиеся авангардные группировки к похожим выводам. Вместе мы должны уничтожить все пережитки недавнего прошлого. Мы верим в то, что единое действие революционного авангарда в культуре должно осуществляться на основе такой программы. У нас нет ни точных рецептов, ни заданных результатов. Мы лишь предлагаем совместное осуществление экспериментальных исследований в нескольких направлениях, которые мы сейчас определили, и в других направлениях, которые предстоит определить. Особая сложность достижения результатов первых ситуационистских проектов доказывает новизну области, в которую мы проникли. То, что изменяет наше видение улицы, является более важным, нежели то, что изменяет наше видение живописи. Наши рабочие гипотезы будут проверяться во время всех последующих потрясений, где бы они ни происходили.

Мы часто слышим, в основном от революционных художников и интеллектуалов, которые из соображений вкуса смирились с собственным неоспоримым бессилием, что «ситуационизм» достаточно неприятен, что мы не создали ничего прекрасного, что лучше уж обсуждать Жида⁹, и что не существует никаких причин, чтобы интересоваться нами. Они будут уклоняться от прямых высказываний, упрекая нас в использовании различных скандальных тактик для привлечения внимания. Они будут возмущены действиями, которые мы сочли нужным предпринять, для того чтобы отмежеваться от определённых личностей, или для того чтобы продолжать держать их на расстоянии от нас. Мы отвечаем им: важно не то, интересуется это вас или нет, а способны ли вы сами вызвать к себе интерес в новых условиях культурного творчества.

Революционные художники и интеллектуалы, ваша роль заключается не в стенаниях об оскорблённой свободе, когда мы отказываемся идти вместе с врагами свободы. Ваша роль — не в подражании буржуазным эстетам, стремящимся все ограничить тем, что уже было сделано, потому что то, что уже было сделано, не представляет для них опасности. Вы знаете, что искусство никогда не бывает чистым. Ваша роль в том, чтобы стремиться к тому, что делает интернациональный авангард, участвовать в конструктивной критике его программы и призывать поддерживать его.

Наши ближайшие задачи

Мы должны совместно с рабочими партиями и радикальными тенденциями внутри этих партий провозглашать необходимость предпринимать последовательные идеологические действия в области чувственности для противостояния влиянию методов пропаганды развитого капитализма; при каждой возможности противопоставлять капиталистическому образу жизни иные желанные образы жизни; всеми гиперполитическими средствами разрушать буржуазную идею счастья. Одновременно с тем, принимая во внимание существование среди правящих классов в разных обществах тех людей, которые всегда стремились (от скуки или желания чего-то нового) к вещам, которые приведут к исчезновению их обществ, мы должны подстрекать людей, обладающих огромными ресурсами, которых нам недостаёт, к тому, чтобы они снабдили нас средствами для проведения наших экспериментов, так же как они в стремлении к потенциальной прибыли поддерживают научные исследования.

Мы должны повсеместно представить революционную альтернативу правящей культуре; координировать все исследования, ведущиеся в данный момент без общей перспективы; путём критики и пропаганды призвать самых прогрессив-

ных художников и интеллектуалов всех стран выйти на контакт с нами для совместных действий.

Мы должны объявить о своей готовности возобновить дискуссию на основе этой программы с теми, кто, приняв участие в ранних фазах нашей деятельности, всё ещё способен присоединиться к нам.

Мы должны выдвинуть лозунги унитарного урбанизма, экспериментального поведения, гиперполитической пропаганды, создания обстановок. Хватит интерпретировать старые чувства, пора обнаружить новые.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Созданная ситуация

Момент жизни, целенаправленно и осознанно сконструированный посредством коллективной организации единой обстановки и игры событий.

Ситуационист

Тот, кто связан с теоретической или практической деятельностью по созданию ситуаций. Тот, кто стремится создавать ситуации. Член Ситуационистского интернационала.

Ситуационизм

Бессмысленное слово, искусственно выдуманное и производное от предыдущего термина. Не существует ситуационизма как доктрины, интерпретирующей существующие факты. Понятие ситуационизма несомненно придумано антиситуационистами.

Психогеография

Изучение конкретных воздействий городской среды, вне зависимости от того, были ли они организованы сознательно или нет, непосредственно влияющих на эмоции и поведение индивидуумов.

Психогеографический

Относящийся к психогеографии. Тот, кто выражает непосредственное воздействие географической среды на эмоциональность.

Психогеограф

Тот, кто ищет и распространяет психогеографические сведения.

Дрейф

Экспериментальная манера поведения, связанная с условиями городского общества: техника быстрого прохождения сквозь различные обстановки. В частности, это также может обозначать продолжительность непрерывного исполнения этого опыта.

Унитарный урбанизм

Теория использования совокупности искусств и техник, действующих едино с целью комплексного создания среды в динамической связи с экспериментами в области поведения.

Détournement

Используется для сокращения формулировки «искажение готовых эстетических элементов». Интеграция произведений искусства современности и прошлого в высшее конструирование среды. В этом смысле не может существовать ситуационистская живопись или музыка, возможно лишь ситуационистское использование этих средств. В более простом смысле, *détournement* традиционных культурных сфер явля-

ется методом пропаганды, выражающим устаревание этих сфер и утрату ими значимости

Культура

В любой исторический момент это — отражение и прообраз возможностей по организации повседневной жизни; комплекс эстетики, чувств и обычаев, посредством которого коллектив воздействует на жизнь, объективно данную ему его экономикой. (Мы определяем этот термин исключительно с точки зрения созидания ценностей, а не обучения им.)

Разложение (декомпозиция)

Процесс, посредством которого традиционные культурные формы самоуничтожились вследствие возникновения превосходящих способов господства природы, позволяющих и требующих превосходящие культурные конструкции. Различают активную фазу разложения, реального разрушения старых надстроек, которая прекращается к 1930 году, и фазу повторения, которая господствует с тех пор. Задержка в переходе от разложения к новым конструкциям связана с задержкой революционной ликвидации капитализма.

ТЕЗИСЫ О КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1.

Традиционная цель эстетики состоит в том, чтобы дать почувствовать некоторые отсутствующие и недоступные сейчас прошлые элементы жизни, которые посредством искусства избегают смешения образов, так как образы это то, что страдает от господства времени. Степень эстетического успеха измеряется красотой, неотделимой от длительности времени и даже стремящейся претендовать на вечность. Цель ситуационистов заключается в непосредственном участии в изобилии чувств, даруемом жизнью, путём изменения преднамеренно организованных мимолётных мгновений. Успех этих мгновений определяется не чем иным, как эффектом от их прохождения. Ситуационисты определяют культурную деятельность с точки зрения тотальности как метод экспериментального конструирования повседневной жизни, которая может быть постоянно совершенствуема по мере увеличения возможностей для досуга и исчезновения разделения труда (начиная с разделения художественного труда).

2.

Искусство способно перестать быть отчётом об ощущениях и превратиться в непосредственного организатора высших ощущений. Речь идёт о производстве самих себя, а не порабощающих нас вещей.

3.

Масколо прав, когда говорит в книге «Коммунизм»¹, что сокращение рабочего дня режимом диктатуры пролетариата является «наиболее верной гарантией революционной сущности этого режима». Действительно, «если человек — это товар, и к нему относятся как к вещи, если основные человеческие отношения являются отношениями между вещами, то причина этого в том, что у человека можно купить его время». Масколо, однако, приходит к поспешному выводу, что «время добровольного труда» всегда потрачено не зря, и что «покупка времени является единственным злом». Не существует никакой свободы в использовании времени без владения современными инструментами конструирования повседневной жизни. Использование таких инструментов означает превращение утопического революционно-го искусства в экспериментальное революционное искусство.

4.

Международную организацию ситуационистов можно рассматривать как объединение рабочих передовых отраслей культуры, точнее, как союз тех, кто провозглашает право на труд, невозможный в нынешних социальных условиях, или, ещё точнее, как попытку создания организации профессиональных культурных революционеров.

5.

В действительности мы отделены от подлинного контроля над материальными ресурсами, накопленными к нашему времени. Коммунистическая революция так и не произошла, и мы всё ещё живём в ситуации разложения старых культурных надстроек. Анри Лефевр верно замечает, что это противоречие находится в центре специфического современного

разногласия между прогрессивным человеком и миром, и называет культурные тенденции, основанные на этом разногласии, «романтически-революционными»². Недостаток концепции Лефевра заключается в том, что он делает простое выражение разногласия критерием революционного действия в области культуры. Лефевр заранее отказывается от каких-либо попыток глубоких культурных изменений, оставаясь довольным содержанием: осознанием (всё ещё слишком отдалённым) того возможного и невозможного, что может быть выражено в абсолютно любой форме в ситуации разложения.

6.

Те, кто хочет преодолеть во всех аспектах старый установленный порядок, не должны связывать себя с нынешним беспорядком, даже в области культуры. Мы должны немедленно приступить к борьбе, в том числе и в области культуры, за непосредственное появление изменённого порядка будущего. Его возможность, уже присутствующая в нашей среде, обесценивает все известные формы культурного выражения. Необходимо довести все формы псевдокоммуникации до их полного уничтожения, для достижения в будущем истинно непосредственной коммуникации (в терминах нашей рабочей гипотезы о высших культурных методах: «созданной ситуации»). Победа будет за теми, кто сможет создать беспорядок, не полюбив его.

7.

В мире культурного разложения мы можем попробовать наши силы, но не применить их. Практическая задача преодоления нашего разногласия с миром, то есть преодоления разложения некоторым высшим созиданием, неромантична. Мы будем «романтически-революционными», в понимании Лефевра, именно в случае нашей неудачи.

АМСТЕРДАМСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

1. Ситуационисты должны использовать любую возможность противостояния реакционным силам и идеологиям в области культуры и в любой иной области, в которой ставится вопрос о смысле жизни.
2. Членство в Ситуационистском интернационале не должно рассматриваться как простое согласие с организационными принципами; сущность деятельности всех участников должна быть определена совместно установленными задачами и осознанием необходимости дисциплинированных действий в практической и общественной сфере.
3. Возможность унитарного и коллективного творчества уже предопределена разложением отдельных видов искусства. Ситуационистский интернационал не может оправдать никаких попыток их возрождения.
4. Программа-минимум Ситуационистского интернационала заключается в разработке новых типов жизненных окружений, которым предстоит развиваться до унитарного урбанизма, и в исследованиях в области разработки новых поведенческих стратегий для этих окружений.
5. Унитарный урбанизм — сложная непрерывная деятельность, целью которой является обновление окружающего пространства в соответствии с наиболее передовыми концепциями во всех сферах общественной жизни.
6. Решение проблем жилья, транспорта, досуга может быть рассмотрено лишь в связи с социальной, психологической и художественной перспективами, объединёнными

- в единую синтетическую гипотезу на уровне повседневной жизни.
7. Вне зависимости от любых эстетических соображений, унитарный урбанизм является результатом нового типа коллективного творчества; развитие подобного духа созидания есть первоочередное условие унитарного урбанизма.
 8. Создание моделей жизненных обстановок, благоприятствующих такому развитию, есть первоочередная задача творцов сегодня.
 9. Все средства хороши, если они служат унитарному действию. Взаимодействие художественных и научных методов приведёт к полному их слиянию.
 10. Создание ситуации заключается в конструировании переходных микроокружений и набора событий, формирующих уникальный момент в жизни нескольких человек. В рамках унитарного урбанизма оно неотделимо от построения общего окружения, более длительного по времени.
 11. Созданная ситуация является средством унитарного урбанизма, также как унитарный урбанизм является необходимой основой для создания ситуации и в игре, и в любом серьёзном занятии, в более свободном обществе.

Амстердам, 10 ноября 1958

КОНСТАН, ДЕБОР

ТЕЗИСЫ СИТУАЦИОНИСТОВ ОБ УЛИЧНОМ ДВИЖЕНИИ

1. Главная ошибка урбанистов заключается в том, что они считают личный автомобиль (и его побочные продукты вроде мотороллера) средством передвижения. По сути же своей это главное материальное воплощение идеи благоденствия, которую развитой капитализм стремится распространить на целое общество. Автомобиль как высшее благо отчуждённой жизни и одновременно как главный товар капиталистического рынка занимает в мировой пропаганде центральное место: в этом году часто можно слышать, что экономическое благополучие Америки вскоре будет зависеть от того, удастся ли воплотить в жизнь лозунг «Два автомобиля на семью».
2. Время, расходуемое на транспорт, — это прибавочный труд, что прекрасно понимал Ле Корбюзье, так как оно сокращает то время дня, которое называют свободным.
3. Нужно, чтобы из дополнения к работе уличное движение перешло в разряд удовольствий.
4. Стремиться перековать архитектуру под текущий способ массового паразитического существования личного автотранспорта — значит ставить вопросы, не глядя реальности в лицо. Нужно перестраивать архитектуру сообразно всему движению общества в целом, подвергая критике проходящие ценности, порождённые отживши-

ми формами общественных отношений (среди них в первом ряду — семья).

5. Если в рамках переходного периода мы и можем временно допустить жёсткое разделение на промышленные и жилые кварталы, нужно как минимум изначально предусмотреть третью зону: для самой жизни (территорию свободы, досуга и истинной жизни). Известно, что унитарный урбанизм не знает границ и объявляет своей целью создание полного единства человеческой среды, где все разделения, например, работа — коллективный досуг — частная жизнь в конце концов полностью исчезнут. Но прежде чем это станет возможным, минимальной задачей унитарного урбанизма является распространить территорию игры на все желаемые сооружения. Эта территория должна быть на уровне сложности старого города.
6. Речь не о борьбе с автомобилями как со злом. Но из-за их чрезмерной концентрации в городах они теряют свой изначальный смысл. Разумеется, урбанизм не должен игнорировать автомобиль, но при этом не должен и ставить его во главу угла. А должен, наоборот, делать ставку на его скорое отмирание. Но как бы там ни было, разумно ожидать его запрет на территории некоторых новых архитектурных построек и ряда старинных городов.
7. Те, кто прочит автомобилю вечность, не думают о будущих формах транспорта, даже с чисто технической точки зрения. Например, некоторые модели компактных вертолётов, которые сейчас тестируются армией США, вполне могут распространиться среди гражданского населения уже в ближайшие двадцать лет.
8. Абсурдность разрушения диалектики человеческой среды в угоду автомобилям прикрывается псевдопрактиче-

скими объяснениями: в Париже планируется построить автострады, что повлечёт за собой снос тысяч жилых домов, и это в то время, когда жилищный кризис непрерывно усугубляется. Реальная же практическая потребность в таких проектах вызвана вполне конкретным состоянием общества. Те, кто считает исходные условия задачи неизменными, на самом деле просто хотят верить в неизменность современного общества.

9. Революционные урбанисты не станут ограничиваться лишь заботой о передвижении вещей и людей, застывших в мире вещей. Они будут стремиться разорвать цепи топологии, пробуя создавать пространства для передвижения людей по подлинной жизни.

ДЕБОР

РОЛЬ “POTLATCH” — ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

“Potlatch” — название информационного бюллетеня Леттристского интернационала, 29 выпусков которого были разосланы из Парижа между июнем 1954 года и ноябрём 1957 года. Инструмент пропаганды во время переходного периода между недостаточными и провальными попытками послевоенных авангардистов и организацией культурной революции, ныне систематически иницилируемой ситуационистами, “Potlatch”, вне всякого сомнения, был для своего времени выражением наиболее радикальным, то есть зашедшим наиболее далеко в поисках новой культуры и новой жизни.

Каких успехов не достигала бы наша деятельность, лишь “Potlatch” заполнил пустоту в культурных идеях эпохи, эту зияющую дыру середины 1950-х. Уже нет никаких сомнений, что “Potlatch” является для истории не свидетельством верности духу модерна во время царствования реакционной пародии, но документом экспериментального поиска, который в будущем станет главной задачей. Но это будущее уже началось — это игра каждого из нас с его жизнью. Настоящий успех, который можно признать за “Potlatch”, заключается в его служении делу объединения ситуационистского движения на новом и более широком поле действий.

Известно, что “Potlatch” взял своё имя от слова североамериканских индейцев, означавшего докоммерческую форму товарооборота, построенную на взаимности роскошных подарков. Непродаваемыми товарами, которые мог распространять подобный бесплатный бюллетень, были желания и решённые проблемы; и вовлечение в них других людей

составляло ответный дар. Это объясняет, почему обмен опытом часто представлял собой обмен оскорблениями, теми оскорблениями, которые мы задолжали тем, чья идея о жизни является менее грандиозной, чем наша.

С момента учредительной конференции в Козио-ди-Ароша “Potlatch” принадлежал ситуационистам, прекратившим публикацию практически немедленно. Между тем, ситуационистская конференция в Мюнхене¹ по предложению Викера² установила принцип публикации новой серии “Potlatch”, на этот раз служащей исключительно для внутренней коммуникации между секциями СИ. Издание и распространение “Potlatch” было передано под контроль голландской секции.

Новая задача “Potlatch” в ином контексте столь же важна, как и прежняя. Мы продвинулись вперёд, и в связи с этим возросли наши трудности, как и шансы внести свой вклад в совершенно не в ту задачу, в которую планировалось. Мы живём как и должны жить подлинными новаторами до момента низвержения всех господствующих принципов культуры, в условиях центрального противоречия: мы являемся одновременно и присутствием, и опровержением так называемого «современного» искусства. Мы должны сохранить и преодолеть эту негативность, выйдя за её пределы на превосходящую культурную территорию. Но мы не можем связывать себя ни с известными способами эстетического «выражения», ни со вкусами, которые оно питает. СИ может быть хорошим инструментом преодоления этого смехотворного и устойчивого мира или он может окаменеть на пути как ещё большее препятствие, препятствие «нового стиля». Надеемся, что он продвинется настолько далеко, насколько это возможно. Надеемся, “Potlatch” послужит на пользу этой цели.

МАНИФЕСТ

Новые человеческие силы, которые существующая система не в силах укротить, растут день ото дня по мере непреодолимого развития технологий, и вместе с ними растёт недовольство от невозможности их использования в бессмысленной жизни нашего общества.

Не следует приспосабливаться к любому из существующих в обществе вариантов отчуждения и угнетения, но следует отвергнуть их все вместе с самим обществом. Очевидно, что процесс прогресса приостановлен до революционного решения нынешнего всеобъемлющего кризиса.

Каковы перспективы организации жизни в обществе, которое действительно «по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей»¹? Автоматизация производства и обобществление жизненно важных товаров будут всё сильнее и сильнее сокращать необходимый объём работы и наконец дадут полную свободу личности. Таким образом, освобождённое от всякой экономической ответственности, освобождённое от всех своих долгов и обязанностей прошлого, человечество будет располагать новой прибавочной стоимостью, неисчислимой в деньгах, поскольку нельзя будет её свести к мере оплачиваемой работы: цене игры, жизни, построенной бесплатно. Осуществление подобного игрового созидания есть гарантия свободы всех и каждого, что может быть реализовано лишь в условиях всеобщего равенства и отсутствия эксплуатации человека человеком. Освобождение игры, придание ей творческой независимости, *отменит прежнее деление между работой и пассивным отдыхом.*

Церковь сжигала так называемых ведьм, чтобы подавить примитивные игровые тенденции, содержащиеся в карнавалах. В современном обществе, производящем обилие жалких псевдоигр в «неучастие», истинная художественная деятельность обязательно классифицируется как преступление. Она существует в условиях подполья. Её появление вызывает скандал.

Что же такое в действительности ситуация? Это реализация превосходной игры, точнее, вызов на эту игру, которым является присутствие человека. Революционные игроки всех стран могут объединиться в Ситуационистский интернационал для того, чтобы начать исход из мезозоя повседневности.

Отныне мы провозглашаем автономные ячейки производителей новой культуры, независимые от существующих на данный момент политических и профсоюзных организаций, поскольку отказываем им в способности организовать что-нибудь кроме управления уже существующим.

В момент, когда организация перейдёт с начальной стадии эксперимента на более высокую ступень первой публичной кампании, нашей наиболее актуальной целью будет захват ЮНЕСКО. Единая глобальная бюрократизация искусства и культуры представляет собой новое явление, отражающее глубокие взаимосвязи между существующими в мире социальными системами, основанными на эклектичном сохранении и воспроизводстве прошлого. Ответом революционных художников на новые условия должен быть новый тип действия. Поскольку само существование этого централизованного управления культурой, помещённого в единое здание, способствует захвату его *силовым путём*; и поскольку это учреждение полностью бесполезно для каких-либо целей, кроме наших подрывных планов, мы полагаем, что наши современники оправдают подобный захват. И мы сделаем это. Мы полны решимости захватить ЮНЕСКО, хотя бы на короткое время, поскольку уверены, что таким образом сможем быстро выполнить работу, которая будет заключаться большей частью в заявлении длинного списка требований.

Каковы будут главные принципы новой культуры, и как она будет соотноситься с прежним искусством?

Против искусства спектакля: реализованная культура ситуационистов предполагает всеобщее участие.

Против сохранный искусства: это организация непосредственно переживаемого момента.

Против фрагментарного искусства: это будет глобальная практика, соединяющая все необходимые элементы. Естественно, в большинстве случаев это будет коллективное творчество, осуществляемое на принципах анонимного участия (по крайней мере, поскольку творческие работы *более не будут товаром*, в этой культуре не будет доминировать желание оставлять следы). План-минимум подобных экспериментов предполагает революцию в поведении и динамический унитарный урбанизм, способный распространиться по всему миру и в дальнейшем расширить своё поле действия на все обитаемые планеты.

Против одностороннего искусства: культура ситуационистов будет искусством диалога, искусством взаимодействия. Сегодня художники — со всей видимой культурой — полностью отделены от общества, так же как они отделены друг от друга в конкурентной борьбе. Но перед лицом тупика капитализма искусство остаётся по сути односторонним, безответным. Преодоление этой закрытой эпохи примитивизма будет достигнуто путём многосторонней коммуникации.

На более высокой ступени общественного развития каждый станет художником, то есть одновременно и производителем, и потребителем мирового искусства, что поможет быстрому размытию линейных критериев новизны. Все будут, так сказать, ситуационистами; будет постоянный рост числа направлений, опытов, или принципиально разных «школ» в ситуационистской практике — *не последовательно, но одновременно*.

Теперь мы торжественно объявляем себя представителями последнего ремесла в истории. Роль ситуациониста,

и любителя, и профессионала, антиспециалиста, всё равно будет профессией до момента наступления экономического и психического изобилия, когда каждый станет «художником» в том смысле, которого художники так и не достигли — станет строителем своей собственной жизни. Тем не менее последняя в истории профессия настолько близка обществу, навсегда освобождённому от разделения труда, что когда она впервые возникла среди членов Ситуационистского интернационала, её статус профессии, как правило, отрицался.

Тем, кто не способен понять нас, мы говорим с непередаваемым презрением: «Ситуационисты, которых вы берётесь судить, однажды сами осудят вас. Мы ожидаем неизбежного *поворотного момента*, который будет ликвидацией мира лишений во всех формах. Таковы наши цели, и они будут целями всего человечества».

17 мая 1960

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К СОЗДАНИЮ ЕДИНОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОГРАММЫ

I. Капитализм, общество без культуры

1. «Культура» может быть определена как совокупность средств, с помощью которых общество осмысляет и выражает себя, и, таким образом, осуществляет выбор всех видов использования доступной ему прибавочной стоимости, т. е. как организация всего, что находится за гранью насущных потребностей воспроизводства социума.

В конечном счёте сегодня все формы капиталистического общества основываются на широко распространённом и устойчивом (на массовом уровне) разделении на руководителей и подчинённых. Перенесённая на плоскость культуры, эта характеристика означает разделение между «пониманием» и «созданием», принципиальную неспособность организовать (на основе постоянного использования) с какой-бы то ни было целью непрерывно возрастающее господство над природой.

Доминирование над производством требует от класса капиталистов монополизации понимания производственной деятельности, работы. Для достижения этой цели работа, с одной стороны, всё сильнее фрагментируется, т. е. делается непонятной для исполнителя; и с другой стороны, её единство восстанавливается специальными агентствами. Но эти агентства в свою очередь подчинены истинным управляющим, которые являются единственными, кто обладает теоретическим осознанием всего процесса, поскольку они устанавливают производствен-

ный процесс в соответствии со своими целями. Однако это осознание неполно, а эти цели — произвольны, поскольку они оторваны от практики и всякого реального знания, в передаче которых никто не заинтересован.

Вся социальная деятельность, таким образом, разделена на три уровня: мастерская, офис и правление. Культура, как способ активного и практического осмысления общества, также разделена на такие же три части. Воссоздание единства происходит лишь благодаря постоянному нарушению людьми границ тех сфер, которые для них определила схема общественного управления, то есть происходит тайным и неполным образом.

2. Таким образом, механизм организации культуры сводится к овеществлению человеческой деятельности, которое обеспечивает фиксацию живущего и его передачу по модели передачи товаров и которое стремится обеспечить господство прошлого над будущим.

Такое функционирование культуры входит в противоречие с постоянной необходимостью капитализма в завоевании приверженности людей и в ограничении их творческой активности теми узкими рамками, в которые он их заключает. Вкратце, капиталистический порядок может выжить, лишь непрерывно фабрикуя новое прошлое для самого себя. Это особо явно можно наблюдать в культурном секторе, чья реклама строится на периодических презентациях ложных новшеств.

3. Работа, таким образом, стремится свестись к чистому исполнению и потому становится абсурдной. Постепенно, по мере развития технологий, они становятся всё более распространёнными, работа упрощается, а её абсурдность всё больше и больше растёт.

Но эта абсурдность также распространяется на офисы и лаборатории: окончательные решения относитель-

но их деятельности принимаются не ими, но в политической сфере, управляющей всем обществом.

С другой стороны, постепенно, по мере того как деятельность офисов и лабораторий интегрируется в общее функционирование капитализма, требование рекуперации этого вида деятельности приводит к введению в нём капиталистического разделения труда, то есть к фрагментации и иерархизации. Логическая проблема научного синтеза, таким образом, пересекается с социальной проблемой централизации. Результатом подобных изменений является, вопреки видимости, централизованное невежество на всех уровнях знания: научного синтеза не происходит, наука более не понимает себя. Наука уже не является для людей современности подлинным и практичным объяснением их отношений с миром; она разрушила старые представления, но не способна представить новые. Мир как единая целостность становится непостижимым; специалисты-одиночки обладают некоторыми фрагментами рациональности, но они не способны даже передать эти фрагменты друг другу.

4. Такое положение вещей приводит к ряду конфликтов. Существует конфликт между техническими достижениями, являющимися следствием естественной логики развития материальных процессов (а также, по большому счёту, естественной логики развития науки) и технологиями, которые выборочно применяют эти достижения в строгом соответствии с требованиями эксплуатации трудящихся и подавления их сопротивления. Также существует конфликт между целями капитализма и естественными потребностями человека. Таким образом, противоречие между нынешними ядерными испытаниями и всё ещё преобладающим вкусом к жизни отражается даже в морализаторских протестах отдельных физиков. Изменения, которые человек сейчас может внести в само-

го себя (от пластической хирургии до контролируемых генетических мутаций) также требуют общества, управляющегося самим собой, отмены всякого специализированного руководства.

Повсюду бескрайние новые возможности устанавливают неотложную альтернативу: революционное решение или научно-фантастическое варварство. Компромисс, который представляет собой современное общество, может существовать лишь в состоянии статус-кво, которого оно непрерывно со всех сторон избегает.

5. Современная культура в целом может быть охарактеризована как отчуждённая, в том смысле, что любая деятельность, любой момент жизни, любая идея, любая модель поведения обретает свой смысл лишь «вовне», в «другом месте», которое теперь находится не на небесах, но в области, ещё более сложной для локализации: утопия¹ в прямом смысле слова, на самом деле определяет жизнь современного мира.

6. Капитализм повсюду (от мастерской до лаборатории), опустошив любую производственную деятельность от какого-либо самостоятельного значения, силится поместить смысл жизни в развлекательные мероприятия и переориентировать в этом направлении производственную деятельность. В соответствии с преобладающей моралью производство является адом, реальная жизнь должна заключаться в потреблении, в использовании товаров.

Но по большей своей части эти товары не годны ни для какого использования, кроме удовлетворения некоторых частных надобностей, которые были гипертрофированы в соответствии с требованиями рынка. Капиталистическое потребление навязывает общее сокращение желаний путём регулярного удовлетворения искусственных потребностей, которые остаются потреб-

ностями, никогда не становясь желаниями; подлинным желаниям предназначено остаться нереализованными (или быть подменёнными спектаклями). В действительности сам потребитель морально и психологически потребляется рынком. Но прежде всего эти товары не имеют никакого общественного применения, поскольку общественный горизонт располагается на границах завода; за пределами завода всё организовано подобно пустыне (заводские общежития, автострады, парковки...). Территория потребления — это пустыня.

Тем не менее общество, организованное в завод, безраздельно доминирует в этой пустыне. Реальное использование товара является попросту социальным украшением, впрочем, все приобретаемые символы престижа и социальной дифференциации в то же время стали обязательными для всех в соответствии с неизбежной тенденцией промышленных товаров. Завод символически отражён в организации досуга, притом с достаточными возможностями для личных вариаций, чтобы компенсировать некоторое разочарование. Мир потребления по своей сущности является миром спектаклей обо всём и для всех, миром тотальной разобщённости, отчуждённости и неучастия. Управленческая сфера является строгим режиссёром этого спектакля, сочинённого механически и плохо, в соответствии с распоряжениями, исходящими из-за пределов общества, выраженными в бессмысленных ценностях (сами управляющие, как живые люди, также могут считаться жертвами этого роботизированного режиссёра).

7. За пределами рабочих мест спектакль является основным способом человеческих отношений. Только через спектакль люди приобретают фальшивое знание конкретных аспектов всей общественной жизни: от достижений науки и техники до господствующих моделей по-

ведения и встреч великих мира сего. Отношения между авторами и зрителями являются всего лишь аналогией фундаментального отношения между руководителями и подчинёнными. Это превосходно отвечает нуждам овеществлённой и отчуждённой культуры: отношения, устанавливаемые спектаклем, сами по себе являются превосходным носителем капиталистического порядка. Двусмысленность всего «революционного искусства» заключается в том, что революционный характер спектакля непременно оказывается окружён всем реакционным, что есть во всех спектаклях.

Поэтому развитие капиталистического общества прежде всего означает совершенствование механизма спектакля. Разумеется, это сложный механизм, поскольку его основная задача — распространение капиталистического порядка, он также не должен предстать на публике безумием капитализма; он должен казаться публике привлекательным путём включения в себя элементов представления, которые соответствуют — частично — социальной реальности. Он должен отвлечь от желаний, исполнение которых запрещено правящим порядком. Например, современный массовый туризм представляет города и ландшафты не для удовлетворения искреннего желания жить в подобной среде (человеческой и географической), но как быстрый, поверхностный спектакль (воспоминания о котором впоследствии послужат повышению общественного престижа). Стриптиз является наиболее очевидной формой эротики, деградировавшей до простого спектакля.

8. Развитие и сохранение искусства определялись следующими тенденциями. С одной стороны, искусство было просто-напросто рекуперировано капитализмом как средство психологической обработки населения. С другой стороны, капитализм пожаловал искусству в виде уступки вечную

привилегию: настоящую творческую деятельность, алиби для отчуждения любых иных форм деятельности (которая в действительности является наиболее роскошным из всех социальных украшений). Но в то же время сфера, зарезервированная для «свободной творческой деятельности», является единственной, в которой на практике и в полной мере поднимается вопрос о предельном использовании жизни, вопрос коммуникации. Таким образом, искусство является средоточием основных противоречий между сторонниками и противниками официально предписываемых жизненных целей. Установившиеся бессмысленность и разделение соответствуют общему кризису традиционных художественных средств, кризису, связанному с опытом другого использования жизни или требованием его испытать. Революционные художники это те, кто призывает к вмешательству, и кто сам вмешался в спектакль, чтобы подорвать и уничтожить его.

II. Революционная политика и культура

1. Революционное движение — это борьба пролетариата за реальное господство и целенаправленное преобразование всех аспектов социальной жизни, прежде всего за осуществление управления производством и руководства трудовым процессом самими рабочими, непосредственно принимающими решения обо всём. Такое изменение приведёт к немедленной радикальной трансформации сущности работы и к разработке новых технологий, призванных обеспечить господство рабочих над машинами.

Эта радикальная трансформация смысла работы приведёт к ряду следствий, главным из которых, несомненно, станет смещение главного жизненного интереса от пассивного отдыха к новому типу производственной

деятельности. Из этого отнюдь не следует, что всякая производственная деятельность сама по себе тотчас станет крайне увлекательной. Но стремление сделать её таковой посредством тотального и непрерывного преобразования целей и средств индустриального производства станет всеобщим желанием в свободном обществе.

В будущем всякая деятельность будет бесконечно разнообразным слиянием досуга и работы, ранее разделённых. Производство и потребление будут заменены творческим использованием товаров обществом.

2. Подобная программа не предлагает людям никаких иных жизненных целей, кроме самостоятельного конструирования их собственных жизней. Это предполагает не только то, что люди должны быть полностью освобождены от насущных нужд (голод и т. д.), но, прежде всего, что люди начнут исполнение своих подлинных желаний вместо нынешних навязанных; что люди откажутся от всех форм поведения, навязанных другими, чтобы постоянно изобретать для себя свои новые воплощения; и что люди не будут больше ожидать от жизни простого поддержания определённой стабильности, но будут стремиться к неограниченному богатству собственных действий.
3. В наши дни эти требования основаны не на какой-то утопии. Они основаны, в первую очередь, на борьбе пролетариата на всех уровнях и на всех формах прямого отказа или глубокого безразличия, с которыми неустойчивое правящее общество постоянно пытается бороться всеми доступными средствами. Они также основаны на важном уроке о поражении всех попыток менее радикальных изменений. И в конечном итоге они основаны на требовании, выраженном сейчас в определённых радикальных поступках молодёжи (дрессировка которой оказалась

наименее эффективной) и отдельных представителей художественных кругов.

Эти основания можно назвать утопическими, поскольку они предполагают поиск и проверку решения существующих проблем без предварительного анализа, присутствуют ли в данный момент условия для непосредственной реализации этих решений (обратите внимание, что подобное утопическое экспериментирование играет ключевую роль в современной науке). Такой временный, исторический утопизм полностью оправдан; более того, он необходим, поскольку намечает проекции будущих желаний, без которых свободная жизнь была бы лишена содержания. Он неотделим от необходимости ликвидации существующей идеологии повседневной жизни, а значит и оков повседневного угнетения, чтобы революционный класс мог свободно от иллюзий обнаруживать существующие опыты и возможности свободы.

Утопическая практика имеет смысл лишь в том случае, если она тесно связана с революционной борьбой. Последняя, в свою очередь, не может обойтись без утопии, не будучи обречённой на бесплодность. Стремящиеся к экспериментальной культуре не могут рассчитывать на реализацию своих замыслов без победы революционного движения, которое само по себе не может установить подлинно революционные условия, не приняв во внимание идеи культурного авангарда в области критики повседневной жизни и его планы по её свободной реконструкции.

4. Таким образом, революционная политика имеет своим содержанием множество всех проблем общества. Частной формой революционной политики является экспериментальная практика свободной жизни путём организованной борьбы против капиталистического порядка.

Потому революционное движение должно стать экспериментальным движением. Отныне там, где оно существует, оно должно развивать революционное микрообщество и решать наиболее глубокие, связанные с этим проблемы. Эта всеобъемлющая политика достигает кульминации во время революционных действий, когда массы внезапно вмешиваются в ход исторического процесса и ощущают свои действия как непосредственный опыт и как праздник. В такие моменты они предпринимают осознанное и коллективное строительство повседневной жизни, которое однажды более ничто не сможет остановить.

Предварительные
замечания
к созданию
единой
революционной
программы

20 июля 1960

П. Канжуэр, Г.-Э. Дебор

ПЕРСПЕКТИВЫ ОСОЗНАННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Изучение повседневности будет совершенно нелепой затеей, изначально обречённой на полное непонимание объекта исследования, если непосредственной целью исследования не будет последующее преобразование повседневной жизни.

Публичная лекция, демонстрация ряда умственных построений перед слушателями, являясь крайне расхожей формой человеческих взаимоотношений для достаточно значительного сектора общества, сама по себе провоцирует критику повседневной жизни.

Среди социологов, к примеру, ужасно распространена мода брать всё, что им попадает под руку, из повседневной жизни, и распределять по отдельным, якобы более высоким сферам. Всё это — дело привычки, какие бы формы она ни принимала, начиная от обыкновения пользоваться набором *профессиональных* терминов — то есть плодов разделения труда — чтобы заслонить реальность условностями, принятыми в привилегированных кругах.

Таким образом, было бы желательно посредством небольшого видоизменения привычных форм представления показать, что именно здесь и происходит повседневная жизнь. Конечно, распространение этих слов через магнитофонную запись не имеет цели проиллюстрировать проникновение новых техник в далёкую от мира техники повседневную жизнь, но, скорее, стремится использовать простейшую возможность порвать с иллюзиями псевдовзаимодействия, с бутафорским диалогом, который невольно устанавливается между «реально присутствующим» лектором и зрителями.

Это лёгкое неудобство может способствовать тому, чтобы изначально поместить в сферу изучения повседневной жизни (изучения в ином случае полностью абстрактного) саму публичную лекцию как таковую, так же, как и множество прочих способов проведения времени и использования вещей; тех способов, которые считаются «обычными», и которых мы даже не замечаем, но которые нас в итоге определяют. Относительно этого нюанса, как и относительно самой совокупности повседневной жизни, можно сказать, что её изменение является необходимым и достаточным условием для того, чтобы экспериментально выявить объект нашего исследования, изначально довольно неопределённый; объект, который в большей степени подлежит изменению, чем изучению.

Я бы хотел заметить, что само существование подлежащей наблюдению совокупности, обозначаемой термином «повседневная жизнь», для многих может оставаться лишь на уровне гипотезы. И правда, с самого момента создания этой исследовательской группы главные опасения внушает явно не то, что группа ещё ничего не успела найти, а то, что с первого дня слышны споры о самом наличии повседневной жизни; и с каждым заседанием они лишь усиливаются. По большей части в ходе обсуждений слышатся выступления тех, кто ни капли не уверен в существовании повседневной жизни, потому что нигде её не встречал. Руководствующая подобными настроениями группа по исследованию повседневной жизни по всем параметрам сравнима с экспедицией, ушедшей на поиски снежного человека, которая вполне может в итоге прийти к заключению, что он — лишь фольклорная выдумка.

Конечно, все соглашаются с тем, что определённые действия, повторяемые изо дня в день, — например, открыть дверь или наполнить стакан, — действительно существуют; но все они относятся к настолько банальному уровню той реальности, которую мы с полным основанием оспариваем, что представляют интерес только как повод для новой спе-

циализации в социологических исследованиях. Часть социологов и правда, похоже, не слишком склонна представлять, что у повседневной жизни могут быть иные аспекты, исходя из определения, предложенного для неё Анри Лефевром: «Это всё, что останется, если вычесть из прожитого всю специализированную деятельность»¹. Тут-то и обнаруживается, что большая часть социологов, — мы ведь знаем, специализированная деятельность это их хлеб, и потому они в неё зачастую слепо веруют, — так вот, большинство социологов везде находят специализированную деятельность, и нигде — повседневную жизнь. Повседневная жизнь всегда где-то там. У других. Во всяком случае точно не среди социологов, — может, у остальных классов. Кто-то здесь даже сказал, что было бы любопытно понаблюдать за рабочими как за подопытными кроликами, которые, вероятно, заражены-таки этим вирусом повседневной жизни, потому что раз у них нет доступа к специализированной деятельности, они и проживают исключительно повседневную жизнь. Такой способ разглядывать людей в лупу в поисках какой-то смутной, примитивной повседневности; а главное, неприкрытое удовольствие, с каким это говорится, эта наивная гордость быть включённым в ту культуру, чей огульный провал уже никто и не думает скрывать, абсолютная неспособность понять мир, который её произвёл, — всё это не может не удивлять.

Здесь имеет место очевидное желание спрятаться за мысленными построениями, которые исходят из искусственного разделения всего на отдельные сферы, с целью избавиться от бесполезного, грубого и неудобного концепта «повседневной жизни». Этот концепт возвращает к тому, что осталось от каталогизированной и классифицированной действительности, к тому остатку, на который многие терпеть не могут поднимать глаза, потому что в нём видится целостный подход; и он требует комплексных суждений, политических выводов. Говорят, что часть интеллектуалов тешит себя таким образом иллюзией причастности к господствующему слою

общества, в силу того, что им принадлежит одна или несколько культурных специализаций; что на самом деле должно было бы делать их первыми, кто разглядит, насколько вся эта господствующая культура уже изедена молью. Но вне зависимости от нашего суждения о том, насколько эта культура последовательна и интересна в своих элементах, она подвергла вышеупомянутых интеллектуалов отчуждению, заключающемуся в том, чтобы верить, что они, находясь на небе социологов, не имеют никакого отношения к повседневной жизни любых народных масс, или в то, что они слишком высоко забрались по лестнице человеческих возможностей, при этом не замечая, что сами они — по сути такие же бедняки.

Безусловно, специализированная деятельность существует; более того, в текущую эпоху именно она практикуется повсеместно, что всегда полезно признавать, отбросив иллюзии. Повседневная жизнь — это не всё подряд. Хотя и можно наблюдать её диффузию в специализированные виды деятельности, вплоть до того, что в некотором смысле мы всегда находимся внутри повседневной жизни. Но если мы решим набросать простейшую пространственную схему всех видов деятельности, повседневную жизнь нужно будет рисовать в самом центре. Всякое частное начинание и всякое воплощение именно здесь обретают своё истинное значение. Повседневная жизнь — это мера всего: успешности или, скорее, безуспешности человеческих отношений; использования проживаемой жизни; поисков, происходящих в искусстве; революционной политики.

Мало напоминать, что прежние лубочные картинки науки про незаинтересованного наблюдателя в любом случае являются ложными. Необходимо подчёркивать, что в этом вопросе незаинтересованное наблюдение невозможно даже более, чем где бы то ни было. Проблемы с тем, чтобы даже подступиться к области повседневной жизни, возникают не только потому, что она уже становится местом встречи эмпирической социологии и концептуального анализа, но и по-

тому, что именно её избрало сегодня целью всякое революционное обновление культуры и политики.

Повседневная жизнь без её критики — сегодня означает поддержание существующих, насквозь прогнивших форм культуры и политики, чей чудовищный кризис, особенно далеко зашедший в развитых странах, выражается во всеобщей аполитичности и новой безграмотности. Напротив же, радикально критикуя, причём действием, текущую повседневную жизнь, можно прийти к преодолению культуры и политики в их традиционном значении, то есть подняться на высший уровень участия в жизни.

Но, спросят меня, как же вышло, что эта повседневная, единственная реальная, по моему мнению, жизнь была так поспешно и так радикально недооценена теми, кто в конце концов не имеет к тому никаких мотивов; притом, что многие из них, скорее всего, вовсе не являются врагами какого-либо обновления революционного движения?

Полагаю, причина в том, что повседневная жизнь пребывает в границах возмутительной нищеты. И к тому же эта нищета вовсе не случайна: она беспрестанно навязывается ей притеснениями и насилием со стороны разделённого на классы общества; это нищета, установившаяся исторически, по требованию истории эксплуатации.

Использование повседневной жизни в значении потребления проживаемого времени полностью подчинено недостаткам: недостатку свободного времени и недостатку возможностей его провести.

Равно как ускоренная история нашего века — это история накопления, индустриализации, так и отставание повседневной жизни и её склонность к окостенению — это результаты действия законов и мотивов, управляющих этой индустриализацией. Повседневная жизнь на самом деле по сей день представляет собой сопротивление всему историческому. Где под *историческим* понимается наследие общества эксплуатации и его дальнейший проект.

В чудовищной нехватке сознательной организации повседневной жизни и творческого подхода к ней выражается фундаментальная потребность эксплуататорского общества, общества отчуждения, в бессознательности и иллюзиях.

Анри Лефевр прибегает к дальнейшей разработке идеи неравномерного развития, характеризуя смещённую, но не отрезанную полностью от историчности повседневную жизнь как отсталый сектор². Я полагаю, что можно пойти дальше и характеризовать текущий уровень повседневной жизни как колонизированный сектор. Мы уже видели в масштабе мировой экономики, что отставание в развитии и колонизация – взаимосвязанные факторы. Всё указывает на то, что это справедливо и на уровне социально-экономической формации, это видно из практики.

Покрытая всевозможными иллюзиями и находящаяся под полицейским контролем повседневная жизнь служит своего рода заповедником для «благородных дикарей»³, которые, сами того не подозревая, заставляют вертеться шестерёнки современного общества с его стремительным ростом технических возможностей и форсированной экспансией рынка. История – то есть преобразование действительности – на данный момент невозможна в повседневной жизни, потому что человек повседневности – это продукт истории, над которой он не имеет власти. Очевидно, что он сам её творит, но не свободен в этом.

Современное общество понимается как набор почти полностью изолированных специализированных сфер, и потому повседневная жизнь, в разговоре о которой все вопросы могут быть поставлены целостно, естественным образом обходится стороной.

Посредством индустриализации это общество лишило трудовую деятельность всякого смысла. И никакая модель поведения человека сегодня уже не актуальна. Такое общество стремится превратить людей в изолированных потребителей, запретить всякое общение. Повседневная жизнь,

таким образом, это частная жизнь, сфера разделения и спектакля.

И здесь она также становится местом поражения всех специалистов. Именно здесь, к примеру, редчайший из умов, способный постичь последние научные представления об устройстве Вселенной, вдруг глупеет и надолго задумывается над эстетическими теориями Роб-Грийе⁴ или начинает слать петиции на имя Президента Республики с намерением повлиять на его политику. Эта сфера обезоруживает, здесь вскрывается неспособность жить.

Мы не можем, таким образом, объяснять отсталость повседневной жизни лишь через её относительную неспособность перенимать технические достижения. Это важное, но всё ещё частное следствие глобального ежедневного отчуждения, которое можно определить как неспособность создать технологию освобождения повседневности.

И правда, многие технические новинки в той или иной мере изменили отдельные аспекты повседневной жизни: бытовая техника, как уже говорилось, но также и телефон, телевидение, запись музыки на долгоиграющие пластинки, распространение авиаперелётов и т. д. Все эти элементы появляются хаотически, как придётся, так что никто не просчитывает взаимосвязей и возможных последствий. Но можно точно сказать, что в своей совокупности все эти акты внедрения технических новшеств в повседневную жизнь, будучи в конечном счёте подчинены прагматичному расчёту современного бюрократического капитализма, скорее служат увеличению зависимости людей и вытеснению творческого начала. Так и в современных городах явно прослеживается тенденция к тоталитарной организации жизни современным капитализмом: обособленные индивиды (как правило, разделённые по «семейным ячейкам») сокращают свою жизнь до банального повторения, перемежающегося обязательным поглощением спектакля, точно так же повторяющегося.

Можно предположить, таким образом, что самоцензура, практикуемая людьми в отношении собственной повседневной жизни, объясняется осознанием собственной невыносимой убогости, равно как и ощущением, возможно неосознанным, но непременно хотя бы один раз испытанным, что все настоящие возможности, все желания, подавлявшиеся системой общественных отношений, всё это время были здесь, а вовсе не в специализированных занятиях и развлечениях. Иными словами, осознание масштабов богатства невоплощённой энергии повседневной жизни неразрывно связано с осознанием убогости господствующего способа организации этой жизни: само осязаемое присутствие этого нетронутого богатства заставляет на контрасте определить текущую повседневную жизнь как тоскливую тюрьму; и, как следующий шаг, отрицать существование этой проблемы.

В таких обстоятельствах уходить от политических вопросов, поставленных самой убогостью повседневной жизни, значит скрывать от себя всю глубину требований относительно её возможного богатства; требований, в результате которых как минимум заново была бы изобретена революция. Причём вполне можно бежать от политики на этом уровне и одновременно быть активистом Объединённой социалистической партии⁵ или вдумчиво читать «L'Humanité».

Всё зависит именно от того, на каком уровне мы не боимся ставить перед собой вопрос: как мы живём? Что нас в жизни устраивает? Не устраивает? И чтобы при этом не дать себя смутить всей окружающей рекламе, убеждающей нас, будто можно быть счастливым оттого, что Бог существует, или от зубной пасты Колгейт, или благодаря НЦНИ.

Кажется, термин «критика повседневной жизни» может и должен идти об руку с обратным: критикой, которую повседневная жизнь безапелляционно обращает на всё, что ей безнадежно чуждо.

Вопрос использования технических достижений в повседневной жизни и не только — это именно политический

вопрос и никак иначе (а те из существующих технических средств, которые были внедрены, на самом деле отбирались в соответствии с задачей поддерживать господство одного класса). Когда нам встречаются образы будущего, распространённые в научной фантастике, в которых межгалактические приключения соседствуют со всё той же материальной убогостью и архаичным морализмом повседневной земной жизни, это всегда означает, что в таком будущем всё так же существует класс специалистов по власти, держащий в своём услужении толпы рабочих на заводах и офисах; и что все межгалактические приключения — лишь выбранное этими управленцами предприятие, ещё один метод развития их неразумной экономики, апогей специализированной деятельности.

Возникает вопрос: «Если частная жизнь — от слова часть, то от чего её отняли?» Именно от самой жизни, которой её ужасно недостаёт. А ещё у людей отняли общение, насколько только возможно; и возможность собственной реализации. Точнее сказать: возможность собственноручно создавать свою историю. Предположения относительно природы этого лишения могут выражаться, таким образом, лишь в планах по обогащению этой жизни; задумке иного по своей сути образа жизни... Или же, если мы исходим из того, что повседневная жизнь находится на границе подчинённой и независимой сфер жизни, то есть в довольно рискованной зоне, соответственно, нужно добиваться, чтобы она не пребывала в этом гетто, а постоянно расширяла свои границы; нужно постоянно работать над созданием новых возможностей.

Вопрос об интенсивности проживаемой жизни ставится сегодня обществом отчуждения — например, посредством употребления наркотиков — в тех категориях, в которых оно только и может рассматривать любой вопрос: я имею в виду, через псевдопричастность к фиктивному проекту, через закрепощение и привязанность. Уместно также заметить, насколько похож на наркотик образ любви, разработанный

и распространяемый этим обществом. Страсть здесь понимается сперва как отказ от всех прочих страстей; затем она наталкивается на преграды, и наконец обнаруживается лишь в компенсаторных формах господствующего спектакля. Ларошфуко писал: «Всецело предаться одному пороку нам обычно мешает лишь то, что у нас их несколько»⁶. Вот крайне позитивное наблюдение, если, отбросив моралистские предпосылки, сделать его основой проекта по воплощению человеческих возможностей.

Все эти задачи сейчас как нельзя актуальны, потому что очевидно, что центральное место в нашей эпохе занимает вышедшая из рабочей среды идея о необходимости упразднить классовое общество и начать историю человечества; а также, как следствие, ожесточённое сопротивление этой идее, её искажения и провалы, которые случались до сегодняшнего дня.

Текущий кризис повседневной жизни вписывается в новые формы кризиса капитализма, игнорируемые теми, кто упрямо продолжает рассчитывать даты следующих циклических кризисов мировой экономики.

Исчезновение в развитом капитализме всех прежних ценностей и связей, установленных прежними средствами общения, и невозможность заменить их какими угодно другими, пока в повседневной жизни и во всех сферах не возобладает разумное внедрение новых возможностей производства, которые ускользают от нас чем дальше, тем больше, — все эти факты вызывают не только неудовлетворённость нашей эпохой, выражаемую будто бы даже и официально, а особенно остро проявляющуюся среди молодёжи, но также и движение самоотрицания в искусстве. Искусство всегда было единственной деятельностью, которая обнаруживала скрытые в повседневной жизни проблемы, пусть и в завуалированной, искажённой, частично неверной манере. И вот прямо у нас под носом есть свидетельство полного разрушения художественной выразительности: современное искусство.

Я убеждён, что если рассматривать кризис современного общества во всей его полноте, то невозможно дальше противопоставлять досуг повседневности. Здесь уже отмечалось, что необходимо «изучать утраченное время». Но рассмотрим, что произошло в нашу эпоху с самой идеей потерянного времени. Для классического капитализма потерянное время – это всё, что не относится к производству, накоплению, сбережению. Светская мораль, преподаваемая в школах для буржуазии, усвоила это как жизненный принцип. Но похоже, что современный капитализм пошёл на неожиданную хитрость и ради «повышения уровня жизни» (выражение, которое, строго говоря, не имеет смысла, позволю себе напомнить) требует увеличивать уровень потребления. И в то время как условия производства, раздробленного и распланованного по минутам до абсурда, стало уже невозможно всерьёз защищать, сама мораль, распространяемая через рекламу, пропаганду и все формы господствующего спектакля, уже открыто признаёт, что напротив, это рабочее время является потерянным, и оправдывается эта потеря теперь лишь различным уровнем заработка, на который можно позволить себе отдых, потребление, досуг – то есть повседневную пассивность, подготовленную и контролируемую капитализмом.

Теперь, если иметь в виду искусственный характер потребностей в потреблении, которые современное производство безостановочно производит и провоцирует, – если увидеть бессмысленность досуга и невозможность отдыха – можно задать более близкий к реальности вопрос: что же не будет потерянным временем? Иначе говоря: в конце развития общества изобилия что конкретно у нас будет в изобилии?

Это может служить пробным камнем во многих отношениях. Когда, к примеру, читаешь одну из тех газет, в которых несостоятельность мысли так называемых левых интеллектуалов предстаёт во всей красе – я имею в виду “France Observateur”⁷ – и вдруг натыкаешься на заголовок «легковой автомобиль штурмует социализм», под которым идёт статья

о том, что русские в последнее время стали в индивидуальном порядке перенимать модель частного потребления благ на американский манер, и началось это именно с автомобилей, не можешь отогнать мысль, что не стоило, пожалуй, штудировать собрание сочинений Маркса, ещё и вслед за Гегелем, чтобы догадаться: если социализм отступает перед угрозой вторжения рынка в виде легкового автомобиля, то это явно не тот социализм, за который сражалось рабочее движение. Так что необходимость противостоять русским бюрократам у власти основывается вовсе не на их тактике и не на их догматизме, но на том, что жизнь людей на самом деле не стала осмысленнее. И реакционность повседневной жизни — это не горькая участь, предначертанная судьбой. Эту участь навязали ей сверху реакционные силы специализированной власти, и неважно, под каким соусом они подают спланированную ими бедность во всех её формах.

Итак, сущность сегодняшней аполитичности многих старых левых активистов, ушедших от одного отчуждения, чтобы с головой уйти в другое, в частную жизнь, скорее состоит не в возврате к личному как способу бегства от «исторической ответственности», а в отдалении от сферы специализированной политики, которая всегда кем-то контролируется, и где вся ответственность сводится на самом деле к тому, чтобы переключать ответственность на начальство, которое никто не контролирует, и где коммунистический проект был предан и дискредитирован. Так же, как невозможно противопоставить всю без разбора частную жизнь жизни общественной, не вызывая вопросов: какая именно частная жизнь? и какая общественная? (потому что частная жизнь содержит в себе элементы собственного отрицания и преодоления, равно как и коллективная революционная деятельность сумела взрастить в себе основания для своего вырождения), — так же ошибочно было бы заниматься подсчётом примеров отчуждения индивидов в революционной политике, потому как речь должна вестись об отчуждении революционной по-

литики как таковой. Будет правильным рассмотреть проблему отчуждения диалектически, указывая на способность отчуждения постоянно возрождаться непосредственно в самой борьбе против отчуждения, но подчеркнём, что всё это должно осуществляться на максимально высоком исследовательском уровне (например, в рамках общей философии отчуждения), а никак не на уровне сталинизма, чьи выкладки, к несчастью, слишком топорны.

Капиталистическая цивилизация ещё нигде не изжита, но повсюду продолжает производить собственных врагов. Грядущий подъём революционного движения, радикализированный опытом прошлых поражений, должен также усовершенствовать свою программу требований, приведя её в соответствие с практическими возможностями современного общества, которые продолжают подспудно создавать материальную базу, которой так недоставало якобы утопическим течениям социализма; эта грядущая попытка всеобъемлющего ниспровержения капитализма сможет изобрести и предложить новый способ использования повседневной жизни, и будет изначально опираться на новые повседневные практики, новые виды человеческих взаимоотношений (не забывая на этот раз, что любое сохранение внутри революционного движения отношений, господствовавших в прежнем обществе, неизбежно ведёт к воссозданию этого общества в различных вариантах).

Так же как некогда буржуазия во времена своего восхождения должна была безжалостно расправиться со всем за пределами земной жизни (с небесами, с вечностью); так же и революционный пролетариат — который никогда не признает никакого прошлого или никаких кумиров, пока будет продолжать быть революционным, — должен будет отречься от всего за пределами повседневной жизни. Или скорее, должен будет настаивать на преодолении этого: спектакля, «исторических» деяний или фраз, «величия» правителей, тайнства специализации, «безнравственности» искусства и его

трансцендентной важности. Что возвращает к формулировке: отвергнуть все отбросы вечности, выжившие в качестве оружия мира правителей.

Когда революция в повседневной жизни разрушит сопротивление последней всему историческому (и вообще всякому изменению), в ней создадутся условия, при которых *настоящее всегда будет одерживать верх над прошлым*, а творческое начало — над повторением. Значит, нужно надеяться, чтобы та часть повседневной жизни, которая являет собой двусмысленные формы — недоразумение, компромисс, злоупотребление — утратит вес в пользу своей противоположности: сознательного выбора или пари.

На смену тенденции к разрушению языка в искусстве, сосуществующей с этим техническим метаязыком, который является не чем иным, как бюрократизированным языком бюрократической власти, придут, наконец, высшие формы общения. Появление понятия социального текста, поддающегося расшифровке, должно привести в итоге к новой деятельности по написанию этого текста, в том направлении, которое сейчас разрабатывают мои товарищи ситуационисты через унитарный урбанизм и первые попытки экспериментального поведения. Полное преобразование централизованного производства промышленного труда выльется в организацию новых видов и форм повседневной жизни, в свободное создание событий.

Прежде чем критика, выражающаяся в безостановочном пересоздании всей повседневной жизни целиком, станет обычным делом всех людей, она должна быть произведена в условиях нынешнего угнетения, именно ради разрушения этих условий.

И сделать это не под силу авангардному течению в культуре, даже несмотря на его революционные устремления. Равно как и революционной партии традиционного типа, даже если она отводит существенную роль критике культуры (если понимать под этим термином совокупность художествен-

ных и когнитивных средств, посредством которых общество объясняет себя себе и устанавливает перед собой жизненные цели). Прежняя культура и политика утратили свой престиж и силу, не зря большинство теряет к ним интерес. Революционное преобразование повседневной жизни является не делом неопределённого будущего, но неотложной необходимостью, которую ставит перед нами развитие капитализма с его непосильными требованиями, и единственная альтернатива такому преобразованию — усиление современного рабства; вот это преобразование и означает конец всякой односторонней художественной выразительности, которую закупают оптом, как товар, и одновременно конец всякой специализированной политики.

С самых первых шагов это будет попытка создания революционной организации совершенно нового типа.

О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

1. «Необходимо возобновить максимально объективный и беспристрастный пересмотр классических основ рабочего движения, без иллюзий относительно его разнообразных политических и псевдотеоретических наследников, потому что всё, что они унаследовали от движения, — это его провал. Все видимые успехи этого движения на самом деле являются его тяжелейшими поражениями (например, реформизм или установление власти государственной бюрократии), а его поражения (например, Парижская коммуна или Астурийское восстание 1934 г.¹) являются одними из наиболее важных побед для нас и для будущих поколений» («Internationale Situationniste», № 7)².

2. Коммуна была самым грандиозным фестивалем девятнадцатого века. В основе событий весны 1871 года было чувство повстанцев, что они наконец стали хозяевами собственной истории, не на уровне государственной власти, а на уровне повседневной жизни (рассмотрим, например, повсеместно распространившиеся тогда *игры* с оружием, на самом деле означавшие игры с властью). В *этом же* смысле следует понимать слова Маркса о том, что «великим социальным мероприятием Коммуны было её собственное существование, её работа»³.

3. Слова Энгельса «Посмотрите на Парижскую коммуны. Это была диктатура пролетариата»⁴ должны быть восприняты всерьёз, как фундамент для демонстрации сущности тех по-

литических режимов, которые диктатурой пролетариата не являются (несмотря на разные склонения диктатуры пролетариата в их названиях).

4. Общепринятой основой критики Коммуны является явное отсутствие у неё *организационной структуры*. Однако проблема централизованной политической организации представляется для нас сейчас гораздо более сложной, нежели её пытаются представить наследники большевизма; настало время рассмотреть Коммуну не только как пример революционного примитивизма, ошибки которого могут быть легко преодолены, но как положительный опыт, сущность которого до сих пор не была раскрыта в полной мере.

5. У Коммуны не было лидеров. И это в момент, когда положение о необходимости лидеров в рабочем движении было общепринятым! Парадоксальным образом это было главной причиной и успехов, и неудач. Официальное руководство Коммуны было некомпетентно (в сравнении с Марксом, Лениным или даже с Бланки). Но, с другой стороны, «безответственные» действия того времени и были именно тем, что необходимо для продолжения революционного движения в наши дни (даже если в силу обстоятельств такие действия заключаются сугубо в разрушении — самым известным примером являются слова повстанца, сказанные в ответ подозрительному буржуа, утверждавшему, что он никогда не был вовлечён в политику: «Именно за это я тебя и убью»).

6. Принципиально важное значение всеобщего вооружения народа проявлялось практически и символически на всём протяжении событий. По большому счёту, право навязывать волю народа путём силы не было передано в руки специальных вооружённых отрядов. Образцовая автономия подобных вооружённых группировок имеет свою слабую сторону — отсутствие координации: во время борьбы с Версалем не бы-

ло ни единого момента, ни в нападении, ни в защите, когда силы народа имели бы высокую боеспособность; не стоит, однако, забывать, что испанская революция, как и гражданская война в Испании, была проиграна именно из-за преобразования таких сил в «республиканскую армию». Мы полагаем, что противоречие между автономией и координацией в значительной степени зависит от уровня развития технологии в рассматриваемый период.

7. Коммуна является для нас *единственной на данный момент реализацией революционного урбанизма*: атакующего окаменевшие места господствующей организации жизни, воспринимающего социальное пространство в политических терминах, отказывающегося принять невинность любого монумента. Те, кто принижает значение подобных атак, называя их «нигилизмом люмпен-пролетариата» или «безответственностью петролейниц⁵», должны указать, какие, по их мнению, ценности современного общества являются положительными и должны быть сохранены (мы увидим, что практически все). «Вся территория уже занята врагом... Подлинный урбанизм будет появляться на освобождённых от оккупации зонах. Там начнётся то, что мы называем созиданием. Пояснением этой мысли может служить концепция *положительной дырки*⁶, разработанная в рамках современной физики» («Основная программа Бюро исследований в области унитарного урбанизма», («Internationale Situationniste», № 67).

8. Парижская коммуна была побеждена не столько силой оружия, сколько силой привычки. Наиболее возмутительным примером является отказ от использования пушек для захвата Французского национального банка, когда нужда в деньгах была особенно острой. На всём протяжении существования Коммуны Банк оставался анклавом Версаля в Париже, защищённым лишь несколькими винтовками и мифом о собственности и краже. Другие идеологические привычки привели

к столь же катастрофическим последствиям (воскрешение якобинства, пораженческая баррикадная стратегия в память о 1848 г. и т. д.).

9. Коммуна показала, что защитники старого мира всегда получают пользу в той или иной форме от соучастия революционеров – особенно тех революционеров, которые думают исключительно о революции, и чей образ мыслей оказывается совершенно идентичен образу мыслей реакционеров. Таким образом, старый мир сохраняет свои опорные пункты (идеология, язык, обычаи, вкусы) в стане врага и использует их, чтобы отвоевать обратно утраченные позиции (только осмысленные действия революционного пролетариата полностью свободны от этого, пример тому – поджог Бюро налогообложения). Подлинная «пятая колонна» находится в сознании революционеров.

10. История поджигателей, которые в последние дни Коммуны отправились уничтожить Нотр-Дам и обнаружили, что его защищает батальон вооружённых художников Коммуны, богата смыслами: она даёт нам хороший пример прямой демократии. Она также даёт представление о тех проблемах, которые предстоит решить в будущем власти Советов. Были ли правы художники, которые объединились, чтобы защитить собор во имя вечных эстетических ценностей, в конечном счёте – во имя музейной культуры, в то время как другие люди желали самовыражения здесь и сейчас, сделав этот акт разрушения вызовом обществу, которое в момент своего триумфа готовилось предать их жизни небытию и забвению? Художники-коммунары, действовавшие так, как велел им профессиональный долг, оказались в конфликте с крайними формами борьбы против отчуждения. Коммунары должны быть подвергнуты критике за то, что не посмели ответить на тоталитарный террор со стороны власти всей мощью своего оружия. Все указывает на то, что поэты, выразившие

присущую Коммуне поэзию, *были просто уничтожены*. Множество невыполненных решений Коммуны позволило обозвать предварительные действия коммунаров «зверствами» и подвергнуть воспоминания цензуре. Слова Сен-Жюста «те, кто делает революцию наполовину, роют себе могилу»⁸ также объясняют его собственное *молчание*.

11. Теоретики, изучающие историю этого движения подобно классическим романистам с точки зрения божественного всезнания, с лёгкостью демонстрируют, что Коммуна была обречена изначально и не имела шансов на успех. Они забывают, что с точки зрения живших в то время *успех уже был достигнут*.

12. Смелость и изобретательность Коммуны должна оцениваться не мерками нашего времени, но с позиций политических, интеллектуальных и нравственных установок своего времени, с точки зрения *единства* всех идей, безжалостно уничтоженных Коммуной. Учитывая глубокую солидарность идей (правых и левых), существующих в данный момент, мы можем ожидать аналогичной изобретательности от социального взрыва в наши дни.

13. Социальная война, одним из эпизодов которой была Коммуна, продолжается и в наши дни (хотя видимые условия её значительно изменились). В задаче «сделать сознательными бессознательные тенденции Коммуны» ещё не сказано последнее слово.

14. На протяжении практически двадцати лет во Франции существовал консенсус между левыми христианами и сталинистами (в память об их национальном антигерманском фронте) о наличии элементов национального беспорядка и оскорблённого патриотизма в Коммуне. (Современная сталинистская позиция гласит, что «французский народ просил о лучшем управлении» и был доведён до отчаянных мер пре-

Ги Дебор
СТАТЬИ
И ДЕКЛАРАЦИИ
1952–1985

дательством со стороны космополитического правого крыла буржуазии.) Чтобы опровергнуть эту ханжескую галиматью, достаточно учесть роль, которую сыграли иностранцы, приехавшие бороться за Коммуну; Коммуна была неизбежной битвой, кульминацией действий «нашей партии» в Европе с 1848 года, как говорил Маркс⁹.

18 марта 1962

ДЕБОР, КОТАНЬИ И ВАНЕЙГЕМ

“ALL THE KING’S MEN”

В каждой битве за упразднение или сохранение нынешнего отчуждения проблема языка занимает центральное место; и она является неотделимой частью самого поля боя. Язык окружает нас постоянно, как загазованный воздух. Что бы там ни думали разные остряки, слова не играют в игры. Они не занимаются любовью, как полагал Бретон, разве только в мечтах. Они *работают* на господствующее устройство жизни. В то же время их труд не автоматизирован; к несчастью для специалистов по теории информации, слова не являются «носителями информации» сами по себе; в них проявляются силы, способные расстроить все расчёты. Слова состоят с властью в отношениях, подобных тем, какие могут выстраиваться между пролетариатом (как в классическом, так и в современном значении термина) и властью. Востребованные ею почти постоянно, на полный рабочий день, во всех своих смыслах и всей бессмыслице, они всё равно остаются некоторым образом чуждыми ей.

Власть выдаёт им исключительно фальшивые паспорта; заставляет их предъявлять пропуск, указывает им место на производстве (где многие из них, очевидно, перерабатывают); и в некотором смысле подписывает их зарплатную ведомость. Стоит признать всю серьёзность позиции Шалтая-Болтая из произведения Кэрролла, когда он говорит об употреблении слов: «Вопрос в том, кто из нас хозяин. Вот в чём вопрос!»¹ И дальше он, этакий социальный патерналист, отмечает, что платит двойную ставку тем словам, которые использует часто. Вспомним также явление *словесной*

непокорности: как слова сбегают, оказывают открытое сопротивление, что проявилось во всей новой литературе (от Бодлера до дадаистов и Джойса) как симптом революционного кризиса единства общества.

То, к чему отсылает управляемый властью язык, никогда не совпадает с подлинным жизненным опытом. В этом и коренится возможность всеохватного протеста. Неразбериха в регламентации языка уже достигла такого уровня, что предписываемые государством средства общения не могут утаить свою лживую и надувательскую сущность. Напрасно зарождающаяся власть кибернетики силится загнать язык под контроль своих машин, так, чтобы впредь всё общение сводилось лишь к передаче информации. Даже на её территории видно сопротивление, и мы вправе считать электронную музыку попыткой — разумеется, неоднозначной и ограниченной, — переворота властных отношений и подчинения машин нуждам языка. Но сопротивление куда глобальнее, куда радикальнее. Оно отвергает всякую одностороннюю «коммуникацию», хоть в классическом искусстве, хоть в современном информационизме. Оно призывает к общению, разрушающему любую обособленную власть. Там, где есть общение, нет государства.

Власть живёт краденым. Она ничего не создаёт, только рекуперировывает. Если бы власть создавала значение слов, то не было бы поэзии, одна полезная «информация». Мы никогда не смогли бы протестовать в языке, любое неповиновение стало бы внешним к нему, чисто леттристским. Однако что такое поэзия, как не революционный акт языка, неотделимый сам по себе от революционных событий мировой истории или личной истории человека?

Власть завладела языком аналогично тому, как прежде завладела целостностью мира. Только утратив всякую непосредственную связь с этой целостностью, язык может стать основой для информации. Информация — это поэзия власти (антипоэзия охранителей порядка), это растиражированная

фальсификация того, что есть на самом деле. Поэзию же, напротив, следует понимать как непосредственное общение в действительности и реальное изменение этой действительности. Она есть освобождённый язык, язык, вновь обретающий своё изобилие, и, разрывая оковы знака, разом возвращающий себе слова, музыку, крики, движения, живопись, математику, факты. Поэзия относится, таким образом, к сфере наивысшего изобилия, которое в условиях текущей общественно-экономической формации позволяет проживать и *изменять* жизнь. Вряд ли нужно уточнять, что отношения поэзии и её материальной основы в обществе являются не односторонним подчинением, а взаимосвязью.

Идея заново обрести поэзию может смешиваться с идеей заново изобрести революцию, что наглядно подтверждают отдельные периоды мексиканской, кубинской и конголезской революций. Складывается впечатление, что если во время периодов революции массы достигают поэзии своим действием, то в промежутках между ними водоворот поэтических исканий остаётся единственным местом, где продолжает жить революция в своей целостности, как невоплощённая, но близкая возможность, тень недостающего героя. Так что названное выше «поэтическими исканиями» становится делом трудным, опасным, и, во всяком случае, *совершенно ненадёжным* (по сути, оно представляет собой совокупность действий, *почти невозможных* в эту эпоху). Надёжным может быть лишь то, что перестало быть поэтическими исканиями эпохи, — её признанная и дозволенная суррогатная поэзия. Таким образом, если сюрреализм, когда он штурмом шёл на репрессивные порядки культуры и повседневности, мог честно называть своим оружием «поэзию, при необходимости без поэм»², то для СИ сегодня речь идёт о поэзии, *с необходимостью* без поэм. И всё, что мы говорим о поэзии, не имеет ни малейшего отношения к этим запоздалым реакционным попыткам нового стиха, даже если они равняются и не на самые старые образцы формального модер-

низма. Задача воплощённой поэзии в том, чтобы одновременно создавать события и их язык, неразрывно, — и никак не меньше.

Для всех закрытых языков — будь то жаргон неформальных молодёжных групп или язык, вырабатываемый для внутреннего пользования сегодняшними авангардистами на этапе поиска себя и самоопределения; или те, что в прежние времена, воплотившись в объективно существующую поэтическую продукцию, именовали себя “trobar clus”³ или “dolce stil nuovo”⁴, — для всех них целью, в итоге достигнутой, были ясность и непосредственность в общении, взаимном узнавании, единении. Но подобные начинания существуют лишь в очень узких кругах, всячески обособленных. И все события, которые им удавалось организовать, все для себя же устраиваемые торжества были обречены происходить в узком кругу. Одной из революционных задач и является объединение в союз этих разрозненных собраний, *советов по общению*, чтобы торжественно установить повсюду прямое общение, которому не придётся уже вновь прибегать к вражеским средствам (то есть к языку власти), и которое сможет менять мир согласно собственным стремлениям.

Речь не о том, чтобы поставить поэзию на службу революции, но напротив, поставить революцию на службу поэзии. Только так революция не предаст собственных целей. Мы не повторим ошибки сюрреалистов, присягнувших революции ровно тогда, когда её уже не стало. Связанный с памятью о неполной и быстро поверженной революции, сюрреализм быстро превратился в реформацию спектакля, критику лишь текущей его формы, осуществляемую внутри господствующей организации спектакля. Сюрреалисты, видимо, забыли, что власть навязывает и то, как понимать все внутренние улучшения и нововведения в спектакле, ведь ключ к их прочтению у неё в руках.

Всякая революция зарождалась в поэзии и делалась прежде всего силами поэзии. Этот феномен ускользнул и продол-

жает ускользать от теоретиков революции — действительно, его невозможно осознать, если руководствоваться старым пониманием революции или поэзии — но контрреволюционные силы, как правило, его замечали. Поэзия там, где она существует, внушает им страх; они всеми силами стараются изгнать её демонов, и в ход идёт всё: от костров до монографий по стилистике. Момент действительной поэзии, которая «свободно располагает временем», всякий раз стремится переориентировать согласно собственным целям всё единство нашего мира, включая и будущее. И пока он длится, его требования бескомпромиссны. Он возвращает в игру все не оплаченные историей счета. Фурье и Панчо Вилья⁵, Лотреамон и астурийские «динамитьерос»⁶ — чьи последователи изобретают сегодня новые формы стачки⁷ — кронштадтские и кильские⁸ матросы и все, кто готовится по всему миру, с нашим участием или без, к битве за долгую революцию, являются также и посланниками новой поэзии.

Поэзия как пустующее место со всё большей и большей очевидностью становится антиматерией общества потребления, потому что не является материей, поддающейся потреблению (исходя из сегодняшних критериев потребляемого объекта: его равнозначности для каждого из пассивной массы разьединённых потребителей). Поэзия — ничто, когда её цитируют, единственное, что можно с ней делать, это *détournement*, вновь вводить её в игру. Знакомство со старой поэзией — всего лишь занятие для университетов, вскрывающее истинную сущность всей университетской мысли. История поэзии в этом смысле — не более чем бегство от поэзии истории, если понимать под этим термином не зрелищную историю правителей, а историю повседневной жизни и возможностей её освобождения; историю каждой индивидуальной жизни, её осуществления.

Следует устранить всякую двусмысленность в отношении роли «сохранителей» старой поэзии, увеличивающих её распространение по мере того, как государство, руковод-

ствуясь своими мотивами, побеждает безграмотность. Эти люди являют собой лишь частный случай хранителей лютого музейного искусства. Поэзия тоннами отправляется на хранение по всему миру. Но нет в мире ни места, ни мига, ни людей, чтобы её воскресить, сообщать друг другу, пользоваться ей. Разумеется, всё это возможно лишь посредством *détournement*; поскольку восприятие старой поэзии изменилось вследствие как утраты, так и приобретения некоторых знаний; и поскольку в каждый удачный для возвращения старой поэзии момент одно то, что это произойдёт в контексте определённых событий, наделит её совершенно новыми смыслами. Но главное, что ситуация, в которой поэзия возможна, уже не повторит ни одного поэтического провала прошлого (понимая под провалом то, что вписывается в историю поэзии в перевернутом виде, как успех и нерукотворный памятник). Она стремится к общению и к возможности обрести самостоятельность, *свою собственную поэзию*.

Но информационисты — пока их прямые современники, специалисты по археологии поэзии, восстанавливают звучание избранных старых стихов, начитывая их на грампластинки для широкой публики, доведённой до новой безграмотности силами современного спектакля, — решили дать бой всему «многословию» свободы, чтобы *попросту передавать приказы*. Идеологи автоматизации открыто стремятся к созданию автоматической теоретической мысли путём закрепления определений и исключения переменных как из жизни, так и из языка. Но пока они буксуют на каждом шагу! К примеру, машинные переводчики, уже обещающие стандартизацию информации в планетарных масштабах, а заодно и информационистскую ревизию всей прежней культуры, подчиняются заранее прописанным в них программам, от которых неизбежно ускользнёт любое новое значение слова, равно как и диалектическая многозначность его прежних значений. Таким образом, и сама жизнь языка — с которой связано любое продвижение теоретического осмысления:

«Идеи совершенствуются. И смысл употребляемых слов играет здесь не последнюю роль»⁹, — оказывается изгнанной из механизированного поля официальной информации, но в то же время свободная мысль может объединиться, чтобы организованно уйти в подполье, недостижимое для информационистской полиции и её методов. Поиски не допускающих разночтения знаков и способов мгновенной бинарной классификации идут настолько в духе существующей власти, что их ожидает та же критика. Даже в своих бредовых выступлениях теоретики информационизма предстают неуклюжими, но дипломированными предвестниками выбранного ими будущего, того самого, которое и создают господствующие силы современного общества: укрепления кибернетического государства. Они — вассалы всех сюзеренов выстраиваемого сегодня технического феодализма. И паясничают они не от простодушия — они все королевские шуты.

В выборе между информационизмом и поэзией уже не может быть и речи о поэзии прошлого; так же как ни один из ставших классическими типов революционных движений теперь нигде не может восприниматься реальной альтернативой господствующему устройству жизни. В одном суждении мы сразу и изобличаем полное исчезновение поэзии в старых её формах, подразумевавших её производство и потребление, и объявляем о её возвращении в формах неожиданных и действенных. Нашему времени пора не *писать поэтические наставления*, а претворять их в жизнь.

СИТУАЦИОНИСТЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ ДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИКЕ И ИСКУССТВЕ

Ситуационистское движение изначально заявило о себе и в качестве авангардного искусства, и в качестве экспериментального исследования в сфере свободного строительства повседневности, и, наконец, в качестве вклада в развитие теории и практики нового революционного протеста. Отныне всякое фундаментальное творение в культуре, равно как и всякое качественное преобразование общества зависят от успехов такого единого действия.

Повсюду царит одно и то же общество отчуждения, тотального контроля, потребления спектаклей, какие бы идеологические и юридические маски оно не надевало. Понять сущность такого общества невозможно без всеохватной его критики, продиктованной противоположным стремлением к свободе творческого действия, к обретению каждым человеком контроля над собственной историей на всех уровнях.

Сегодня вернуть к жизни проект *неразрывного единства* того стремления и той критики (каждое из понятий предполагает другое), значит тут же поставить во главу радикализм, чьими носителями были рабочее движение, современная поэзия и искусство, мысль эпохи преодоления философии, от Гегеля до Ницше. Но для этого нужно прежде всего полностью и без всяких утешающих иллюзий признать поражение всего революционного проекта первой трети нашего века и приход ему на смену повсеместно и во всех сферах лживых его подделок, восстанавливающих и налаживающих старый порядок.

Подобный поворот к радикализму естественным образом требует дальнейшего развития всех прошлых освободительных начинаний. То, что поодиночке они все остались невоплощёнными или переродились в глобальную мистификацию, приводит нас к необходимости понять все взаимосвязи в мире, который предстоит изменить, и, уже отталкиваясь от найденных взаимосвязей, мы сможем воскресить многие разрозненные достижения предпринятых в недавнем прошлом исследований, раскрыв, таким образом, их истинность. Осознавать эту двустороннюю природу взаимосвязей мира, действительного и возможного, значит видеть обманчивость любых полумер и знать, что полумера возникает тогда, когда господствующая в обществе модель отношений – с её иерархией и специализацией, а следовательно и с привычками и вкусами – воспроизводит себя внутри отрицающих её сил.

Вдобавок материальное развитие мира ускорилося. И накапливает всё больше потенциальных сил; но специалисты по управлению обществом в силу собственной роли охранителей всеобщей пассивности вынуждены не замечать возможностей их полезного применения. С этим развитием приходит и общее нарастание неудовлетворённости, и объективные смертельные угрозы, которые те же специалисты не в состоянии надёжно держать под контролем.

Понятно, что когда ситуационисты, ставя вопрос о преодолении границ искусства, говорят о едином взгляде на искусство и политику, это вовсе не означает, будто мы советуем подчинить искусство политике в какой бы то ни было форме. Для нас, как и для всех, кто также начинает рассматривать эту эпоху, откинув иллюзии, уже с конца тридцатых годов нигде не существует современного искусства, равно как и организованной революционной политики. И вернуться они могут лишь как их *преодоление*, то есть, по сути, исполнение того, что лежало в основе всех их требований.

Повсюду уже поднимается новый протест, о котором говорят ситуационисты. На огромных пространствах, разоб-

щённых и разъединённых текущим миропорядком, вспыхивают возмущения нового рода, и их сигналы передаются от страны к стране, с континента на континент; взаимообмен начался.

Задача авангарда, где бы он не находился, заключается в объединении этих опытов протеста и объединении причастных к ним людей; и наряду с объединением самих авангардных групп, в создании единых основ их общего проекта. Нужно предавать огласке, объяснять и развивать эти первые действия грядущей революционной эпохи. Их объединяет то, что в них сосредоточились новые формы борьбы и новое содержание, явное или скрытое, критики существующего мира. Таким образом, господствующее общество, кичащееся своей непрерывной модернизацией, найдёт себе достойного соперника, потому что уже само начинает производить собственное модернизированное отрицание.

Насколько пристально мы следили за тем, чтобы к ситуационистскому движению не примешивались честолюбивые интеллектуалы или художники, не способные понять нас по-настоящему, а также отметали и развенчивали всевозможные фальсификации, последним примером которых может быть так называемый нашевский¹ «ситуационизм»; настолько же твёрдо мы решили признавать ситуационистами авторов этих новых радикальных действий, поддерживать их и никогда от них не отречься, даже если многие из них лишь находятся на пути к революционной программе современности, не осознавая её во всей полноте.

Ограничимся лишь несколькими примерами полностью одобряемых нами действий. 16 января студенты-революционеры из Каракаса совершили вооружённое нападение на выставку французской живописи и унесли пять картин, которые затем предложили вернуть в обмен на освобождение политзаключённых. Силы порядка смогли захватить картины силой, хотя Винстон Бермудес, Луи Монсельв и Гладис Троконис и вступили с ними в перестрелку,

а спустя несколько дней другие товарищи бросили две бомбы в полицейский фургон, на котором перевозились эти картины, но увы, безрезультатно. Вот очевидный образец того, как нужно относиться к искусству прошлого, как возвращать его в игру жизни и как определять, что действительно является важным. Возможно, с самой смерти Гюгена («Я хотел утвердить право на любое дерзновение»²) и Ван Гога их творения, рекуперированные их врагами, не получили от мира культуры признания, столь верного их духу, как действия тех венесуэльцев. Во время восстания в Дрездене в 1849 году Бакунин предложил вынести из музеев картины и установить на баррикадах при входе в город и посмотреть, станут ли наступающие войска стрелять, но его предложения не послушались. Мы видим, таким образом, как случай в Каракасе воскрешает один из эпизодов высочайшего за прошлый век революционного подъёма и сразу же заходит ещё дальше.

Не менее оправданными нам видятся действия датских товарищей, которые за последние несколько недель неоднократно атаковали при помощи зажигательных смесей конторы туристических агентств, организующих туры по Испании, а при помощи подпольного оппозиционного радиовещания — идею ядерных вооружений. Очень обнадеживает, что среди комфортного и скучного «социального» капитализма скандинавских стран появляются люди, которые насильственными методами вскрывают проявления иного насилия, на котором строится этот «гуманный» порядок, взять хотя бы монополию на информацию, организованное отчуждение досуга или туризм. Вкупе с той чудовищной изнанкой, которую должен принять как неизбежное дополнение каждый, кто согласился на уютную скуку: такой покой — это не только не жизнь, он ещё и зиждется на смертельной ядерной угрозе; организованный туризм — это не только убогий спектакль, скрывающий реальные страны, которые проезжаешь, но ещё и реальность

той страны, превращённая в подобный нейтральный спектакль, ещё и полиция Франко.

И наконец, действия английских товарищей, которые в апреле предали огласке местоположение и план «Правительственного убежища в Шестом регионе»³, чем неоценимо способствовали разоблачению того, до каких пределов уже дошла государственная власть в распоряжении территории, и какими быстрыми темпами устанавливается тоталитарный тип власти, что явно связано не только с перспективой войны. Скорее наоборот, это распространившаяся повсюду угроза термоядерной войны служила до сегодняшнего дня и на Востоке, и на Западе тому, чтобы держать в покорности народные массы и создавать *убежища для власти*. И усиливать психологическую и материальную защиту власти господствующих классов. Последствия урбанизма, лишь кажущегося современным, служат тем же задачам. В апреле 1962 года мы уже писали в № 7 ситуационистского журнала на французском языке “Internationale Situationniste” об индивидуальных убежищах, которые за прошедший год активно строились в США: «Как и во всяком рэжете, здесь защита — это только предлог. Действительная функция убежищ состоит в обеспечении — а тут даже и в усилении — покорности людей и в использовании этой покорности в угоду господствующему обществу. Убежища, будучи очередным товаром, потребляемым обществом изобилия, лучше всех предыдущих доказывают, что можно заставить людей работать ради в высшей степени надуманных потребностей, которые к тому же непременно остаются потребностями, никогда не становясь желаниями. Новое жильё в виде “жилищных комплексов” — на самом деле продолжение всё той же архитектуры убежищ. Просто более низкого уровня; хотя они и ближайшие родственники. Концентрационная организация наземного пространства — это нормальное состояние формирующегося общества, а её сжатая подземная версия является выражением патологической страсти к из-

лишкам. Эта болезнь хорошо изобличает суть его здорового состояния»⁴.

Англичане внесли решающий вклад в исследование этой болезни, как и в исследование «нормального» общества. Подобное исследование неразрывно связано с борьбой, которая не боится быть выше старых табу национального «предательства», разглашая секрет, жизненно важный для бесперебойной работы системы власти, по многим причинам скрытой в современном обществе за толстым защитным экраном «информационного» шума. Впоследствии волна саботажа продолжилась, несмотря на все усилия полиции и многочисленные аресты, и вылилась в спонтанные набеги на отдельные секретные штабы, расположенные в сельской местности (где некоторые ответственные лица были сфотографированы против их воли), и систематическую блокировку сорока телефонных каналов британской службы безопасности, на которые беспрестанно звонили по сверхсекретным, но также раскрытым номерам.

Именно эту первую атаку на господствующий принцип обустройства общественного пространства мы и хотели поддержать, организовав в Дании акцию «Разрушение RSG-6». Тем самым мы намеревались вывести эту борьбу не только на международный уровень, но также и на другой фронт — в ту плоскость общемировой борьбы, где находится искусство.

Творчество в сфере культуры, которое может быть названо ситуационистским, начинается с проектов унитарного урбанизма или создания ситуаций в жизни, и их реализация неотделима от общей истории стремлений по воплощению заключённых в сегодняшнем обществе революционных возможностей. В то же время для немедленного действия, которое должно быть предпринято в тех условиях, которые мы и пытаемся разрушить, критическое искусство уже сейчас вполне может оперировать существующими в культуре формами выразительности, от кино до картин. Именно это ситуационисты и излагали в теории *détournement*. Будучи кри-

тическим по содержанию, подобное искусство должно быть также критично по отношению к себе и собственной форме. Это — общение, которое, осознавая ограниченность специализированной сферы установленных способов коммуникации, «будет теперь содержать *собственную критику*»⁵.

В случае с “RSG-6” мы прежде всего создали антураж противоядерного убежища, что сначала заставляет задуматься, а затем следует зона последовательного отрицания такого рода потребностей. В качестве критически используемого искусства здесь выступает живопись.

Революционная роль искусства, чьей высшей точкой был дадаизм, заключалась в разрушении всех условностей в творчестве, языке или поведении. Но поскольку то, что было искоренено в искусстве и философии, пока не изгнали окончательно из газет и церквей, а критика вооружений не использует нового оружия критики, то и сам дадаизм стал лишь культурной модой, подвластной классификации, а его форма с недавних пор стала видом реакционного увеселения благодаря неодадаистам, делающим карьеру, воспроизводя стиль, придуманный ещё до 1920-х, чрезмерно преувеличивая каждую его деталь, чтобы получившийся «стиль» служил принятию и украшению сегодняшнего мира.

В то же время заключающаяся в новом искусстве негативная истина всегда была *оправданным* отрицанием окружающего общества. Когда в 1937 году нацистский посол Отто Абец спросил у Пикассо, стоя перед его картиной «Герника»: «Это ваше произведение?», Пикассо честно отвечал: «Нет. Ваше».

Отрицание, а также чёрный юмор, которые были так распространены в новой поэзии и искусстве, испытавших опыт первого общемирового конфликта, явно заслуживают возрождения в условиях *спектакля третьего мирового конфликта*, спектакля, в котором мы живём. И хотя неодадаисты говорят, что после пластического отказа Марселя Дюшана пора перейти к утверждающей эстетике, мы уверены: всё, что сегодняшний мир утверждает как положительное, всего лишь

бесконечно подпитывает отрицание разрешённых форм выразительности и посредством такого манёвра устанавливает *единственное соответствующее эпохе искусство*. Ситуационисты знают, что действительное утверждение придёт извне, а пока что отрицание работает на него.

Вне всякой заботы о живописности; как и, смеем надеяться, вне всего, что напомнило бы поклонение формам пластической красоты, устаревшим давно и недавно, мы начертали здесь несколько кристально понятных знаков.

«Директивы»⁶ на пустых картинах или подвергнутых *détournement* абстрактных полотнах следует воспринимать как лозунги, которые пишут на стенах. Похожие на политические призывы заголовки некоторых картин, разумеется, также являются насмешкой, глумлением над вошедшим в моду помпезным стилем, который старается установиться и в живописи «чистых знаков», не поддающихся сообщению.

«Термоядерная картография»⁷ опережает сразу все кропотливые исследования «новой фигуративности» в живописи, потому что объединяет всё, от предельной свободы *живописи действия*⁸ до изображения, способного *сравниться по точности с реализмом*, различных регионов мира в тот или иной час будущей мировой войны.

Задача серии «Победы»⁹ — где полный разгул ультра-современной вседозволенности смешивается с кропотливым реализмом в духе Ораса Верне¹⁰ — живописью развязать битвы заново; но в противоположность Жоржу Матьё и его ретроградному идеологическому повороту, которым он оправдывает свои жалкие рекламные скандалы¹¹, переворот, к которому мы здесь пришли, заключался в том, чтоб подправить историю, сделав её лучше, революционней и удачней, чем она была. «Победы» продолжают тот безоговорочный оптимизм *détournement*, с которым уже выступил Лотреамон, отрицая несчастье во всех обличиях и его логику: «Я не приемлю зла. Человек совершенен. Душа не может пасть. Прогресс существует... До сих пор несчастья изобраа-

Ги Дебор
Статьи
и Декларации
1952–1985

жались ради того, чтобы вызвать чувство страха и сострадания. Я же стану описывать счастье, чтобы вызвать противоположные чувства ... Пока мои друзья не умрут, я не буду говорить о смерти»¹².

Июнь 1963

ГИ ДЕБОР

СТАЧКА В АСТУРИИ

Лето 1963 года в Испании было отмечено вторым ударом по франкизму, нанесённым волной рабочих выступлений. Первым грозным подъёмом испанского пролетариата — спустя двадцать три года после поражения сперва его революции, а затем и гражданской войны против местного и мирового фашизма — была волна стачек, прокатившаяся весной 1962 года по Испании. Несмотря на то что после победы Франко любая забастовка была вне закона, тогда они обрели широчайший размах и в большинстве своём окончились победой, началось же всё с шахт в Астурии. А в этом году шахтёры Астурии провели стачку, которая длилась с последней недели июля вплоть до конца сентября, продержавшись более шестидесяти дней, и почти всё это время объединяя от 40000 до 50000 рабочих. После успеха в 1962 году волнения в астурийских шахтах не прекращались. Постоянно происходили споры на почве условий труда и точечные забастовки. Но на этот раз стихийная стачка в одной из каменноугольных шахт перекинулась благодаря рабочей солидарности на весь горнодобывающий район Астурии. Металлурги в Мьересе присоединились к забастовке сразу же, но их требования были быстро удовлетворены. Ближе к концу событий вспыхнуло несколько стачек в шахтах на юге Испании (Рио Тинто и Пуэрольяно), в то время как волнения дошли и до рабочих из регионов с добычей свинца (Хаэн). Однако к тому моменту астурийское движение стало терять силу, и стачки не смогли распространиться ни в Каталонию, где Барселона представляет собой ещё один крупный промышленный центр и очаг

рабочего движения Испании, ни в Баскские земли, ни в мадридский регион.

Экономические требования шахтёров, несколько заниженные, в первую очередь касались зарплат, потому что рост цен за последние шестнадцать месяцев полностью съел то повышение, которого удалось добиться в 1962-м; но требования не ограничивались лишь экономическими вопросами. В них также говорилось об условиях труда, об отпуске; как только металлурги из Мьереса получили ежегодный отпуск сроком на месяц, шахтёры тут же добавили это в свой список. Но главным их требованием было право иметь собственных прямых представителей и отказ от «вертикальных» профсоюзов Франко, которые являются официальной организацией на предприятии, принудительно объединяющей управляющих и рабочих. В этом их забастовка носила непосредственно политический характер, так как требовала пересмотра одного из столпов режима, с которым испанская буржуазия рассталась на период 1936–39 годов. Это была открытая битва за собственное достоинство, а значит прямое столкновение с режимом, проклинаемым всеми рабочими Испании.

Те формы, которые приняла борьба астурийских шахтёров, демонстрируют их стремление к независимости. Каждая шахта выбирала своего представителя, и они руководили стачкой посредством подпольных собраний. Не признавая профсоюзов, бастующие направили для прямой передачи своих требований властям в Мадрид группу шахтёров, больных силикозом¹. И те повторяли, что у них нет иных представителей, кроме них самих.

Солидарность всех рабочих региона проявляла себя постоянно. Те, кто не участвовал в стачке, подверглись оскорблению в виде насыпанных перед их дверьми зёрен (куриного корма, символа трусости). Рыбаки из Бильбао договорились рыбачить дополнительные часы после своего рабочего дня, чтобы передавать рыбу бастующим. Те из шахтёров, у кого ещё был какой-то клочок возделанной земли, работали

на нём вместе с товарищами и делили с ними урожай. Мелкие торговцы поддерживали забастовку, раздавая еду рабочим их квартала в личном порядке. В этой связи астурийские шахтёры говорили, что деньги, собранные за границей в 1962 году в их поддержку, так и не дошли до них; они осели у бюрократов из Праги (сталинистов) и Тулузы (социалистов в изгнании), и были пущены на их собственную пропаганду. Поэтому бастующие настаивают, чтобы деньги переводились напрямую семьям бастующих.

Старые политические организации испанского пролетариата, чьи ошибки во время революции и гражданской войны дискредитировали в разной степени их всех, теперь играют довольно слабую роль, хотя у каждой из них (анархисты, сталинисты, социалисты, POUM²) есть своя подпольная сеть. Наибольшую активность в связи с Астурийским движением, по-видимому, проявили Профсоюзное объединение³, состоящее из активных анархистов и социалистов, но также включающее в себя много молодых рабочих, не примыкающих непосредственно к этим двум идеологиям, и Фронт народного освобождения⁴, недавно созданная организация в духе сторонников Кастро, изначально вербовавшая членов в среде интеллектуалов и студенчества. Компартия пользуется со стороны рабочих особым презрением из-за её политики сотрудничества со всеми классами испанского общества — включая и монархистскую буржуазию — с целью добиться смены франкистской диктатуры мирным и «демократическим» путём. Таким образом Компартия пытается дать капитализму гарантии, что главная политическая перемена не будет черевата революцией. Эту позицию усердно вещает над Испанией «Радио Прага».

В 1962 году правительство Франко, испугавшись масштабов забастовок, пыталось до последнего скрыть факт их проведения. В итоге им пришлось не только признаться в том, что существуют несанкционированные стачки, но и повысить зарплаты. Репрессии по окончании стачек сводились

к высылке лишь очень небольшого числа рабочих-активистов. На этот раз правительство сразу признало, что происходят стачки. Но объясняло их как закономерное следствие мирового кризиса угольной промышленности, вызванного переходом на новые источники энергии, который происходит по всей Европе (в доказательство приводились недавние стачки шахтёров во Франции и в Бельгии, в городе Боринаж), а особенно замечен в Испании, где объёмы добычи недостаточны для рентабельности, тем более в перспективе экономической евроинтеграции. Первой реакцией властей была серия локаутов⁵, одновременно с предложением обсудить будущее угольной промышленности с профсоюзами. Такой формат обсуждения шахтёры отвергли. При каждом официальном запуске шахт (к чему было предпринято несколько отдельных смехотворных попыток; а после какого-то момента «запускать» стали каждый понедельник) управляющие вынуждены были признавать, что шахтёров не хватает даже на одну бригаду, и снова объявлять локаут. Оставив стачку тлеть, пока не иссякнут ресурсы рабочих, правительство тем временем направило все усилия на то, чтобы помешать ей распространиться дальше, что угрожало бы переворотом. Его службы шли не только на экономические уступки (Мьерес), но и на полицейские репрессии чрезвычайной жёсткости. Некоторые шахтёры были арестованы и отправлены в тюрьму. Многих пытали.

Одновременно с репрессиями, которые тщательно скрывались, хотя успели вызвать серию публичных протестов испанских интеллектуалов, франкистское правительство устроило показательные процессы против анархистской угрозы. Пятеро активистов-анархистов были арестованы после — а иногда и до — попыток устроить взрыв очень малой мощности в знак протеста против туризма при диктатуре (приток туристов из других европейских стран каждый год увеличивается, составляя основу франкистской экономики). Два испанских анархиста были казнены на гарроте (на-

меренно средневековая пытка)⁶. Трех молодых французов приговорили к тюремным срокам от пятнадцати до тридцати лет. Масштаб борьбы астурийцев и репрессии, которые всё ещё продолжаются, безусловно, отягчат последствия кризиса франкизма. Астурийские шахтёры играют в современной истории Испании роль, которую невозможно забыть. В 1934 году, восстав с оружием в руках, они смогли захватить власть во всём регионе и целую неделю давали отпор военным операциям, проводимым в основном колониальной армией Испании, прежде чем их Коммуна пала. Это вооружённое столкновение послужило своего рода прелюдией для обеих сторон к всеобщей гражданской войне, в которой предыдущее поколение этих же шахтёров стало знаменитыми *динамитъерос* в битвах за Мадрид и под Гвадалахарой.

Таким образом, астурийские шахтёры стали центром противоречий современной Испании. Сами по себе их сегодняшние требования одновременно и приемлемы, и неприемлемы. Современный капитализм вполне может на них согласиться (право на забастовки и на давление через профсоюзы для регулярного повышения зарплат). Но сейчас мы находимся на том этапе модернизации испанского капитализма (при поддержке американского капитала), когда уже можно говорить, что господствующий класс сильно изменился по сравнению с 1936 годом. В нём преобладают теперь не крупные землевладельцы, а капиталисты-промышленники. Стремясь сделать новую промышленность конкурентоспособной в условиях единого европейского рынка, они не находят в надстройке франкистского режима той силы, которая помогла бы им извлекать максимальную прибыль и была приспособлена к их нуждам. (Когда новая оппозиционная фракция испанского духовенства поддержала бастующих в 1962 году, их заявления служили интересам такой модернизации капитализма; также показательно предоставление месячного отпуска.) В то же время крайне сложно постепенно и без насилия сменить власть франкистского ре-

жима, который в первую очередь представляет собой осуществление политической власти кастой военных, т. е. репрессивными силами, некогда сломившими пролетарскую революцию. Правительство франкистов само по себе не может стать демократичным, и пока этот режим остаётся у руля, требования шахтёров будут невозможными. Любые свободы рабочего класса невозможны для власти, единственной задачей которой было подавление их свободы.

Свержение франкистского режима, таким образом, стало реальной опасностью именно благодаря напору рабочего класса, который франкистский режим толкает на крайние меры. Рабочие — это главная сила, способная сбросить франкистский режим, но они не станут делать этого ради установления нового, более современного капитализма и формальной демократии, как в Германии или Франции. В Испании воспоминания хранят великую политическую силу, потому что политическая эволюция была отброшена назад, заторможена, отправлена в спячку после победы Франко. И вот опять экономическое развитие Испании в особых условиях толкает её навстречу мировому капитализму с его проблемами.

При всём подъёме испанского пролетариата, он так и не смог создать революционной организации, способной верно использовать его новые возможности, и это, естественно, помешало движению распространиться по всей Испании, чего было бы довольно для свержения франкистского режима и вместе с ним всего общественного строя, застрявшего на уровне франкистского режима. Но вместе с тем сам факт, что рабочий класс в Испании не подчинён никакой реформистской или сталинистской партии, ухудшает позиции сторонников модернизации капитализма, сокращает возможности их деятельности и ведёт к взрывоопасным противоречиям. Своей хронической неспособностью организовать власть, отвечающую его целям, господствующий класс Испании сам выносит себе приговор, который пролетариат может привести в исполнение.

АНКЕТА

1. Что обозначает слово «ситуационистский»?

Оно обозначает деятельность, направленную на *создание* ситуаций, а не на *изучение* их с целью объяснения или с любой иной целью. Это относится ко всем уровням социальной практики индивидуальной истории. Мы заменяем пассивность существования созданием моментов жизни, а сомнение – игровым утверждением. До сих пор философы и художники лишь различным образом объясняли ситуации, но сейчас дело заключается в том, чтобы изменить их¹. Поскольку человек является продуктом ситуаций, через которые он проходит, важно создавать человеческие ситуации. Поскольку индивид определяется его ситуацией, он стремится к власти над созданием ситуаций, достойных его желания. Для этой цели поэзия (коммуникация как торжество языка в конкретной ситуации), овладение природой и полное социальное освобождение должны быть соединены и осуществлены. Наше время заменит фиксированную границу пограничных ситуаций, в описании которых находила удовольствие феноменология², практическим созданием ситуаций; будет непрестанно сдвигать эту границу в такт движению истории наших достижений. Мы стремимся к феномено-практике. Мы не сомневаемся, что это станет основной прописной истиной движения того освобождения, которое стало возможно в наши дни. Что может превратиться в ситуацию?

На разных уровнях, это может быть эта планета или эпоха (цивилизация по Буркхардту³, например) или момент частной жизни. Играй, музыка! Ценности культуры прошлого, надежды на воплощение разума в истории не могут иметь иного продолжения. Всё остальное разлагается. Слово «ситуационист» в смысле, вкладываемом СИ, является полной противоположностью тому, что сейчас называется «ситуационистом» на португальском языке, т. е. приверженцу существующей ситуации и, таким образом, стороннику Салазара⁴.

2. *Является ли Ситуационистский интернационал политическим движением?*

Словосочетание «политическое движение» обозначает в наши дни специализированную деятельность руководителей групп и партий, черпающих угнетающую силу их будущей власти из организованной пассивности их бойцов. СИ не желает иметь ничего общего с иерархизированной властью в любой её форме. Таким образом, СИ не является ни политическим движением, ни социологией политических мистификаций. СИ ставит перед собой задачу быть наивысшим уровнем международной революционной сознательности. Именно потому он стремится освещать и координировать действия неповиновения и знаки творчества, определяющие новые контуры пролетариата и непримиримое стремление к освобождению. Нацеленная на спонтанность масс, такая деятельность, неоспоримо, является политической, если только не отказывать в этом качестве самим агитаторам. По мере того как новые радикальные течения возникают в Японии (экстремистское крыло движения Дзенгакурэн), в Конго, в испанском подполье, СИ предоставляет им *критическую* поддержку и также старается помогать им практически. Но в отличие от всех «переходных про-

грамм» специализированной политики, СИ стремится к перманентной революции повседневной жизни.

3. *Является ли СИ художественным движением?*

Значительная часть ситуационистской критики потребительского общества заключается в демонстрации того, до какой степени современные артисты, отвергнувшие богатства преодоления, содержащиеся в эпохе 1910–1925 годов (хотя и не в полной мере использованные), большей частью обрекли себя на то, чтобы делать искусство так же, как делают бизнес. Художественные движения с той поры были лишь воображаемым резонансом от взрыва, которого никогда не случилось, но который угрожал и всё ещё угрожает структурам общества. Знание об этом отвержении и о его противоречивых последствиях (пустота и желание вернуться к изначальному насилию) сделали СИ единственным движением, которое может, включив выживание искусства в искусство жизни, соответствовать проекту подлинного художника. Мы являемся художниками лишь настолько, насколько мы больше не являемся ими: мы собираемся реализовать искусство.

4. *Является ли СИ проявлением нигилизма?*

СИ отвергает роль, которую ему все готовы предоставить в спектакле разложения. Преодоление нигилизма происходит через разложение спектакля, и СИ намерен этим воспользоваться. Всё, что подготавливается и создаётся с иной целью, обрушится само по себе, никакого участия СИ в этом не требуется; но, вместе с тем, правда заключается в том, что повсюду в потребительском обществе обширные территории внезапного обрушения предоставляют поле для экспериментов с новыми ценностями.

ми, и это то, без чего СИ не может обойтись. Мы можем созидать лишь на руинах спектакля. Более того, прекрасно обоснованное предвидение тотального уничтожения предписывает нам творить всегда лишь с учётом этой тотальности.

5. *Являются ли позиции ситуационистов утопическими?*

Реальность превосходит утопию. Между богатством современных технических возможностей и нищетой их использования руководителями всех видов более не требуется возводить воображаемый мост. Мы хотим предоставить материальное оборудование в распоряжение всеобщего творчества, так же как повсюду массы стараются сделать это в момент революции. Можно считать это проблемой координации или тактики — на ваш выбор. Всё, о чём мы рассуждаем, является осуществимым — либо немедленно, либо в краткосрочной перспективе с того момента, когда наши методы исследования и действия начнут применяться на практике.

6. *Считаете ли вы необходимым, таким образом, называться «ситуационистами»?*

В существующем порядке, где вещь занимает место человека, любой ярлык является компрометирующим. Тем не менее тот, который мы выбрали, несёт в себе свою собственную критику, которая заключается в том, что он противостоит ярлыку «ситуационизма», который другие выбрали для нас. Впрочем, он исчезнет, когда каждый из нас станет в полной мере ситуационистом и более не пролетарием, сражающимся за конец пролетариата. В настоящее время столь же смехотворный, как и любой другой ярлык, наш обладает достоинством отсекающей прежнюю непоследовательность от ны-

нешних притязаний. Это то, чего более всего не хватало мысли на протяжении нескольких десятилетий, именно остроты.

7. *В чём заключается своеобразие ситуационистов как отдельной группировки?*

Мы полагаем, что три достойных внимания момента подтверждают важность, которой мы наделяем себя как организованную группу теоретиков и экспериментаторов. Во-первых, мы впервые создаём новую последовательную революционную критику общества *на его современной стадии развития*; эта критика глубоко уходит корнями в культуру и искусство нашей эпохи и является ключом к их пониманию (очевидно, эта работа ещё далека от завершения). Во-вторых, мы практикуем полный и окончательный разрыв со всеми, кто нас к этому обязывает, и с теми, кто у них *на поводке*. Это является исключительно ценным в эпоху, когда разные формы уступок столь тонко переплетены и взаимозависимы. В-третьих, мы открываем новый стиль отношений с нашими «последователями»: мы полностью отказываемся от учеников. Мы заинтересованы лишь во взаимодействии на самом высочайшем уровне и чтобы оно проходило свободно в мире независимых людей.

8. *Почему о деятельности СИ не говорят?*

О ней достаточно часто говорят в кругу специализированных владельцев современной разжиженной мысли, но о ней очень мало пишут. Главным образом причина этого заключается в том, что мы отвергаем слово «ситуационизм», которое будет единственной категорией, способной включить нас в правящий спектакль, включить нас в него в форме застывшей доктрины, направленной

против нас самих, в форме идеологии в том смысле этого слова, в котором его использовал Маркс. Совершенно нормально, что отвергаемый нами спектакль отвергает нас. Гораздо более охотно говорят о ситуационистах как об индивидуальных личностях, чтобы попытаться отделить их от совместного протеста, впрочем, без него они больше не являются даже «интересными» личностями. О ситуационистах начинают говорить тогда, *когда они перестают ими быть* (разные соперничающие виды «нашизма» в разных странах знамениты исключительно благодаря тому, что лживо претендуют на то, что имеют какое-либо отношение к СИ). Сторожевые псы спектакля тихой сапой подхватили фрагменты ситуационистской теории, чтобы обратить их против нас. Совершенно естественно, что эти фрагменты вдохновляют их в их борьбе за выживание в спектакле. Потому им приходится скрывать источник, то есть последовательность этих «идей» — тут вопрос даже не в тщеславии плагиаторов. Более того, многие из колеблющихся интеллектуалов не осмеливаются открыто говорить о СИ, поскольку говорить о нём — значит занять какую-то позицию в отношении него: прямо обозначить, что из него отвергается, а что, наоборот, поддерживается. Многие ошибочно полагают, что симуляция незнания сейчас освободит их от ответственности впоследствии.

9. *Какую поддержку вы оказываете революционному движению?*

К сожалению, никакой. Общество, безусловно, содержит в себе противоречия и изменяется. Это делает — каждый раз новым образом — возможной и необходимой революционную активность, которая сейчас не существует (ещё не существует) в форме организованного движения. Таким образом, речь идёт не о «поддержке» такого движения, а о его создании: его определении и, неразрывно,

об экспериментировании с ним. Сказать, что не существует революционного движения, является первым обязательным поступком в пользу такого движения. Всё остальное — лишь ничтожное облагораживание прошлого.

10. *Являетесь ли вы марксистами?*

В той же мере, что и Маркс, сказавший: «Я не марксист».

11. *Существует ли связь между вашими теориями и вашим реальным образом жизни?*

Наши теории являются не чем иным, как теорией нашей реальной жизни, возможных экспериментов над ней и наблюдений за ней. Сколь бы фрагментарными ни были, вплоть до установления нового порядка, доступные нам области действия, мы используем их по максимуму. Мы рассматриваем врага как врага, это первый шаг, который мы рекомендуем всему миру как ускоренное обучение способности мыслить. Кроме того, само собой разумеется, что мы безоговорочно поддерживаем все формы свободы нравов, которые буржуазные или бюрократические подонки называют «развратом». Несомненно, полностью исключено, что мы готовим революцию повседневной жизни посредством аскетизма.

12. *Являются ли ситуационисты авангардом общества досуга?*

Общество досуга является видимостью, скрывающей конкретный тип производства и потребления социального пространства и времени. Если время производственного труда в строгом смысле сокращается, резервная армия индустриальной жизни трудится в потреблении. Всякий в мире является поочередно рабочим и первичным сырьём для индустрии отпусков, досуга, спектакля. Суще-

ствующая работа является альфой и омегой существующей жизни. Организация потребления и организация досуга должны с точностью уравнивать организацию труда. «Свободное время» является весьма ироничным отрезком в течение сфабрикованного времени. Строго говоря, *эта* работа может дать лишь *этот* досуг как праздной элите (на самом деле всё больше и больше полупраздной), так и массам, получающим доступ к мимолётным мгновениям досуга. Никакой свинцовый барьер не способен изолировать ни фрагмент времени, ни в целом время части общества от радиоактивного излучения, источника отчуждённым трудом, потому что это именно он формирует тотальность продуктов и социальной жизни *так* и не иначе.

13. *Кто вас финансирует?*

Мы никогда не финансировались никак иначе, как — крайне нестабильно — посредством нашей собственной работы в культурном хозяйстве эпохи. С этой работой связано следующее противоречие: мы имеем такие творческие способности, которые позволяют нам «преуспеть» практически в любой деятельности; мы имеем столь строгое требование независимости и идеальной связности между нашим проектом и каждым из наших нынешних произведений (см. наше определение антиситуационистского художественного творчества⁵), что практически полностью неприемлемы для господствующей организации культуры, даже на вторых ролях. Из этого следует состояние наших ресурсов. В этой связи обратите внимание на то, что мы написали в восьмом номере журнала на стр. 26 о «капитале, которого всегда хватало на нацистские предприятия»⁶, и наоборот, о *наших условиях* (см. последнюю страницу этого номера⁷).

14. *Сколько вас?*

АНКЕТА

Немногим больше, чем в изначальном ядре партизан в Сьерра-Маэстра⁸, но у нас меньше оружия. Немногим меньше, чем делегатов, прибывших в Лондон в 1864 году, чтобы основать Международное товарищество рабочих⁹, но у нас более последовательная программа. Мы столь же непоколебимы, как греки под Фермопилами¹⁰ («Путник, пойдй возвести нашим гражданам в Лакедемонне...»¹¹), но у нас более привлекательное будущее.

15. *В чём, на ваш взгляд, ценность анкет? И конкретно этой?*

Несомненно, речь идёт о форме фальшивого диалога, ставшей в наши дни крайне навязчивой в связи со всеми этими психотехниками по интеграции в спектакль (радостно принимаемая пассивность под топорной маской «участия», не имеющая ценности деятельности). Но мы можем, исходя из неподвижных бессвязных вопросов, утверждать точные позиции. На самом деле эти позиции не являются «ответами», поскольку они не отвечают на вопросы, они отвечают вопросом. Это такие ответы, которые должны *преобразовать вопросы*. Таким образом, настоящий диалог может начаться после этих ответов. В данной анкете все вопросы являются *ложными*, однако наши ответы являются *правдивыми*.

ПОСЛАНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ АЛЖИРА И ВСЕХ ДРУГИХ СТРАН

«Пролетарские революции... с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них ещё более могущественный, чем прежде, всё снова и снова отступают перед неопределённой громадностью своих собственных целей, пока не создаётся положение, отрезывающее всякий путь к отступлению»

МАРКС («Восемнадцатое брюмера
Луи Бонапарта»)¹

Товарищи!

Видимость революционности международного коммунистического движения рассыпалась вдребезги через срок лет после провала самого революционного движения. Эти годы отобрала у революции ложь бюрократов, прибавленная к нескончаемой лжи буржуазии. Мировая история продолжает свой революционный путь, но неосознанно или в ложном сознании. Повсюду идёт общественная борьба, но нигде старый порядок не был уничтожен даже внутри восставших против него сил. Повсюду критикуют идеологии прежнего мира и отрекаются от них, но нигде «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»², не освободилось от «идеологии» в марксовском смысле: идей на службе у господ. Повсюду революционеры, но нигде нет Революции.

Когда недавно в Алжире потерпела крушение бенбеллистская иллюзия половинчатой революции, это крушение лишь подчеркнуло общее фиаско. Шаткая власть бен Беллы³ воплощала собой краткий миг равновесия между, с одной стороны, движением алжирских рабочих, готовых взять в свои руки управление всем обществом, и, с другой стороны, буржуазной бюрократией, формирующейся в недрах госаппарата. Но при этом официальном равновесии революция не могла ничего сделать для достижения своих целей и была помещена в музей, в то время как те, кто владел государством за спиной у бен Беллы, имели всю полноту власти, начиная от репрессивного аппарата, основой которого является армия, и заканчивая возможностью скинуть свою маску, то есть самого бен Беллу. За два дня до мятежа он выдал на выступлении в Сиди-Бель-Аббесе⁴ одновременно смешную и гнусную фразу о том, что «Алжир един как никогда». Теперь он больше не врёт народу, и обстоятельства говорят сами за себя. Бен Белла пал так же, как правил: в одиночку, среди закулисных интриг, благодаря *дворцовому перевороту*. Он ушёл, окружённый теми же, кто привёл его к власти: это армия Бумедьена открыла ему дорогу в столицу в 1962 году. Но вместе с тем бенбеллистская власть официально закрепила одно завоевание революции, которое бюрократы пока не могут устранить: самоуправление. Силы, которые так хорошо прячутся за спиной «брatца мусульманина» Бумедьена⁵, имеют вполне конкретную цель: уничтожить самоуправление. Смесь жаргона западных технократов и типичного пафоса исламских моралистов в заявлении от 19 июня выражает всю политику нового режима: «Выйти из общего застоя, который уже проявился в снижении производительности, падении доходности экономики, оттоке капиталов, вызывающем тревогу... Помнить о нашей вере, убеждениях, многовековых традициях нашего народа и его нравственных ценностях».

Тот поразительный темп, который набрала история разоблачения практики, должен теперь ускорить и историю раз-

вития революционной теории. Повсюду царит одно и то же общество отчуждения, тотального контроля (у нас этим заняты в основном социологи, там — полиция), потребления спектаклей (у нас — машин и электроники, там — слов высокочтимого вождя), какие бы идеологические и юридические маски оно не надевало. Понять единую суть такого общества невозможно без всеохватной его критики, продиктованной обратным стремлением к свободе творческого действия, к обретению каждым человеком контроля над собственной историей на всех уровнях. Это требование всякой пролетарской революции, заключённое *в самих её действиях*, до сих пор терпело поражение от рук специалистов по власти, которые берут на себя заботу о революции, делая её своей частной ответственностью.

Сегодня вернуть к жизни проект *неразрывного единства* того стремления и той критики (каждое из понятий предполагает другое) значит тут же поставить во главу радикализм, чьи носителями были рабочее движение, современная западная поэзия и искусство (как прелюдия экспериментального поиска на пути к свободному преобразованию повседневности), мысль эпохи преодоления философии и её реализации (Гегель, Фейербах, Маркс), освободительная борьба, от Мексики в 1910 году⁶ до Конго сегодня⁷. Но для этого нужно прежде всего полностью и без всяких утешающих иллюзий признать поражение всего революционного проекта *первой трети нашего века* и приход ему на смену повсеместно и во всех сферах лживых его подделок, восстанавливающих и налаживающих старый порядок⁸. Господство государственного бюрократического капитализма над рабочими — это противоположность социализму, вот та истина, которой троцкизм отказывался смотреть в глаза. Социализм существует лишь там, где рабочие непосредственно и собственноручно управляют всей совокупностью общественных отношений; а значит, не существует ни в России, ни в Китае, ни где бы то ни было ещё. Русская и Китайская революции были повержены изну-

три. И сегодня они поставляют западному пролетариату и народам стран третьего мира ложную модель, которая на самом деле делает более устойчивой власть буржуазного капитализма и империализма.

Подобный поворот к радикализму естественным образом требует дальнейшего развития всех прошлых освободительных начинаний. То, что поодиночке они все остались невоплощёнными или переродились в глобальную мистификацию приводит нас к необходимости понять все взаимосвязи в мире, который предстоит изменить, и, уже отталкиваясь от найденных взаимосвязей, мы сможем воскресить многие разрозненные достижения предпринятых в недавнем прошлом исследований, раскрыв, таким образом, их истинность (освободительное содержание психоанализа, например, не может быть ни понято, ни реализовано иначе как через борьбу за отмену всякого подавления). Осознавать эту двустороннюю природу взаимосвязей мира, действительного и возможного, значит видеть обманчивость любых полумер и знать, что полумера возникает тогда, когда господствующая в обществе модель отношений — с её иерархией и специализацией, а следовательно и с привычками и вкусами — воспроизводит себя внутри отрицающих её сил.

Вдобавок материальное развитие мира ускорилося. И накапливает всё больше потенциальных сил; но специалисты по управлению обществом, в силу собственной роли охранителей всеобщей пассивности, вынуждены не замечать возможностей их полезного применения. С этим развитием приходит и общее нарастание неудовлетворённости, и объективные смертельные угрозы, которые те же специалисты не в состоянии надёжно держать под контролем. С отставанием в развитии, этой ключевой проблемой, нужно бороться в масштабе всего мира, для начала взяв под контроль революции то *избыточное развитие* производительных сил, этот иррациональный итог капиталистического рационализма. Победа революционных движений стран

третьего мира не может быть достигнута индивидуально, но только через общий их яркий вклад в мировую революцию. И в развитии нужно не пытаться догнать капитализм в его страсти к вещам, а обеспечивать все действительные нужды, что и станет основой для настоящего развития человеческих возможностей.

Новая революционная теория должна идти в ногу с действительностью, так сказать, быть на острие революционной практики, зачатки которой мелькают тут и там, но они пока раздроблены, искажены и лишены единого плана. Наши слова могут показаться фантастичными, но именно таков язык реальной жизни. И история постоянно подтверждает это, чем дальше, тем более жёстко. И если в этой истории самые привычные вещи кажутся незнакомыми, то лишь потому, что сама настоящая жизнь является нам лишь в фантастической форме перевёрнутых образов, навязанных *спектаклем* современного мира: в этом спектакле вся общественная жизнь, вплоть до постановочных псевдореволуций, прописана лживым языком власти и пропущена через её фильтры. Спектакль — земной наследник религий, опиум капитализма, достигшего стадии «общества изобилия» *товаров*, иллюзия, которую «общество потребления» на самом деле потребляет.

А на единичные всполохи революционного протеста тут же реагирует международная репрессивная система, действующая по всему миру, члены которой распределили задачи между собой. Каждый блок или входящие в его орбиту осколки обязуется поддерживать в своей сфере влияния всеобщий летаргический сон и сохранение порядка, суть которого всегда неизменна. Эта бесконечная репрессия проявляется во всём, начиная от военных интервенций и заканчивая фальсификациями, к которым в той или иной мере прибегает всякая официальная власть: «истина революционна» (Грамши⁹), и потому любое правительство, даже вышедшее из настоящего освободительного движения, основывается на лжи, транслируемой внутри себя и вовне. Эта репрессив-

ность и составляет самое красноречивое доказательство наших предположений.

Так как сегодняшним революционным попыткам сперва нужно побороть все стереотипы искажённого восприятия, навязываемые «мирно сосуществующими» видами господствующей лжи, то действовать они начинают *в одиночку*, то есть как в отдельно взятом уголке мира, так и в отдельно взятом направлении протеста. Они нападают лишь на самую заметную форму притеснения, вооружившись самым примитивным определением свободы. И в результате получают максимум притеснений и клеветы (их обвиняют в покушении на существующий порядок, хотя они как раз таки невольно соглашаются с его существующей формой) и минимум поддержки. Тем труднее им победить и тем легче новым притеснителям отнять у них победу. Будущие революции *смогут получить мировую поддержку, лишь выступая против всего сегодняшнего мира целиком*. Движение за права негритянского населения Америки, если оно будет последовательно в своём развитии, затронет все противоречия современного капитализма; нельзя, чтобы его сбили с толку отвлекающие манёвры национализма и «цветного» капитализма «Чёрных мусульман»¹⁰. Своими «дикими забастовками» рабочие в США, равно как и в Англии, протестуют против профсоюзной бюрократии, которая видит своей главной целью их интеграцию в концентрированную¹¹, полуплановую капиталистическую систему. Именно силами этих рабочих, силами студентов, которые успешно провели забастовку в Университете Беркли¹², и может совершиться Североамериканская революция; а вовсе не от китайской атомной бомбы.

Движение, ведущее арабское население к объединению и социализму, смогло выиграть битву против классического колониализма. Но чем дальше, тем очевиднее становится, что оно завершится исламом, силой явно контрреволюционной, как и все религиозные идеологии; нужно признать свободу курдского народа; нужно покончить с предложением в виде

Палестины, который оправдывает господствующую в арабских государствах политику, сводящуюся к идее уничтожить Израиль, а поскольку его уничтожение невозможно, такой предлог будет действовать вечно. Только *созданная арабским миром революционная модель общества* может разрушить репрессивные силы государства Израиль. Точно так же успешное создание революционной модели общества в мировом масштабе положит конец во многом надуманному противостоянию Востока и Запада, а с ним и арабо-израильскому конфликту, который является его уменьшенной копией.

Сегодняшние попытки революции *обречены* на подавление, потому что нет силы, которая заинтересована в их поддержке. Революционный интернационализм не имеет никакой действующей организации, способной им помочь. За их битвами лишь *пассивно наблюдают*, и только болтовня шарлатанов из ООН и «прогрессивных» специалистов по государственной власти сопровождает их агонию. Американские части посмели войти в Санто-Доминго, нарушив суверенитет чужой страны, чтобы поддержать откровенно фашистские военные силы, выступающие против законного правительства кеннедиста Кааманьо¹³ только из опасения, что его свергнет им же вооружённый народ. Нашлась ли в мире хоть одна сила, чтобы предпринять ответные меры против американского присутствия? В 1960 году в Конго силами бельгийских десантников, экспедиционного корпуса ООН и государственных сил, действовавших по указке Горнодобывающего союза¹⁴, было подавлено масштабное народное движение, когда, казалось бы, оно уже добилось независимости; они убили Лумумбу и Мполо¹⁵. В 1964-м бельгийские десантники, американские транспортные самолёты, южноафриканские, европейские и кубинские (из числа противников Кастро) наёмники остановили вторую волну восстания мулелистов¹⁶. Где практическая поддержка от так называемой «революционной Африки»? Разве тысячи алжирских добровольцев, одержавших победу в гораздо более трудной

войне, не хватило бы, чтобы Стэнливилль¹⁷ не пал? Но вооружённый народ Алжира давно уступил место классической армии на содержании у Бумедьена, у которого совсем иные планы.

Грядущим революциям нужно будет приложить усилия, чтобы *понять самих себя*. Им нужно заново изобрести собственный язык и противостоять всем уже заготовленным попыткам их рекуперировать. Стачки астурийских шахтёров, идущие с 1962 года почти постоянно, и прочие протестные выступления, предвещающие скорый конец франкизма, указывают Испании не единственный путь в будущее, но развилку: или священный союз, который готовят сейчас испанская церковь, монархисты, «левые фалангисты» и сталинисты с целью гармонично приспособить постфранкистскую Испанию к модернизированному капитализму и общему рынку; или продолжение борьбы за исполнение всего самого радикального, что было в испанской революции, задуманной Франко и его пособниками всех мастей: ведь в течение нескольких недель 1936 года в Барселоне существовали истинно социалистические взаимоотношения между людьми.

Задача нового революционного движения, где бы оно ни возникло, заключается в том, чтобы начать объединение существующего протестного опыта и всех его носителей. Что означает не только объединение самих этих групп, но и создание единых основ *их общего проекта*. Первые проявления приближающейся революционной эпохи сосредотачивают в себе новое понимание, явное или скрытое, критики современных обществ и новых форм борьбы и конечно те ключевые моменты всей прежней истории революций, пока ещё недописанной, которые то и дело приходят вновь и вновь, подобно *призракам*. Таким образом, господствующее общество, кичащееся своей непрерывной модернизацией, найдёт себе достойного соперника, потому что уже само начинает производить собственное модернизированное отрицание.

Да здравствуют товарищи, которые в 1959 году сожгли Коран на улицах Багдада!

Да здравствуют венгерские Советы рабочих, разгромленные в 1956-м так называемой «красной» армией!

Да здравствуют портовые рабочие Орхуса, которые в прошлом году объявили бойкот расистской ЮАР, несмотря на судебное преследование со стороны датского социал-демократического правительства и давление со стороны профсоюзного руководства!

Да здравствует студенческое движение Дзенгакурэн в Японии, которое активно противостоит капиталистическим силам империализма, а также так называемым «коммунистическим» бюрократиям!

Да здравствует рабочая милиция, защищавшая северо-восточные кварталы Санто-Доминго!

Да здравствуют самоуправления крестьян и рабочих Алжира!

Выбор сейчас стоит между военной диктатурой бюрократов и диктатурой «сектора самоуправлений», *распространённого на всё производство и на все области общественной жизни.*

Алжир, июль 1965

СИТУАЦИОНИСТСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

УПАДОК И РАЗРУШЕНИЕ ТОВАРНО-ЗРИТЕЛЬСКОЙ ЭКОНОМИКИ

13–16 августа 1965 года Лос-Анджелес накрыло волной негритянского восстания. Инцидент с участием дорожной полиции и пешехода перерос в два дня стихийных бунтов. Постоянно прибывавшие подкрепления сил полиции оказались не способны установить контроль над улицами. В течение третьего дня чернокожие вооружились, разграбив оружейные магазины, что позволило им противостоять даже полицейским вертолётам. Тысячи полицейских и солдат (целая пехотная дивизия при поддержке танков) были брошены в бой за квартал Уоттс¹ и после нескольких дней ожесточённых уличных боёв смогли навести порядок. Восставшие грабили магазины и сожгли многие из них. Официальная пресса заявляет о 32 погибших (из них 27 чернокожих), более чем 800 раненых и 3000 арестованных.

Реакция всех сторон была наиболее показательной: революционные события, открыто поднимающие насущные проблемы, провоцируют своих противников на необыкновенную откровенность. Начальник полиции Уильям Паркер отказался от посредничества крупных негритянских организаций, верно заметив, что «у этих бунтовщиков нет лидеров». И действительно, поскольку у чернокожих на самом деле не было лидеров, эти события стали моментом истины для каждой из противоборствующих сторон. Что же на это ответил один из тех самых безработных лидеров, генеральный секретарь NAACP² Рой Уилкинс? Он провозгласил, что беспорядки «должны быть подавлены с применением всей необходимой силы». И кардинал Лос-Анджелеса

Макинтайр³, обычно громко протестующий, не протестовал против жестокости репрессий столь же громко, как можно было бы от него ожидать в случае аджорнаменто Римской церкви⁴, он протестовал наиболее яростно против «этого преднамеренного восстания против прав ближнего, против уважения к закону и против правопорядка», призывая католиков выступить против грабежей и «ничем не оправданного насилия». И все те, кто зашёл так далеко, чтобы обнаружить «очевидную оправданность» негритянского гнева в Лос-Анджелесе (но, конечно, не подлинные его причины), все эти идеологи и публичные лица ничтожного международного левого движения, сетовали о безответственности, беспорядках, грабежах (особенно о том, что *оружие и алкоголь* были главной их целью) и о двух тысячах пожаров, которыми петролейщики Уоттса осветили свою битву и своё празднество. Кто защищал лос-анджелесских бунтовщиков теми словами, которых они достойны? Мы сделаем это. Пусть экономисты жалуется о 27 миллионах долларов ущерба, градостроители — о прекрасных *супермаркетах*, исчезнувших в дыму и пламени, а Макинтайр — о застреленном заместителе шерифа, пусть социологи оплакивают бессмысленность и упоение этого восстания. Роль революционной публицистики не только в том, чтобы оправдать восставших в Лос-Анджелесе, но и в том, чтобы помочь им *высказать своё мнение*, теоретически объяснить истину, процесс поиска которой выражают подобные действия.

В обращении, опубликованном в Алжире в июле 1965 года после переворота под руководством Бумедьена⁵, ситуационисты объясняли алжирцам и революционерам всего мира, что условия в Алжире и в остальном мире следует рассматривать *как единое целое*, демонстрировали среди прочих примеров американское движение чернокожих, утверждая, что если оно сможет «громко заявить о себе», то разоблачит противоречия наиболее развитой капиталистической системы. Пять недель спустя это заявление прозвучало на улицах.

Современная теоретическая критика современного общества и критика действием того же общества уже существуют, ещё разделённые, но апеллирующие к одной и той же реальности и говорящие об одном и том же. Эти две критики объясняют друг друга и не могут быть поняты раздельно. Теория «выживания» и «спектакля» разъясняется и проверяется действиями, столь необъяснимыми для американского ложного сознания. Однажды эти действия будут разъяснены этой теорией.

До сих пор лидерам негритянского движения удавалось удерживать манифестации чернокожих с требованием «гражданских прав» в узких рамках законности, допускающей самое жёсткое насилие со стороны полиции и расистов – например, как на мартовской демонстрации в Монтгомери, штат Алабама; даже после этого скандала тайное соглашение между федеральными властями, губернатором Уоллесом⁶ и Мартином Лютером Кингом привело марш из Сельмы к отступлению с достоинством и молитвами после первого же приказа разойтись⁷. Столкновение, ожидавшееся толпой демонстрантов, стало лишь спектаклем о возможном столкновении. В этот момент отказ от насилия достиг предела своего потешного мужества: подставиться под удары противника, а затем проявить нравственное величие, чтобы избавить его от необходимости повторно применять силу. Но самый важный факт в том, что движение за гражданские права способно лишь решать юридические проблемы юридическим путём. Достаточно логично решать юридические проблемы в соответствии с законом. Но совершенно неразумно бороться юридически против вопиющего беззакония, как будто оно является результатом простого недосмотра, и может быть исправлено, если на него будет указано. Очевидно, что это настолько явное, столь кричаще заметное беззаконие, до сих пор применяющееся к чернокожим во многих американских штатах, коренится в экономико-социальном противоречии, находящемся вне полномочий существующих законов, и ко-

торое ни один будущий *юридический* закон не сможет устранить, потому что это было бы против наиболее фундаментальных законов общества, в котором афроамериканцы, наконец, осмеливаются требовать права на жизнь. В действительности афроамериканцы хотят исключительно разрушения этого общества. И проблема требуемого разрушения возникла сама по себе, поскольку негры стали использовать разрушительные методы, и переход к таким методам возникает внезапно в их повседневной жизни, представляя одновременно наиболее случайным и наиболее объективно обоснованным. И это больше не проблема положения американских чернокожих, это проблема положения Америки, изначально поднятая чернокожими. Это не было *расовым* конфликтом: чернокожие не атаковали белых, идущих своим путём, но исключительно белых полицейских, так же как чёрная солидарность не распространялась на чёрных владельцев магазинов или чёрных автовладельцев. Даже сам Лютер Кинг был вынужден признать в Париже в прошлом октябре, что границы его специальности были преодолены, заявив, что «это были не расовые бунты, но классовые».

Восстание в Лос-Анджелесе является восстанием против товара, против мира товара и рабочих-потребителей, *иерархически* подчинённых ценностям товара. Чернокожие Лос-Анджелеса (как и группировки юных правонарушителей во всех развитых странах, но более радикально, на уровне класса, полностью лишённого будущего, на уровне части пролетариата, которой даже не светят сколь-либо существенные шансы на повышение и на интеграцию), *дословно воспринимают* рекламное изобилие в пропаганде современного капитализма. Они требуют *немедленно* все демонстрируемые и абстрактно доступные объекты, поскольку хотят *воспользоваться ими*. Поэтому они отказываются признавать ценность рынка, моделью, мотивацией и итоговой целью которого является *товарная реальность*, и который *уже сам всё выбрал*. Посредством кражи и подарка они обретают опыт, который одновременно

изобличает угнетающую реальность товара (выявляя все её связи), как и саму её фабрикации как весьма произвольные и ненужные. Разграбление квартала Уоттс было выражением наиболее грубой реализации ложного принципа «каждому по его псевдопотребностям», потребностям, предопределённым и созданным экономической системой, которую как раз отвергает это разграбление. Но вследствие того, что это изобилие воспринимается буквально, *обнаруживается в настоящем* и более не является бесконечно преследуемым в процессе отчуждённого труда и вследствие расширения различных общественных потребностей, подлинные желания сейчас выражают себя в карнавале, в игровом утверждении, в *потлаче* разрушения. Люди, которые уничтожают товары, демонстрируют собственное человеческое превосходство над товарами. Они более не скованы произвольными формами, принявшими вид их потребностей. Пламя Уоттса *потребляет* систему потребления. Кража холодильников людьми, у которых нет электричества или у которых оно было отключено за неуплату, является лучшим примером лжи изобилия, ставшей правдой *в ходе игры*. Товарная продукция, которая перестаёт быть покупаемой, становится открытой для критики и модификации во всех возможных конкретных формах. Лишь когда она оплачивается деньгами, как символ статуса в выживании, ей поклоняются как восхитительному фетишу.

Разграбление — это *естественный* ответ обществу изобилия; изобилия, однако, никак не относящегося ни к природе, ни к человеку, исключительно изобилия товаров. И разграбление, немедленно уничтожающее товар как таковой, также демонстрирует *ultima ratio*⁸ товара: армия, полиция и прочие специальные подразделения, обладающие монополией в Государстве на вооружённое насилие. Кто такой полицейский? Это деятельный слуга товара, человек, полностью подчинённый товару, чья деятельность заключается в том, чтобы продукт человеческого труда оставался товаром с волшебным желанием быть оплаченным, а не просто холодильником

или ружьём, то есть слепой, пассивной, бесчувственной вещью, находящейся в полном распоряжении первого, кто решит ею воспользоваться. За отрицанием чёрными гнусности полиции стоит отрицание ими гнусности товара. Молодёжь Уоттса, не имеющая будущего в рыночном мире, выбрала *другое качество настоящего*, и истина этого настоящего была настолько неопровержимой, что увлекла за собой всё население, женщин, детей и даже социологов, присутствовавших на этой территории. Юная чернокожая социолог из этого квартала Бобби Холлон заявила в октябре в “Herald Tribune”: «Раньше люди стыдились говорить, что они из Уоттса. Они говорили это сквозь зубы. Теперь они говорят это с гордостью. Парни, которые всегда ходили в рубашках, распахнутых до талии, и которые бы нарезали вас ломтиками за полсекунды, кучковались тут каждое утро в семь утра. Они организовали раздачу еды. Конечно, она была краденой, не надо строить иллюзий... Слишком долго всё это христианское блаблабла использовалось против негров. Эти люди могли бы красть на протяжении десяти лет и всё равно не вернули бы и половины денег, которые у них украли эти магазины за все эти годы... А я всего лишь маленькая чёрная девочка». Бобби Холлон, которая решила никогда не смывать кровь, забрызгавшую её сандалии во время бунтов, добавила, что «сейчас весь мир смотрит на квартал Уоттс».

Как люди творят историю, исходя из условий, установленных заранее, чтобы предотвратить их вмешательство? Неграм в Лос-Анджелесе платили лучше, чем где-бы то ни было в США, но они здесь также были наиболее *обособленными*, чем где-либо ещё, от максимального богатства, выставленного напоказ именно здесь, в Калифорнии. Голливуд, полюс мирового спектакля, находится с ними по соседству. Им обещают, что с терпением они взойдут к американскому процветанию, но они видят, что это процветание не устойчивая сфера, а бесконечная лестница. Чем выше они поднимаются, тем дальше от вершины оказываются, поскольку находят-

ся в невыгодной стартовой позиции, т. к. обладают меньшей квалификацией, и потому являются наиболее многочисленными среди безработных, и, наконец, потому что иерархия, подавляющая их, основывается не исключительно на покупательной способности как чисто экономическом факте, она основана на обязательном более низком положении, которое неграм предписывают во всех областях повседневной жизни обычаи и предубеждения общества, в котором всякая человеческая способность основана на покупательной способности. Поскольку личное богатство афроамериканцев считается отвратительным и, предположительно, полученным криминальным путём, денежное богатство не может сделать их полностью приемлемыми в американском отчуждении: персональное богатство может сделать лишь богатого негра, в то время как негры в целом должны *представлять собой бедность* в обществе иерархизированного богатства. Все наблюдатели обратили внимание на этот крик, вызывавший ко всеобщему признанию смысла восстания: «Это революция чёрных, и мы хотим, чтобы весь мир это знал!» *Freedom now* – это пароль всех революций в истории, но впервые новым законам предстоит властвовать не над нищетой, а наоборот, над материальным изобилием. Властвовать над изобилием означает не просто изменить схему его распространения, но заново определить все его внешние и внутренние установки. Это первый шаг в бесконечной борьбе с необъятными последствиями.

Чёрные не одиноки в своей борьбе, поскольку *новое пролетарское сознание* (осознание того, что они ни в малейшей степени не являются хозяевами своей деятельности и своей жизни) возникает в Америке среди слоёв, отвергающих современный капитализм, и потому похожих на этих чёрных. Действительно, первая стадия борьбы негров как раз была сигналом к началу непрерывно расширяющегося протеста. В декабре 1964 года студенты Беркли, подвергавшиеся нападкам за участие в движении за гражданские права, устроили

забастовку, которая поставила под сомнение функционирование этого калифорнийского «мультиверситета», и посредством этого всю организацию американского общества и ту пассивную роль, которую оно им предначертало. Тотчас же в среде студенческой молодёжи были обнаружены оргии с выпивкой и наркотиками, а также разложение сексуальной морали, за что упрекали и чёрных. С той поры это поколение студентов изобрело новую форму борьбы против господствующего спектакля, *teach-in*⁹, эта форма была предпринята 20 октября в Великобритании в университете Эдинбурга по поводу кризиса в Родезии. Эта очевидно несовершенная и примитивная форма является *моментом обсуждения проблем*, который отказывается ограничиваться по времени (академически) и стремится найти своё логическое развитие и завершение в практической деятельности. В октябре десятки тысяч демонстрантов вышли на улицы в Нью-Йорке и Беркли против войны во Вьетнаме, и их голоса соединились с призывами восставших в Уоттсе: «Убирайтесь из нашего района и из Вьетнама». В ситуации с радикализирующимися белыми знаменитый рубеж легальности уже пройден: проводятся курсы, обучающие тому, как обмануть призывную комиссию (“Le Monde”, 19 октября 1965), а повестки сжигают перед объективами телекамер. В обществе изобилия проявляется отвращение к этому изобилию и *к его цене*. Автономная деятельность передового сектора плюёт на спектакль и отвергает его ценности. Классический пролетариат, в той же мере, в которой он сумел временно интегрироваться в капиталистическую систему, не интегрировал чёрных (многие лос-анджелесские профсоюзы отказывали в членстве неграм вплоть до 1959 г.), и сейчас чёрные являются точкой объединения для всех, кто отвергает логику этой интеграции в капитализм, *nec plus ultra*¹⁰ всякой обещанной интеграции. И комфорт никогда не будет достаточно комфортным, чтобы удовлетворить ищущих то, чего нет на рынке, то, что именно рынок уничтожает. Уровень, достигнутый наиболее привилегиро-

ванными технологиями, превратился в оскорбление, которое продемонстрировать даже проще, чем базовое оскорбление овеществления. Восстание в Лос-Анджелесе является первым восстанием в истории, причиной которого во многих случаях было отсутствие кондиционера во время жары.

У негров в Америке есть их собственный спектакль, их пресса, их журналы и их чернокожие звёзды, и таким образом они распознают всё это как лживый спектакль и испытывают к нему отвращение, выражающее их обиду, поскольку рассматривают всё это как спектакль *для меньшинств*, простое дополнение к спектаклю для основной массы населения. Они распознают, что их спектакль желанного потребления является колонией того же самого спектакля, но для белых, и потому они гораздо быстрее начинают видеть ложь всего экономико-культурного спектакля. Они требуют (желая по настоящему и немедленно участвовать в изобилии, что является официальной ценностью для каждого американца) равной *реализации* спектакля повседневной жизни в Америке, отведать полунебесные-полуземные достоинства этого спектакля. Но сущность этого спектакля — не быть осуществимым ни немедленно, ни на принципах равенства *даже для белых* (чёрные как раз выполняют функцию идеальной зрительской гарантии этого стимулирующего неравенства на бегу к изобилию). Когда чёрные требуют буквального принятия капиталистического спектакля, они уже отвергают этот самый спектакль. Спектакль — это наркотик для рабов. Он рассчитан не на дословное восприятие, но на следование за ним с незначительной задержкой (если задержки не будет, мистификация станет очевидной). По сути в США белые сегодня являются рабами товара, а чёрные — его ниспровергателями. Негры *хотят большего, чем белые*: вот сердце проблемы, неразрешимой или разрешимой исключительно вместе с упразднением этого белого общества. Потому белые, которые хотят избавиться от их собственного рабства, должны присоединиться к чёрному бунту, разумеется, не в качестве поддерж-

ки от представителей другого цвета кожи, но ради всеобщего отказа от товара, и в конечном счёте от Государства. Экономический и психологический разрыв между чёрными и белыми позволяет чёрным видеть, что представляет собой белый потребитель, и их оправданное презрение к белым превращается в презрение ко всякому пассивному потребителю. Те белые, которые также отвергают эту роль, не имеют ни малейших шансов на победу, если не будут всегда объединять свою борьбу с борьбой чёрных, распознавая её связанные причины и поддерживая её до самого конца. Если их слияние распадётся перед лицом радикализации борьбы, разовьётся чёрный национализм, который обречёт обе стороны на противостояние по образцу самых старых моделей господствующего общества. Серия взаимных истреблений является другим возможным выходом из существующей ситуации, когда смирение не может больше продолжаться.

Попытки создания чёрного национализма, сепаратистского или проафриканского, являются грёзами, неспособными ответить на реальное угнетение. У афроамериканцев нет родины. В Америке они одновременно *у себя дома и отчужденны*, как и остальные американцы, но в отличие от остальных чёрные это осознают. Это делает их не отсталым сектором американского общества, а наоборот, наиболее передовым его сектором. Они — это негативное в действии, та «дурная сторона», которая «порождая борьбу, создаёт движение, которое образует историю» («Нищета философии») ¹¹. Африка тут совсем не при чём.

Афроамериканцы — такой же продукт современной индустрии, как и электроника, реклама или циклотрон ¹². И они несут в себе противоречия. Они являются людьми, которых зрительский рай должен одновременно интегрировать и отвергать, так что антагонизм между спектаклем и человеческой деятельностью наглядно демонстрируется на их примере. Спектакль *универсален*, как и товар. Но мир товара был основан на противостоянии классов, товар сам по себе является

иерархическим. Необходимость товара, и, следовательно, спектакля, *информирующего* мир о товаре, быть одновременно универсальным и иерархическим ведёт к установлению универсальной иерархии. Но поскольку это установление иерархии должно оставаться *скрытым*, оно выражается в скрытых (потому что *иррациональных*) иерархических суждениях о цене в мире *нерациональной рационализации*. Именно это установление иерархии повсюду создаёт *разные виды расизма*: лейбористская Англия на пути к тому, чтобы ограничить иммиграцию цветных, индустриально развитые страны Европы вновь стали расистскими, импортируя их субпролетариат из зоны Средиземноморья, эксплуатируя внутри страны колонизированных ими. И Россия не перестает быть антисемитской, поскольку она не перестает быть иерархическим обществом, в котором труд должен продаваться как товар. Как и товар, иерархия всегда воссоздается в новых формах и расширяет свои границы; что можно наблюдать в отношениях между руководителем рабочего движения и трудящимися, так же как и между владельцами двух искусственно различающихся моделей автомобилей. Это — первородный грех товарной рациональности, болезнь буржуазного разума, наследственное заболевание бюрократии. Но омерзительная абсурдность определённых иерархий и тот факт, что все силы мира товара слепо и машинально встают на их защиту, ведёт к тому, что когда начинают практиковать противоположное иерархии, сразу становится видна абсурдность всякой иерархии.

Рациональный мир, произведённый промышленной революцией, рационально освободил индивидуумов от их локальных и национальных ограничений, соединил их в мировом масштабе, но его безрассудство заключается в том, чтобы заново их разделить в соответствии со скрытой логикой, выражающейся в безумных идеях и абсурдных оценках. Чужие повсюду окружают человека, ставшего чужим для своего мира. Варвар больше не находится на краю Земли, он

прямо здесь, превращённый в *варвара* именно своим неминуемым участием в том же иерархизированном потреблении. Гуманизм, который это покрывает, является противоположностью человеку, отрицанием его деятельности и его желаний, это гуманизм товара, благосклонность товара к человеку, на котором он паразитирует. Тем, кто редуцирует людей до объектов, объекты начинают казаться обладающими всеми человеческими качествами, а реальные человеческие проявления превращаются в *животную* бессознательность. Потому Уильям Паркер, главный по гуманизму в Лос-Анджелесе, мог сказать: «Они начали вести себя как стая обезьян в зоопарке».

Когда власти Калифорнии ввели режим чрезвычайного положения¹³, страховые компании напомнили о том, что они не покрывают риски на таком уровне: за пределами *выживания*. Так что в целом выживанию афроамериканцев ничто не угрожает — по крайней мере пока они держатся смиренно — и капитализм стал достаточно сконцентрированным и тесно взаимосвязанным с государством, чтобы выдавать «материальную помощь» наиболее нищим. Но просто в силу того, что они находятся *позади* в процессе повышения социально организуемого выживания, чернокожие ставят ребром вопросы жизни, и требуют они жизни, а не выживания. У чернокожих нет ничего своего, что можно было бы застраховать; они должны уничтожить все формы охраны и частного страхования, известные на данный момент. Они предстают тем, чем они в действительности являются — непримиримыми врагами, разумеется, не подавляющего большинства американцев, но отчуждённого образа жизни во всяком современном обществе: наиболее промышленно развитые страны лишь демонстрируют нам путь, которому будут следовать по всему миру, если система не будет низвергнута.

Отдельные экстремисты из числа чёрных националистов, чтобы продемонстрировать, что они не согласятся ни на что меньшее, чем отдельное государство, выдвинули

аргумент, что американское общество, даже если оно в один день признает за ними всё гражданское и экономическое равенство, никогда не дойдёт на уровне индивидуумов до признания межрасовых браков. *Таким образом, это американское общество должно исчезнуть в Америке и повсюду в мире.* Конец всех расовых предрассудков, как и конец многих других, связанных с запретами, предрассудков в области сексуальной свободы, очевидно, находится за пределами «брака» как такового, за пределами буржуазной *семьи*, сильно пошатнувшейся среди афроамериканцев, которая царствует и в России, и в США, как модель иерархических отношений и постоянства *наследственной власти* (денег или общественно-государственного положения). Сейчас часто говорят, что американская молодёжь после тридцати лет молчания возникает в качестве протестной силы, и что она найдёт свою войну в Испании в восстании чернокожих. Необходимо, чтобы на этот раз её «батальоны Линкольна»¹⁴ осознавали всё значение борьбы, в которую они вступают, и полностью её подерживали в том, что в ней есть из всеобщего. «Крайности» в Лос-Анджелесе были не большей политической ошибкой чернокожих, чем вооружённое сопротивление РОУМ в Барселоне в мае 1937 года было предательством антифранкистской войны. Восстание против спектакля находится на уровне *тотальности*, даже если оно происходит в единственном округе Уоттс, поскольку является протестом человека против нечеловеческой жизни, поскольку оно начинается на уровне *отдельного реального индивидуума*, и поскольку общность, от которой восставший индивид отделён, является *истинной общественной сущностью* человека, человеческой природой: позитивным преодолением спектакля.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ СИТУАЦИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Журнал “Internationale Situationniste” выражает мнение международной группы теоретиков, предпринявших в последние несколько лет радикальную критику современного общества: критику того, чем оно в действительности является, и всех его аспектов.

По мнению ситуационистов, господствующая повсеместно модель общества, стремящаяся к тоталитарному саморегулированию, подвергается лишь видимости борьбы со стороны лживых протестов, постоянно происходящих на её собственном поле, со стороны иллюзий, которые, наоборот, усиливают эту модель. Бюрократический псевдосоциализм — лишь наиболее грандиозное из этих обличий старого иерархического мира отчуждённого труда. Увеличение концентрации капитала и разнообразия его функций на мировом уровне создали принудительное потребление товарного изобилия, так же как и контроль бюрократов над экономикой и всей жизнью посредством владения ими государством, как и прямой и опосредованный колониализм. Достаточно далёкая от того, чтобы быть окончательным ответом на непрекращающиеся революционные кризисы исторической эпохи, начавшейся два столетия тому назад, эта система сейчас вступила в новый кризис: от Беркли до Варшавы, от Астурии до Киву её отвергают и с ней сражаются.

Ситуационисты полагают, что нераздельной перспективой этой борьбы являются: подлинное уничтожение всякого классового общества, товарного производства и наёмного тру-

да; преодоление искусства и всех культурных достижений, которые будут заново помещены в игру свободного созидания повседневной жизни и таким образом реализованы; непосредственное слияние революционной теории и практики в экспериментальной деятельности, исключаяющей всякое окаменение в виде «идеологий», которые по своей сути являются властью специализации, всегда служащей специализации власти.

Факторами, поднимающими эту историческую проблему, являются проходящие очень быстро разрастание и обновление фундаментальных противоречий внутри существующей системы между этой системой и человеческими желаниями. Сила, заинтересованная в решении этих противоречий и единственная способная сделать это — все рабочие, лишённые власти над использованием их собственной жизни и контроля над фантастическим накоплением производимых ими материальных возможностей. Демократия Советов рабочих, самостоятельно принимающих решения по всем вопросам, является уже набросанной в общих чертах моделью решения этих противоречий. Движение этого нового пролетариата к соединению в класс без посредничества какого-либо руководства является всем, что есть разумного в неразумном мире. Ситуационисты заявляют, что у них нет интересов, отдельных от интересов этого движения в целом. Они не устанавливают никаких конкретных принципов, образом которым хотели бы моделировать движение, являющееся реальным и действительно проявляющее себя на наших глазах. В сражениях, которые начинаются во многих странах и по разным причинам, ситуационисты выдвигают вперёд целостность проблемы, её связность, её теоретическое и практическое объединение. В общем, на разных этапах, которые проходит эта общая борьба, они постоянно отстаивают интересы всего движения.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В АЛЖИРЕ

Можно подумать, что новый режим Алжира изо всех сил старается соответствовать тому краткому анализу, который СИ представил в изданном в Алжире «Послании революционерам»¹ по итогам изучения ситуации с самых первых дней после победы путча. Ликвидация самоуправления на предприятиях — вот вся сущность бумедьенизма и единственная его деятельность; и началась она в тот самый момент, когда после демонстрации своих военных сил — только их и удалось выкристаллизовать бен Белле, сделать устойчиво работающим органом — государство *провозгласило свою независимость* от алжирского народа. Все остальные государственные начинания, технократическая перестройка экономики, расширение базиса своей власти в социальном и юридическом смысле опережают способности господствующего класса в современных условиях страны. Толпы неопределившихся, которые не имели ничего против бен Беллы, но были им разочарованы и теперь ждали, что сделает новый режим, чтобы составить мнение на его счёт, могут видеть наконец, что он не делает ничего, если не считать провозглашения независимой диктатуры государства, что было одновременно и объявлением войны самоуправлению. Долгое время этот режим, казалось, даже не может сформулировать конкретные обвинения в адрес бен Беллы или *открыто* покончить с ним. Всё, что осталось от декларируемого в Алжире «социализма», — очаг *социализма навыворот*, продукта всемирной реакции в рабочем движении; к тому же провал русской революции завещал всему миру, включая и Алжир бен Беллы, использовать

в качестве позитивной модели *полицейскую власть, основанную на лжи*. Так политическому противнику выносятся приговор не за его истинные взгляды, а за полную противоположность ему настоящему; или он вдруг исчезает в намеренном забвении, о нём больше не говорят, его никогда не существовало ни для судов, ни для историков. И так же Бумедьен, главный виновник того, что самоуправление в Алжире — лишь карикатура на то, чем оно должно быть, сам официально называет его «карикатурным», чтобы переделать под авторитарную модель. Во имя идеи самоуправления, идеологически поддерживаемой режимом, Бумедьен отвергает реальные проявления наметившегося самоуправления.

Подобное выворачивание действительности наизнанку заметно и в том, как бумедьенизм критикует прошлое. Бен Беллу упрекают как раз за те действия и за отсутствие в них меры, которые он не совершал и даже не слишком притворялся, будто собирался их делать: за освобождение женщин, например, или за реальную помощь движению освобождения в Африке. Причины лгать о прошлом для текущего режима заключаются в том, что он сам неразрывно связан с этим прошлым. В Алжире господствующий класс не меняется, он только крепнет. И обвиняя бен Беллу за то, что он в действительности лишь *симулировал*, сам хочет теперь обойтись даже без симуляции революционности. Господствующий в Алжире класс, как до, так и после 19 июня, это формирующаяся бюрократия. Продолжая собственное формирование, она частично изменила схему политического распределения власти. Отдельные прослойки этой бюрократии (военные, технократы) получили превосходство над другими (политиками, профсоюзами). Главными определяющими условиями остаются слабость местной буржуазии, с одной стороны, а с другой — давление крестьянских и рабочих масс, находящихся в нищенском положении, но захвативших после ухода прежнего господствующего класса (европейцев) самоуправление в своём секторе. Сращение алжирской буржуазии и бюрокра-

тии в сфере обладания государственной властью стало легче после возвышения новых слоёв, чьи интересы воплощает Бумедьен, и к тому же такой путь развития более соответствует тому региону мирового рынка, с которым связан Алжир. Вдобавок те бюрократические слои, которые господствовали при бен Белле, были менее приспособлены к открытой борьбе против требований масс. Бен Белла и шаткое *равновесие* в обществе, это временное достижение борьбы против Франции и колонистов, исчезли вместе. Как только господствовавшие прежде слои бюрократии (руководство Федерации ФНО² по городу Алжир, Всеобщего союза алжирских трудящихся) поняли, что их вытесняют, они после недолгих сомнений пошли на объединение между собой, потому что общность их интересов со всей остальной государственной бюрократией естественным образом одержала верх над связями с рабочими массами. Первым присоединился профсоюз фермеров, который шестью месяцами ранее принял на съезде амые радикальные положения о самоуправлении.

Среди тех бюрократических сил, которые числились у власти во времена бен Беллы, особое положение занимали две прослойки, одновременно и враждующие, и в чём-то родственные: это алжирская компартия и иностранцы левацких взглядов, поступившие на службу алжирскому государству, — те, кого называли «красноногими». Они были скорее не теми, кто у власти, а претендентами на власть. Крайне левое крыло бюрократии, эти бедные родственники власти, караулящие наследство, *по воле бен Беллы* получили титул представителей народных масс: мандат был им вручён не этими массами, а самим бен Беллой. Они мечтали, что однажды единолично получают власть, опять же вопреки мнению масс, которой бен Белла делился с очень многими. Поскольку лично бен Белла был их единственным доступом к существующей власти и их главной надеждой на будущее, залогом терпимости к ним (их Сукарно³), крайне левое крыло бюрократии выступило в его защиту, но довольно неуверенно. Деликатно атакуя го-

сударственный аппарат, они также играли и на его поле, стараясь противостоять невыгодным переменам в системе отношений между властными силами. И здесь снова бумедьенова критика полностью не права, осуждая эти элементы главным образом как иностранные, вредные для собственного пути алжирского социализма. Крайне далёкие от того, чтобы «строить теории ради самих теорий» («Эль-Муджахид»⁴ за 22 сентября 1965 г.), красноногие представляли собой жалкую смесь полной теоретической бездарности и контрреволюционных настроений, распространяемых неосознанно или с умыслом. Крайне далеки они были и от «рискованных экспериментов» по строительству на Алжирской земле затейливых утопий, и единственное, что у них было своего — это ошибки и враньё, *доказавшие свою сущность* уже тысячу раз. Лучшие революционные идеи красноногих не были приняты не потому, что эти идеи пришли *слишком издалека*, а потому что их повторяли *слишком поздно*. Это вопрос не географии, а истории.

Ещё более своеобразную и более радикальную позицию в крайне левом крыле бенбеллистского госаппарата занимал Мохаммед Харби⁵ — он был мыслителем самоуправления, правда, стал он им лишь по воле государя, в кабинетах власть имущих. Харби поднялся до самой вершины алжирской революционной мысли: до *идеи* самоуправления, но отнюдь не до её последовательного применения. Он прекрасно раскрыл её понятие, но не суть. Парадоксальным образом Харби был *государственным* теоретиком самоуправления, или скорее его придворным поэтом: не снисходя до практики, он воспевал самоуправление больше, чем осмыслял его. *Государство самоуправления* — этого логического монстра — Харби и славил, и стыдил. Бумедьеновы танки на улицах означали рационализацию государства, что оно хочет раз и навсегда избавиться от смехотворных парадоксов бенбеллистского равновесия, от всякого стыда, и стать просто *Государством*. Харби, как мы видели, будучи безоружным пророком самоуправлений, не представлял, чтобы *самоуправления могли защищать себя*

сами, отводя роль *посредника* в этом бен Белле. Но если Харби считал, что только бен Белла сможет уберечь самоуправление, кто сможет уберечь бен Беллу? Теоретик самоуправления пользовался защитой бен Беллы, но на чью защиту мог рассчитывать его покровитель? Харби полагал, что бен Белла, являясь воплощением Алжирского государства, будет всегда полностью поддержан населением, но при этом сам он поддерживал лишь его «хорошую сторону» (формальное признание самоуправления). В действительности процесс развивался по плохому сценарию: силы, придерживавшиеся противоположной оценки бен Беллы, оказались более способными к действию. Бен Белла был не решением противоречий алжирского общества, а лишь временно скрывшей их пеленой. История показала, что Харби и все, кто думал, как он, ошибались. Теперь, чтобы эффективно бороться с диктатурой Бумедьена, им нужно мыслить радикальнее, *реализовать* самоуправление.

Свержение бен Беллы – важная дата в истории падения всемирных иллюзий о «слаборазвитых» вариантах псевдосоциализма. Кастро остаётся последней звездой, но уже и он, который законно обосновывал ненужность выборов тем, что у населения есть оружие, требует теперь, чтобы все сдали оружие его полиции (Reuter, 14.8.65). Вот и его лейтенант Гевара исчез⁶ без каких-либо объяснений перед народом, у которого эти двое мужчин просили слепого личного доверия. Помимо хрупкости бенбеллистского социализма народ Алжира имел также возможность оценить, что в их случае значит поддержка так называемого «соцлагеря»: *правительства* Китая, России, Кубы и примкнувший к ним Насер⁷ буквально состязались в любезностях перед режимом Бумедьена. Революции в слаборазвитых странах всегда будут проваливаться самым жалким образом, пока будут считать допустимыми и воспроизводить существующие модели социалистической власти, так как они все явно ошибочны. Разобщённый русско-китайский вариант и «слаборазвитый» вариант этого социа-

лизма поддерживают друг друга и восхищаются друг другом, чем гарантируют друг другу единый исход. *Слабое развитие революционной теории* во всём мире, — вот та «слаборазвитость», которую нужно побороть в первую очередь.

Внутренняя борьба в среде алжирской бюрократии приняла во время войны и в 1962–1965 годах вид битвы кланов, личной вражды, необъяснимых разногласий между лидерами таинственных расколов в союзах. Это было естественным продолжением атмосферы, царившей вокруг Мессали Хаджа⁸ ещё до восстания. Там не только не было никакой теории, но и сама идеология была очень грубой и путаной, весьма поверхностной и не затрагивающей глубоких вопросов политической жизни страны. Но 19 июня начался новый период: период противостояния господствующего класса и рабочих, и это уже реальное движение, создающее условия для разработки теории, и потребность в ней. 9 июля в городе Алжир был созван съезд делегатов от 2500 самоуправляющихся предприятий под председательством министра промышленности Бумаза, в ходе которого министру пришлось выслушать требование сделать самоуправление непрерываемым принципом и критику всех полномочий государства, этот принцип ограничивающих. Делегаты «выступили против обилия надзирающих органов (префектур, министерств, партии) и осудили задержку выплат долгов по зарплате на государственных предприятиях и тяжесть налогового бремени; также обсуждалась проблема выдачи лицензий, “драконовы” требования зарубежных поставщиков и сковывающая роль таможи» (“Le Monde”, 10 июля 1965).

Делегаты знали, о чём говорили. В сущности, начиная с заявлений 19 июня, в которых слово «самоуправление» не звучало, власть готовила проект «оздоровления» экономики посредством усиления государственного контроля и ускоренной подготовки «кадров». Власть намеревается заставить в короткие сроки заплатить, по схеме найма-продажи⁹, за все незаконно занятые помещения (а их в стране более 100 000);

взыскать с самоуправляемых предприятий «украденные у государства» деньги; бороться с износом техники вследствие плохого обращения; урегулировать все случаи незаконного присвоения имущества населением после бегства французов. И несмотря на то что самоуправление — это именно та форма, которая лучше всего помогает избежать оков уважения к собственности (личной или государственной), так навредивших рабочему движению, сейчас рабочих самоуправляемого сектора не перестают упрекать в том, что они крали значительную часть собственной продукции, когда им на несколько месяцев задерживали зарплату. Теперь, когда у алжирского государства есть достаточно солдат и полицейских, его первичная, неотложная цель — начать готовить по 20000 бухгалтеров в год.

Главное противостояние началось сразу же, как тайно, так и открыто, — борьба между представителями господствующего класса и рабочими именно по вопросу самоуправления. На «обнадёживающие» заявления Бумазы или Бумедьена никто не купился. За словами «профсоюзы лихорадит» из газеты “Le Monde” за 3 октября скрывается сопротивление, которое оказывал единственный бастион социалистической революции в Алжире — самоуправляемый сектор — заключительной атаке бюрократическо-буржуазной гегемонии. Даже руководство профсоюзов не могло молчать — ведь под угрозой был и их официальный статус представителей рабочих перед государством, и их социальное положение, как левого крыла правящего класса. Статьи в газете “Révolution et Travail”¹⁰ за сентябрь, где реальные требования рабочих («Вгоняя нас в нищету, они порочат самоуправление») смешиваются с растущими опасениями профсоюзных руководителей («согласие с анализом, приводимым в заявлении 19 июня», но обличение технократов и экономистов), прекрасно иллюстрируют ситуацию, когда друг на друга наложились сразу несколько противоборств, вертикальных и горизонтальных. Всё более настойчивые речи об «экономиче-

ской анархии», под чем всегда надо понимать самоуправление, юридические меры против самоуправляемого сектора, о которых газеты пишут гораздо меньше (обязанность самоуправляемых предприятий заплатить налог задним числом) и возвращение завода «Норколор» его прежнему владельцу — всё это давало понять этим «пролетарским» руководителям, что скоро им не будет места во властных структурах. А желающие занять их кресла уже здесь: негодую, что «сомнительные элементы рвутся к власти», “Révolution et Travail” описывает, как господствующий класс постепенно смещается вправо. У технбюрократов и военных не может быть иных союзников, кроме старой, классической буржуазии. Как только должностные лица, по примеру офицеров южноамериканских армий, достигли буржуазного уровня жизни (весь мир помнит их “BMW”, купленные без уплаты таможенной пошлины и с 30%-ной скидкой), вся алжирская буржуазия начала толпами возвращаться в страну по следам владельца «Норколора», рассчитывая вернуть себе все блага, нажитые «в совершенно незаконных условиях теми, кто не слишком чист на руку» (слова Бумазы). Вдобавок ко всем трудностям, цены на продукты стали стремительно расти. Рабочие, в полной мере осознающие этот процесс, реагируют *немедленно*: множественные стачки на заводах “Renault”, в секторе грузоперевозок, среди телефонистов, служащих страховых компаний, протестные выступления рабочих из Митиджа, которым не платят зарплату, — это лишь первые раскаты той волны гнева, которая, если будет последовательно усиливаться, вполне способна смести весь текущий строй.

Будучи не в состоянии справиться ни с одной из проблем, руководители отвечают тем, что собирают безумные круглые столы, идущие теперь постоянно, пытаются заключённых в тюрьмах, тоже постоянно, и обвиняют во всём «падение нравов». «Эль-Муджахид» за 7 декабря 1965 года нападает на «эротическую чувственность молодого поколения, никак не вовлечённого в политику», и на справедливую точку

зрения тех, кто «пытается отвергнуть религию как помеху их сладострастным наклонностям и эмансипации, понимаемой исключительно с точки зрения возможностей для наслаждения, а также заявить, будто достижения арабской цивилизации — это шаг назад». Точно таким же тоном власти Вашингтона или Москвы с сожалением сообщают о том, что больше не доверяют молодёжи. И спустя несколько месяцев новый режим уже соперничает с бен Беллой в абсурдности своего исламизма: запрещает алкоголь.

На данный момент существует две оппозиции режиму Бумедьена. С одной стороны, это рабочие, защищающие себя на предприятиях (самоуправляемых и не только), это они представляют собой реальный, деятельный протест. С другой стороны — левая часть партийного аппарата ФНО, пытающиеся реформировать революционный аппарат. Первая попытка, которую лишь спустя шесть недель предприняла Организация народного сопротивления, созданная Захуаном¹¹ и поддержанная французскими сталинистами, заключалась в совершенно пустом заявлении, где текущая власть не анализировалась ровно так же, как и пути противостояния ей. Второе воззвание адресовалось алжирской полиции с расчётом найти в ней поддержку революции. Расчёт оказался в корне неверным, поскольку уже к концу сентября эта полиция арестовала Захуана и разрушила его первую подпольную сеть (Харби же был арестован ещё в августе). Сама ОНС продолжает деятельность, недавно она стала принимать взносы от алжирских рабочих во Франции («для бен Беллы») и смогла привлечь в свои ряды большинство лидеров студенчества. Целью этой подпольной и эмигрантской организации является дальнейшее сближение с протестным движением алжирских рабочих, чему должен способствовать грядущий экономико-политический кризис. При подобном ленинистском сценарии она должна явиться реальным вариантом на смену режиму Бумедьена, под флагом бен Беллы или без него.

Однако что помешает становлению госаппарата большевистского типа, который столькие активисты хотят видеть? То, что много воды утекло со времён Ленина (и его провала), а также продолжающаяся, постепенная деградация ленинизма, которая проявляется в том, что все левые движения то и дело объединяются друг с другом или противопоставляют себя друг другу по самому мелкому поводу: хрущёво-брежневисты, прокитайские коммунисты, недо-тольяттисты¹², чистые и полусталинисты, все виды троцкистов и т. д. И никто из них не согласится — да им и не дадут — поставить ребром главный вопрос о сути «социализма» (то есть о классовой власти) в России, Китае, и в Алжире, следовательно, тоже. Их главная слабость в борьбе за власть — это одновременно и залог их контрреволюционной роли в случае прихода к ней. Эти левые движения предстают в качестве продолжения политической неразберихи, воплотившейся в ушедшем периоде, в то время как реальная классовая борьба в Алжире этот период уже закрыла. Их неуверенность в бен Белле была тесно связана с неуверенностью в мире (в социализме), так что метания продолжились и без бен Беллы. Они говорят не всё, что знают, и знают не всё, о чём говорят. Их опорой в обществе и *ожидаемой общественной ролью* остаётся бюрократический сектор, оказавшийся в неблагоприятных условиях после смены обстановки во власти и желающий вернуть свои позиции. Видя, что уже не могут надеяться возглавить власть, они оборачиваются к народу, надеясь возглавить оппозицию. Они тоскуют по бюрократии или грезят о ней, но стремясь противопоставить «народ» Бумедьену, не понимают, что Бумедьен уже показал массам реальное противоречие: государственной бюрократии и интересов рабочего. Но главное убожество их большевизма в следующем ярчайшем различии: партия большевиков не ведала, какую бюрократию она породит, в то время как эти силы уже могли наблюдать, и у себя, и во всём мире, какова та власть бюрократии, которую они хотят *восстановить*, очистив лишь в некоторой мере. Ес-

ли дать слово массам, то они не станут выбирать эту исправленную бюрократию, ведь они уже на собственном опыте извелади её суть. У не связанных с властью алжирских интеллектуалов ещё есть выбор — войти в этот аппарат или искать прямые контакты с независимым движением масс. Но мелкая алжирская буржуазия (торговцы, рядовые чины и т. п.) скорее всеми силами бросится на помощь новой технократическо-милитаристской бюрократии, чем станет на сторону левачских бюрократов.

Единственно возможный путь для социализма в Алжире и где бы то ни было ещё пролегает сквозь «заключение с правдой оборонительного и наступательного пакта», говоря словами венгерского интеллектуала, сказанными в 1956-м¹³. «Послание...» СИ было понято в Алжире там, где его смогли прочесть. Там, где существуют условия для революционной практики, никакая теория не будет слишком сложна. Вилье де Лиль-Адан, очевидец Парижской коммуны, отмечал: «Здесь впервые слышишь, как рабочие обмениваются мнениями по таким проблемам, которыми доселе занимались только философы»¹⁴. Реализация философии, критика и свободная перестройка всех ценностей и образа жизни, навязываемых обществом отчуждения, — вот что в точности составляет программу максимум *всеобщего самоуправления*. В ответ левачские аппаратные активисты говорят нам, что сами эти тезисы верны, но пока что нельзя всё говорить массам. Сторонники таких суждений не знают, когда же придёт нужный момент, да и на самом деле делают всё, чтобы он не пришёл никогда. Нужно говорить массам, *что они делают*. Революционные мыслители-специалисты — на самом деле специалисты по собственному ложному сознанию, они только задним числом понимают, что думали, будто делают одно, а делали совсем другое. Здесь эта проблема усугубляется трудностями, свойственными слаборазвитым странам, и неизменной теоретической неподготовленностью алжирского движения. И хотя именно группа бюрократов находится сего-

дня в самом хвосте оппозиции, одним своим существованием как группы «профессиональных управленцев» они создают ту *форму*, которая навязывает себя и определяет содержание. Политическое отчуждение всегда связано с государством. Самоуправлению нечего ждать от *возрождения большевизма*.

Самоуправление должно быть одновременно и средством, и итогом сегодняшней борьбы. Самоуправление является не только целью этой борьбы, но и адекватной её формой. Оно само — её орудие. И само служит себе материалом, который обрабатывает, само — своя собственная предпосылка. Оно должно полностью осознать свою собственную истинность. Государственная власть готовит нелепую и внутренне противоречивую затею «преобразовать самоуправление»; на самом деле это самоуправление должно *образовать власть* или исчезнуть.

Самоуправление — это самое современное, самое важное направление развития, которое возникло в ходе борьбы в Алжире, но ни в коем случае не является чем-то сугубо алжирским. Оно имеет всеобщее значение. В отличие от *югославской пародии*, чьим путём и хочет пойти Бумедьен, ставшей лишь частично децентрализованным средством государственного контроля («Нам нужно пойти на децентрализацию, чтобы лучше контролировать самоуправляемые предприятия», — прямо признаётся Бумедьен в интервью «Le Monde» 10 ноября 1965 г.), низшим уровнем центральной администрации; в отличие от прудоновского мютюэлизма 1848 года¹⁵, который предполагалось организовать вне пределов частной собственности, подлинное революционное самоуправление не может быть достигнуто иначе, как через упразднение силой оружия всех существующих её форм. Его провал в Турине в 1920 году — это прелюдия к военному господству фашизма. Основа для самоуправляемых предприятий возникла в Алжире спонтанно, как в Испании в 1936-м, как в Париже в 1871-м прямо в брошенных версальцами мастерских, с которыми собственникам пришлось расстаться после своего полити-

ческого поражения: то есть *в лишённом владельцев имуществе*. Вот отдых от собственности и притеснений, воскресенья от чуждённой жизни.

Такое самоуправление одним лишь существованием своим представляет собой угрозу любой общественной иерархии. Оно обязано уничтожать любой внешний контроль, потому что никаким внешним силам никогда не примириться с его живой сущностью, — разве только с его именем, с его забальзамированным трупом. Там, где есть самоуправление, не может быть ни армии, ни полиции, ни государства.

Всеобщее самоуправление, «распространённое на всё производство и на все области общественной жизни»¹⁶, — это не только конец безработицы, от которой страдают два миллиона алжирцев, но это и конец прежнего общества во всех его проявлениях, это упразднение всякого духовного и материального рабства и устранение всех властителей. Внешний контроль над нынешними попытками самоуправления был бы невозможен, если бы они не были готовы исключить из своих рядов большую часть не занятых в самоуправлении рабочих, а также безработных; и не терпели бы возвышения прямо на собственных производствах отдельного слоя «директоров» или профессионалов в управлении, которые вышли из общей массы или были выделены из неё государством. Директора — это вирус государства, и будучи внутри того, что стремится отвергнуть государство, он рождает компромиссы; но время компромиссов прошло, как для власти государства, так и для действительной власти алжирских рабочих.

Радикальное самоуправление, а только оно и способно закрепиться и выживать, это отказ от любой иерархии как внутри себя, так и снаружи; своей практикой оно также отменяет *любое иерархическое обособление женщин* (теории Прудона открыто поддерживают эту рабовладельческую логику отделения, как и отсталые реалии исламистского Алжира). Необходимо, чтобы членов комитетов по управлению, а так-

же любого делегата в федерациях самоуправляемых предприятий остальные рабочие могли отозвать в любой момент, и под остальными рабочими здесь, разумеется, понимается вся совокупность рабочих, как постоянных, так и сезонных.

Единственной программой социалистических сил Алжира становится защита самоуправляемого сектора, и не только сегодняшнего его состояния, но и того, каким он должен стать. И «чистке самоуправления», задуманной государством, его защитники должны противопоставить иную чистку: нужно силами рядовых участников очистить самоуправление от всего, что разрушает его изнутри. Только с продолжающегося и радикализирующегося самоуправления может начаться революционный штурм существующего режима. Развивая программу самоуправления в условиях количественного и качественного увеличения состава рабочих, нужно призывать каждого брать дело самоуправления в собственные руки, как если бы это было его личное дело. Если революционеры Алжира будут требовать не только защиты, но и дальнейшего распространения самоуправления, *изживания любой специализации, не способствующей самоуправлению*, этим они покажут, что такая защита — это дело не одних только рабочих *самоуправляемых на данный момент* предприятий, но всего рабочего класса, его единственный путь к окончательному освобождению. Так они дадут понять, что борются за всеобщую свободу, а не за своё будущее господство в качестве профессиональных революционеров; что победа «их партии» будет значить также её роспуск как партии.

В качестве первого шага нужно продумать, как наладить связь между делегатами от самоуправляемых предприятий, а также с комитетами предприятий, которые подготовят переход к самоуправлению в частном и государственном секторе; кроме того, необходимо передавать и публиковать информацию о борьбе, которую ведут рабочие, и об автономных формах организации, которые в ходе неё возникают, а также способствовать распространению этих форм как единствен-

Ги Дебор
СТАТЬИ
И ДЕКЛАРАЦИИ
1952–1985

ного варианта серьёзного протеста. И одновременно с этим, посредством тех же подпольных каналов связи и изданий, необходимо разрабатывать теорию самоуправления и формулировать её требования непосредственно в самоуправляемом секторе, указывая путь алжирским массам и всему миру. Самоуправление должно стать единственным решением загадки алжирской власти и должно *знать, что является таковым.*

МИНИМАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Исходя из того, что единственной целью революционной организации является упразднение существующих классов способом, не включающим в себя новое разделение общества, мы квалифицируем как революционную любую организацию, которая *последовательно* добивается международной реализации неограниченной власти рабочих Советов, черновой набросок которой был представлен опытом пролетарских революций этого века.

Если такая организация что-то собой представляет, она должна предложить единую критику мира. Под единой критикой мы подразумеваем критику, провозглашаемую глобально против всех географических зон, в которых установлены различные формы отделённых социально-экономических властей, а также провозглашаемую глобально против всех аспектов жизни.

Такая организация признаёт альфой и омегой своей программы тотальную деколонизацию повседневной жизни; таким образом, её целью является не самоуправление масс в существующем *мире*, но непрерывное преобразование этого мира. Она несёт в себе радикальную критику *политической экономики*, преодоление товара и наёмного труда.

Такая организация отвергает любое воспроизведение внутри себя самой иерархических условий господствующего мира. Единственным условием для участия в её тотальной демократии является признание и овладение всеми её членами *связности её критики* — эта критика должна проявляться в критической теории как таковой и в отношении

между этой теорией и практической активностью. Она радикально критикует всякую *идеологию* как *отделённую власть* идей и как *идеи об отделённой власти*. Таким образом, она одновременно с тем является отрицанием любых пережитков религии и современного социального *спектакля*, который — от средств массовой информации до массовой культуры — монополизирует всякую коммуникацию между людьми, сводя её к одностороннему восприятию образов их отчуждённой деятельности. Она разрушает всякую «революционную идеологию», разоблачая её как символ краха революционного проекта, как частную собственность новых специалистов власти, как ложь новой *репрезентации*, которая устанавливается над подлинной пролетаризированной жизнью.

Категория тотальности является *главным критерием* современной революционной организации, и такая организация в конечном счёте является критикой политики. Ей следует недвусмысленно предвидеть в собственной победе своё собственное исчезновение в качестве отдельной организации.

Точка взрыва

идеологии в Китае

Распад всемирного союза тоталитарных бюрократий – теперь уже свершившийся факт. Говоря словами «Послания...», опубликованного ситуационистами в июле 1965 года в Алжире¹, наконец стало явным то, что необратимо «рассыпалась вдребезги» сама «видимость революционности», та надёжная опора капиталистического общества, которую «ложь бюрократов» всегда противопоставляла этому обществу как его псевдоотрицание; и произошло это именно там, где официальный капитализм более всего желал сохранить своего иллюзорного соперника: в мировом противоборстве буржуазии и так называемого «социалистического лагеря». Несмотря на все попытки как-то склеить его осколки, *то, что уже давно не было социалистическим, перестало быть лагерем*. Наблюдать, как раскрошилась сталинская монолитность, можно по обилию независимых «линий», коих в последнее время насчитывается уже пара десятков: от Румынии до Кубы, от Италии до вьетнамско-корейско-японского партийного блока. Россия, которая в этом году не смогла собрать даже общую конференцию *европейских* партий, предпочитает не вспоминать о временах, когда Москва главенствовала в Коминтерне. Так, например, «Известия» в сентябре 1966 года могли упрекать китайское руководство в «беспрецедентной» дискредитации идей «марксизма-ленинизма» и в то же время целомудренно оплакивать манеру противостояния, «когда вместо оскорблений происходит обмен мнениями и революционным опытом. Но кто идёт по этому пути, начинает абсолютизировать собственный опыт и своими интерпретациями марксизма-лени-

низма доказывает собственный догматизм и сектантский дух. Такой подход непременно приводит к вмешательству во внутренние дела братских партий...»² Русско-китайская полемика сегодня сводится к тому, что власти обеих стран при любой возможности обвиняют своего оппонента во всех мыслимых преступлениях против пролетариата, обходя стороной лишь одно — *реальную проблему* прихода к власти класса бюрократов, но рано или поздно обе стороны придут ко вполне трезвому выводу, что скрывавший их соперника смутный революционный мираж растаял, утратив всякую связь с реальностью, и что всё вернулось к своей давней отправной точке. Простота такого возврата к истокам была прекрасно проиллюстрирована в феврале в Нью-Дели, когда китайский посол назвал Брежнева и Косыгина «новыми царями Кремля», а индийское правительство, будучи антикитайским союзником этой Московии, одновременно с тем заявило, что «сегодняшние руководители Китая облачились в маньчжурские императорские наряды». Этот выпад против новой династии в Поднебесной месяцем позже был подхвачен и развит в Москве Вознесенским, поэтом-модернистом от государства, который «чует Кучума» и его надвигающиеся орды, и уповает лишь на «спасательную Россию», которая сможет преградить им путь к «жемчужинам луврских фаюмов», среди которых они вот-вот разобьют биваки³. Ускоренный распад бюрократической идеологии, одинаково заметный и в странах победившего сталинизма, и там, где он утратил всякую надежду на власть, естественно, должен был сперва проявиться в отношении к интернационализму, но это лишь *начало* полного и необратимого распада. Для бюрократии интернационализм может существовать лишь как ложная декларация на службе её реальных интересов, как одно из *идеологических* оправданий, потому что бюрократическое общество это не что иное, как *перевернутый миф* пролетарской коммуны. Бюрократия — это по сути своей власть над общенациональной государственной собственностью, и в конце концов

она должна подчиниться логике, продиктованной действительностью и исходить из интересов, формируемых текущим уровнем развития страны, которой она владеет. Её героический век прошёл вместе с идеологией «социализма в отдельно взятой стране», которую Сталин проводил с 1927 по 1937 год, крайне предусмотрительно задушив другие революции, вроде Китайской или Испанской. Независимая бюрократическая революция в Китае — как незадолго до этого в Югославии — создала трещину в едином мире бюрократий, и не прошло и двадцати лет, как он оказался полностью раздроблен. Всеобщий процесс разложения бюрократических идеологий достиг на данный момент своей высшей точки в той самой стране, где из-за общей отсталости экономики притязания существующей революционной идеологии были также доведены до предела и где эта идеология была нужнее всего: в Китае.

Кризис, который в Китае продолжает набирать обороты с самой весны 1966 года, представляет собой совершенно новый феномен бюрократического общества. Вероятно, привыкший держать эксплуатируемое большинство общества в страхе, господствующий класс государственного бюрократического капитализма обнаружил, что он сам теперь раздроблен, как в России, так и в Восточной Европе, из-за всевозможных противоречий и конфликтов, проистекающих из объективных препятствий, встречаемых им на пути; но также и из совершенно безумных, говоря субъективно, способов прикрывать его насквозь лживую власть. Но так как бюрократия вынуждена быть централизованной в силу своего способа владеть экономикой страны (ведь добиться, чтобы любое участие в её коллективном присвоении общественного прибавочного продукта оставалось иерархическим, она может только собственными силами), то и очищалась она всегда *начиная с верхушки*. Верхушка бюрократической системы должна оставаться незыблемой, ведь на ней держится вся её легитимность. Все свои распри она должна держать внутри

(что и было её постоянной политикой ещё со времён Ленина и Троцкого); а если люди, там находящиеся, и могут быть свергнуты или заменены, то её функция обязана оставаться такой же величественной и непререкаемой. А затем волна репрессий может без объяснений и без пререканий спуститься на все этажи аппарата, просто как приложение к тому, что было решено наверху *в какой-то миг*. Берию нужно сперва убить, затем осудить, а потом можно гоняться за его приспешниками или неважно за кем ещё — ведь власть, когда убивает, тем самым определяет по собственной прихоти, кто здесь враг, и тем самым определяет себя как власть. Всего этого не было в Китае: там постоянно объявляют новых противников одновременно с невероятной эскалацией борьбы за полноту власти, что указывает на *раскол в правящем классе*.

Общественное явление, принявшее такой размах, очевидно, не может быть объяснено разногласиями на почве внешней политики в духе комических статей буржуазных обозревателей: уже довольно того очевидного факта, что китайская бюрократия спокойно снесла оскорбление, коим является разгром Вьетнама прямо у неё под боком⁴. Как невозможно объяснить это явление и личными спорами о наследовании власти. Когда отдельных руководителей вдруг обвиняют в том, что они «не пускали Мао Цзэдуна к власти» с конца 50-х, всё указывает на то, что это тот вид преступлений, которые часто фабрикуются задним числом в ходе бюрократических чисток — Троцкий вёл гражданскую войну по указке Микадо⁵, Зиновьев помогал Ленину, чтобы угодить Британской империи, и т. п. Тот, кто смог отстранить от власти такого влиятельного человека, как Мао, не смог бы спать спокойно, пока Мао может вернуться. Мао умер бы в тот же день, и тогда его верные сторонники беспрепятственно могли бы назвать виновным в этой смерти, скажем, Хрущёва. И хотя правители и полемисты бюрократических государств, безусловно, понимают причины китайского кризиса гораздо лучше, именно поэтому они и не могут делать сколько-нибудь серьёзных

заявлений, чтобы, говоря о Китае, ненароком не выдать себя. И только левацкие отбросы из западных стран, всегда падкие на любую отдающую ленинистским душком пропаганду, могут обманываться ещё сильнее, чем остальной мир, переоценивая значение в китайском обществе признаков регулярных выплат капиталистическим союзникам или пытаясь найти в этой каше, кто же из лидеров выступает за левацкую повестку и автономию рабочих. Самые недалёкие из них даже верили, что во всём этом предприятии есть что-то «культурное», пока в январе маоистская пресса не разочаровала их, признавшись, что это «с самого начала было борьбой за власть». Серьёзная дискуссия возможна лишь о том, почему и как именно правящий класс смог разделиться на два враждующих лагеря; и, разумеется, чтобы быть правомерным, любое исследование на этот счёт должно согласиться с тем, что бюрократия является господствующим классом, и рассматривать её специфику, а не пытаться свести всё к классическим условиям власти буржуазии.

Говоря о том, «почему» произошёл раскол среди бюрократов, можно с уверенностью отметить лишь то, что это ещё и вопрос об угрозе господствующему положению правящего класса, *потому что каждая из сторон обладает непоколебимым упрямством в достижении своих целей, и если будет нужно, тут же рискует всем, что образует общую власть их класса, не моргнув и глазом*, чем поставит под удар их сегодняшний способ управления обществом. Таким образом, господствующий класс должен был понимать, что больше не сможет править как прежде. Очевидно, что причина этого конфликта — управление *экономикой*. Очевидно, что последовательное крушение экономических инициатив бюрократии до предела обострило его. Провал политики так называемого «Большого скачка»⁶ — в основном из-за сопротивления со стороны крестьянства — не только поставил крест на перспективах поднять промышленность чисто волонтаристскими методами, но и, безусловно, привёл к чудовищной дезорганиза-

ции, которая даёт о себе знать уже не один год. Рост сельскохозяйственного производства с 1958 года выглядит очень слабым, а скорость роста численности населения по-прежнему опережает темпы заготовки продовольствия. Но какие именно экономические вопросы вызвали раскол руководящего класса, сказать намного сложнее. Возможно, одна сторона (включая большую часть партийного аппарата, профсоюзных лидеров и экономистов) хотела продолжать или даже существенно нарастить производство потребительских товаров, поддерживая энтузиазм рабочих экономическими стимулами, и такая политика подразумевала бы помимо определённых уступок крестьянству и особенно рабочим повышение уровня иерархически дифференцированного потребления для огромной массы рядовых бюрократов. Другая сторона (включая Мао и значительную часть высших военных чинов), скорее всего, хотела продолжить индустриализацию страны, неважно какой ценой, а значит ещё сильнее задействовать *идеологическое рвение* и террор, безгранично эксплуатировать рабочих и, быть может, «во имя равенства» в сфере потребления даже принести в жертву нижние слои бюрократии, которые стали сильно выделяться. Целью обеих позиций является в конечном счёте поддержание абсолютной власти бюрократии, и их расчёт продиктован необходимостью пресечь классовую борьбу, которая этой власти угрожает. В любом случае всем было настолько очевидно, что выбор нужно делать срочно, и это вопрос жизни и смерти, что оба лагеря прямо сейчас решили рискнуть ухудшить сложившиеся обстоятельства самим фактом раскола. Вполне возможно, что упорство обеих сторон объясняется тем, что на самом деле не существует правильного решения для непреодолимых проблем китайской бюрократии; что оба противоборствующих подхода неосуществимы на практике; и что при этом всё же нужно выбирать.

Чтобы теперь понять, «как» раскол на самой верхушке бюрократии смог постепенно спуститься до самых низших

уровней (воспроизводя на каждом уровне управляемые извне противостояния, которые в свою очередь обостряли конфронтацию во всём партийном аппарате, госструктурах и под конец даже в народных массах), необходимо, как видится, принять в расчёт остатки сохранившейся в Китае старой модели управления, при которой регионы стремились к частичной автономии. Начатое пекинскими маоистами в январе изобличение «самостоятельных царств»⁷ подтверждает этот факт, как и развитие беспорядков за последние месяцы. Вполне возможно, что феномен автономии регионов, проявившийся в русском контрреволюционном движении очень слабо и фрагментарно (лишь в Ленинграде он был заметен), в условиях бюрократического Китая получил базу для широкого и устойчивого распространения, что выражается в том, что в центральной власти может сосуществовать одновременно множество кланов и их сторонников, имеющих непосредственную бюрократическую власть над целыми регионами и потому идущих на компромиссы между собой. Китайская бюрократическая власть вышла не из рабочего движения, а из армейского офицерства крестьянского происхождения, сложившегося за двадцать два года войны⁸. Армия оставалась встроенной в партию, всё партийное руководство имело также и военные чины, и это была своего рода школа для отбора и подготовки партийных кадров из крестьянства. К тому же поставленные в 1949 году местные администрации, судя по всему, в значительной степени зависели от тех армейских подразделений, которые двигались по этим районам во время похода с севера на юг, всякий раз оставляя после себя людей из своего числа, родом из этого региона (или имевших там семейные связи; и пропаганда против Лю Шаоци⁹ и остальных наглядно выявила этот объединяющий бюрократические шайки фактор). Таким образом, объединиться в Китай эти местные очаги полуавтономной власти внутри бюрократического аппарата могли лишь посредством сочетания управленческих структур победившей

армии и производительных сил на завоёванных территориях, которые нужно было контролировать.

Когда фракция Мао начала открытое наступление на хорошо укрепленные позиции своих противников, выведя на улицы на вербованных студентов и школьников, речь на тот момент не шла ни о какой «культурной» или «просветительской» переплавке рабочих масс, и без того сверх всякой меры придавленных идеологическим ярмом режима. Сквернословие в адрес Бетховена или искусства времён династии Мин, равно как и обличение ещё не сданных или уже отвоёванных китайской буржуазией позиций, хотя очевидно, что она давно перестала существовать как таковая, нужны лишь для потехи публики, — впрочем, не без расчёта, что такой грубый левый радикализм может найти отголосок в среде подавляемых режимом людей, которые имеют все основания подозревать, что от бесклассового общества их отделяет ещё много преград. Вся цель этой операции состояла в том, чтобы в поддержку этой фракции на улицах зазвучала *идеология режима*, маоистская по определению. Их оппоненты сразу же оказались в неудобном положении с самого начала этого дурного идейного спора — они сами не могли быть не кем иным, кроме как маоистами. Вот почему их неубедительную «самокритику» стоит рассматривать как решение сохранить занимаемое место. Таким образом, первый этап их борьбы можно охарактеризовать как противостояние *официальных хозяев идеологии и хозяев госаппарата и экономики*. В то же время, чтобы сохранить коллективную власть над обществом, бюрократии требуется как идеология, так и административно-репрессивный аппарат; поэтому такое рискованное разделение может привести к самым губительным последствиям, если не будет устранено в кратчайшие сроки. Известно, что большая часть аппарата, в том числе и Лю Шаоци, несмотря на его пошатнувшееся положение в Пекине, оказывала упорное сопротивление. После первой попытки заблокировать маоистскую агитацию на уровне университе-

тов, где «рабочие группы»¹⁰ оказались весьма эффективными в борьбе с ней, эта агитация перекинулась на улицы всех крупных городов, где она развернула с помощью стенгазет и прямого действия атаку на заранее указанных ответственных лиц, — но, конечно, не обошлось без ошибок и перегибов от усердия. Эти ответственные лица развернули сопротивление всюду, где только смогли. Первые стычки между рабочими и «красногвардейцами»¹¹ зачастую инициировались партийными *активистами* с заводов по распоряжениям местных высокопоставленных партаппаратчиков. Но рабочие, выведенные из себя бесчинствами хунвейбинов, вскоре стали действовать самостоятельно. Всякий раз, когда маоисты говорили, что нужно «распространить культурную революцию» на заводы, затем на сёла, они звучали так, будто *приняли решение о повороте*, который никак им не удался всю осень 1966 года и произошёл на самом деле уже сам собой, вопреки их плану. Упадок промышленности; неразбериха в транспортном секторе, в системе ирригации, в государственной администрации вплоть до уровня министров (несмотря на все усилия Чжоу Эньлая¹²); угроза неурожая по осени и весной; полная остановка системы образования сроком более чем на год — что особенно пагубно для слаборазвитой страны, — всё это было лишь неизбежным результатом борьбы, затянувшейся только оттого, что та часть бюрократов у власти, которая в понимании маоистов должна была сдаться, продолжала сопротивление.

Поскольку политический опыт маоистов никак не готовил их к борьбе в условиях городской среды, им выпал случай на опыте убедиться в справедливости предостережения Макиавелли: «Когда затеваешь в городе смуту, нельзя рассчитывать на то, что её сразу утихомиришь или легко направишь в нужное тебе русло» («История Флоренции»)¹³. Спустя несколько месяцев псевдокультурной псевдореволюции в Китае началась настоящая классовая борьба, потому что в неё включились рабочие и крестьяне. Рабочие не мог-

ли не видеть, что значит для них перспектива маоизма; крестьяне, видя, что посягают на их собственный клочок земли, во многих провинциях начали распределять между собой землю и инвентарь «народных коммун» (представляющих собой только новую идеологическую обёртку прежнего административного деления, в основном совпадая с границами старых кантонов). Стачки железнодорожников, всеобщая стачка в Шанхае — названная, как ранее в Будапеште, оружием капиталистических приспешников — стачки в большом промышленном центре Ухань, в Гуанчжоу, в Хубее, а также забастовки металлургов и работников текстильной промышленности в Чунцине, крестьянские волнения в провинциях Сычуань и Фуцзянь — в январе всё это достигло предела, так что Китай находился на грани хаоса. В то же время после антимаоистских выступлений в Нанкине, по примеру «пурпурных гвардий», организованных рабочими из Гуанси в 1966 году для сопротивления «красным гвардиям» хунвейбинов во многих провинциях стали создаваться «армии», как, например «Армия 1-го августа» в Гуандуне. В февралемарте государственная армия вынуждена была вмешиваться по всей стране, чтобы укрощать рабочих, управлять производством, вводя «военный контроль» на заводах, и даже руководить работами в поле вместе с местной милицией. Борьба рабочих за сохранение или увеличение зарплаты, учитывая известную склонность пекинских властей к треклятому «экономизму», могла найти понимание, читай — поощрение, со стороны отдельных партийных чиновников на местах, в рамках их сопротивления бюрократам-маоистам из вражеского стана. Но всё же очевидно, что борьба ведётся главным образом рабочими массами, этим неодолимым потоком: прекрасным подтверждением тому служит принудительный роспуск в марте «профессиональных объединений», которые образовались на месте официальных профсоюзов, распущенных властью ещё раньше, когда профсоюзные бюрократы попытались отклониться от маоистской линии; так,

например, в марте шанхайский «Цзефан Жибао»¹⁴ обрушивается на «феодалные замашки этих объединений, которые формируются не на основе классового единства (*читай: то, что определяет это классовое единство, находится в монопольной собственности маоистской власти*), но по признаку конкретных профессий, ради борьбы за частные и сиюминутные интересы представителей исключительно этой профессии». Такая защита коллективизма со стороны действительных и бессменных владельцев всего общественного блага недвусмысленно прозвучала и в директиве Государственного совета и Военного совета Центрального Комитета партии: «Все элементы, взявшие в руки оружие или укравшие его, подлежат аресту».

В тот самый момент, когда китайской армии поручают урегулирование уже унёсшего десятки тысяч жизней конфликта, в котором друг другу противостоят хорошо вооружённые воинские подразделения, вплоть до военных кораблей, в самой армии происходит раскол. Ей велено обеспечивать возобновление производства и его дальнейший рост, в то время как она уже не в состоянии даже обеспечить единство власти в Китае, — к тому же применять армию против крестьянства, в то время как она главным образом набиралась из крестьян, значит идти на серьёзный риск. То, что в марте-апреле маоисты искали возможности примирения, заявляя, что весь партийный аппарат может вернуться в строй, за исключением «горстки» предателей, и что главной угрозой остаётся «анархизм», показывает не столько их опасения, что молодёжь, вошедшую во вкус после «красногвардейского» опыта, будет трудно обуздать, сколько *главнейшее опасение подойти к той черте, где исчезает сам правящий класс*. Партия, центральная и местная администрация находятся сейчас в состоянии загнивания. Необходимо «вернуть трудовую дисциплину». «Практика отстранения и свержения всех должностных лиц подлежит безоговорочному осуждению», — заявляет «Хунци»¹⁵ в марте. А ещё в феврале «Синьхуа»¹⁶: «Вот вы раз-

давили всех должностных лиц... но захватив, наконец, контроль над органами власти, что вы найдёте, кроме пустого кабинета и печатей?» Процессы реабилитации и новые компромиссы сменяют друг друга наперебой. Выживание бюрократии как таковой стало высшей целью, отчего все политические разногласия должны отойти на второй план, будучи лишь средством.

Уже с весны 1967 года можно говорить о том, что движение «культурной революции» потерпело чудовищный провал, и что этот провал – самый большой из длинной череды провалов бюрократической власти Китая. Цена операции оказалась баснословной, но притом ни одна из её целей не была выполнена. Раскол в бюрократии сильнее, чем когда-либо. И в свою очередь, раскалывается всякая вновь установленная в контролируемых маоистами регионах власть: «тройственный союз революции» (армия – «красные гвардии» – партия) постоянно рассыпается на части – и в силу противоборства этих трёх сил (особенно по вине партии, которая держится особняком или входит в союз только чтоб его саботировать), и в силу внутренних конфликтов в каждой из них, ещё более глубоких. Кажется, что собрать аппарат заново ничуть не легче, чем выковать новый. К тому же *пекинские власти не имеют ни малейшего контроля над как минимум двумя третями территории Китая.*

Наряду с правительственными комитетами сторонников Лю Шаоци и с всё усиливающимися рабочими движениями, под видом независимых генералов-«коммунистов» вновь объявились *полевые командиры*¹⁷, которые ведут переговоры напрямую с центральной властью и ведут собственную политику, особенно в отдалённых регионах. В феврале возглавлявший Тибет генерал Чжан Гохуа после уличных боёв в Лхасе использовал против маоистов бронетехнику. Три маоистские дивизии посланы «раздавить ревизионистов». Судя по всему, их успехи довольно скромны, потому что по состоянию на апрель Чжан Гохуа всё ещё контролирует регион. Его

принимают в Пекине 1 мая, и в ходе переговоров достигается компромиссное решение, в соответствии с которым Чжану Гохуа было поручено создание революционного комитета¹⁸ для управления провинцией Сычуань, где начиная с апреля власть захватил находящийся под влиянием генерала Хунь «революционный союз», который арестовал маоистов; впоследствии в июне члены народной коммуны завладели оружием и атаковали военных. Во Внутренней Монголии армия выступила против Мао ещё в феврале под предводительством замполита гарнизона Лю Чана. То же самое в Хэбэе, Хэнани, Маньчжурии. В мае в Ганьсу генерал Чао Юнь-Цзы успешно организовал антимаоистский путч. Ситуация в регионе Синьцзян, где располагаются ядерные установки, стабилизировалась в марте, когда контроль над ней с общего согласия взял генерал Ван Энь-мао; хотя говорят, что именно он в июне атаковал местных «маоистов-революционеров». Хубей, один из старейших промышленных центров Китая, в июле полностью находится в руках генерала Чэня Цзайдао, начальника Уханьского военного округа. В духе старого доброго «Сианьского инцидента»¹⁹ он арестовывает сразу двоих высокопоставленных чиновников из Пекина, посланных на переговоры с ним; приходится лететь самому премьер-министру, причём возвращение двух парламентёров представляется «победой». В это же время 2400 заводов и шахт этой провинции оказываются парализованными вследствие вооружённого восстания 50000 рабочих и крестьян. Вдобавок к началу лета становится ясно, что столкновения продолжатся повсюду: в июне в Хэнани «консервативно настроенные рабочие» совершили нападение на здание прядильной фабрики с применением зажигательных бомб, в июле бастует каменноугольный бассейн в Фушуне и нефтяники в Дацине, шахтёры Цзянси преследуют маоистов, звучат призывы к борьбе против «промышленной армии Чжецзяна», которая описывается как «террористическая антимарксистская организация», крестьяне вот-вот двинутся на Нанкин и Шан-

хай, в Гуанчжоу и Чунцине идут уличные бои, студенты Гуйяна нападают на армию и захватывают маоистских руководителей. И правительству, принявшему решение остановить насилие «в регионах, контролируемых центральными властями», будет нелегко сделать это даже там. Раз не выходит пресечь беспорядки, пытаются пресечь распространение информации о них, выдворяя немногочисленных иностранных граждан.

Но к началу августа раскол в армии становится настолько опасным, что уже официальные пекинские газеты пишут о том, что сторонники Лю хотят «построить независимое реакционное королевство буржуазии в самом сердце армии», и что «нападки на диктатуру пролетариата в Китае идут не только от высших эшелонов, но и снизу» («Женьминь Жибао»²⁰ за 5 августа). Пекин, таким образом, сам признаёт, что по крайней мере треть армии выступила против центральной власти, и что значительная часть территории восемнадцати провинций коренного Китая²¹ ему неподвластна. Последствия Уханьского инцидента не заставили себя ждать и выглядели очень серьёзно: в регион вошёл десант из Пекина, поддерживаемый шестью канонерскими лодками, которые поднялись вверх по Янцзы от самого Шанхая, и после ожесточённого боя был отброшен; с другой стороны, оружие из арсенала Уханя могло быть отправлено антимаоистам в Чунцин. Кроме того, стоит отметить, что войска в Ухане относились к армейским подразделениям, находящимся под непосредственным началом Линь Бяо²², то есть единственным, в чьей верности не сомневались. К середине августа вооружённые столкновения достигают такого размаха, что правительство маоистов решает официально осудить подобное продолжение политики²³, но средства, которыми оно это делает, оборачиваются против него; оно заверяет, что намерено действовать убеждением, собираясь одержать верх, «ведя войну пером». Одновременно с этим оно объявляет раздачу оружия населе-

нию в «благонадёжных районах». Но только где остались такие районы? Снова идут бои в Шанхае, который уже много месяцев выдавали за один из немногих оплотов маоизма. В Шаньдуне военные склоняют крестьян к восстанию. Руководство военно-воздушных сил разоблачено как враги режима. И как во времена Сунь Ятсена²⁴, несмотря на уже отправленную туда для наведения порядка 47-ю Армию, Гуанчжоу становится центром восстания, в авангарде которого находятся работники железной дороги и городского транспорта: освобождены политзаключённые, оружие, назначавшееся для отправки во Вьетнам, было захвачено в порту, неизвестное количество людей повешено на улицах. Таким образом, Китай медленно увязает в беспорядочной гражданской войне, где противостояние идёт как между разными регионами, находящимися под властью расколотого государственно-бюрократического аппарата, так и между требованиями рабочих и крестьян и теми условиями эксплуатации, которые разобщённые слои бюрократов обязаны поддерживать по всей стране.

Показав себя чемпионами в абсолютной идеологии, что легко заметить по их успехам, маоисты снискали невероятное уважение и одобрение в среде западных интеллектуалов, всегда истекающих слюной от подобных раздражителей. В журнале “Nouvel Observateur” за 15 февраля К. С. Кароль с умным видом напоминает маоистам, что они забыли, «что истинные сталинисты не могут быть потенциальными союзниками Китая, но напротив, лишь его непримиримыми врагами; в антибюрократических устремлениях культурной революции им видится троцкизм...» Действительно, многие из троцкистов отождествили себя с этим и таким образом сами вынесли себе приговор! “Le Monde” — наверное, самое откровенно маоистское издание за пределами Китая — объявило о неминуемом успехе мсье Мао Цзэдуна, который со дня на день обретёт, наконец, ту власть, которую, как нам казалось, он имел последние восемнадцать лет. Китаеведы,

почти все христиане-сталинисты (такая смесь в принципе распространена, но среди них особенно сильно), заговорили о китайской душе, чтобы придать легитимности новому Конфуцию. Всё, что было комичного и абсурдного во взглядах буржуазной интеллигенции левого, умеренно сталинофильского толка, расцвело пышным цветом по такому удобному поводу, в свете новых китайских рекордов: Культурная революция продлится, наверное, тысячу или даже 10000 лет. «Красная книжечка»²⁵ смогла наконец «китаизировать марксизм». «По всем войсковым подразделениям проносится гул громких и чистых мужских голосов, повторяющих цитаты». «Засуха ничуть не страшна, ведь нашу землю питает плодородным дождём мысль Мао Цзэдуна». «Глава правительства был признан ответственным... за то, что не предугадал манёвр маршала Чана Кайши, когда последний направил свои войска против коммунистов» («Le Monde» за 4 апреля 1967 г.; речь идёт о резне в 1927 г., которую все в Китае предвидели, но покорно дожидались, следуя приказам Сталина). Какой-то хор исполнил гимн под заглавием «Сто миллионов с оружием в руках критикуют скучную книгу “О работе коммуниста над собой”» (официально одобряемая до недавнего времени работа Лю Шаоци). Список можно продолжать бесконечно, но остановимся на прекрасной фразе из «Женьминь Жибао» за 31 июля: «Пролетарская культурная революция в Китае проходит превосходно, но классовая борьба становится труднее».

После всей этой газетной шумихи исторические выводы, которые можно сделать из этого периода, довольно просты. К чему бы ни пришёл в итоге Китай, репутация нынешней власти революционеров-бюрократов полностью разрушена. Её внутреннюю разруху усугубляет непрерывная череда провалов во внешней политике: уничтожение индонезийского сталинизма, разрыв отношений с японскими сталинистами, разрушение Вьетнама Соединёнными Штатами и напоследок официальное заявление Пеки-

на, сделанное за несколько дней до разгона протестующих в Наксалбари первой же полицейской операцией, что это «восстание» — начало общеиндийской революции маоистского крестьянства: из-за таких нелепостей Пекин и потерял поддержку большей части своих индийских сторонников, то есть единственной остававшейся верной Пекину крупной бюрократической партии²⁶. Что касается внутреннего кризиса в Китае, то он отражает провал планов индустриализации страны и создания из Китая модели для слаборазвитых стран. Идеология, доведённая до своего абсолютного предела, начинает взрываться. Абсолютизация её применения это одновременно и её исчезновение: это тьма, в которой все идеологические кошки серы. В тот момент, когда в обстановке полного хаоса бюрократы сражаются между собой во имя одной и той же догмы, повсюду разоблачая «буржуев, прикрывающихся красным знаменем», уже само *двоемыслие*²⁷ раздваивается. Это счастливый конец всей идеологической лжи, её нелепая смерть. И её нелепость — не китайского, а общемирового производства. В опубликованном в августе 1961 года выпуске “Internationale Situationniste” мы говорили, что мир «будет на всех его уровнях становиться всё более и более мучительно нелепым, вплоть до момента его полной революционной перестройки»²⁸. Мы видим, что из этого получилось. Новая эпоха пролетарской критики будет знать, что с идеологией не следует церемониться, и что любая существующая идеологическая подпорка будет ею отброшена с ужасом и стыдом. Обнаружив, что она полностью лишена ложных ценностей её лживого мира, эта критика должна осознать, что является решительным отрицанием всего мирового общества в целом; и в Китае она в будущем это осознает. Общемировой распад *Бюрократического интернационала* воспроизводится сейчас в масштабах Китая и выражается в разделении власти по отдельным независимым провинциям. Так Китай возвращается в своё прошлое, которое снова ставит перед ним реальные рево-

люционные задачи побеждённого ранее движения. Представляется, что когда «Мао заново начинает в 1967-м то, что он делал в 1927-м» («Le Monde», 17 февраля 1967), одновременно с тем впервые с 1927 года всю страну охватывает движение народных масс крестьян и рабочих. Как бы ни было им тяжело осознавать свои собственные цели и руководствоваться ими, всё же что-то навсегда сломалось в системе абсолютного подчинения рабочих Китая. *Пролетарский Небесный мандат*²⁹ исчерпан.

ПОСЛАНИЕ ПАРИЖСКОГО КОМИТЕТА СИТУАЦИОНИСТСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ЧЛЕНАМ СИ И ТОВАРИЩАМ, ПОДДЕРЖАВШИМ НАШИ ТЕЗИСЫ

Товарищи,

Парижское «восстание» студентов началось ещё несколько месяцев назад с небольшой группы Бешеные из Нантерской Сорбонны¹, в которую входили Рене Ризель, Жерар Бигорнь (в апреле его исключили из всех высших учебных заведений Франции сроком на пять лет) и другие. Их группа поддерживала идеи СИ. Остальная часть Движения 22 марта² (более умеренная и непоследовательная во взглядах) нашла себе лидера в лице Дани[эля] Кон-Бендита³ (анархиста из группы «Чёрное и красное»⁴), который согласился на роль звезды спектакля, впрочем, сочетая её с делающим ему честь радикализмом.

Вызвав обоих этих товарищей вместе с ещё пятью лидерами на заседание дисциплинарной комиссии, Совет Университета лишь дал событиям 3 мая новый толчок. Уличные выступления 6 мая (десять-пятнадцать тысяч студентов) в последующие несколько дней стали, наконец, получать запоздалую поддержку бюрократов из UNEF⁵, Компартии и т. д.

И в ночь с 10 на 11 мая всё вспыхнуло вновь, с особой силой. Часть 5-го округа была полностью перегорожена баррикадами и оставалась в руках небольшого числа восставших в течение почти восьми часов. Из которых четыре последних ушли у оцепивших район сил правопорядка на то, чтобы

оттеснить восставших с захваченных территорий. Всего нас было от трёх до пяти тысяч человек (примерно половина — студенты, много лицеистов и уличных хулиганов, несколько сотен рабочих всех возрастов).

Расправа была жестокой, как мы и ожидали. Но под пором протестов всех левых бюрократов и возмущений в сочувствующей среде рабочих правительство отступило. Почти все парижские факультеты захвачены и превратились в подобие народных клубов⁶. Сейчас там господствует прямая демократия, чьи основные требования: низвергнуть существующее общество, объединиться с рабочими и вынести окончательный приговор сталинистской бюрократии. На прошедшем 14 мая 1968 года заседании всеобщего независимого совета захваченной Сорбонны было озвучено три разные позиции:

1) Первый лагерь (численностью от трети до половины собравшихся, хотя они высказывались меньше других) хочет лишь университетской реформы, и есть опасность, что он пойдёт на мировую, следуя призывам левой профессуры.

2) Второй лагерь, более разнообразный по составу, настроен продолжать борьбу вплоть до падения голлистского режима или даже капитализма (в их числе — всё многообразие гошистских движений⁷, среди которых Федерация революционных студентов и троцкисты-ламбертисты⁸, сильно дискредитировавшие себя неприятием баррикад).

3) Третья позиция находится в сильном меньшинстве (но хорошо слышна), её суть сформулировал Ризель в своём заявлении (текст его будет направлен вам в кратчайшие сроки). Её сторонники хотят уничтожения классов, наёмного труда, спектакля и выживания⁹ и требуют абсолютной власти Рабочих советов.

Возможны следующие пути развития событий (в порядке снижения вероятности):

а) постепенный упадок движения (как минимум на данном этапе, если всё останется лишь внутри студенческой сре-

ды, и если антибюрократическая агитация не получит серьёзной поддержки рабочих);

б) репрессии (следует ожидать масштабных арестов среди лидеров), если движение чрезмерно радикализируется или продержится долгое время, но не сможет раскачать рабочий класс и сместить контролирующих его бюрократов.

в) социальная революция?

Вчера мы учредили объединённый *комитет Бешеных-СИ*, который уже начал распространять в Сорбонне листовки с изложением радикальной и крайне последовательной позиции. И мы будем продолжать. Ризель вошёл в первый Комитет по оккупации Сорбонны (состав которого ежедневно полностью переизбирается).

Прилагайте максимум усилий, чтобы агитацию услышали, заметили, поддержали. Ключевыми вопросами для Франции на текущий момент нам видятся следующие:

- захват заводов;
- создание Рабочих советов;
- окончательное закрытие Университета;
- безусловная критика всех форм отчуждения; утверждение основных положений ситуационистского движения (в частности, распространение текста «Минимальное определение революционных организаций»¹⁰).

Ги, Мустафа, Рауль, Рене

Приложение:

Что делать прямо сейчас?

Писать лозунги на стенах (и везде, где только возможно, по примеру Сорбонны; клеить плакаты в зданиях других факультетов и лицеев). На наш взгляд, в первую очередь стоит использовать следующие формулировки:

Ги Дебор
СТАТЬИ
И ДЕКЛАРАЦИИ
1952–1985

«Всю власть Рабочим Советам!»

«Упраздним классовое общество!»

«Долой товарно-зрительское общество!»

«Да здравствует Комитет Бешеных-СИ» (или подписывать лозунги именем комитета).

Перепечатывать и распространять листовки и прокламации, которые мы вам передавали. И изготовлять другие в том же ключе.

Выступать и брать слово всюду, где можно, для поддержки наших идей.

ЛИСТОВКИ
КОМИТЕТА ПО ОККУПАЦИИ
СОРБОННЫ
И КОМИТЕТА БЕШЕНЫХ-СИ
*Тексты нескольких первых
листовок, расклеенных на стенах
Сорбонны 14 мая 1968 года*

Будьте бдительны!
Рекуператоры среди нас!
«Так разрушьте же окончательно то, что может ко-
гда-то уничтожить вашу работу» (де Сад)¹.

Комитет Бешеных-Ситуационистского интернационала

Вслед за Богом умерло и искусство. Которое его кюре уже
не смогут вернуть!

ПРОТИВ всякого выживания искусства,
ПРОТИВ господства *разделения*,
ПРЯМОЙ ДИАЛОГ
ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ
САМОУПРАВЛЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Комитет Бешеных-Ситуационистского интернационала

Товарищи,
Немедленно дехристианизируем Сорбонну.
Невозможно более терпеть существование часовни!
Выкопаем и отправим в Ватикан останки гнусного Ришелье, государственного человека и кардинала.

Комитет Бешеных-Ситуационистского интернационала

Товарищи,
Завод Sud Aviation в Нанте уже два дня захвачен рабочими и студентами этого города, сейчас движение распространилось на многие предприятия (NMPP² в Париже, Renault в Клеоне и т. д.).

КОМИТЕТ ПО ОККУПАЦИИ СОРБОННЫ призывает к немедленной оккупации всех заводов во Франции и созданию Рабочих Советов.

Товарищи, распространяйте и размножайте как можно быстрее этот призыв.

Сорбонна, 16 мая 1968, 15–30

Будьте бдительны!

Товарищи!
Суверенитет революционной ассамблеи бессмысленен, если он не осуществляет свою власть.

На протяжении 48 часов сама способность Генеральной ассамблеи принимать решения оспаривается систематической обструкцией всех предлагаемых вариантов действия.

Ни одно предложение на сегодняшний день не может быть принято, ни даже обсуждено, и органы, избираемые Генеральной ассамблеей (Комитет по оккупации и Комитет по координации), видят, что их деятельность саботируется органами, возникшими псевдостихийно.

Все дискуссии об организации, которыми хотят предварить любое действие, абсолютно бессмысленны, если не делается вообще ничего.

А в этом случае движение будет похоронено в Сорбонне!

Требование прямой демократии является минимальной поддержкой, которую революционные студенты могли бы выразить революционным рабочим, захватывающим свои заводы.

Недопустимо, что инциденты, подобные тому, что имел место вчера вечером на Генеральной ассамблее, могут пройти безнаказанно.

Сюда возвращаются кюре, когда антиклерикальные листовки были сорваны.

Сюда возвращаются бюрократы, когда они, даже не называя своих имён, парализуют всякое осознание революционного смысла, который может расширить движение за пределы баррикад.

Ещё раз, будущее приносится в жертву ради спасения дряхлого синдикализма.

Парламентский кретинизм хочет водвориться на трибуну, он пытается поставить на ноги подлатанную старую систему.

Товарищи!

Отдельно взятая университетская реформа ничтожна, когда следует уничтожить весь старый мир.

Движение — ничто, если оно не революционное.

Комитет по оккупации Сорбонны

16 мая 1968, 16-30

Внимание!

Комитет прессы, который располагается на лестнице С на втором этаже библиотеки Гастон Азар, не представляет никого, кроме самого себя. В данном случае речь идет о десятке студентов-журналистов, озабоченных тем, чтобы получше выслужиться перед их будущими работодателями и их будущими цензорами.

Этот комитет, который пытается монополизировать контакты с прессой, отказывается передавать заявления органов, регулярно избираемых Генеральной ассамблеей.

Этот комитет прессы является комитетом цензуры: не следует иметь с ним ничего общего.

Различные комитеты, комиссии, рабочие группы могут обращаться напрямую к Агентству Франс Пресс по телефону 5084540 или в другие издания:

Le Monde: 77091 29.

France-Soir: 50828 00.

Combat: оставить сообщение для мсье Робера Тубона, CEN 81 11.

Разные рабочие группы могут безо всяких посредников, не считаясь с мнением плохо замаскированных бюрократов, говорить когда они хотят и что они хотят.

В ожидании Генеральной ассамблеи этим вечером, на которой будут приняты новые решения, журналисты могут обращаться в Комитет по оккупации и Комитет по координации, избранные Генеральной ассамблеей прошлым вечером.

Вечером все на Генеральную ассамблею, чтобы выставить бюрократов за дверь!

Комитет по оккупации автономного народного университета Сорбонны

16 мая, 17-00

Осторожно, манипуляторы! *Осторожно, бюрократы!*

Листовки
Комитета
по оккупации
Сорбонны
и Комитета
Бешеных-СИ

Товарищи,

Важность Генеральной ассамблеи сегодня вечером (четверг, 16 мая) должна осознаваться всеми. На протяжении двух дней отдельные персонажи, легко узнаваемые по тому, как они на глазах у всех пытаются впарить болтовню собственных партий, преуспели в том, чтобы развести бардак, затащить Генеральную ассамблею под груды бюрократического хлама, чья бестактность наглядно демонстрирует презрение, испытываемое ими к этой ассамблее.

Эта ассамблея должна научиться заставлять с собой считаться или исчезнуть. Должны быть обсуждены два наиболее приоритетных момента:

— Кто контролирует службу поддержания порядка, чья омезительная роль является недопустимой?

— Почему Комитет прессы, который *осмеливается цензурировать* сообщения, которые он должен передавать пресс-агентствам, состоит из журналистских подмастерьев, озабоченных тем, чтобы не разочаровать руководителей ORTF³ и не поставить под угрозу свои будущие рабочие места?

Помимо того, в то время, когда рабочие начинают захватывать многочисленные заводы по всей Франции, по нашему примеру и по тому же праву, что и мы, Комитет по оккупации Сорбонны сегодня в 15 часов выступил с призывом в поддержку этого движения. Таким образом, главная задача предстоящей Генеральной ассамблеи заключается в том, чтобы путём прозрачного голосования принять решение об утверждении или дезавуировании призыва её Комитета по оккупации. В случае дезавуирования, эта ассамблея примет на себя ответственность за предоставление студентам права, которое она отрицает в отношении рабочего класса, и в этом случае станет ясно, что она не желает более

говорить ни о чём, кроме голлистской реформы Университета.

Комитет по оккупации автономного народного университета Сорбонны

16 мая 1968, 18–30

*Лозунги для немедленного распространения
любыми способами*

(листовки, воззвания через микрофоны, комиксы, песни, надписи на стенах, шарики фраз на картинах Сорбонны, прерывающие кинопоказ воззвания в кинотеатрах, шарики фраз на рекламе в метро, перед тем, как заняться любовью, после занятия любовью, в лифтах, каждый раз, когда поднимаешь рюмку в баре):

ОККУПАЦИЯ ЗАВОДОВ
ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ РАБОЧИХ
УПРАЗДНИМ КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО
ДОЛОЙ ТОВАРНО-ЗРИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО
УПРАЗДНИМ ОТЧУЖДЕНИЕ
ПОКОНЧИМ С УНИВЕРСИТЕТОМ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НЕ БУДЕТ СЧАСТЛИВО, ПОКА
ПОСЛЕДНИЙ БЮРОКРАТ НЕ БУДЕТ ПОВЕШЕН
НА КИШКАХ ПОСЛЕДНЕГО КАПИТАЛИСТА
СМЕРТЬ МЕНТАМ
СВОБОДУ ТАКЖЕ ЧЕТВЕРЫМ ОСУЖДЁННЫМ
ЗА ОГРАБЛЕНИЕ В ХОДЕ СОБЫТИЙ 6 МАЯ.

КОМИТЕТ ПО ОККУПАЦИИ АВТОНОМНОГО
И НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА СОРБОННА

16 мая 1968, 19 часов

ОТЧЁТ ОБ ОККУПАЦИИ СОРБОННЫ

С понедельника 13 мая оккупация Сорбонны открыла новую страницу кризиса современного общества. События, которые происходят сейчас во Франции, предвещают возрождение революционного движения пролетариата по всему миру. То, что уже перешло из сферы теории в борьбу на улицах, теперь переходит в стадию борьбы за власть над средствами производства. Развитый капитализм полагал, что с классовый борьбой покончено: и вот она разгорается вновь! Считалось, что пролетариата больше не существует: и вот он снова налицо.

Сдавая Сорбонну, правительство рассчитывало утихомирить восставших студентов, которые к тому времени уже могли целую ночь под жёстким напором полиции удерживать баррикады в отдельных районах Парижа. Сорбонну отдали студентам, чтобы они там обсуждали — главное, лишь бы мирно — свои университетские проблемы. Но захватчики Сорбонны решили открыть её двери для всего народа, чтобы свободно обсуждать проблемы всего общества. Это был черновой набросок *совета*, где студенты перестали быть студентами: они преодолели собственную нищету¹.

Конечно, оккупация никогда не была полной: захватчики мирились с некоторыми остатками административных помещений и даже с часовой. Демократия никогда не была абсолютной: будущие технократы из UNEF пытались казаться полезными, и другие бюрократы-политики тоже пытались как-нибудь манипулировать происходящим. Участие рабочих тоже было очень фрагментарным: вскоре присутствие не-сту-

дентов и вовсе стало оспариваться. Слишком много студентов, преподавателей, журналистов и дураков других профессий приходили в качестве зрителей.

Несмотря на все эти недостатки, вовсе не удивительные, учитывая противоречие между масштабностью самого проекта и узостью студенческой среды, все лучшие аспекты произошедшего своим примером немедленно запустили цепную реакцию. Рабочие на деле увидели свободную дискуссию, поиски радикальной критики, прямую демократию, право, которое можно взять. Это была, пусть лишь в масштабах освобождённой от государства Сорбонны, программа революции, которая сама вырабатывала свои формы. На следующий день после захвата Сорбонны рабочие в Нанте захватили завод Sud Aviation. Спустя три дня, в четверг 16 мая, были захвачены заводы Renault в Клеоне и Флине, и началось движение в NMPP и в Булонь-Бийанкур², начиная с 70-го цеха. К концу недели было захвачено уже 100 заводов, и в это же время волна забастовок, которую бюрократы из профсоюзов подержали, хотя с самого начала не имели к ней ни малейшего отношения, парализовала железную дорогу, приобретая характер всеобщей стачки.

Единственной властью в Сорбонне была Генеральная ассамблея всех захвативших её. На первом заседании 14 мая она в некотором замешательстве избрала Комитет по оккупации из 15 членов, ежедневно ею переизбираемых. Лишь один из делегатов, член группировки Бешеные, базирующейся в Нантере и Париже, предложил программу: защита прямой демократии в Сорбонне, и как конечная цель — установление абсолютной власти Рабочих советов. На следующий день генеральная ассамблея целиком переизбрала свой Комитет по оккупации, который за это время ещё ничего не сумел сделать. На деле все возникшие в Сорбонне специализированные органы слушались указаний тайного так называемого «координационного» Комитета, состоящего из самопровозглашённых организаторов, придерживающихся крайне уме-

ренных позиций и ни перед кем не отчитывающихся. Через час после переизбрания Комитета по оккупации один из этих «координаторов» попытался в частном порядке заявить о его роспуске. Раздавшийся во дворе Сорбонны всеобщий призыв к рядовым участникам поднял протестную волну, заставившую манипулятора отречься от своих слов. На следующий день, в четверг 16 мая, тринадцать членов Комитета по оккупации исчезли, и оставшиеся двое товарищей, в числе которых тот самый член группы Бешеные, оказались единственными, кто по праву представлял власть Генеральной ассамблеи, а между тем время требовало немедленных решений: демократия в Сорбонне сплошь и рядом превращалась в карикатуру, а снаружи непрестанно увеличивалось количество захваченных заводов. Комитет по оккупации собрал вокруг себя всех, кого мог собрать из захватчиков, верных делу поддержания демократии, и в 15 часов призвал к «Немедленной оккупации всех заводов Франции и созданию Рабочих советов»³. Чтобы распространить его, Комитету нужно было параллельно восстановить демократическое управление Сорбонной. Ему требовалось захватить или заново создать одновременно всё, что, *по идее*, было в подчинении Комитета: систему голосового оповещения, печать, межфакультетскую связь, службы порядка. Участники Комитета пропускали мимо ушей брюзжание представителей разных политических групп (JCR⁴, маоистов и т. д.), напоминая, что подотчётны лишь Генеральной ассамблее. А отчитаться планировалось в тот же вечер, но единогласно принятое всеми захватчиками Сорбонны решение о первом походе на завод Renault в Бийанкуре (о захвате которого как раз дошли вести) заставило перенести заседание ассамблеи на завтра, на два часа дня.

Ночью, когда тысячи товарищей были в Бийанкуре, неизвестные созвали импровизированную Генеральную ассамблею, которая закончилась сама собой, когда узнавший о её проведении Комитет по оккупации отправил двух делегатов, чтобы указать на её нелегитимный характер.

В пятницу, 17-го мая, в два часа дня на уже настоящем заседании ассамблеи трибуна в течение долгого времени была заблокирована самопровозглашённой службой порядка, составленной из числа активистов FER⁵, а в довершение в 17 часов пришлось прервать заседание для второго похода на Бийанкур.

Позже вечером, в 21 час, Комитет по оккупации смог наконец-то отчитаться о своей деятельности. Но он никак не мог добиться ни обсуждения, ни вынесения на голосование предпринятых им действий, в частности, призыва к захвату заводов — ассамблея, не желая брать на себя ответственность, не стала ни дезавуировать его, ни ратифицировать. Ввиду такой апатии Комитету ничего не оставалось, кроме как сложить полномочия. Затем ассамблея явила своё слабобовие, не сумев помешать вновь захватить трибуну отрядам активистов FER, чей путч, очевидно, был направлен против временного союза бюрократов из JCR и UNEF⁶. Сторонники прямой демократии посчитали, что им больше нечего делать в Сорбонне, о чём они тут же и заявили.

Ровно тогда, когда заводы стали подхватывать пример оккупации, она провалилась в Сорбонне. Особенно усугубляет дело то, что бюрократы, с которыми приходится сталкиваться рабочим, куда крепче студентов-дилетантов или гошистов. Вдобавок бюрократы-гошисты, заигрывая с Всеобщей конфедерацией труда, чтобы добиться хотя бы минимального признания, отделили студентов от рабочих под абстрактным предлогом, что «не им их учить». На самом же деле студенты уже преподали рабочим урок: самим захватом Сорбонны и созданием, пусть и на краткий момент, площадки для действительно демократической дискуссии. Все бюрократы демагогически твердят нам о главенстве рабочего класса, чтобы скрыть, что его держат в цепях, и в первую очередь — они сами (прямо сейчас или в собственных мечтаниях, в зависимости от названия их организации). Они противопоставляют «празднику» в Сорбонне то, как они лгут с серьёзным видом,

хотя единственно серьёзная вещь происходила именно среди этого праздника: радикальная критика господствующих условий жизни.

Борьба студенчества теперь уже пройденный этап. Но в даже большей степени пройденным этапом являются все второсортные бюрократические руководители, которые считают нужным подлизываться к сталинистам, в то время как ВКТ⁷ и так называемая «коммунистическая» партия *сами трясутся от страха*. Исход сегодняшнего кризиса целиком зависит от самих рабочих, от того, удастся ли им, захватив свои заводы, претворить в жизнь то, что захват университетов смог лишь наметить.

Товарищи, поддержавшие первый Комитет по оккупации Сорбонны: Комитет Бешеных-Ситуационистского интернационала, некоторые из рабочих и несколько студентов, организовали Совет по поддержке оккупаций: под поддержкой оккупаций, разумеется, понимается лишь их количественное и качественное расширение; и оно не пощадит ни один из существующих режимов.

Париж, 19 мая 1968

Совет по поддержке оккупаций

ЗА ВЛАСТЬ РАБОЧИХ СОВЕТОВ

За десять дней не только сотни заводов были захвачены рабочими, а деятельность страны была полностью парализована стихийной всеобщей забастовкой, но также различные здания, находящиеся в собственности государства, были захвачены комитетами, де факто присвоившими себе над ними власть. Перед лицом такой ситуации, которая в любом случае не может продолжаться долго и которая стоит перед альтернативой расширяться или исчезнуть (вследствие репрессий или ликвидационных переговоров), все старые идеи были уничтожены, все радикальные гипотезы о возвращении революционного пролетарского движения были подтверждены. Тот факт, что всё движение *на самом деле* началось пять месяцев назад с подюжины революционеров из группировки Бешеные, демонстрирует как нельзя лучше, насколько явно уже существовали объективные условия для него. Французский пример уже перешагнул через государственную границу, породив тем самым интернационализм, неотделимый от революций нашего века.

Основная борьба сегодня происходит между, с одной стороны, рабочими массами, которые не имеют непосредственного голоса, и, с другой стороны, левыми политическими и профсоюзными бюрократами, которые контролируют *проходные заводы* и право говорить от лица захвативших эти заводы рабочих, хотя профсоюзы охватывают лишь 14% от экономически активного населения. Эти бюрократы являются по своей сути не опустившимися и вставшими на тропу измены рабочими организациями, но механизмом интеграции в капитали-

стическое общество. В условиях нынешнего кризиса они являются главными защитниками пошатнувшегося капитализма.

Голлизм может договориться, преимущественно с ФКП и ВКТ (пусть и не напрямую)¹ о демобилизации рабочих в обмен на экономические поправки, при этом подавляя радикальные течения. Или власть может перейти к «левым», которые будут проводить ту же политику, но с более слабых позиций. Также могут быть предприняты попытки силового подавления. Или, наконец, рабочие могут взять верх, говоря напрямую от своего лица и выдвигая требования столь же радикальные, сколь и уже практикуемые ими формы борьбы. Такой процесс может привести к формированию Советов рабочих, принимающих решения на демократической основе, объединённых в федерацию посредством делегатов, которые могут быть отозваны в любой момент, и к превращению этих Советов в единственную совещательную и исполнительную власть во всей стране.

Как может продолжение текущей ситуации привести к подобной перспективе? В течение нескольких дней, возможно, требование возобновить работу определённых секторов экономики *под рабочим контролем* сможет заложить основы этой новой власти, которая выйдет за пределы существующих партий и профсоюзов. Необходимо возобновить работу железных дорог и типографий для нужд рабочей борьбы. Необходимо, чтобы новая действительная власть реквизировала и распределяла еду. Возможно, потребуется, чтобы обесценивающаяся валюта была заменена долговыми обязательствами, связывающими с будущим этой власти. Именно посредством такого *практического процесса* может установиться классовая сознательность, завладевающая историей и осуществляющая для всех рабочих власть над всеми аспектами их собственной жизни.

Совет по поддержке оккупаций

Париж 22 мая 1968

ПОСЛАНИЕ ВСЕМ РАБОЧИМ

Товарищи!

То, что уже сделано нами во Франции, витает в воздухе по всей Европе и скоро начнёт угрожать всем господствующим классам в мире, от пекинских и московских бюрократов до миллиардеров из Вашингтона и Токио. Подобно тому *как мы заставили плясать Париж*, интернациональный пролетариат вновь пойдёт штурмом на столицы всех государств, на все крепости отчуждения. Захват заводов и общественных зданий по всей стране не только нарушил функционирование экономики, но, главное, вновь разжёт всеохватную критику общества. Практически все общественные слои в едином мощном порыве требуют изменения жизни. Это — рождение революционного движения, которому отныне для действительного осуществления революции не хватает лишь *осознания того, что оно уже сделало*.

Какие силы станут спасать капитализм? Текущий режим должен пасть, если не попытается удержаться, угрожая применением армии (вкуче с вероятными перевыборами, проведение которых возможно только после капитуляции движения) или даже немедленно прибегнув к силовому подавлению. Что касается возможного прихода к власти левых, то они точно так же будут стараться сохранить старый мир, и через уступки, и силой. Главным стражем их «народного правительства» при подобном исходе станет так называемая компартия, партия сталинистских бюрократов, которая с самого начала боролась с протестным движением и стала обдумывать свержение голлизма лишь тогда, когда уже очевидно

не могла более быть его главным защитником. Подобное временное правительство не станет по-настоящему «керенским», если сталинисты не будут побеждены. А это зависит уже от сознательности и от возможностей автономной организации рабочих: тем из них, кто уже отверг смехотворные предложения, которыми полнятся профсоюзные кабинеты, предстоит понять, что в условиях существующей экономики они не смогут «добиться» чего-то намного большего, но могут *взять всё сами*, перекроив всю основу экономики под свои нужды. Хозяева никак не могут платить больше, зато могут исчезнуть.

Сегодняшнее движение не «политизировалось», выйдя за пределы лживо выдаваемых за «проблемы общества» жалких профсоюзных требований на тему зарплат и отпусков. Оно *вышло за пределы политики*: оно поднимает *проблему общества* в её простой истинности. Революция, готовившаяся больше века, возвращается. И утвердиться она может лишь в своих собственных формах. Уже поздно заделывать дыры революционно-бюрократической замазкой. Когда Андре Баржоне¹, едва отрѣкшись от сталинизма, призывает создать единую организацию, которая объединила бы «все подлинно революционные силы... которые равняются на Троцкого, на Мао, на анархизм, на ситуационизм», нам остаётся только напомнить, что все, кто равняется сегодня на Троцкого и на Мао, не говоря уже об этой жалкой «Федерации анархистов», не имеют с нынешней революцией ничего общего. Бюрократы могут сегодня пересмотреть свои взгляды на то, что они называют «подлинно революционным»; но подлинная революция не пересмотрит приговор, который она вынесла бюрократии. У рабочих, учитывая власть, которой они обладают, и учитывая, чем являются известные нам партии и профсоюзы, на данный момент путь только один — взять в собственные руки экономику и все аспекты переустройства общественной жизни с помощью объединённых комитетов из рядовых членов, которые прямо заявят о своей независимости от любого политического и профсоюзного руко-

водства, смогут сами себя защищать и объединятся в союзы на региональном и общенациональном уровне. Действуя таким образом, они должны стать единственной настоящей властью в стране, властью *Рабочих советов*. В противном случае пролетариат – так как он «либо революционен, либо он ничто»² – станет пассивным объектом. И снова усядется у своих телевизоров.

Что входит в понятие власти советов? Исчезновение любой внешней власти; прямая и полная демократия; воссоединение на практике принятия и исполнения решений; возможность отзыва своего делегата в любой момент; устранение иерархии и любых отдельных специализаций; сознательное преобразование всех условий освобождённой жизни и управление ими; постоянная вовлечённость масс в творческий процесс; международные масштабы и международная согласованность. Текущие требования – ничуть не меньше. Всё, что меньше этого, – уже не самоуправление. *Берегитесь любых рекуператоров*, этих модернистов всех мастей – вплоть до юре – которые вдруг заговорили о самоуправлении, даже о рабочих советах, но не допустят указанного выше *минимума*, потому что хотят сохранить свои бюрократические функции, свои привилегии специалистов-интеллектуалов и возможность выслужиться в местных царьков!

Фактически то, что требуется теперь, требовалось с самого начала пролетарского революционного проекта. Речь идёт об автономии рабочего класса. Шла борьба против системы наёмного труда, против товарного производства, против государства. Целью было проложить путь к сознательной истории, уничтожить всё, что разделяет, и всё, «что существует независимо от индивидов»³. Пролетарская революция сделала стихийные наброски соответствующих ей форм в виде Советов, в Санкт-Петербурге в 1905-м, и в Турине в 1920-м, в Каталонии в 1936-м, как и в 1956-м в Будапеште. Всякий раз сохранение старого общественного строя или создание новых эксплуататорских классов происходило за счёт подавле-

ния советов. Рабочий класс теперь знает своих врагов и подходящие ему методы борьбы. «Революционная организация должна сама понять, что не может более *бороться против отчуждения в отчуждённой форме*» («Общество спектакля»⁴). Очевидно, что Рабочие советы являются единственным решением, так как все прочие формы революционной борьбы приводили к результатам, противоположным желаемому.

Комитет Бешеных-Ситуационистского интернационала
Совет по поддержке оккупаций

Париж, 30 мая 1968

БОЛЬНАЯ ПЛАНЕТА

«Загрязнение» стало сейчас модным, причём точь-в-точь как революция: оно целиком захватывает жизнь общества и при этом иллюзорно представлено в спектакле. Это — невыносимо скучная болтовня в горах исписанной бумаги и никому не нужных речах, ложных и лживых, но именно оно на самом деле держит мир за горло. Оно заявляет о себе повсюду как идеология и завоёвывает всё новые позиции как реальный процесс. Два этих противоположных движения, финальная стадия товарного производства и замысел её полного отрицания, одинаково богаты на внутренние противоречия и вместе набирают силу. Они вместе свидетельствуют о наступлении того долгожданного исторического момента, который многие предсказывали, правда не вполне отгадав его обличье: это невозможность дальнейшего функционирования капитализма.

Эпоха, обладающая достаточной технической мощностью, чтобы радикально ухудшить условия жизни на всей планете Земля, благодаря тому же развитию техники и отдельно науки обладает также и всеми возможностями контролировать и заранее просчитывать с математической достоверностью, к чему — и когда именно — приведёт самопроизвольный рост отчуждённых производственных сил в классовом обществе: иными словами, определить скорость стремительного ухудшения даже самих условий выживания, как в очень широком, так и в самом примитивном смысле слова.

Пока глупцы-пассеисты ещё заняты спорами о критике всего происходящего с *эстетических* позиций, и чтобы дока-

зять свою прозорливость и современность, прикидываются, будто лучше всех понимают наш век, заявляя об особой красоте автомагистралей или застройки в Сарсель¹, которую мы должны предпочесть неудобству «живописных» старых кварталов, или говоря с важным видом, что в целом население теперь лучше питается, в пику тем, кто тоскует по хорошей кухне, — тем временем проблема тотального разрушения природной и человеческой среды давно уже не стоит в прежней плоскости так называемых качеств, эстетических или иных; она переросла в острую проблему *материальной возможности дальнейшего существования* мира, если он будет двигаться в том же направлении. А невозможность этого на самом деле уже прекрасно доказана всеми науками по отдельности, и спор среди учёных ведётся лишь о сроках; и ещё о тех полумерах, которые могли бы при их последовательном применении ненадолго отсрочить конец. Всё, что может сделать такая наука для мира, который её породил и *вцепился в неё* обеими руками, — это составить ему компанию на пути к разрушению; но идти она вынуждена с открытыми глазами. Вот до карикатурности наглядная демонстрация того, что знания бессмысленны без их применения.

Измеряют и с безупречной точностью фиксируют быстрый рост химического загрязнения окружающего воздуха; воды в реках, озёрах, и уже океанах, и необратимое повышение радиационного фона, вызванное развитием *мирного* атома; шумовое загрязнение; захват территорий различной продукцией из пластика, которая может рассчитывать на вечную жизнь в мировой свалке; угрозу перенаселения; бессмысленное вытеснение пищи суррогатами; урбанистическую чуму, бушующую на месте прежних городов и деревень; как и психические заболевания — включая фобии и галлюцинации, которые не преминули разрастись на почве того же загрязнения, о котором кричат на каждом углу, — и самоубийства, скорость распространения которых идеально совпадает со скоростью застройки упомянутых мест (это не говоря уже о последстви-

ях нависшей дамокловым мечом ядерной или бактериологической войны, все средства для которой уже есть, хотя, очевидно, её возможно избежать).

Словом, если про «страхи тысячного года»² историки до сих пор спорят, насколько они были распространены и даже были ли они вовсе, страх перед двухтысячным годом настолько же очевиден, насколько и обоснован; отныне это подтверждено *наукой*. В то же время происходящее не является чем-то в корне новым: это лишь *неизбежный результат* давно запущенного процесса. Общество, всё более болезненное, но и всё более могущественное, повсюду воссоздало вокруг себя мир, служащий сразу и средой, и декорацией для собственной болезни, — создало *больную планету*. Общество, всё ещё неоднородное, определяемое не собой, а *всё более* лишь малой частью из своего числа, внешней по отношению к обществу, но поставившей себя над обществом, породило такое движение по господству над природой, над которым теперь ничто не господствует. Капитализм своим развитием сам предоставил, наконец, доказательства того, что он *не может далее развивать производственные силы*; и речь не о *количественном* развитии, как многие могли подумать, а о развитии *качественном*.

Впрочем, для буржуазной мысли только количественные показатели методологически убедительны, измеримы, действительны; а качественные — это что-то субъективное, вроде сомнительной обёртки, которую для красоты надели на подлинную действительность, оцениваемую точно, на вес. Для диалектической мысли, а значит для истории и пролетариата, напротив, именно качество является определяющим критерием для подлинного развития. Что мы в конце концов и докажем, мы и капитализм.

Те, кто стоит у руля, вынуждены теперь говорить о загрязнении, и чтобы бороться с ним (ведь в конце концов они живут на одной с нами планете; если капитализм в чём-то и сблизил классы, то только в этом смысле), и чтобы замаскиро-

вать его: ведь одно только осознание вредных воздействий и существующих рисков уже стало бы мощнейшим поводом для восстания, *материалистическим* требованием пролетариата, таким же жизненно важным, как двигавшая пролетариями XIX века невозможность прокормить себя. Когда все прошлые формы реформизма потерпели крах — а все они намеревались окончательно решить проблему классов, — объявился новый реформизм, подчинённый всё тем же задачам: смазать шестерёнки системы и открыть перед передовыми предприятиями новые возможности получения прибыли. Самый современный сектор промышленности тут же бросился на новый рынок сдерживающих загрязнение средств, обещающий большие прибыли, ведь там вертится значительная часть монополизированного государством капитала. Конечно, этот новый реформизм заранее обречён на провал по тем же причинам, что и все предыдущие, но он имеет одно кардинальное отличие от них: *у него совсем нет времени вперёд*.

Развитие производства до сих пор полностью соответствовало сценарию *политической экономики*: оно было развитием нищеты, захватившей и испортившей саму среду жизни. Общество, где рабочие губят себя на производстве и могут лишь со стороны смотреть на результаты своей работы, теперь прямо даёт им увидеть, почувствовать главный результат отчуждения труда, которым является *смерть*. В обществе сверхразвитой экономики всё включено в сферу *экономических благ*, даже вода природных источников и воздух городов, а потому всё оборачивается *экономическим злом*, «окончательным отрицанием человека», достигшим своего *совершенного материального выражения*. Конфликт современных производственных сил и производственных отношений капиталистического общества (и буржуазных, и бюрократических) входит в заключительную стадию. Линейный, накопительный процесс производства не-жизни всё ускорялся и дошёл в *своём* развитии до высшего уровня: теперь он непосредственно производит смерть.

В мире, где труд повсеместно стал товаром, центральной, всеми признанной и важнейшей задачей экономики, поддерживающей власть господ, становится *производство рабочих мест*. Что показывает, как далеко мы от передовых идей прошлого века о сокращении количества человеческого труда за счёт увеличения производительности средствами науки и техники, благодаря чему, по задумке, все нужды, которые *ранее признавались объективно существующими*, удовлетворялись бы всё легче и легче, причём без *кардинального ухудшения* качества ставших доступными благ. Сегодня же именно для «создания рабочих мест», даже в сельских районах, откуда ушли все крестьяне, то есть для того, чтобы использовать человеческий труд как *отчуждённый труд*, как наёмный труд, делается уже *всё остальное*, а значит мы по-глупому подвергаем угрозе самые основы существования человечества, которые сейчас не прочнее идей какого-нибудь Кеннеди или Брежнева.

Самому по себе старику-океану нет дела до загрязнения; но истории — есть. Она может быть спасена лишь путём отказа от труда как товара. И никогда ещё историческое сознание не знало такой острой необходимости подчинить себе свой же мир, потому что враг, который стучится в ворота, это уже не иллюзии, а его смерть.

Если даже жалкие властители этого общества (плачевные плоды деятельности которых на наших глазах превосходят самые радикальные пророчества утопистов прошлого) вынуждены теперь признавать, что окружающая среда стала общественным делом, и что обеспечение *любых* нужд напрямую стало вопросом *политики*, вплоть до того, растут ли травы на полях и где напиться воды, и можно ли уснуть, не злоупотребляя снотворным, или сходить в душ, не слишком страдая от аллергии, — то в такой ситуации очевидно, что старой, специализированной политике придётся признать и свой конец.

Конец пришёл и высшей форме её волюнтаризма: тоталитарной власти бюрократий так называемых социалисти-

ческих режимов, потому что стоящие у руля бюрократы показали свою неспособность совладать даже с предыдущей стадией капитализма. Если они и загрязняют гораздо меньше — на одни только США приходится 50% всех выбросов в мире — то лишь потому, что гораздо беднее. Всё, что они могут — это выделить непомерную часть своего нищенского бюджета, как, например, сделал Китай, чтобы вместо загрязнения кичливо демонстрировать свою убогую мощь посредством повторных открытий и усовершенствований технологий ведения ядерной войны, или, вернее, её грозного спектакля. Такая материальная и умственная нищета в купе с таким уровнем государственного террора не оставляют шанса бюрократам у власти. Что до буржуазии, самые современные её формы также обречены, потому что их богатство *уже отравлено*. Всё, что может предложить так называемое демократическое правительство любой капиталистической страны, это разные выборы-отставки, которые, как мы всегда видели, мало что меняют даже в деталях, и совсем ничего — в самой системе классового общества, полагавшей, что сможет существовать вечно. И тем более они ничего не меняют, когда сами власти для решения своих второстепенных, но неотложных задач мечутся и даже делают вид, что прислушались к расплывчатым требованиям отчуждённого и оуплённого электората (США, Италия, Англия, Франция). Все специализированные наблюдатели всегда указывали (правда, не слишком обременяя себя объяснением причин), что избиратель почти никогда не меняет «мнения». Причина этого как раз в том, что он избиратель, то есть тот, кто на краткий миг берёт на себя довольно абстрактную роль, единственная цель которой — помешать ему быть самим собой и изменяться (метод уже сто раз объяснялся как разоблачительным политическим анализом, так и революционным психоанализом). Избиратель тем более не меняется, когда мир начинает меняться вокруг него всё быстрее, и *как избиратель* он будет неизменен даже перед самым концом света. Вся пред-

ставительная система *консервативна* по своей сути, в то время как условия жизни капиталистического общества никогда невозможно было поддерживать неизменными: они постоянно менялись, и чем дальше, тем быстрее, но возможность решать — а решение в конечном счёте всегда было одно, дать товарному производству идти своим ходом — полностью находится в руках специалистов-газетчиков, чтобы только они и, может быть, их конкуренты с теми же целями были в курсе происходящего, о чём те и заявляют во всеуслышание. Однако человек, «свободно» пришедший голосовать за голлистов или за ФКП, равно как и тот, кого загнали голосовать за Гомулку³, буквально неделей позже может показать, кто он на самом деле, участвуя в спонтанной стачке или восстании.

Так называемая «борьба с загрязнением» в её официально-государственном проявлении сперва займётся созданием новых специальностей, министерств, *вакансий*, словом, бюрократическим развитием. И эффективность такой борьбы вполне соответствует её методам. Действенной она может стать, только в корне изменив существующую систему производства. Она не может быть применена, пока все решения не будут приниматься самими рабочими в ходе реальной демократии с полным осознанием последствий, и *контролироваться и исполняться теми же рабочими* (например, суда непременно будут разливать своё топливо по морям, пока они не находятся под реальной властью *матросских советов*). Но чтобы решать и контролировать, рабочие должны повзрослеть; им всем нужно взять всю власть в свои руки.

Научный оптимизм XIX века обрушился сразу по трём причинам. Во-первых, потому что *гарантировал* наступление революции как счастливого разрешения всех существующих конфликтов (заблуждение левых гегельянцев и марксистов; в среде буржуазной интеллигенции оно ощущалось меньше всего, хотя было наиболее ярким и в конечном счёте наименее обманчивым). Во-вторых, из-за представления о том, что Вселенная, да и просто материя, подчинены логи-

ке. И в-третьих, из-за одностороннего и подверженного эйфории взгляда на развитие производственных сил. Если разобраться с первым пунктом, то заодно разрешим и третий; и уже когда-нибудь после найдём способ сладить и со вторым пунктом, чтобы он играл на нас. Нужно лечить не симптомы, а саму болезнь. Сегодня повсюду царит страх, и его не избежать без веры в собственные силы, в возможность самим разрушить всякое существующее отчуждение и любой ускользнувший от нас образ власти. И передать всё, *кроме самих себя*, в единоличную власть Рабочих советов, хранящих и ежеминутно воспроизводящих единство мира, иными словами, в руки истинно разумного порядка, новой легитимности.

В вопросах окружающей среды, «естественной» и искусственной, рождаемости, биологии, производства, «душевных болезней» и т. п. придётся выбирать не между благоденствием и несчастьем, но со всей ответственностью решать на каждом распутье: либо тысячи возможностей, счастливых ли, плачевных, но как-то исправимых, либо небытие. Ужасающие варианты, из которых нам придётся выбирать в ближайшем будущем, оставляют нам единственную альтернативу: полная демократия или полная бюрократия. Тем, кто сомневается в такой демократии, стоит сделать усилие, чтобы увериться в ней, *дав ей убедить себя уже по ходу*; в противном случае им остаётся только купить себе могилу в рассрочку, потому что «Мы видели, что творит власть, и её творенья — её приговор» (Жозеф Дежак⁴).

«Революция или смерть» — этот лозунг перестал быть лирическим возгласом возмущённой совести, теперь это *последнее слово научной мысли* нашего века. Оно справедливо и для угроз, нависших над всем человечеством, и для индивида, который не может просто куда-то примкнуть. Хотя в нашем обществе, как мы знаем, постоянно растёт число самоубийств, специалисты вынуждены были признать, с некоторыми сожалением, что во время майских событий 1968 года во Франции их уровень упал почти до нуля. А ещё та весна

Ги Дебор
Статьи
и Декларации
1952–1985

принесла чистое небо, причём даже без специальных усилий, потому что сгорело несколько машин, а у остальных не хватало бензина, чтоб загрязнять воздух. Когда идёт дождь, когда над Парижем фальшивые тучи, помните — виной тому правительство. Отчуждённое промышленное производство приносит дождь. Революция — ясное небо.

О ПОЖАРЕ В СЕН-ЛОРАН-ДЮ-ПОН

Новость о колоссальном пожаре, вспыхнувшем 1 ноября 1970 года на дискотеке в Сен-Лоран-дю-Пон, в котором заживо сгорели 146 человек, безусловно, взволновала всю Францию, но природа этого волнения практически не анализировалась многочисленными комментаторами события, ни сразу, ни впоследствии. Конечно, много говорилось о халатности властей в отношении соблюдения техники безопасности: практически для любого помещения такие правила придумываются и тщательно прописываются, но вот заставить им следовать — это уже совсем другое дело, потому что если реализовывать их надлежащим образом, они непременно будут в той или иной мере препятствовать получению прибыли, то есть по сути единственной цели любого предприятия, идёт ли речь о производственных фабриках или тех, что занимаются продажей и потреблением досуга. Отмечали также и опасные свойства современных материалов, в частности, то, как кошмарная отделка может превращаться в отдельный кошмар: «Известно, что потолочное покрытие из полиэфира, пластиковая облицовка стен, надувные кресла — всё это вспыхнуло как солома, отрезав танцующим дорогу к отступлению, устроив западно на пути их бегства от смерти» (“Le Figaro”, 2.11.70). Типичное заведение для скучного проведения досуга стало, можно сказать, предельно концентрированным проявлением всеобщего загрязнения и расплаты за него. Помимо общего недовольства специалистами, присвоившими себе монополию на защиту общества, а также и на строительство (они все заодно), многих особенно ужаснул тот факт, что автоматические тур-

никеты не давали выйти тем, кто бежал ко входу, уже охваченный пламенем или пока ещё чудом сумевший этого избежать, потому что они в целях защиты от безбилетников специально разработаны таким образом, чтобы пропускать людей только внутрь и смыкаться после каждого человека.

Месяц спустя надпись на плакате родителей жертв гласила: «Они заплатили за вход, они имели право выйти», что кажется очевидным с человеческой точки зрения; но не следует забывать, что с точки зрения политической экономии это не так очевидно, и весь вопрос лишь в том, какая из этих точек зрения окажется сильнее, вот и всё. По сути, *войти и заплатить* — это безусловная необходимость для торгово-рыночной системы, это всё, чего она хочет и что её волнует. Если кто-то войдёт, не заплатив, — для неё это будет смерти подобно. А вот нравится тебе или нет внутри этой ловушки с кондиционером — это ей совершенно неинтересно, для неё такой проблемы не существует. И то, что в Сен-Лоран-дю-Пон безопасность людей не была обеспечена — всего лишь незначительное последствие, мелочь, ничтожный побочный эффект *обеспечения сохранности товара*.

Но всё это — что ответственность на себя должен взять целый класс — достаточно обыденно, хотя сейчас многие начинают смотреть на господствующие обыденные вещи, калечащие и убивающие их, с восхищением и желанием как-то их исправить. И всё же массовая гибель в Сен-Лоран-дю-Пон была воспринята гораздо ближе к сердцу, чем бессчётное количество других катастроф, прорывов плотин, падений самолётов. Значимость факта, как и всегда, определяется ложью и умолчаниями, которыми спектакль покрывает его в своих средствах информации.

Конечно, никто не думал фальсифицировать реальное число жертв, как это было в случае Гдыни¹, Мехико², улицы Гей-Люссак³. Но чтобы хоть как-то смягчить чудовищность голых фактов, парадоксальным образом было решено скрыть *число выживших*. Некоторые вышли подышать воз-

духом и были снаружи, когда вспыхнул пожар, кто-то успел быстро добежать до двери. Но *точную цифру тех, кто смог выбраться оттуда, никто не захотел озвучивать*, чтобы не ставить её рядом с количеством тех, кто остался заперт внутри. А потому многие наивные зрители могли подумать, что спаслись как минимум несколько десятков человек, а то и больше. Но некоторое время назад жандармерия в ходе расследования опросила около *тридцати* человек, часто бывавших в клубе «5-7». Само собой разумеется, среди них были и те, кто находился там в день трагедии. За вычетом шести или восьми человек, которые уже вышли наружу до момента возгорания, можно заключить, что из оставшихся внутри смогли спастись не более *десяти* человек. Сгоревших в пятнадцать раз больше. Чем же эта массовая гибель отличается от того, что порой случается с группой людей, случайно оказавшихся в одном супермаркете или в одном поезде? Погибшие в Сен-Лоран-дю-Пон почти поголовно были *молодыми* людьми, в большинстве своём — парнями и девушками шестнадцати-двадцати лет. С другой стороны, это были в основном *бедняки*, рабочая молодёжь, многие из них — дети рабочих-мигрантов.

Субботний вечер в Сен-Лоран-дю-Пон — это пример жизни, которую товарное изобилие предлагает молодёжи и рабочим: у многих есть машины, можно поехать компанией, заплатить за вход в какой-нибудь паршивенький клуб; побыть там вместе. Это было не бегство от одиночества и скуки; но тот вид скуки, который положено считать самым увлекательным. Это та же более не приемлющая условий своего существования молодёжь, которой в Изере⁴ в качестве зарплаты за их еженедельный труд предлагали еду, бензин и развлечения, как в Сен-Лоран-дю-Пон. А чего ещё ждать? Те, кого там бьют дубинками, здесь сгорели заживо. Когда через несколько дней жители Сен-Лоран-дю-Пон решили всё же встать на сторону своего мэра, оказавшегося в краткосрочной опале, небольшие предприятия региона решили устроить часо-

вую забастовку, но, как отмечает “Le Monde” за 8–9 ноября: «...на самом крупном предприятии коммуны, заводе по холодной прокатке [...], работники не были единодушны [...], кроме того, пущенную для сбора подписей петицию разрешалось подписывать только имеющим избирательное право, то есть в стороне остались все не достигшие 21 года работники. Их реакция на такую дискриминацию была особенно болезненной в связи с тем, что из жертв в клубе “5–7” *большинство составляли молодые люди младше двадцати одного*».

Но дискриминация куда серьезнее, и корни её уходят глубоко. В репортаже “Le Figaro” от 2 ноября три подписавшихся под ним журналиста следующим образом передают свидетельство одного из уцелевших, Жана-Люка Бастара, о том, что происходило у дверей: «Мы сделали всё, чтобы спасти как можно больше. Мы хватали руки, ноги, которые высовывались наружу, и тащили. Мочили куртки в сточной канаве неподалёку и сбивали ими пламя на одежде тех, кого нам удавалось вытащить. Автомобили останавливались на обочине, и водители наблюдали за нами. Некоторых это забавляло, они смеялись, глядя на то, что мы делаем, и отказывались участвовать в спасении людей. Только двое или трое помогали нам». (Подчёркивание наше.) Когда впоследствии другие издания цитировали это свидетельство, та часть, где говорится про автомобилистов, которые отказывались помогать этим молодым людям и смеялись, глядя, как они сторают заживо, была как бы не нарочно *опущена*. Хотя это была главная сенсация. Современный журнализм умеет жертвовать своими строгими профессиональными принципами ради глобальных интересов породившего его общества; а где искра, там и пламя. Но как бы там ни было, глупо было бы винить журналистов, будто это они «подогревали страсти», по неловкому выражению репортёров “Le Monde” за 10 ноября. Местные автомобилисты прекрасно знали, что кассу этому унылому заведению делает молодёжь (а значит, начавшееся наркотой хулиганье, жульё и бездельники) и те

из взрослых, кто не сумел преуспеть в жизни, а их гораздо больше, чем капиталистов и пары привилегированных социальных слоёв; все жертвы системы, полагающие, что у них не осталось никакого имущества и собственного я, кроме *отчуждения*, с которым они себя отождествили, всем сердцем ненавидят молодёжь: они завидуют их большей свободе (всё говорит в пользу того, что большинство избирателей моногамны) и *не такой сутулой спине*. Эта ненависть к молодёжи, будучи лишь временной личиной другой, более обоснованной ненависти, вновь поднимающей голову с возвращением классовой борьбы, тем временем уже доходит до такой жестокости, которой не знали прежде, когда живы были иллюзии национального или человеческого единства враждующих классов, потому что теперь ясно, что в грядущей революции на кон будут поставлены все сферы жизни без исключения. Во времена Тьера⁵ любой буржуа, наверное, спас бы рабочего, выбегающего из горящего здания в языках пламени. Большинство колонистов в Северной Африке, по крайней мере до 50-х годов, поступили бы точно так же с арабом. Но ненависть, которую вызывает сегодня молодёжь, совершенно уникального свойства. И её единственным, сугубо искусственным источником служит государственная пропаганда, распространяемая через *средства массовой информации*. Те, кто покорно прикусил язык, ненавидят революционные лозунги молодёжи не потому, что их неверно пересказал им спектакль; причина глубже — *потому что они зрители*. В ответ на прекрасную формулу, выдвинутую однажды группой молодых революционеров⁶: «Мы не против стариков, мы против того, что делает их старыми», — эти покорившиеся взрослые могли бы честно ответить, если бы не боялись признаться: «Мы не против молодёжи, мы против того, что делает их живыми». То, что происходило в Сен-Лоран-дю-Пон, как и расклеенные впоследствии по всему Парижу фотографии изуродованного лица Ришара Дезэ⁷, уже свидетельствуют, так же красноречиво, как вытащенная из тротуаров брус-

чатка или специальные отряды жандармерии, об атмосфере гражданской войны.

Жестокость всегда существовала в классовом обществе, но нынешнее революционное поколение, и на заводах и на улицах, попросту вновь стало показывать, что она может исходить *от обеих сторон*: вот отчего на телеэкранах правительство выражает возмущение и обеспокоенность. Молодой пролетариат теперь знает, что может внушать страх; а рабочая молодёжь на заводах и в профтехучилищах, это самая молодая молодёжь и самый пролетарский пролетариат. Оттого, что их боятся, их преследуют. И именно поэтому они должны научиться внушать страх ещё сильнее и побеждать своих противников. В Сент-Этьене, в Ла-Курнёв их избивают владельцы кафе. Всякий раз объясняя это тем, что хотели «преподать им урок»; что ж, десятки тысяч уже размышляют над этим уроком. Те, кто выжил в Сен-Лоран-дю-Пон, были слишком малочисленны и слишком подавлены случившимся, чтобы срывать злобу на оставшемся в живых владельце клуба, хотя поначалу, в порыве справедливого гнева, они делали вид, будто хотят линчевать этого делягу. Сделай они это, тут же посыпались бы упрёки от левых журналистов и троцкистов-бюрократов. В то же время, как поётся в песне времён старой французской революции про убийство коменданта Бастилии: «Дурного в том, ей-богу, ничего».

Такого решительного настроя разрушить старый мир у молодёжи не было уже лет сто, и при этом впервые за всю историю она *так хорошо образована*. (Поэзию, которую публикует “IS”⁸, сегодня может прочесть даже четырнадцатилетняя девушка, в этом плане желание Лотреамона сбылось.) Но в конечном счёте общественному порядку угрожает не молодость, ведь это лишь переходное состояние: ему угрожает своей теорией и своей практикой новая революционная критика, быстрое распространение которой мы наблюдаем повсеместно, начиная с исторического момента, свидетелями которого недавно были. Сегодня она укоренилась в среде мо-

лодёжи, но старость ей не грозит. Это явление, который год подряд набирающее силу, имеет вовсе не циклический, а накопительный характер. Это история стучится в ворота классового общества, это его смерть. Те, кто сегодня притесняет молодёжь, на самом деле пытаются защититься от пролетарской революции, и эта накапливающаяся критика — их приговор. То, что хозяева общества пребывают в полной панике перед молодым поколением, объясняется прагматическими расчётами, которые, несмотря на их примитивность, они пытаются спрятать за пышными витринами тупейшей критики и громких призывов: всего лет двенадцать-пятнадцать, и молодые станут взрослыми, взрослые — стариками, старики — покойниками. Нетрудно догадаться, что руководителям властвующего класса предельно необходимо успеть как можно быстрее повернуть вспять *постепенное снижение уровня их контроля над обществом*. И они начинают подозревать, что у них это уже не получится.

ЛИБЕРТАРИЯМ

Достойнейшие товарищи,

Мы сожалеем, что вынуждены привлекать ваше внимание к этому важному и не терпящему отлагательств вопросу, о котором при нормальном положении дел вы должны были бы знать гораздо больше нас, находящихся далеко и видящих всё лишь со стороны. Но к несчастью, приходится признать, что различные обстоятельства скрывают от вас многие факты или их значение. А потому мы считаем необходимым прямо изложить их вам, также как и обстоятельства, которые помешали вам получить о них сведения.

Прямо сейчас в тюрьмах Испании содержатся под стражей более пятидесяти либертариёв, и многие из них за несколько лет даже не были подвергнуты суду. Весь мир ежедневно следит за борьбой, которую ведут баски, но совершенно не в курсе этого аспекта современной испанской действительности. В самой же Испании в узком кругу сторонников определённых взглядов иногда говорится об их существовании и называются имена, но как правило то, что они сделали и какие у них были мотивы, обходят молчанием; и никаких конкретных шагов для их освобождения так и не было предпринято.

Кроме того, обращаясь к вам всем, мы, разумеется, не считаем возможным признавать НКТ в том виде, в котором она была восстановлена, как представляющую либертариёв силу или их основной ориентир: те, кто является таковым, не состоят в ней, а кто состоит — не являются.

Революционная пора профсоюзов давно прошла, потому что при обновлённом капитализме все профсоюзы играют

вполне определённую роль, заметную или не очень, в спектакле демократической дискуссии об изменении закона о наёмном труде, то есть выступают как партнёр по переговорам и сообщник диктатуры наёмного труда: потому что демократия и наёмный труд несовместимы, и эта всегда присутствовавшая сущностная несовместимость в последнее время наглядно заявляет о себе в масштабе всего мирового общества. Стоит только профсоюзному движению и отчуждённому труду увидеть друг в друге две силы, устанавливающие между собой дипломатические связи, всякий профсоюз начинает выстраивать в себе самом систему разделения труда, чтобы вести свою всё более смехотворную реформистскую деятельность. И даже если профсоюз заявляет, что все политические партии ему идеологически чужды, это не мешает ему оказаться в руках собственной бюрократии специалистов-управленцев, подобно любой политической партии. Что их практическая деятельность и демонстрирует ежесекундно. И случай, о котором говорится здесь, прекрасно это подтверждает, ведь если бы объединённые в организацию испанские либертарианцы говорили то, что должны были сказать, нам не пришлось бы сейчас говорить это за них.

Из полусотни узников-либертарианцев, в основном заключённых в тюрьме Сеговии, но также и в других тюрьмах (в «Образцовой тюрьме» Барселоны¹, в мадридских тюрьмах Карабанчель и Исэрийас, в тюрьме города Бургос, в тюрьме Эррера де ла Манча, в тюрьме города Сория), многие невиновны и являются жертвами классических провокаций со стороны полиции. О них хоть немного говорят, и некоторые в целом согласны, что их стоит защищать, но согласны пассивно. В то же время большинство заключённых действительно взрывали полицейские фургоны, здания судов и в прочие подобные учреждения. Они прибегли к вооружённым экспроприациям различных предприятий и немалого числа банков. Речь идёт о группе рабочих с барселонских заводов SEAT (которые в какой-то момент объявили се-

бя «Революционной армией помощи рабочим»), решивших таким образом финансово поддержать бастующих с их завода, а заодно безработных; а также об «автономных группах» Барселоны, Мадрида и Валенсии, которые делали то же самое гораздо дольше для пропаганды революции во всей стране. Притом именно у этих товарищей самые передовые теоретические взгляды. И в то время как прокурор запрашивает для некоторых из них в качестве индивидуального наказания от тридцати до сорока лет лишения свободы, именно о них нигде и не слышно ни слова, и столько людей предполо о них забыть!

Испанское государство со всеми его правительственными и оппозиционными партиями, которые его признают и поддерживают, солидарные с ним в этом вопросе лидеры всех прочих стран, руководство вновь учреждённой НКТ, — все они, в силу разных причин, считают, что в их интересах, чтобы те товарищи оставались в забвении. А мы, имея полностью противоположные интересы, скажем, зачем они это делают.

Испанское государство, будучи наследником франкизма, осовремененного и демократизированного лишь в мере, достаточной чтобы занять самое рядовое место в обычных условиях современного капитализма, заискивая при этом перед всеми, чтобы его допустили наконец до этого жалкого Общего рынка (чего оно, по правде, заслуживает), официально объявляет себя плодом примирения победителей и побеждённых в гражданской войне, то есть франкистов и республиканцев; и это действительно так. Небольшие различия не играют здесь роли: пусть даже в случае демократов-сталинистов сегодняшний Каррильо² и чуть больший роялист, чем Берлингуэр³, зато и в случае власти от бога король Испании явно не меньший республиканец, чем Жискар д'Эстен⁴.

Но самая важная и непререкаемая истина заключается в том, что сегодняшняя Испания — это запоздалое объединение всех победивших контрреволюционных сил. Многим обаянные друг другу, те, кто хотел выиграть и кто хотел проиграть, те, кто убил Лорку⁵ и кто убил Нина⁶, наконец по-дружески объединились. Ведь все силы, воевавшие в то время против Республики, как и те, в чьих руках была власть в той Республике, — а это все заседающие сегодня в Кортесах⁷ партии — различными кровавыми методами успешно преследовали и в итоге достигли одну и ту же цель: разгром пролетарской революции 1936 года, величайшей из всех, какие только знала история вплоть до наших дней, той, которая наилучшим образом предвосхитила будущее. Единственной организованной силой, имевшей тогда желание и возможность подготовить революцию, осуществить её и — пусть уже не так последовательно — её защищать, было анархистское движение (опиравшееся единственно лишь на поддержку POUM, но несравнимо более слабую).

Государство и его сторонники сами никогда не забудут столь ужасных для них событий, но беспрестанно стараются сделать так, чтобы о них забыл народ. Вот почему правительство в настоящий момент предпочитает скрывать угрозу со стороны либертариив. Ему явно больше нравится говорить о GRAPO⁸, этой идеальной контролируемой угрозе, потому что с самого начала эта группировка была объектом манипуляций со стороны спецслужб, в точности как и «Красные бригады» в Италии или как та террористическая псевдоорганизация, пока что безымянная и заявившая о себе серией небольших атак, чей столь своевременный выход на сцену был анонсирован французским правительством несколько месяцев назад⁹. Испанское правительство, довольное своей GRAPO, несомненно, с радостью перестало бы говорить и о басках. Но их успешная борьба держит его в напряжении. Хотя в конечном счёте баски воюют за своё независимое государство, и испанский капитализм легко переживёт такую

потерю. Но определяющим здесь является то, что баски прекрасно умеют защищать своих взятых под стражу и не дают забыть о них ни на миг. Солидарность всегда была визитной карточкой Испании. И если сейчас её можно наблюдать только среди басков, то на что же станет похожа Испания? И если больше нигде она не наблюдается, что станет с Испанией, когда они выйдут из её состава?

Остальные европейские государства также без труда смиряются с независимой Эускадией¹⁰, но пребывая ещё с 1968 года в условиях неразрешимого общественного кризиса, они столь же, как и правительство в Мадриде, заинтересованы в том, чтобы в Испании не появлялось очагов международного революционного движения. Что, согласно новейшим техникам подавления, означает: чтобы их нигде не было заметно, даже если они возникают. Эти государства тоже помнят, что им пришлось сделать в 1936 году: тоталитарные Москва, Берлин, Рим, а также парижские и лондонские «демократы» — все объединились для решения первоочередной задачи задавить либертарную революцию; и многие ради этого с лёгким сердцем пошли на жертвы и дополнительные риски во второстепенных междоусобных конфликтах. Итак, сегодня вся информация официально или негласно принадлежит государству. Вся «демократическая» пресса с таким рвением и беспокойством занята поддержанием общественного порядка, что правительствам даже уже и не требуется её подкупать. Она любезно предлагает свою помощь совершенно любому правительству, публикуя прямую противоположность правде по всякому, даже мелкому вопросу; потому что сегодня правда, даже в самых мелких вопросах, представляет угрозу установившемуся строю. Но тем не менее ни по какому вопросу пресса, буржуазная или бюрократическая, не врёт с таким наслаждением, как в случае сокрытия фактов революционной деятельности.

В конечном счёте восстановленная НКТ оказалась в действительно серьёзном замешательстве. Она решила молчать

вовсе не из осторожности или равнодушия. Её руководители хотят сделать НКТ полюсом нового объединения либертари-ев на профсоюзных началах, то есть в умеренном и приемлемом для текущего порядка формате. Те же товарищи, кто перешёл к экспроприациям, уже в силу одного этого факта становятся противоположным полюсом объединения. И если одни правы, то другие ошибаются. Каждый — плод собственных поступков, и выбирать между одними и другими нужно, изучая смысл и конечную цель их действий. Конечно, если бы вы видели, что НКТ вела значимую революционную борьбу в те последние годы, пока товарищи-экспроприаторы сидят в тюрьмах, тогда вы могли бы прийти к выводу, что последние действовали слишком необдуманно и излишне авантюрно (при этом НКТ, ведя революционную борьбу, должна была бы, разумеется, оказать им достойную поддержку, несмотря на разногласия). Но если вы видите, что НКТ скорее довольствуется тем, что исполняет роль ничтожной прислуги в процессе модернизации Испании, при том, что новизна этих обновлений выглядит отнюдь не впечатляюще — снова Бурбон!¹¹ А почему не Бонапарт? — тогда придётся признать, что те, кто взял в руки оружие, не были так уж неправы. В конце концов именно революционный пролетариат Испании создал в своё время НКТ, а не наоборот.

Когда диктатура решила, что пришло время стать чуточку лучше, многие захотели урвать для себя в ходе этой либерализации некоторые преимущества. Но наши товарищи-автономы сразу решили, что довольствоваться этим недостойно. Они тут же ощутили необходимость требовать всё, потому что, по правде, ничто не смывает оскорбления пережитых сорока долгих лет контрреволюции, пока революция не будет провозглашена вновь и пока она не восторжествует полностью. Кто может называть себя либертарием и обвинять сынов Дуррути¹²?

Организации приходят и уходят, но подрывная деятельность продолжает пленять сердца: «¿Quién te vió y no te

*recuerda?»*¹³ Сегодня в Испании по-прежнему много либертариев, и завтра их станет ещё больше. И к счастью большинство либертариев, в особенности из числа рабочих, в настоящее время остаются неподконтрольными никому. Вдобавок многие люди, как и повсюду в Европе, вовлекаются в борьбу с отдельными неприемлемыми проявлениями общественного диктата, и с очень древними, и с самыми новыми. Всякая такая борьба необходима: зачем затевать революцию, если женщины или гомосексуалисты не будут свободны? Что с того, что однажды мы освободимся от авторитарной власти товаров и специализаций, если необратимое ухудшение окружающей природной среды установит новые, объективные границы нашей свободы? В то же время каждый, кто вовлечён в такую обособленную борьбу, не может рассчитывать на действительное удовлетворение своих требований, пока существует государство. Потому что все бессмысленные практики, против которых и направлена эта борьба, являются главным смыслом существования государства.

Мы понимаем, что взгляды большого числа либертариев противоречат многим тезисам наших товарищей из автономных групп, и они не хотели бы своей поддержкой создать впечатление, будто бы разделяют их. Ну так что ж! пока они в тюрьме, в полемику о верных стратегиях с ними не вступишь. Чтобы это интереснейшее обсуждение началось, нужно, чтобы они оказались на воле. Мы полагаем, что все эти разногласия, которые, разрастаясь в русле излишней щепетильности, могут внушить кому-то из тех, кто уверенно называет себя революционером, будто защита тех товарищей это не его дело, — все они могут быть сведены к четырём типам рассуждения. Либо дело в том, что некоторые либертарии оценивают с более миролюбивых позиций сегодняшнюю ситуацию в Испании и её будущие перспективы, как не требую-

щие подобных чрезвычайных мер. Либо они не верят в эффективность форм борьбы, которые эти автономные группы выбрали на данном этапе. Либо же полагают, что они сознательно поставили себя в положение, делающее их защиту невозможной с точки зрения моральных принципов или же с чисто юридической точки зрения. Либо, наконец, считают, что не имеют никаких возможностей для вмешательства. Мы предполагаем, что сможем с лёгкостью свести на нет все эти возражения.

Те, кто сегодня ожидает каких-либо улучшений социально-политической жизни Испании, очевидно, заблуждаются больше всех. Лучшие дни всех прелестей дозволенной демократии уже прошли, и каждый мог увидеть, что эти прелести собой представляют. В дальнейшем всё будет лишь ухудшаться, и в Испании, и повсюду. Большинство историков сходятся во мнении, что главным фактором сохранения революционных настроений в Испании на протяжении почти ста лет является неспособность правящих классов вывести страну на должный уровень развития капиталистической экономики, который, в то же время, обеспечил передовым странам Европы и США гораздо более длительные периоды общественного спокойствия. Ну что ж! Теперь Испания, судя по всему, будет столь же революционной, но уже в силу новых причин, потому что даже если обновлённые после франкизма правящие классы и окажутся достаточно умелыми, чтобы встроиться в общую систему сегодняшнего капитализма, то всё равно будет уже слишком поздно, ведь сама эта система начинает разваливаться на части. Можно повсеместно наблюдать, как жизнь людей и мысль правителей с каждым днём всё больше вырождается, и в особенности в рамках этого злополучного Общего рынка, куда все ваши офранцузившиеся правители клянутся вас привести, как будто это какой-то праздник. Авторитарное производство лжи достигло уже масштабов общегосударственной шизофрении, покорность пролетариев тает, весь обществен-

ный порядок рушится. В Испании спокойствие не воцарится, потому что во всём остальном мире ему пришёл конец. Ещё одним элементом, определяющим естественное стремление Испании прочь от порядка, несомненно, являлся дух либертарного автономизма, сильный в среде её пролетариата. История нашего века подтвердила правоту именно этого направления, распространяющегося теперь повсюду, потому что повсюду можно видеть, к чему приводит тоталитаризация современных государств, и каких печальных результатов достигло людоедскими методами рабочее движение, возглавляемое авторитарными бюрократами-государственниками. А значит, в тот самый момент, когда во всех странах мира революционеры становятся в этом отношении испанцами, вам самим нечего и думать о том, чтобы быть кем-то другим.

Гораздо более понятны возможные возражения чисто стратегического плана. Действительно, можно сомневаться, является ли, например, ограбление банков с целью получения средств для покупки печатных станков, на которых будут в дальнейшем печататься подрывающие общественный порядок тексты, самой логичной и эффективной стратегией. Но всё же действия этих товарищей, бесспорно, достигли эффекта, пусть даже несколько иным образом: просто потому что они были пойманы и брошены в тюрьму за планомерную и непоколебимую реализацию ими же намеченной программы действий. Тем самым они оказали неоценимую услугу делу революции в Испании и во всех других странах, именно потому, что создали явное поле действий, которое позволит всем разобщённым испанским либертариям проявить себя и узнать друг друга в этой битве за освобождение. Они по собственной инициативе избавили вас от труда выяснять в ходе утомительно долгих дискуссий, как именно лучше начать действовать. И они сделали это наилучшим образом, потому что такой способ совершенно точен в теории и отлично работает на практике.

Некоторые либертарии могли, наверное, подумать, что тяжесть поступков, совершённых этими товарищами, сильно осложняет их защиту. Мы же считаем, что как раз наоборот, именно эта тяжесть и облегчает продуманные действия в их интересах. Либертарии в принципе не могут придавать хоть малейшее значение государственным законам, и это особенно справедливо, когда речь идёт об Испанском государстве: учитывая сомнительную легитимность его происхождения и все последующие его действия, единственным надлежащим способом отправления правосудия в нём может быть лишь беспрестанное провозглашение амнистии всем подряд. Помимо того, нападение на банки является тяжелейшим преступлением в глазах капиталистов; но не в глазах их врагов. Грабить бедных — вот что действительно достойно осуждения, а между тем все законы экономии (позорные законы, которые нужно отменить через полное уничтожение самой области их применения) надёжно гарантируют то, что ни один бедняк никогда не станет банкиром. Так вышло, что во время перестрелки был убит охранник. Но человеколюбивое возмущение правосудия по этому поводу выглядит сомнительно в стране, где насильственная смерть — привычное дело. Было время, когда человек мог умереть как в Касас-Вьехас¹⁴ или как на аренах Бадахоса¹⁵. Потом настало время, когда из-за требований максимизации прибыли, предъявляемых к технологиям, умереть можно так же быстро, как это случилось с двумястами бедными туристами, которые сгорели в Лос Альфакесе¹⁶, или с семьюдесятью буржуа в крупном сарагосском отеле, в номерах люкс из современного пластика¹⁷. Неужели в этих массовых убийствах тоже обвинят наших товарищей-«террористов»? Нет, они виновны в них не больше, чем в загрязнении Мексиканского залива, потому что к тому времени, когда случились эти мелкие недоразумения, они уже были в тюрьме.

Юриспруденция здесь вообще ни при чём. Это простой вопрос соотношения сил. И поскольку правительство столь

очевидно заинтересовано в том, чтобы об этих товарищах ничего не было слышно, то достаточно лишь заставить говорить о них и, таким образом, вынудить правительство прийти к выводу, что в его же непосредственных интересах освободить этих людей, а не держать их в тюрьме. Сделает оно это через суды, которые приговорят их ровно к тем срокам, которые они уже отсидели, или же посредством амнистии, а то и просто позволив им сбежать, — это уже не имеет значения. Тем не менее мы должны подчеркнуть, что до тех пор, пока не существует реальной угрозы в виде общественного движения, громко выступающего в их защиту, любое потворство побегу со стороны властей таит в себе опасность — вы прекрасно знакомы с “ley de fugas”¹⁸ и ещё не раз увидите случаи его применения.

Товарищи, мы, разумеется, не смеем советовать какие-то конкретные формы действий вам, видящим всё изнутри и способным оценить один за другим все действительные возможности и риски. Хороши любые методы, популяризирующие недвусмысленное требование освободить этих либертари-ев, и чем скандальнее методы, тем лучше. Объединившись в группы по принципу идейной схожести, вы сможете выбирать, исходя из ваших предпочтений и возможностей, любой из уже применявшихся ранее подходов, или изобретёте свой, который ещё только предстоит опробовать, — важно, единственное, не опуститься до учтивых петиций, которые повсеместно и безрезультатно подают участвующие в выборах левые партии. Также совершенно бессмысленно координировать между собой все эти автономные действия. Важно лишь, чтобы они все были направлены на одну и ту же конкретную цель и постоянно её провозглашали, а также чтобы количество этих действий со временем возрастало. И когда эта конкретная цель будет уже достигнута, обнаружится,

что вновь появилось активное либертарное движение, которое заявит о себе и узнает само себя. Таким образом, всеобщее движение будет уже начато и сможет всё лучше и лучше координировать свои действия ради достижения всё более и более глобальных целей.

Первая цель — добиться, чтобы это дело было постоянно на слуху по всей стране, а если вы заставите всех знать о существовании узников из числа либертариев, и о том, как эффективно их защищают товарищи, то это само по себе даст всему миру понять, что прямо сейчас в Испании действует либертарное революционное движение. Нужно, чтобы имена этих узников звучали повсюду, где пролетарии восстают против государства, от польских рабочих, организующих масштабные революционные стачки, до тех, кто саботирует производство на заводах Италии, и до несогласных, живущих в стенах брежневских психбольниц или тюрем Пиночета.

Так как, к сожалению, мы не можем назвать всех имён, потому что их слишком много (позор! сколько Пуч Анतिकов¹⁹ чувствуют сегодня, как гаррота сжимает им горло, но она будет душить их ещё тридцать, сорок лет по указке правительства!), мы вынуждены ограничиться перечислением лишь тех обвиняемых, в отношении которых правосудие запросило наказание или даже уже вынесло приговор в виде лишения свободы на срок более 20 лет: Габриель Ботифоль Гомес, Антонио Кативьела Альфос, Висенте Домингес Медина, Гильермо Гонсалес Гарсиа, Луис Гиллардини Гонсало, Хосе Эрнандес Тапия, Мануэль Ногалес Торо. Но необходимо чётко давать понять, что мы требуем освобождения всех остальных, среди которых есть и невиновные.

Первый шаг — сделать так, чтобы повсюду узнали о проблеме; и потом не давать забыть о ней, постоянно демонстрируя своё всё возрастающее нетерпение, с каждым разом всё настойчивее. Возможности будут возрастать по мере развития движения. Стоит одному маленькому испанскому заводу выйти на стачку с такими требованиями, и он тут же ста-

нет примером для всей страны. Вам останется лишь предать огласке его образцовый поступок, и половина дела будет сделана. Но и в то же время нужно, чтобы ни одно университетское занятие, ни одна театральная постановка или научная конференция не начинались без прямо поставленного вопроса, выкрикнутого из зала или посыпавшегося на головы собравшихся ворохом листовок, вопроса о том, что стало с нашими товарищами и в какой конкретно день они окажутся наконец на свободе. Чтобы нельзя было пройти по улице, не увидев на стенах их имена в любом городе Испании. Чтобы повсюду пелись песни о них.

Товарищи, если наши доводы показались вам убедительными, размножьте и распространите этот текст всеми способами, которые уже есть у вас или которые вы сможете заполучить. А если нет, выкиньте его и тут же начните печатать другие, лучше этого! Потому как, вне всяких сомнений, вы имеете полное право судить наши скромные доводы со всей возможной строгостью. Но также не подлежит сомнению и то, что сама возмутительная реальность, о которой мы рассказали здесь из самых благих побуждений, не зависит от ваших суждений: напротив, это по ней, в конце концов, будут судить о вас всех.

Салют!

Да здравствует социальная ликвидация!

Интернациональные друзья

1 сентября 1980

ЗАКУСКА

Известно, что это слово прежде означало «блюдо, подающееся в самом начале трапезы для того, чтобы умерить, обуздать первый голод гостей» (словарь Ларусса). Хауфельд и Дармстетер в своём словаре дают помету «устар.» напротив этого значения. Но история – неумолимая госпожа всех словарей. Благодаря недавним достижениям технического прогресса вся потребляемая современным обществом пища – это одна сплошная закуска.

Чудовищное вырождение нашей пищи – это очевидность, которую, по примеру многих других явлений, большинство принимает совершенно безропотно: как неизбежную плату за безостановочный прогресс, и те, кого он каждый день подавляет, глядят на всё точно так же. Весь мир хранит молчание. Верхи, потому что не хотят говорить об этом, низы – потому что не могут¹. А если кто-то из подавляющего большинства, поддерживающего это вырождение, и начинает что-то подозревать всерьёз, он не может взглянуть в лицо столь неприятной действительности. Ведь и вправду, всегда неприятно признавать, что кто-то обвёл тебя вокруг пальца, и потому те, кто распрощался с «куском мяса» и «борьбой “за свой кусок”»² ради его жалкого подобия «с изменённой структурой», настолько же не расположены признавать, что их надули в этой сделке, как и те, кто из стремления к удобству перешёл в повседневной жизни на аналогичный эрзац. Как правило, это те же люди, кто вообще ни от чего не может отказаться из страха разочароваться во всём, что уже сотворил с собственной жизнью до этого.

Между тем можно с лёгкостью установить точную дату начала этого всемирного процесса, прошедшего сперва во всех экономически успешных странах, но одновременно с тем в рамках *одного явления*, оказавшего эффект и на тех, кого обрекли на отставание. И хотя ему предшествовали постепенные изменения, но плавное снижение качества в какой-то момент достигло той черты, за которой стремительное разрушение всех прежних «гастрономических привычек» происходит буквально за два-три года. Во Франции, например, антикачественный скачок случился около 1970 года; и где-то за десять лет до этого — в северной Европе, а ещё через десять лет — в южной. Критерий, позволяющий легко отслеживать, на каком этапе находится описываемый процесс, это конечно же *вкус*: у сегодняшних продуктов он непосредственно фабрикуется промышленностью, называемой «пищевой индустрией», и в итоге как катастрофический результат этой индустрии он наследует все её свойства, так как сочный вид теперь вовсе не гарантирует вкус, а свежесть — безвредность. Именно массовое вторжение химии в сельское хозяйство и скотоводство с целью максимизации прибыли в ущерб всем другим соображениям сыграло в этом главную роль. Затем — новые технологии консервирования и хранения. И каждая ступень такого «прогресса», переворачивающего с ног на голову всё то, что эксперты по закуске называют нашими «стереотипами», то есть привычные нам ранее вкус и качество, открывает перед индустриализацией всё новые горизонты. Так, например, методы заморозки и быстрой разморозки использовались поначалу, чтобы поставить на поток производство «куриных окорочков», состоящих из перемолотой и затем восстановленной с помощью «формовки» субстанции. На данном этапе сама эта субстанция ещё сохраняет связь со своим наименованием, со словом «куриный», будучи лишь заметно более вздутой, чей бывает у кур, избежавших промышленного разведения. Но едва только эту форму примут, заменить содержимое бу-

дет ещё легче: новый пример из Японии, “ex Oriente lux”³, где «ножки крабов» и «креветки» на самом деле производятся промышленным образом из мяса дешёвой рыбы, которому придаётся соответствующая форма. Вот чему порадуются кто-нибудь вроде Жака Гёгана, «научного сотрудника отделения INRA⁴ в Нанте», где изучают способы заставить нас съесть стейк из «белковых компонентов растительного происхождения». Пока что с этими стейками, разумеется, много проблем, но когда-нибудь их устранят: «Что касается цвета, он ещё не совсем удался, — признаётся Жак Гёган, — изоляты сои имеют сливочно-белый цвет и ощутимый запах капусты. Подсолнечник даёт серые волокна. А у рапса они жёлтые, а также оставляют капустное послевкусие. Но как бы то ни было, — заявляет он, — эти волокна затем перемешивают, окрашивают и ароматизируют так, что вы их и не заметите, когда они предстанут в виде стейка из говядины, телятины, свинины или индейки”. Вы, скептики, считаете, что никогда не станете есть такое мясо. В таком случае задержите взгляд на составе ваших любимых равиоли или гамбургера, только что купленного в отделе замороженных продуктов: ничем не примечательная упаковка, с фотографией в меру прожаренного бифштекса, покоящегося на подушке из листьев салата. Самая обычная говядина? Ничего подобного, и в этом можно убедиться, прочитав этикетку: 69% (иногда эта цифра опускается до 65%) говяжьего фарша, “обогащённого” растительными белками. На самом же деле оставшийся 31% растительных белков не обогащает, а только подменяет собой настоящее мясо» (“Cosmopolitan”, июнь 1985 г.)

Но та же логика, которая напоминает нам о том, что мы уже успели сожрать, даже не нуждается в явном провозглашении, чтобы стать *обязательной*: ведь только и требуется, что заставить нас забыть о том, чего мы больше не сможем отведать. Так, когда пиво уже сделали столь омерзительным ради того, чтобы оно хранилось при любых условиях, будет ли из-за чего расстраиваться, когда они начнут дальше

приспосабливать его под нужды товарооборота: «Пивоварня Adelshoffen в Шильтигайме, пригороде Страсбурга, запускает в продажу концентрированное пиво. Одна часть пивного концентрата к пяти частям газированной воды. Благодаря современным технологиям ультрафильтрации пиво сегодня — просто конструктор, который можно разобрать на элементы: вода, алкоголь, ароматизаторы. Adelshoffen уже мечтает по примеру Coca-Cola рассылать из Эльзаса по всему миру сироп, из которого местные предприятия по розливу смогут восстанавливать пиво прямо на месте. “Это снижает издержки на транспорт и на розлив, ведь сегодня пивоварни по сути всё больше превращаются в перекупщиков тары, если смотреть на то, какая часть итоговой цены приходится на сам напиток, — объясняет Мишель Дебюф. — Пивной концентрат — это потрясающий проект планетарных масштабов!» — горячо заключает он. В то же время даже небольшое предприятие по розливу сможет разрушить монополию пивоварен. «С таким концентратом достаточно иметь разливочный конвейер, чтобы добавлять воду с углекислым газом. Все производители газированных напитков, вроде Coca-Cola, смогут это делать»» (“Libération”, 29 июля 1985 г.).

В этой безумной гонке за сокращением времени производства, а также издержек на ручной труд и материалы (факторов, которые существенно снижают прибыль) преобладает логика товарных отношений во всей её беспримесной чистоте, которая со временем (например, после всех тех лет, которые потребовались человеческой истории для развития всех необходимых умений, чтобы в итоге получилось хорошее пиво) всё больше склонна пренебрегать качественным критерием. Который затем неизбежно возвращается, но уже *в негативной форме*, как болезнь. Его заменяют разной идеологической рекламой, госрегулированием якобы во имя гигиены или всего-навсего ради её гарантированной видимости, с явной целью содействовать оптимизации производства, которое теперь будет удобнее перевозить нормативные объё-

мы новых тошнотворных товаров. Так что итоговой целью этих процессов для торговой монополии является ситуация, при которой весь выбор — это либо ты утоляешь голод закусками, либо голодаешь.

Так, в Соединённых Штатах есть “Food and Drug Administration”⁵, вот где абстрактное потребление абстрактных товаров открыто установило свои законы, хотя они и не слишком хорошо работают для регулирования того, что называет себя Общим рынком. В этом и заключается основная суть этого учреждения. Историческая традиция должна полностью исчезнуть, а абстракция — воцариться при общем отсутствии качества (см. статью «Абстракция»⁶). Разные страны, очевидно, имели и различные особенности (географические и культурные), связанные с едой. Если говорить о Европе, то во Франции всегда было плохое пиво (за исключением варившегося в Эльзасе) и очень плохой кофе и т. п. Но в Германии пили хорошее пиво, в Испании — хороший шоколад и хорошее вино, в Италии — хороший кофе и хорошее вино. У Франции был хороший хлеб, хорошее вино, много сортов сыра, а также птицы и говядины. Но в условиях Общего рынка всё должно сократиться до равенства попорченных товаров. Определённую роль в этом сыграл и туризм, те туристы, которые *тут же* приспособились к убогости товаров, упрощённых специально к их приходу, как прежде потребляли всё то, что было испорчено самим их присутствием. По сути, турист — это тот, с кем повсюду обращаются так же плохо, как дома: это избиратель в командировке.

Для современных товаров основным критерием полезности, подчинившим себе все прочие, стало то, как их раскупают; так, например, за счёт чудесных ритуалов, хранимых в секрете, и при посредничестве капитала товары могут «создавать рабочие места»! Что же касается их непосредственного употребления или использования, то оно назначается авторитарно или путём фальсификации прежнего опыта, например, в случае с продовольственными товарами это делает-

ся за счёт искусственного сохранения некоторых признаков их прежнего состояния. Но для такого сходства, разумеется, используются только самые подверженные обману чувства: «Благодаря новейшим технологиям, препятствующим порче продуктов, мы теперь в любое время года можем видеть на прилавках те фрукты и овощи, которые прежде появлялись в продаже лишь на считанные недели. Яблоки, например, которые мы научились хранить в огромных холодильных установках. Единственная серьёзная проблема заключается в том, что выдержанные в холоде фрукты частично теряют свой природный вкус» (“Cosmopolitan”, там же). Прежде, когда месяц длился всего лишь несколько недель, у всего был свой сезон: сегодня нам не хватает реальности времени и реальности вещей одновременно. Самые непосредственные чувства — вкус, запах, осязание, — были пожертвованы ради ярких приманок, постоянно отвлекающих наши зрение и слух (см. статью «Аббат»⁷). Постоянные издевательства над одними чувствами (понятно, что лучше уж утратить обоняние, когда живёшь в большом городе) и введение в заблуждение других привели к тому, что сегодня мы наблюдаем общую потерю чувствительности, которая соседствует с феноменальной потерей ясности мысли; истоки которой кроются в отказе от чтения и от значительной части словарного запаса. Избирателю, который водит личный автомобиль и смотрит телевизор, нет никакого дела ни до каких вкусовых различий: а потому он с лёгкостью готов есть “Findus”⁸ и голосовать за Фабиуса⁹, а если надо, проглотить Фабиуса и выбрать “Findus”. После всех его важных дел, после всей его возрастающей пассивности у него совсем не остаётся времени, чтобы развить вкус или даже просто обзавестись вкусовыми предпочтениями, на удовлетворение которых у товарного производства как раз-таки тоже нет времени: столь удивительная согласованность между теми, кто готов отказаться от вкуса, и теми, кто готов воспользоваться этим отказом, говорит о том, что все критерии ценности сегодня утра-

чены. Так мы выходим на ключевой вопрос времени, — времени, которое выкраивают повсюду для того, чтобы потратить на *нежизнь*. И то время, которое раньше отводилось на приготовление ужина, поглощается сегодня просмотром телевизора, «потребители всё меньше покупают низкосортные куски мяса, которые требуют долгого приготовления». Эти «низкосортные куски», из которых ещё недавно делалось столько прекрасных блюд французской народной кухни, теперь обречены на переработку, чтобы предстать в более подходящей для быстрого приготовления форме: «Взглянув на них поближе (но не слишком), попробовав их, вы не угадаете. Это полноценный антрекот: по виду, по сочности, по “нежности” мяса. При этом он сделан из рульки, пашинки, шеи, словом, тех частей, которые раньше шли исключительно в рагу и долго тушились на медленном огне. Говядина для тушения в роли бифштекса? Исследователи и промышленники делают это возможным для нас, разрушая структуру мяса, соединяя куски различной степени измельчения и придавая им новую форму, — так получается мясо “с изменённой структурой”» (“Le Monde”, 25 сентября 1985 г.). Нечего и сомневаться, что вскоре эти эксперименты со структурой выйдут далеко за пределы одного лишь рогатого скота: «Если же мы научимся делать нежные и аппетитные “бифштексы” из мяса птиц или свинины, которая дешевле говядины, то “у быков не будет шансов в будущем”, — подчёркивает мсье Дюмон» (там же). Этот полный забот о будущем мсье Дюмон является директором лаборатории по исследованиям в области мяса Национального института агрономических исследований; это настоящий специалист по закускам, как и тот, который заявляет по поводу технологии «варки-экструзии», позволяющей создавать «продукт ячеистой структуры», вроде кормов для кошек и собак: «А что касается использования этого метода в изготовлении пищи для человека, тут “всё ещё только предстоит”» (там же). Что же касается превращения нас в скот *без природного чутья*, многое уже было сделано.

Буржуазия давно заявила: «До сих пор была история, а теперь её более нет»¹⁰ (Маркс). А бюрократизировав своё господство, она добавляет: «До сих пор был вкус, но теперь его нет». Больше ни для кого нет необходимости в личной истории, в течение которой он обнаруживал бы и формировал свои вкусы. Нужно принимать всё, что есть, без разбора, не претендуя на то, чтобы иметь при себе какие-либо собственные критерии оценки. Повсюду должны звучать лишь мнения экспертов, которые, например, расписывают нам светлое будущее облучённых радиацией овощей и уже бросаются фразами, что «никогда ещё овощи не были так хороши» («L'Express», 6–12 сентября 1985 г.). Это последний «стильный тренд» в обществе спектакля, и всякий личный «стиль», как бы он не старался выделиться, всегда делает это с оглядкой на общество: ведь именно оно дёргает за нити. Так, например, «пирожок с мясом», эта закуска для бедных работников по найму, которую они запикивают в желудок в интерьере привокзального сортира, может выдавать себя даже за воплощение передового духа современности, за выбор, а не участь тех, кто ест в *Макдоналдсе* и мыслит передовицами “Actuel”¹¹.

Как мы до этого дошли? Кому это было нужно? Прежде — никому. Со времён физиократов¹² основной задачей буржуазного проекта однозначно было количественное и качественное развитие сельскохозяйственной продукции, которая казалась сравнительно более стабильной, чем промышленный сектор. Всё это эффективно реализовывалось в XIX веке и ранее. Критики капитализма зачастую ещё больше заботились о повышении качества. Фурье, в частности, был охотником до наслаждений и страстей, а также большим любителем груш, и потому ожидал, что царство гармонии непременно должно привести к развитию вкусового многообразия этого фрукта. Здесь, как и во многом другом, прогресс цивилизации показал его правоту, проследовав ровно противоположным курсом. Чтобы сегодня точно описать

текущее состояние проблемы, достаточно взять какой-нибудь классический рецепт французской кухни и продемонстрировать, во что превратился каждый его ингредиент в существующих условиях потребления (см. статью «Пищевая индустрия»¹³).

Вред от господства закуски далеко не ограничивается тем, что именно исчезло по его вине, но включает в себя и всё, что оно с собой несёт, одним фактом своего существования, как схема, распространяющаяся на всё новые производства в старом мире. Еда, лишённая вкуса, всегда позиционирует себя как идеально стерильная, диетическая, безвредная, по сравнению со всеми рискованными формами питания до прихода сюда науки. Но она цинично врёт. Она не только содержит невероятные дозы ядовитых веществ — вспомнить хотя бы печально известную Union Carbide¹⁴, поставляющую свои сильнейшие химикаты сельскохозяйственным предприятиям, — но и благоприятствует всякого рода недостаткам полезных веществ, последствия которых мы затем наблюдаем в общественном здоровье: как сказал один врач, прибегая к чисто научному эвфемизму: «Похоже, что наращивание производительности сельского хозяйства происходит без должного внимания к качеству его продуктов, одним из определяющих факторов которого является наличие микроэлементов» (А. Пикар, «Терапевтическое применение микроэлементов»). В нагрузку к правомерному, хотя и отвратительному подходу к пище, добавляются вещи как неправомерные, но которые всё же терпят, так и откровенно незаконные, которые тем не менее продолжают существовать (превышение допустимой концентрации гормонов в телятине, антифриз в вине¹⁵ и т. д.). Мы знаем, что самым главным раком, распространённым в США, является не тот, который вгрызается в лёгкие курильщика, вдыхающего токсичный дым сигарет, или жителя городов, ещё более токсичных, а тот, который пожирает внутренности президента Рейгана¹⁶, и прочие едоки такого ранга.

Также масштабный переход к закускам виновен и в голоде народов третьего мира, которые ещё более абсолютно, если можно так сказать, подчинены мировой капиталистической системе. Суть процесса проста: продовольственные культуры вытеснены с мирового рынка, и крестьяне так называемых слаборазвитых стран волшебным образом превратились в безработных из трущоб, количество которых стремительно растёт по всей Африке и Латинской Америке. Не секрет также и то, что рыбу, которую ловили и которой питались прежде перуанцы, теперь захватили хозяева передовых экономик, чтобы откармливать ею своих птиц, которых они затем отправляют на перуанский рынок. А чтобы избавиться от рыбного послевкуся, не добавив при этом какого-то нового, используется акролеин, крайне опасный химикат, о чём жители Лиона, посреди которого стоит завод по производству акролеина, ещё не в курсе – ни как потребители, ни как соседи производителя; но скоро непременно узнают со всей ужасающей ясностью и в обоих качествах.

Всемирные специалисты по голоду (их много, и они работают бок о бок с другими специалистами, чья задача – убедить, что здесь у нас царит изобилие, прямо «пир горой») сообщают нам результаты своих вычислений: на нашей планете производится достаточно злаков, чтобы никто не голодал, но идилию нарушает то, что половину этого объёма беспардонно потребляют «богатые страны», чтобы кормить свой скот. Но зная отвратительный вкус мяса из их скотобоев, полученного за счёт ускоренного откармливания этими злаками, разве можно называть эти страны «богатыми»? Разумеется, нет. И половина планеты умрёт с голоду не для того, чтобы мы купались в роскоши, а чтобы мы жили среди отходов производства. Но избиратель любит, когда его слух ласкают напоминаниями о том, что у него, вероятно, очень чёрствое сердце, раз он может жить так хорошо, когда всё его сытое благоденствие строится на костях детей далёких нищих стран, *stricto sensu*¹⁷. В этих речах избирателю, тем не ме-

нее, нравится то, что его заверяют, будто он живёт богато. Он любит так думать.

Государственной тайной становятся не только лекарственные препараты, но и еда. Одним из сильнейших доводов классов собственников против демократии в те времена, когда они их ещё только формулировали, не без оснований опасаясь того, что *для них* значила бы подлинная демократия, было указание на полную *неосведомлённость* большинства людей, надёжное и нерушимое препятствие к тому, чтобы те сами управляли своими делами. Сегодня они чувствуют себя вполне уверенно благодаря недавно открытым вакцинам от демократии или, скорее, от того малого её остатка, который они нам якобы гарантируют: потому что для людей сегодня содержимое их тарелок настолько же неведомо, как и тайны экономики, расчётные характеристики стратегических вооружений и тонкости «общественного выбора», который им подсовывают, чтобы заставить взяться за старое и начать сначала.

Когда секретность доходит до содержимого тарелок, конечно, не надо думать, будто никто ничего не знает. Но эксперты в условиях спектакля не должны разглашать такую опасную правду. Они умолкают. Каждый находит в этом свой интерес. А простым, отдельным людям, которые уже не могут полагаться ни на вкус, ни на собственный опыт, приходится полагаться на общественно организованный обман. Профсоюз мог бы всё рассказать? Он не может говорить того, что сочли бы безответственным и революционным. Профсоюз в принципе защищает интересы наёмных рабочих лишь внутри системы найма. Он, например, защищал «их кусок мяса». Но это был абстрактный кусок мяса (сегодня профсоюз защищает нечто ещё более абстрактное — «их труд», или скорее не защищает). Когда настоящее мясо почти исчезло, эти специалисты и не заметили пропажи, по крайней мере официально. Потому что бифштекс, сделанный из настоящего, то есть выращенного *без химии* мяса по-прежнему подпольно существует, но его цена очевидным образом возросла, и да-

же простое указание на его наличие существенно пошатнуло бы столпы «социального партнёрства». А прекрасно осведомлённая об этом западная *номенклатура* втридорога покупает себе здоровые продукты.

Мы помним, сколько было народных возмущений накануне революции 1789 года после довольно умеренных попыток что-то подмешивать в хлеб, и как много дерзких экспериментаторов оказывались на фонаре прежде, чем успевали объяснить мотивы собственных действий, наверняка весомые. В те времена и в течение всего XIX века подделкой, носившей маргинальный и кустарный характер, занимались только розничные торговцы: она ещё не вышла на уровень непосредственных производителей продовольствия, что она сделала благодаря современной промышленности, начиная с войны 1914 года, подарившей миру эрзац. Но всегда она вызывала при этом справедливый гнев. Другие времена, другие нравы, или, лучше сказать, та выгода, которую классовому обществу приносит его зрелищное хозяйство (оборудование и обслуживающий его персонал), с лихвой окупает неизбежные расходы на то, чтобы снабдить эрзац его необходимым дополнением, промывкой мозгов. Итак, почти десять лет назад хлеб исчез во Франции и практически повсюду был заменён псевдохлебом (не хлебопекарная мука, химические разрыхлители, электрические печи), это ужасное событие не то что не вызвало никакого протестного движения в защиту хлеба, как это было недавно с так называемыми «свободными» школами¹⁸, но буквально *никто об этом даже не сказал ни слова*. И верх цинизма даже не в том, что нас теперь *лишили вкуса хлеба*, а в том, что из этого делают пособие для будущего расширения бюрократизации культуры: «Тогда уже стоит разработать своего рода курсы по воспитанию вкуса, которые, возможно, будут начинаться с простейших вещей: приготовьте собственный хлеб, определите его состав. Этот же хлеб мог бы стать основой для пропаганды, “хлеб как часть культурного наследия”, “живое сокровище нации”, как сказали бы

японцы» (Джек Ланг, цитировано по “Le Monde” за 7–8 апреля 1985 г.). Эта «хлебная пропаганда» как нельзя лучше доносит до нас мысль, что в этом мире нет места ни для чего подлинного, что ему прямая дорога в музей.

Так и все удовольствия, считавшиеся прежде «простыми», исчезая, превращаются в музейную редкость. Современная архитектура уже упразднила многие из них в своей обширной сфере деятельности. Конечно, когда бы все удовольствия сводились к наслаждению спектаклем, зрителей можно было бы назвать счастливыми, пока у них в кормушке хватает ярких образов. Но вместе с тем уже возвращается опасная диалектика. Ведь мы видим, что все власти в этом мире постепенно разлагаются. И хоть критика и шадит их управленческие решения, результаты этих решений сами подрывают эту власть. Это синдром роковой болезни конца XX века: общество классов и специализаций ценой постоянных и повсеместных усилий проводит вакцинацию от всех удовольствий. И неспособность этой вакцины противодействовать тем ядам, которые оно же производит, ещё проявится в гораздо большем масштабе.

“Potlatch” (1954–57)

27 выпусков бюллетеня “Potlatch” были изданы с 22 июня 1954 года по 5 ноября 1957 года. Они были пронумерованы от 1 до 29, потому что бюллетень от 17 августа 1954 года имел тройной номер (№ 9–10–11). До этого строенного номера бюллетень выходил еженедельно, двенадцатый и последующие выпуски издавались с интервалом в месяц.

Главными редакторами бюллетеня “Potlatch” были Андре-Франк Конор (№ 1–8); Мохамед Даху (№ 9–18); Жиль Вольман (№ 19); ещё раз Мохамед Даху (№ 20–22) и Жак Фийон (№ 23 и 24). Последние выпуски не содержали сведений о главном редакторе. После № 26 перестала соблюдаться и месячная периодичность выхода номеров.

“Potlatch” позиционировался сначала как «информационный бюллетень французской секции Леттристского интернационала» (№ 1–21), затем как «информационный бюллетень Леттристского интернационала» (№ 22–29). Леттристский интернационал был организацией «левых леттристов», которые в 1952 году внесли раскол в художественное направление «леттризм» и с этого момента опровергли его.

Выпуски “Potlatch” рассылались бесплатно по адресам, отобраным редколлегией, а также нескольким людям, которые сами попросили об этом. Ни один номер бюллетеня никогда не был продан. Первый номер “Potlatch” был опубликован в количестве пятидесяти копий. С каждым выпуском тираж возрастал, достигнув в итоге отметки в 400 и 500 экземпляров. Предтеча того, что в 1970-х годах назовут «пират-

ским изданием», но более правдивый и последовательный в отказе от рыночной экономики, “Potlatch” в оправдание своего названия распространялся исключительно бесплатно на всём протяжении его публикации.

Стратегические задачи “Potlatch” заключались в налаживании надёжных связей для формирования нового движения, которое должно было воссоединить культурный авангард и революционную критику общества. В 1957 году на этой основе был успешно создан Ситуационистский интернационал. Необходимо признать, что многие ситуационистские идеи нашли своё отражение ещё в текстах “Potlatch”, выраженные в кратких формулировках, как того требовало наше особое средство связи.

Более чем тридцатилетний период, прошедший с момента написания текстов, вносит определённые трудности для современного читателя, ведь эти тексты не были опровергнуты последующими событиями. Сейчас читателям трудно представить себе, в каких *формах* были представлены признанные всеми истины того времени, и следовательно, распознать те скандальные идеи, которые ниспровергли эти истины. Трудность эта усиливается из-за того, что формы спектакля за это время изменились и продолжают меняться каждые три месяца, практически каждый день, в то время как на протяжении нескольких столетий *сущность* отчуждения и фальсификации представлялась как нечто неизменное.

С другой стороны, прошедший период будет способствовать осознанию читателем другого аспекта этого вопроса. Высказанное в “Potlatch” суждение о смерти современного искусства казалось крайне преждевременным в 1954 году. Теперь, много лет спустя (никому ещё не удалось найти иного объяснения этому факту, хотя многие усердно старались поставить его под сомнение) мы можем сказать, что с 1954 года ни в одной области искусств не было ни единого творца, который мог бы кому-нибудь показаться интересным. Также

Ги Дебор
СТАТЬИ
И ДЕКЛАРАЦИИ
1952–1985

теперь мы знаем, что никто за пределами Ситуационистского интернационала не хотел сформулировать *центральную критику* современного общества, которое *обрушивается* на нас подобно лавине, сея катастрофические разрушения и постоянно увеличивая свою мощь.

Ноябрь 1985

ГИ ДЕБОР

ЗАМЕЧАНИЯ

К «ВОПРОСУ ОБ ИММИГРАНТАХ»

В «вопросе об иммигрантах» всё является ложью, абсолютно так же и в силу тех же самых причин, как и в любом вопросе, *открыто* стоящем перед современным обществом: этот вопрос был порождён экономикой (т. е. псевдоэкономической иллюзией) и истолкован спектаклем.

Обсуждаются лишь всякие глупости. Иммигрантов надо защищать или уничтожать? В действительности настоящий иммигрант является не постоянным жителем своей *иноземной* родины, но тем, кого там воспринимают и кто сам себя воспринимает как чужого, тем, кто поставил своей целью покинуть родину. У многих иммигрантов и их детей французское гражданство, многие из поляков или испанцев окончательно растворились в массе населения Франции, которое *было другим*. Подобно отходам ядерной индустрии или нефти в океане (так неспешно и не особо «научно» можно выявить *пределы неслиянности*¹), иммигранты (последствия того же управления современным капитализмом) останутся на века, на тысячелетия, навсегда. Они останутся вопреки всем недоброжелателям, хотя бы потому, что уничтожить евреев в Германии в гитлеровские времена было намного более простой задачей, чем магрибинцев² и всех остальных здесь и сейчас: ведь во Франции нет ни нацистской партии, ни мифа об автохтонной расе!

Следует ли их ассимилировать или «уважать культурное разнообразие»? Бессмысленная, ложная дилемма. *Мы больше никого не можем ассимилировать*: ни молодёжь, ни французских рабочих, ни даже провинциалов или исконные этнические

меньшинства (корсиканцев, бретонцев и т. д.), поскольку разрушенный город Париж утратил свою историческую роль, заключавшуюся в создании французов. Что такое централизм без столицы? Концентрационный лагерь не превратил в немца никого из депортированных европейцев. Распространение концентрированного спектакля может унифицировать *лишь зрителей*. Простейшими рекламными фразами воспевают богатство выражения «культурного разнообразия». Какие культуры? *Их больше не существует*. Ни христианской, ни мусульманской; ни социалистической, ни сциентистской. *Не говорите о том, чего нет*. Если рассматривать это правдиво и объективно, то существует лишь *общемировая (американская) зрелищная деградация всякой культуры*.

И самое главное — никто не ассимилируется *путём голосования*. История демонстрирует, что голосование — это ничто, даже для французов, которые являются избирателями и *никем иным* (1 партия = 1 другая партия; выбор в бюллетене = противоположный ему; и с недавнего времени программа — хотя все прекрасно знали, что её не будут придерживаться, — наконец перестала обманывать уже кого-либо, поскольку она более не затрагивает ни одну из важных проблем. Кто голосовал за отсутствие хлеба?³). Недавно огласили столь показательные данные (несомненно, подправленные в сторону уменьшения): 25 % граждан в возрастной группе от 18 до 25 лет *не зарегистрировались в списках избирателей* просто по причине разочарования в избирательной системе. Также существуют *воздерживающиеся от голосования*, которых тоже можно к ним прибавить.

Некоторые выдвигают критерий «знания французского языка». Это просто смешно. Разве современные французы разговаривают на нём? Разве на французском разговаривают сегодняшние неграмотные, вроде Фабиуса («Привет, убытки!») или Франсуазы Кастро («Это живёт в тебе или это тебя касается?») или Бернара Леви?⁴ Разве если бы не было ни одного иммигранта, они бы не двигались столь же явно к утрате

всякого членораздельного языка и способности рассуждать? Какие песни слушает современная молодёжь? Какие секты, бесконечно более нелепые, чем ислам или католицизм, с лёгкостью захватили влияние над некоторой частью современных просвещённых идиотов (Мун⁵ и т. д.)? Не говоря уже об аутистах или абсолютных дебилах, которых такие секты *не рекрутируют*, поскольку не видят экономической выгоды в эксплуатации такого поголовья: они оставляют их на откуп общественным властям.

Мы сами сделались американцами. Совершенно нормально, что мы обнаруживаем у себя все жалкие проблемы США: от наркотиков до мафии, от фаст-фуда до разрастания этнических групп. Например, Италия и Испания, американизированные на поверхности и даже достаточно сильно вглубь, не являются этнически смешанными. В этом смысле они преимущественно остаются европейскими (так же как Алжир — североафриканским). У нас здесь есть все недостатки Америки, *но нет её силы.* Нет никакой уверенности, что американский «*плавильный котёл*» всё ещё функционирует (например, в отношении *чиканов*⁶, которые имеют другой язык). Но он однозначно не может сейчас функционировать именно здесь. Поскольку это США являются центром производства современного образа жизни, *сердцем спектакля*, чьи пульсации достигают Москвы и Пекина; и США в любом случае не могут допустить никакой независимости своих местных *субподрядчиков* (понимание этого, к сожалению, выявляет подчинение намного менее *поверхностное*, чем то, которое желают уничтожить или ослабить традиционные критики «империализма»). Здесь *мы теперь являемся никем:* покорённые и не способные взбунтоваться, *послушные халуи*⁷ зрелищного отчуждения. Предвидя быстрое размножение иммигрантов всех цветов, чего могли бы вдруг потребовать жители Франции, как если бы у нас украли что-то, что могло бы быть нашим? И что же это? Во что мы верим, или, точнее, во что мы всё ещё *делаем вид, что верим?* Это гордость за те редкие праздничные дни,

когда безупречные рабы возмущаются тем, что метеки⁸ угрожают их независимости.

Опасность апартеида? Она весьма реальна. Это больше чем просто опасность, это рок, уже нависший над этой землёй (со своими закономерными последствиями в виде гетто, столкновений на расовой почве и однажды в виде кровавых бань). Полностью разложившееся общество, очевидно, менее способно принимать без серьёзных конфликтов большое количество иммигрантов, чем сплочённое, относительно счастливое общество. В 1973 году уже обращали внимание на это поразительное совпадение эволюции техники и эволюции мышления: «Окружающая среда, всё более *спешно* перестраиваемая в целях репрессивного контроля и прибыли, одновременно становится более хрупкой и заранее провоцирует на вандализм. Капитализм на стадии спектакля перестраивает всё *в поддельном виде* и разводит поджигателей. Его декорации становятся столь же легко воспламеняемыми, как колледж во Франции»⁹. С присутствием иммигрантов (которые уже подсобили некоторым профсоюзным дельцам, способным разоблачить как «религиозные войны» некоторые неподконтрольные им рабочие забастовки), можно быть уверенным, что действующие власти будут благоприятствовать развитию *до реальных величин* тех опытов весьма умеренной конфронтации, которые мы наблюдали на сцене в исполнении реальных или подставных «террористов» или фанатов враждующих футбольных команд (не только *английских*).

Но совершенно ясно, почему все политические руководители (включая лидеров Национального фронта) стараются минимизировать важность «проблемы иммигрантов». Всё то, что они стремятся *сохранить*, запрещает им взглянуть единственной проблеме в лицо и увидеть её в подлинном контексте. Одни изображают, что верят в то, что это всё лишь задача по вменению в обязанность «антирасистской доброй воли»; а другие — в то, что речь идёт о необходимости признания умеренных прав на «справедливую ксенофобию». И все

они оказываются заодно, когда рассматривают этот вопрос, как если бы он был *наиболее животрепещущим*, практически единственным из всех ужасных проблем, на который общество *не сможет найти ответа*. Гетто нового зрелищного апартеида (не локальная, фольклорная версия из Южной Африки) уже здесь, в современной Франции: *бесконечное большинство населения здесь находится под стражей и оуплено*; и всё это происходило бы так же, даже если бы здесь не было ни единого иммигранта. Кто решил построить Сарсель и Мингет¹⁰, уничтожить Париж и Лион? Нельзя сказать, что ни один иммигрант не участвовал в этой позорной работе. Но они лишь в строгости исполняли отдаваемые им приказы: привычная беда *наёмного труда*.

Сколько в действительности иностранцев во Франции? (Не только по юридическому статусу, цвету кожи или чертам лица.) Очевидно, их столько, что впору спросить себя: *сколько же осталось французов* и где они? (И что *сейчас* характеризует француза?) Каким образом они остаются французами? Известно, что рождаемость падает. Разве это не нормально? Французы больше не могут терпеть своих детей. Они отправляют их в школу с трёх до как минимум шестнадцати лет, где их обучают неграмотности. И прежде чем им исполнится три года, всё большее и большее количество людей находят их «невыносимыми» и бьют их с большей или меньшей жестокостью. Детей всё ещё любят в Испании, Италии, Алжире, среди цыган. Но редко – в современной Франции. Ни жилплощадь, ни город не созданы для детей (из чего происходит циничная реклама правительственных урбанистов на тему «открыть город детям»). С другой стороны, контрацепция распространена, аборт разрешен. Почти все дети сегодня во Франции были *желанными*. Но не свободно желанными! Избиратель-потребитель *не знает, чего он хочет*. Он «выбирает» что-то, что он не любит. Структура его мышления более не имеет той связности, чтобы вспомнить, *что он что-то хотел*, когда он оказывается этим разочарованным.

В спектакле классовое общество систематически стреми-лось *уничтожить историю*. И сейчас изображают сожаление о *единственном уникальном следствии* присутствия такого количества иммигрантов, о том, что Франция таким образом «исчезает»? Это смешно. Она исчезает в силу множества других причин быстро или медленно практически изо всех сфер.

Иммигранты имеют полнейшее право жить во Франции. Они представляют собой *лишение*, и лишение чувствует себя как дома во Франции, поскольку тут оно свойственно большинству, если не является всеобщим. Общеизвестно, что иммигранты утратили свои культуры и свои страны, не имея возможности найти иные. Французы находятся в том же положении и едва ли менее явно.

С уравниванием всей планеты в отношении убожества новых декораций и безупречно лживого понимания всего, французы, которые приняли это без особого протеста (не считая 1968 г.), неуместно жалуются, что они больше не чувствуют себя дома *из-за иммигрантов!* У них есть все причины, чтобы больше не чувствовать себя дома, безусловно, это правда. Это потому что в этом жутком новом мире отчуждения нет никого, *кроме иммигрантов*.

Люди будут жить на поверхности Земли и даже на этом самом месте, когда Франция исчезнет. Невозможно предсказать ту смесь народов, которая будет господствовать, как и их культуры и даже их языки. Но можно с уверенностью сказать, что главный, относящийся к самой сути вопрос таков: будут ли эти люди будущего господствовать путём свободного использования над *современной техникой*, являющейся в целом техникой симулякра и лишения? Или, наоборот, будет ли она господствовать над ними в ещё более иерархической и рабовладельческой манере, чем сейчас? Необходимо предполагать худшее и сражаться за лучшее. Франция, безусловно, заслуживает сожаления. Но сожаления напрасны.

Комментарии и примечания

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

1. Следует заметить, что подобная ситуация не является уникальным отечественным явлением. Например, как отмечал сам Дебор, для того чтобы издать качественный и точный перевод книги «Общество спектакля», немецким и нидерландским переводчикам и издателям потребовалось две попытки, испанским и английским – три, а итальянским – четыре. С учётом того, что уже были предприняты две попытки перевода книги «Общество спектакля» на русский язык, каждая из которых обладает определёнными достоинствами (и *отдельными недостатками*), мы вправе надеяться, что одна из последующих попыток перевода этой важной книги *наконец окажется удачной*.

КОНФЕРЕНЦИЯ В ОБЕРВИЛЬЕ

Пер. с фр. С. Михайленко. Текст представляет собой резолюцию первой конференции Леттристского интернационала (далее – ЛИ), состоявшейся в пригороде Парижа Обервилье. Лист с рукописным текстом резолюции был помещён в бутылку, брошенную в канал Сен-Дени. На следующий день бутылка была выловлена Ж.-Л. Бро. Впервые опубл. в виде факсимиле рукописи в кн.: *Ohrt R. Phantom Avantgarde, Eine Geschichte der Situationistischen Internationale und der modernen Kunst. Hamburg: Nautilus, 1990.*

ЛИ был сформирован в июле 1952 г. С. Берна, Ж.-Л. Бро, Ж. Вольманом и Дебором, входившими в группировку леттристов, созданную И. Изу, сделано это было втайне от остальных участников. После проведённой ими в сентябре того же года акции против пресс-конференции Ч. Чаплина (о ней см. статью «Почему леттризм?» и коммент. к ней) разногласия между ЛИ и Изу привели к расколу его группировки и к превращению ЛИ в независимую организацию. ЛИ выпускал бюллетени “Internationale lettriste” (1952–1954, 4 выпуска) и “Potlatch” (1954–1957, 29 выпусков); о втором подр. см. коммент. к «Введению в критику городской географии», а также тексты «Роль “Potlatch” – вчера и сегодня» и «“Potlatch” (1954–57)»).

1. “*ipso facto*” — «в силу одного этого факта» (*лат.*).
2. Исидор Изу (1925–2007, наст. имя Ион-Исидор Голдштейн) — фр. поэт, писатель, художник и кинорежиссёр, родился и жил первые годы в Румынии. В 1945 г. переехал в Париж, где основал литературно-художественное течение леттризм. Считается, что впервые леттристский подход к искусству был заявлен в его «Манифесте леттристской поэзии» (1942), но течение стало известно во Франции после выхода кн. Изу «Введение в новую поэзию и новую музыку» (1947), где была выдвинута идея слияния поэзии и музыки в новое целостное искусство. Основой концепции Изу была максимальная деконструкция поэтического языка до его базового уровня — буквы (*фр.* “*lettre*”). Одной из форм реализации этого замысла явились различные варианты фонетической и абстрактной поэзии, во многом напоминающие опыты рус. заумников и европейских дадаистов, относившиеся ко временам тридцатилетней давности (за это Изу подвергся критике, в том числе со стороны бывших участников «первого» авангарда, таких, например, как Р. Хаусман и Ильязд). В нач. 1950-х гг. Изу обратился к кинематографу, сняв новаторский фильм «Трактат о слоне и вечности» (1951). Презентация фильма состоялась в 1951 г. на Каннском кинофестивале в день его закрытия, на показе присутствовал Дебор, который, будучи впечатлён фильмом и идеями леттристов, решил к ним присоединиться. При участии Изу был снят первый фильм Дебора «Завывания в честь де Сада» (1952). Подр. об Изу см.: *Изу И. Леттризм: Тексты разных лет / Пер. с фр., коммент. и примеч. М. Лепиловой. М: Гиля, 2015.*
3. Авторы употребляют формулировку “*roug solde de tout compte*”, использующуюся в документообороте при расторжении трудового контракта и обозначающую полное выполнение всех надлежащих расчётов. Тем самым резолюция конференции документально фиксировала окончательный разрыв ЛИ и группировки Изу.
4. Жан-Луи Бро (псевд. Бульдог Бро, 1930–1985) — фр. писатель, художник и поэт, вошёл в группировку Изу в 1950 г. Занимался «вокальными оркестровками», выпустил ряд пластинок с записями собственной поэтической декламации. Был исключён из ЛИ в 1953 г. Уехал в Индокитай, где держал бордель для фр. солдат и участвовал в торговле наркотиками. Вернувшись в Париж в конце 1950-х гг., возобновил общение с Вольманом и устроил вместе с ним несколько художественных выставок. Бро приобрёл популярность как автор беллетристики, его наиболее известными кн. стали психоделический роман «Плохие связи в Лондоне» (1969) и построенный на автобиографических мотивах роман «Прилежная обезьяна» (1972). Также является автором исследовательских проектов, в том числе кн. «История наркотиков» (1968), посвящённой роли наркотических средств у различных народов мира, и очерка деятельности различных радикальных студенческих движений «Быстрее, товарищ, старый мир позади тебя!» (1968).

5. Серж Берна (предп. 1925–?) – фр. поэт-леттрист. Организатор и участник акции 9 апреля 1950 г. в соборе Парижской Богоматери – самой известной акции леттристов Изу, когда во время пасхальной мессы одетый в костюм монаха-доминиканца М. Мур взойшёл на алтарь и прочитал проповедь, составленную С. Берна и провозглашавшую «смерть Господа Иисуса Христа во имя жизни Человека». Берна принадлежит один из голосов, звучащих в фильме Дебора «Завывания в честь де Сада». Был исключён из ЛИ в 1954 г. Позднее оказался в тюрьме, предположительно за кражу. В 1955 г. вышел первый и единственный номер издания “En marge. La revue des refus. Pour une nouvelle participation” («На полях. Обозрение неповиновения. К новому участию», *фр.*), редактором которого был Берна. О дальнейшей судьбе поэта ничего не известно. Как вспоминал о нём Ж.-М. Менсьон, «Берна был отчасти мошенником, отчасти вором, он был подстрекателем, но всегда был очень смыслёным и всегда очень коварным» (см.: *Mension J.-M. La tribu. Paris: Allia, 2001. P. 82–83*).
6. Жиль Вольман (1929–1995) – фр. поэт и художник. Вступил в группировку Изу в 1950 г. вместе с Ж.-Л. Бро. Писал фонетические стихи «мегапневмы», которые сам сравнивал с «деконструкцией буквы». В 1951 г. снял фильм «Антиконцепт», представлявший собой чередование белого и чёрного кадров, которые транслировались на шар метеозонда, выступавший в роли экрана. Звуковая дорожка состояла из фонетической поэзии, читавшейся автором. Премьера фильма прошла 11 февраля 1952 г. в киноклубе “Avant-Garde 52”, а 4 апреля 1952 г. Вольман получил официальный документ от Комиссии по контролю над кинофильмами, без указания причины запрещающий показ фильма на территории Франции. Являлся одной из основных фигур ЛИ в течение всего периода его существования. Как писал Ж.-М. Менсьон: «Я думаю, что Ги считал Вольмана действительно экстраординарным художником, явно превосходившим остальных, находившихся в ЛИ» (см.: *Mension J.-M. La tribu. P. 87*). В 1956 г. был представителем ЛИ на Первом международном конгрессе свободных артистов в г. Альба (Италия) и выступал с обращением от лица организации к участникам конгресса, однако вскоре был исключён из ЛИ Дебором. В нач. 1960-х гг. Вольман, Бро и Ф. Дюфрен объявили о создании Второго ЛИ. Начиная с 1963 г. Вольман работал в собственном жанре «Арт скотч», создавая коллажные произведения на основе ленты скотча.

МАНИФЕСТ

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опубл. в “Internationale lettriste” (№ 2, февраль 1953).

1. Слово “terreur”, используемое в оригинальном тексте, помимо собственно «террора» обозначает «страх», а также является отсылкой к Эпохе Террора Великой французской революции. Подобная многозначность слова используется Дебором также в статье «Вода всех морей не смогла бы...» и в первом авторском примеч. к «Упражнению в психогеографии».

2. Сара Абуаф — подруга Ж.-М. Менсьона, которая, по его словам, была сиротой и жила «на окраине Парижа в общежитии для еврейских девочек» (см.: *Mension J.-M. La Tribu*. P. 166). В июле 1953 г. находилась в исправительном учреждении для несовершеннолетних за кражу. Её дальнейшая судьба неизвестна.
3. Пьер-Жоэль Берле (род. 1934) — друг Ж.-М. Менсьона, который «подписывался под текстами ЛИ, но эти тексты были ему по херу» (см.: *Mension J.-M. La Tribu*. P. 25). Берле промышлял воровством из незапертых номеров отелей, и поскольку это обычно означало присутствие хозяев, он хватал первое попавшееся, редко унося что-то действительно ценное. В апреле 1953 г. был арестован полицией за кражу свинца из парижских катакомб и провёл некоторое время под арестом, товарищи из ЛИ выступили в его поддержку заявлением «Руки прочь от леттристов!». Занятия воровством привели Берле к перспективе отбытия двухлетнего тюремного заключения, и чтобы этого избежать, он записался в Иностраннный легион и был отправлен на Алжирскую войну. В Алжире Берле получил тяжёлое ранение, не помешавшее ему, однако, отправиться в качестве наёмника в конголез. провинцию Катанга. После демобилизации вернулся во Францию, где занимался свиноводством. На старости осел в г. Доммартен на востоке Франции, где открыл компьютерную компанию. 80-летие Берле в 2014 г. было отмечено небольшим театрализованным представлением на одной из городских площадей.
4. Рене Либе — один из леттристов, который имел «почти что десятисантиметровые ногти на руках, настолько он стремился доказать, что никогда не будет работать» (см.: *Mension J.-M. La Tribu*. P. 134). Был одним из подписавших заявление «Руки прочь от леттристов!» в защиту Берле, более о нём ничего не известно.
5. Хадж Мохамед Даху (прозв. Миду) — один из основателей Алжирской секции ЛИ, состоявшей из мигрантов (базировалась в Париже), был редактором нескольких выпусков бюллетеня “Potlatch”. Позже присоединился к Ситуационистскому интернационалу (далее — СИ) и участвовал в нём до 1959 г., был членом редколлегии первых двух номеров журн. “Internationale Situationniste”. Редакционная статья «Интеллектуальная панорама авангарда в конце 1955» в “Potlatch” № 24 (24 ноября 1955) давала по его поводу такой совет: «...имбецилы, вы можете перестать ими быть. Читайте Маркса, читайте Даху». Англ. историк Э. Хасси даёт ему следующую характеристику: «Миду не интересовался политикой или литературой, но поклонялся Дебору и сопровождал его некоторое время в качестве неофициального телохранителя. И Мишель Бернштейн, и Дебор считали отличной шуткой и полезным ходом назначить наиболее безответственного и наименее грамотного члена их группировки её видимым интеллектуальным лидером» (см.: *Hussey A. The Game of war. The life and death of Guy Debord*. London: Jonathan Cape, 2001. P. 103). Ж.-М. Менсьон указывает на ещё одну важную роль, которую Даху играл в ЛИ: «Миду Да-

ху... и его двоюродный брат были гитаристами. Они нам аккомпанировали, т. е. ритмично наигрывали на гитаре, когда мы начинали накуриваться, и у них был гашиш; у алжирцев во Франции был гашиш, его вообще никто не курил, кроме алжирцев, марокканцев, магрибинцев» (см.: *Mension J.-M. La Tribu. P. 29*).

6. Линда Фрид – подруга Э. Папай (о ней см. далее). Вместе с ней, с самой Папай и с Дебором Ж.-М. Менсьоном (о нём см. далее) совершил свои первые дрейфы. Иной информации о ней не сохранилось.
7. О Франсуазе Лежар мы никакой информацией не располагаем.
8. Жан-Мишель Менсьон (псевд. Алексис Виолет, 1934–2006) – фр. писатель и журналист. Был одним из первых присоединившихся к ЛИ, в № 2 “*Internationale lettriste*” (февраль 1953) опубликовал текст «Всеобщая забастовка», в 1954 г. был исключён из ЛИ (см. текст «Вон за дверь»). Недолгое время в нач. 1950-х гг. был женат на Э. Папай. В 1961 г. на одном из парижских мостов через Сену сделал надпись «Здесь топят алжирцев», посвящённую унёсшему жизни не менее 40 человек парижскому погрому 17 октября 1961 г., когда полиция атаковала демонстрацию алжирцев и многие демонстранты после избиения полицейскими были сброшены в Сену. В 1998 г. парижское издательство “Allia” выпустило кн. «Племя», составленную из интервью Менсьона, посвящённых истории ЛИ, см.: *Mension J.-M. La tribu. Paris: Allia, 1998* (переиздана в 2001 и 2018 гг.).
9. Элиана Папай (Элиана Бро, 1935–?) – фр. писательница и журналистка. В нач. 1950-х гг. была подругой Дебора, которая по характеристике англ. историка Э. Хасси «была чужеродной и необузданной, два качества, которым Дебор не мог противостоять» (см.: *Hussey A. The Game of war. P. 97*). Поочерёдно была замужем за Ж.-М. Менсьоном и Ж.-Л. Бро. В 1968 г., когда вышла кн. Ж.-Л. Бро «Быстрее, товарищ, старый мир позади тебя!», она опубликовала кн. «Ситуационизм или новый интернационал», являющуюся подробным очерком идей и истории СИ. Впоследствии (в письме Т. Леви от 4 февраля 1985 г.) недовольный Дебор характеризовал обе эти кн. как «журналистские выдумки и компиляции от людей, которые никогда не имели никакого отношения к этому движению» (см.: *Debord G. À Thierry Lévy (4 février 85) // Debord G. Correspondance. Vol. 6. P. 303*).

НЕОБХОДИМО ВОЗОБНОВИТЬ ВОЙНУ В ИСПАНИИ

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опубликован в “*Internationale lettriste*” (№ 3, август 1953).

1. Имеется в виду политика рехристианизации, проводившаяся правительством Франко после победы в Гражданской войне в Испании и являвшаяся реакцией на широкое народное движение по дехристианизации страны, начавшееся в 1931 г. с лишения католицизма статуса государственной

религии и сопровождавшееся массовой ликвидацией культовых построек и предметов культа.

2. Речь идёт о границе Франции и Испании.
3. Гаэтан М. Лангле (1935–1982) — друг леттриста И. Щеглова (о нём см. далее) и его спутник во многих дрейфах (один из них, совершённый втроём с Дебором, описан в: *Дебор Г. Два отчёта о дрейфах // Дебор Г. Психогеография. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 31–41*). Работал в компании, занимавшейся внешнеторговыми операциями, потому был хорошо обеспечен (и периодически оказывал финансовую помощь Щеглову) и заработал среди леттристов прозвище Двойной Вагон. По воспоминаниям И. Щеглова, предпочитал чёрный цвет (одевался в чёрное, ездил на чёрных автомобилях и т. д.), а также был страстным коллекционером кн. и япон. бронзовых скульптур (см.: *Apostolides J.-M., Donnè B. Ivan Chtcheglov, profil perdu. Paris: Allia, 2006. P. 81*). В сер. 1960-х гг. сотрудничал с ультраправым журн. “Front noir” («Чёрный фронт», *фр.*) фр. писателя Л. Жанове. После исключения Лангле из ЛИ Дебор упорно воздерживался от любого общения с ним, так, в письме к П. Страраму от 25 августа 1960 г. он писал: «... жалкий Гаэтан, ставший жирным и плешивым, предпринял с той поры многочисленные и безуспешные попытки заговорить с нами (у него должны быть неудовлетворённые артистические амбиции)» (см.: *Debord G. À Straram (25 août 60) // Debord G. Correspondance. Vol. 1. P. 379*).

ПОКОНЧИТЬ С НИГИЛИСТСКИМ КОМФОРТОМ

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опублик. в “Internationale lettriste” (№ 3, август 1953).

1. Аллюзия к известной фразе Сен-Жюста «Счастье — это новая идея в Европе» из его доклада в Конвенте 13 вантоза II года республики (3 марта 1794 г.) (см.: *Saint-Just. Œuvres complètes. Paris: Gallimard, 2004. P. 673*).

ОТВЕТЫ ЛЕТТРИСТСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА НА ДВА ВОПРОСА БЕЛЬГИЙСКОЙ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Пер. с фр. С. Михайленко. Ответы участников ЛИ бельг. периодическому изданию “La Carte d’après nature” («Карта в соответствии с природой», *фр.*), выходившему в 1952–1956 гг. в Брюсселе под редакцией художника-сюрреалиста Р. Магритта. Они были опублик. не в его обычных номерах, имевших вид почтовой открытки, а в двух специальных выпусках издания, представлявших собой брошюры, в каждой из которых были собраны ответы разных респондентов на один вопрос. Ответ на первый вопрос опублик. в январе 1954 г. (повторно воспроизведён в “Potlatch”, № 5, 20 июля 1954 г. под заголовком «Ответ на вопрос бельгийской сюрреалистической группы» и без сноски об исключении Берна и Бро), ответ на второй — в июне 1954 г.

1. Анри де Беарн (1931–1995) — друг И. Щеглова и его сообщник в попытке подрыва Эйфелевой башни. Потомок аристократической семьи с юга Франции. Страстно любил путешествия и провёл нач. 1950-х гг. в Израиле, Канаде, на Кубе и в Венесуэле, бывая в Париже лишь изредка и фактически взаимодействуя с ЛИ только в эти моменты и по переписке. Во время жизни в Канаде в 1951 г. написал роман «Четыре арпана грязи» (арпан — старофр. мера площади, около 0,34 гектара), который не был опубл. В авторском коммент. к статье «Формуляр нового урбанизма» (1953) Щеглов упоминает готовящуюся кн. А. де Беарна «Новое кочевничество», которая, однако, так и не была написана. Впоследствии стал убеждённым сторонником де Голля.
2. Жиль Ивен — псевд. Ивана Щеглова (1933–1998), фр. писателя и художника. Щеглов известен благодаря статье «Формуляр нового урбанизма», которая была отправной точкой для всех идей ЛИ и СИ в области планирования городского пространства. Присоединился к ЛИ декабре 1952 г. и был исключён из него в июне 1954 г. Ещё во время членства в ЛИ вместе с А. де Беарном планировал взорвать Эйфелеву башню при помощи украденного со стройки динамита, поскольку огни башни светили в окна квартиры, которую они снимали, и мешали им спать. Так как заговорщики даже не пытались держать свои планы в тайне и активно делились ими в своём кругу, они были арестованы и провели несколько дней в полиции. В июне 1954 г., вскоре после его исключения из ЛИ, пьяный Щеглов устроил дебош в одном из любимых членами ЛИ кафе и был задержан полицейскими, вызванными его женой Стеллой. Писателя доставили в психиатрическую клинику, где у него диагностировали шизофрению и предписали лечение с помощью инсулина и электрошока. В клинике он провёл два года, однако летом 1959 г. состояние Щеглова снова ухудшилось, и он был повторно госпитализирован. Стен лечебницы он больше никогда не покидал, и на протяжении долгого времени читателям были известны только «Формуляр нового урбанизма», а также фрагменты его переписки с Дебором, опубл. в №9 «Internationale Situationniste» (август 1964) под названием «Письма издалека» (Дебор продолжал общение со Щегловым и несколько раз его навещал, пока состояние Щеглова не ухудшилось кардинально). В 2006 г. парижское издательство «Allia» выпустило его сборник «Обрётённые рукописи», содержащий ряд ранее не публ. текстов и рисунков, см: *Chitcheglov I. Écrits retrouvés. Paris: Allia, 2006.*
3. Речь идёт о вооружённом восстании, организованном в декабре 1927 г. в кит. г. Кантон (ныне — Гуанчжоу) Коммунистической партией Китая (КПК) при участии эмиссаров Коминтерна. Восстание было подавлено правительственными войсками, что сопровождалось массовыми бессудными казнями восставших (казнено было по меньшей мере 5 тыс. человек), людей, в частности, сжигали заживо в локомотивных топках.
4. Следует полагать, что речь здесь идёт о введении 40-часовой рабочей недели во Франции в 1936 г. и о растущей автоматизации производства в послевоенное время.

5. В оригинале игра слов “jeu de société» («настольная игра», *фр.*) и “société fondée sur le jeu” («общество, основанное на игре», *фр.*).
6. См. коммент. к тексту «Покончить с нигилистским комфортом».
7. Фраза из листовки группы сюрреалистов 1925 г., приписанная ими Гегелю. В действительности у Гегеля эта мысль звучит так: «Какого высокого мнения мы бы ни были о величии и могуществе духа, оно все же будет недостаточно высоким» (см.: *Гегель Г. В. Ф. Речь Гегеля, произнесенная им при открытии чтений в Берлине 22/X 1818 г. // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 1. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 16).*
8. Андре-Франк Конор — участник ЛИ, редактор первых восьми номеров “Potlatch”. Как его характеризовал Менсьон: «Я никогда не понимал, зачем он [Дебор] держал рядом с собой такого дебила, как Конор, может, потому что тот его забавлял, и к тому же Конор был весьма практичен...» (см.: *Mension J.-M. La Tribu. P. 52*). 29 августа 1954 г. он был исключён из ЛИ с формулировкой «необуддизм, евангелизм, спиритизм», и на должности редактора “Potlatch” его заменил М. Даху. В письме к Ж. Вольману от 30 августа 1954 г. Дебор указывал, что непосредственной причиной исключения Конора было его общение с И. Изу, недопустимое для участников ЛИ (см. текст «Конференция в Обервилье», п. 4). Э. Хасси полагает, что у исключения были более глубокие причины: «Андре-Франк Конор, который сам был влюблён в Мишель [Бернштейн]... в шестом номере “Potlatch” в статье “Демаркация мифа”... сделал скрытую аллюзию к предстоящей свадьбе Мишель, отсылая к Дебору как к посредственной замене себя самого. Так что нет ничего удивительного в том, что к концу августа Конор, не осознававший силу привязанности Мишель к Дебору, оказался исключён из ЛИ» (см.: *Hussey A. The Game of war. P. 97*). Признавший свою неправоту Конор написал письмо с унижительной самокритикой, предназначенное для публ. в “Potlatch” и воспроизведённое в № 12 (28 сентября 1954): «Будучи по своей сущности порочным, я имел бесчестие проникнуть в ЛИ. Чувствуя себя совершенно недостойным, я согласился взять на себя обязанности редактора “Potlatch”... Наконец, ощущая свою неспособность не умалять порученной мне задачи, я начал отклонять ЛИ в сторону менее значительных целей, которые, как я сейчас осознаю, ни в коем случае не должны быть целями ЛИ».
9. Жак Фийон — лицейский друг Дебора. Э. Хасси рассказывает о таких их забавах в Каннах: «Одна из них заключалась в том, чтобы исправить уличные знаки в центре Канн или изменить направление на них, чтобы дезориентировать людей и уличное движение. Также однажды группа амбициозных сорвиголов вломилась в часовню женского монастыря и в отчаянном и богохульном подражании самому Мальдорору сломала распятие» (см.: *Hussey A. The Game of war. P. 25–26*). Фийон был вместе с Дебором в Каннах на презентации фильма Изу «Трактат о слоне и вечности», но в группировке Изу никогда не состоял, позже присоединившись непосредствен-

но к ЛИ. В № 7 журн. “Les Lèvres Nues” («Нагие губы», *фр.*, декабрь 1955) была опубл. статья Фийона «Обоснованное описание Парижа (маршрут для нового туристического агентства)», описывавшая различные пути для возможных дрейфов. Впоследствии (в письме к П. Симондо от 3 апреля 1957 г.) эта статья характеризовалась Дебором как «откровенно антипсихогеографическая глупость». 13 января 1957 г. Ж. Фийон был исключён из ЛИ вместе с Ж. Вольманом. Посвящённая их исключению статья «Отход» в № 28 “Potlatch” (22 мая 1957) сообщала, что их двоих «достаточно долгое время упрекали за нелепый образ жизни, беспощадно отняемый с каждым днём всё более немощным и жалким мышлением», затем следовало перечисление заслуг Вольмана перед ЛИ и указание «Фийон не сделал ничего».

10. Патрик Страрам (псевд. Бизон Рави, 1934–1988) – фр. и канад. писатель и актёр, друг И. Щеглова и участник ЛИ. В 1954 г. переехал в Канаду (Квебек), чтобы избежать призыва на военную службу. В 1958 г. возобновил контакт с Дебором посредством переписки, в 1960 г. в Монреале издал первый и единственный выпуск журн. “Cahier pour un paysage à inventer” («Тетрадь для изобретения пейзажа», *фр.*), в котором среди прочих был опубл. ряд текстов ситуационистов. Был большим поклонником творчества Б. Виана, в честь которого и взял свой псевдоним Bison Ravi («восторженный бизон», *фр.*, анаграмма Boris Vian, этот псевдоним использовался также самим Вианом).

ВОДА ВСЕХ МОРЕЙ НЕ СМОГЛА БЫ...

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опубл. в “Potlatch” (№ 1, 22 июня 1954). Название статьи представляет собой перефразированную цитату из Лотреамона: «Воды всех морей не хватило бы на то, чтобы смыть хоть одну каплю интеллектуальной крови» (см.: *Лотреамон. Стихотворения I // Лотреамон. Песни Мальдорора. Стихотворения. Лотреамон после Лотреамона / Сост. общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Ad Marginem, 1998. С. 342. Пер. М. Головановской).*

1. НКТ – Национальная конфедерация труда (*исп.* Confederación Nacional del Trabajo, сокр. CNT), исп. конфедерация профсоюзов анархистского толка, созданная в 1910 г. В 1930-х гг. насчитывала более миллиона членов.
2. Франсуаза Саган (наст. имя Франсуаза Куаре, 1935–2004) – фр. писатель и драматург. Роман «Здравствуй, грусть» (1954) принёс ей национальную, а затем и мировую славу. Франсуа Мориак (1885–1970) – фр. писатель, поэт и драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе (1952). Дебор имеет в виду статью Мориака «Последний лауреат», посвящённую награждению Саган Премией критиков.
3. “Médium” – издание парижской группы сюрреалистов, выходившее в 1952–1953 гг. в формате краткого бюллетеня (8 номеров), а в 1953–1955 гг. – в формате журн. (4 номера). Речь идёт о № 3 журн., вышедшем

в мае 1954 г. Дебор отсылает читателя к статьям «СС повсюду» Ж. Леграна и «Метафизика и феноменология» Р. Абеллио.

4. Жорж Сулес (псевд. Раймон Абеллио, 1907–1986) — фр. писатель и философ. В годы оккупации Франции и режима Виши принимал активное участие в деятельности основанного Э. Делонклем Социально-революционного движения, стоявшего на позициях фашизма и коллаборационизма. После освобождения страны бежал и был заочно осуждён за коллаборационизм, но к моменту написания статьи был помилован и вернулся в Париж.
5. Жерар Легран (1927–1999) — фр. писатель, поэт и кинокритик, участник движения сюрреалистов.

ЗАСТАВИМ ИХ ПРОГЛОТИТЬ СВОЮ ЖВАЧКУ

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опубл. в “Potlatch” ((№ 1, 22 июня 1954). Коллективное заявление посвящено событиям этих дней в Гватемале, где происходил организованный ЦРУ государственный переворот, в ходе которого был свергнут президент Х. А. Гусман. После череды переворотов власть перешла к К. К. Армасу, который вернул United Fruit Company ранее экспроприированные земли.

1. Джон Фостер Даллес (1888–1959) — амер. политик из Республиканской партии, на момент написания текста занимавший пост государственного секретаря США.
2. Хакобо Арбенс Гусман (1913–1971) — президент Гватемалы (1951–1954), свергнутый в ходе военного переворота, организованного амер. спецслужбами.

УПРАЖНЕНИЕ В ПСИХОГЕОГРАФИИ

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опубл. в “Potlatch” (№ 2, 29 июня 1954). Дебор использует форму одного из фрагментов «Манифеста сюрреализма» (1924) А. Бретона, в котором перечисляются деятели разных эпох и указывается, в чём каждый из них является сюрреалистом.

1. Джованни Баттиста Пиранези (1720–1778) — итал. художник и архитектор, один из родоначальников «бумажной архитектуры». Основной тематикой его художественных работ были разнообразные архитектурные сооружения (реальные и вымышленные). Элементами многих из них были изображения витиеватых лестниц (см., например, картины из серии «Темницы»).
2. Клод Лоррен (наст. имя Клод Желле, 1600–1682) — фр. живописец. Дворцовые сооружения и водная гладь одновременно присутствуют на многих его картинах, например, таких как «Морская гавань при заходе солнца»

(1639), «Отплытие св. Паулы Римской в Остию» (1639), «Отплытие св. Урсулы» (1641), «Прибытие Клеопатры в Тарсус» (1642) и т. д.

3. Фердинан Шеваль (1836–1924) — фр. архитектор-энтузиаст, почтальон по профессии. Прославился благодаря «Идеальному дворцу», построенному им в г. Отрив (Франция). Этот дворец он строил на протяжении 33 лет (с 1879 по 1912 г.) из природных камней в свободное от основной работы время. Шевалю и его строению посвящено стихотворение А. Бретона «Почтальон Шеваль» из сборника «Седовласый револьвер» (1932).
4. Артур Краван (наст. имя Фабиан Авенарнус Ллойд, 1887–1918) — фр. поэт и писатель, издатель литературного мини-журн. “Maintenant” («Сейчас», 1912–1915), считающийся одним из предшественников дада и сюрреализма. Стал знаковой фигурой для авангарда благодаря как своему яркому творчеству, так и образу жизни: неутомимый скандалист и авантюрист, бежавший от мобилизации в Европе и в США, участвовавший в боксёрском поединке против чемпиона мира в тяжёлом весе Дж. Джонсона. Подр. о нём см.: *Краван А. «Я мечтал быть таким большим, чтобы из меня одного можно было образовать республику...»*: Стихи и проза, письма/Пер. с фр. и англ., сост., предисл., коммент. и примеч. М. Лепиловой. М.: Гилея, 2013. В соответствии с наиболее распространённой версией, Краван погиб в водах Мексиканского залива, пересекая его на утлом судёнышке в попытке добраться к любимой жене. Вероятно, дрейф судна Кравана (т. е. отклонение его от заранее намеченного курса) и имеет в виду Дебор. Кроме того, использованное Дебором слово «дрейф» (dérive) также отсылает к одноимённой леттристской практике (см. текст «Теория дрейфа»). На момент написания текста дрейф ещё не был выведен на уровень теоретического обоснования как метод психогеографического познания, но он уже активно практиковался леттристами в качестве способа дезориентирующего времяпрепровождения.
5. Жак Ваше (1895–1919) — фр. писатель, участник Первой мировой войны. Покончил жизнь самоубийством. Его основное творческое наследие составляют письма товарищам с фронта («Письма с войны», 1915–1918). Друг будущего лидера сюрреалистов А. Бретона Ваше оказал сильное влияние на его творчество и на сюрреалистов в целом.
6. Людвиг II Баварский (1845–1886) — король Баварии в 1864–1886 гг. Уделял мало внимания политике и военному делу, интересуясь больше культурой и искусством, благодаря чему вошёл в историю как «сказочный король». Прославился построенными им замками, самым известным из которых является Нойшванштайн. Поддерживал дружбу с композитором Р. Вагнером и являлся поклонником его творчества. В конце своего правления был объявлен душевнобольным, через несколько дней после чего, по распространённой версии, был убит.
7. Джек-Потрошитель — англ. серийный убийца, действовавший в Лондоне в 1888 г. Его преступления стали первой цепочкой серийных убийств, по-

лучившей широкое освещение в прессе. Они не были раскрыты, и личность убийцы осталась неизвестной.

8. Луи Антуан Сен-Жюст (1767–1794) – фр. полит. и воен. деятель, участник Великой французской революции, один из организаторов и руководителей якобинской диктатуры и Эпохи Террора. Сподвижник М. Робеспьера, вместе с которым был казнён после Термидорианского переворота.
9. Андре Бретон (1896–1966) – фр. поэт и писатель, основатель сюрреализма. Можно полагать, что это отсылка ко встрече Бретона с Надей, произошедшей во время его бесцельного блуждания по Парижу и описанной в кн. «Надя» (1928). Если иметь в виду ситуационистскую рекомендацию в ходе дрейфа «следовать привлекательности изучаемой местности и происходящим на ней встречам» (см. текст «Теория дрейфа»), в этих событиях действительно можно увидеть «наивную» форму психогеографического дрейфа.
10. Мадлен Рейнери (1937 или 1938–1950) – фр. радиоактриса, в 12 лет окончившая с собой, упоминается в фильме Дебора «Завывания в честь де Сада».
11. Пьер Мабиль (1904–1952) – фр. писатель-сюрреалист, медик по профессии. Автор кн. «Зеркало чудесного» (1940), в которой приводит цитаты из произведений разных эпох, посвящённые теме чудес. Также автор предисловия к фр. изданию сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес» (1947).
12. Эварист Галуа (1811–1832) – фр. математик, убеждённый республиканец, был убит на дуэли в возрасте 20 лет. Работы Галуа были опубл. в 1846 г. и послужили развитию современной высшей алгебры (теория Галуа).
13. Эдгар Аллан По (1809–1849) – амер. писатель, поэт, лит. критик и редактор, один из родоначальников жанров детектива и научной фантастики. Одной из особенностей авторского стиля По было большое внимание к описанию природы (используемое как выразительное средство для достижения психологического эффекта у читателя). Дебор цитировал несколько строк из рассказа По «Беседа Моноса и Унь» (1845) с описанием мира, разрушенного вследствие утраты людьми чувства вкуса, в своей статье «Устранять» (1985).
14. Вилье де Лиль-Адан (1838–1889) – фр. писатель и драматург, отнесённый П. Верленом к числу «проклятых поэтов». Дебор, очевидно, использует игру слов, т. к. употреблённое им слово “agonie” может обозначать как страдание, мучение, что являлось одним из лейтмотивов произведений де Лиль-Адана (см., например, сб. «Жестокие рассказы», 1883), так и агонию, что отсылает к последним минутам жизни писателя и к его последним словам «о ней будут вспоминать, об этой планете», цит. Дебором в киносценарии «Завывания в честь де Сада».

Пер. с фр. С. Михайленко. Опубл. анонимно в “Potlatch” (№ 2, 29 июня 1954). Публикация сопровождалась комментарием Ж. Вольмана «Возвращаться к мертвецам бесполезно, доводчик о них позаботится», которая обыгрывала надпись на распространённых в то время табличках на дверях парижских домов, оборудованных автоматическим доводчиком: «Не закрывайте дверь, доводчик об этом позаботится», а также использование текста с этой таблички в поэме Л. Арагона «Красный фронт» (1931).

1. Морис Леметр (наст. имя Моисей Бисмут, 1926–2018) – фр. писатель, поэт, художник, кинорежиссёр. До вхождения в группу Изу участвовал в анархистском движении, закончил Сорбонну и публ. в издававшемся Ле Корбюзье журн. “L’homme et l’architecture” («Человек и архитектура», *фр.*). Присоединившись к леттристам, издавал политический журн. “Front de la Jeunesse” («Фронт молодёжи, *фр.*») и художественно-литературный журн. “Ur”. В нач. 1950-х гг. вместе с Изу и Помераном составлял основной костяк группировки леттристов. В 1951 г. снял фильм «Фильм уже начался?», составленный из фрагментов работ других режиссёров и выполненный в стиле, заложенном «Трактатом о слоне и вечности» Изу; годом позже опубл. его сценарий отдельным изданием. Активно работал в жанре фонетической поэзии и записал несколько пластинок с декламацией стихов, в 1957 г. основал журн. “Poésie Nouvelle” («Новая поэзия», *фр.*). В 1959 г. положил начало леттристской танцевальной хореографии, создав постановку “Fuge mimique № 1”. Продолжал печататься и участвовать в выставках и в XXI в. На признание в 2009 г. Министерством культуры Франции архивов Ги Дебора «национальным достоянием» отказался карикатурой в виде мемориальной доски с надписью «Пропитанной алкоголем (неонацистской) губке от благодарной (неонацистской) родины».
2. Габриэль Померан (1925–1972) – фр. поэт и художник, в 1945 г. вместе с И. Изу основавший группировку леттристов. Неизменный участник всех леттристских выступлений и изданий первых лет, оставшийся вместе с Изу после размежевания его группы с ЛИ. Выступал с фонетической поэзией, основания которой изложены в его кн. «Крик и его архангел» (1948), провозглашавшей превосходство крика над словом. В 1950 г. опубл. кн. «Сен-Гетто-де-Пре», посвящённую парижскому кварталу Сен-Жермен-де-Пре и являющуюся выражением леттристской практики метаграфического письма, соединявшего в единое повествование изображение и текст, вплоть до замены слов изображениями. Померан пробовал себя в роли композитора и в 1946 г. написал симфонию «Симфония в К»; также он создал ряд картин в жанре гиперграфии, соединившей воедино все формы визуальной коммуникации: собственно художественные образы, надписи, знаки и т. д. Значимость Померана для леттристского движения была столь велика, что даже после разрыва отношений с Изу в сер. 1950-х гг. он продолжал участвовать в выставках леттристов. Покончил с собой.

3. Провозглашаемое в тексте исключение Изу, Леметра и Померана было исключительно символическим жестом, поскольку никто из них никогда в ЛИ не состоял и фактически исключить их оттуда было невозможно.

МИНИМУМ ЖИЗНИ

Пер. с фр. Т. Петухова. Впервые опублик. в “Potlatch” (№ 4, 13 июля 1954).

1. Этот документ высмеивался Дебором в письме к И. Щеглову от 23 ноября 1953 г., где автор предлагал свой вариант «Проекта об экономическом положении обычного леттриста», который, среди прочего, включал в себя посещение 10 кинопоказов и потребление 30 кускусов без мяса и 30 сэндвичей ежемесячно, 900 литров простого вина ежегодно и производство одного полнометражного и двух короткометражных фильмов, а также дрейф вокруг всего континента каждые 5 лет (см.: *Debord G. Le marquis de Sade a des yeux de fille. P. 142*).
2. “Série Noir” — фр. книжная серия, специализирующаяся на «крутых» детективах. Издаётся с 1945 г.
3. «Жёлтыми» (в противовес «красным») во Франции называются умеренные профсоюзы, отвергающие забастовку как метод борьбы.
4. Мишель Бернштейн (род. 1932) — фр. писательница. Инициал «И.» — сокращение от «Ивич», псевдонима, использовавшегося ею в нач. 1950-х гг., взятого от имени героини трёхтомного романа Ж.-П. Сартра «Дороги свободы» (1945–1949). В 1952 г. Бернштейн, будучи студенткой Сорбонны, познакомилась с леттристами, присутствовала на первых показах фильма «Завывания в честь де Сада», присоединилась к ЛИ и участвовала в издании “Potlatch”. В 1954 г. вышла замуж за Дебора, по утверждению Ж.-М. Менсьона, эту идею подал им он: «Припоминаю, как однажды вечером мы втроем выпивали. Я сказал им, что они созданы друг для друга и что им следует пожениться... и я думал, что это действительно разумно... Они ответили: “Хорошо”. И Ги поднял очередной стакан» (см.: *Mension J.-M. La Tribu. P. 113–114*). Как уже в 1990-х гг. вспоминала в разговоре с Хасси сама Бернштейн: «Я вышла замуж за гения... Я никогда не считала его гением, но я знаю, что другие люди его им считали, и, возможно, сам Ги думал о себе так же. Кто знает? Но я любила его, и мне жаль, что его с нами нет» (см.: *Hussey A. The Game of war. P. 95*). В кон. 1950-х гг. Бернштейн пополняла семейный бюджет, сочиняя гороскопы лошадей для изданий о скачках. Участвовала в создании СИ; в первые годы его существования была одним из основных глашатаев организации, её перу принадлежат тексты: «Без излишнего снисхождения» (1958), разъяснявший причины первых исключений участников организации, «Апология Пино-Галлицио» (1958), служивший введением к выставке индустриальной живописи художника в Турине, а также англоязычная презентация СИ для журн. “Times Literary Supplement” (1964). Свою жизнь с Дебором Бернштейн, изменив

имена героев, отразила в двух романах: «Вся королевская конница» (1960) и «Ночь» (1961). В декабре 1967 г. покинула СИ; в 1972 г. развелась с Дебором и вскоре вышла замуж за англ. художника, одного из основателей СИ Р. Рамни. В 1974 г. Бернштейн и Рамни пришли в гости к Дебору и его второй жене, но встреча закончилась совсем не по-дружески и оказалась последней встречей Дебора и Бернштейн. Впоследствии она переехала в Англию, где работала литературным критиком в разных изданиях.

КОММЕНТАРИИ
И ПРИМЕЧАНИЯ

КОРНИ НЕБОСКРЁБА

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опубликовано в «Potlatch» (№ 5, 20 июля 1954).

1. Жилая единица — концепция жилищного строительства, разработанная Ле Корбюзье совместно с португ. художником Н. Афонсу и воплощённая им в строительстве ряда зданий (самый известный пример — жилой комплекс «Жилая единица» в Марселе, 1947–1957 гг.).
2. Модульор — разработанная Ле Корбюзье система пропорций для жилой архитектуры, описанная им в кн. «Модульор» (1948) и «Модульор 2» (1955) и использованная при проектировании ряда зданий (например, той же «Жилой единицы» в Марселе).
3. Синг-Синг — амер. тюрьма с максимально строгим режимом содержания заключённых.
4. Отсылка к известной фразе «Дом — это машина для жилья» из кн. Ле Корбюзье «К архитектуре» (1923).
5. Имеется в виду перепланировка Парижа, предпринятая в 1853–1870 гг. под руководством барона Жоржа Эжена Османа (1809–1891), занимавшего пост префекта департамента Сена, в состав которого входит Париж. Вместо узких улочек и переулков в центре города возникла сеть новых широких бульваров и улиц (что потребовало сноса многих домов), а построенные ранее бульвары были дополнительно расширены. Формально это было призвано способствовать движению транспорта, но по такому бульвару действительно было удобнее перемещать военные силы, а также его было намного сложнее перегородить баррикадой, чем узкую улицу.
6. В действительности Ж. Байло в эти дни (сер. июля 1954 г.) был лишь уволен с должности префекта парижской полиции, а прожил он до 1976 г.
7. 14 июля — День взятия Бастилии, фр. национальный праздник.
8. Пьер-Симон Балланш (1776–1847) — фр. писатель и философ, член Французской академии. В кн. «Город искушений» (впервые опубликовано полностью в 1907 г.) описывается утопический город-тюрьма, целью функционирования которого является не наказание, но перевоспитание заключённых.

9. «Лучезарный город» – второе название «Жилой единицы» в Марселе.
10. «Когда соборы были белыми» – кн. Ле Корбюзье (1937).
11. MPR – Mouvement républicain populaire (Народно-республиканское движение, *фр.*), фр. христианско-демократическая партия.
12. Авторы употребляют фразеологизм “Enlevez le bœuf, c’est de la vache” («Сдирайте говядину, это от коровы», *фр.*), обозначающий «Вот и всё». Фраза пошла от швейцаров (мелкооптовых торговцев мясом), которые с такими словами передавали тушу мяснику, указывая на то, что это была корова, а не более ценный телёнок.

«...НОВАЯ ИДЕЯ В ЕВРОПЕ»

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опублик. в “Potlatch” (№ 7, 3 августа 1954). Название является отсылкой к фразе Сен-Жюста «Счастье – это новая идея в Европе», см. коммент. к тексту «Покончить с нигилистским комфортом», а также «Ответы Леттристского интернационала на два вопроса бельгийской сюрреалистической группы».

1. Здесь дословно повторена фраза из «Ответов Леттристского интернационала на два вопроса Бельгийской сюрреалистической группы».
2. Вера Фийон – жена Ж. Фийона. Вместе с ней и её мужем в 1955 г. Дебор посетил «Идеальный дворец» Ф. Шеваля.

ИТОГ 1954 ГОДА

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опублик. в “Potlatch” (№ 14, 30 ноября 1954).

ЧЕТВЕРТЬФИНАЛ

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опублик. в “Potlatch” (№ 17, 24 февраля 1955). Текст посвящён Андре Мальро (1901–1976), фр. писателю, лауреату Гонкуровской премии за роман «Условия человеческого существования» (1933), беседе с которым в конце 1954 – нач. 1955 г. опублик. журн. “L’Express”. Дебор характеризовал Мальро в письме к Г. Лечча от 7 декабря 1976 г. как «напыщенного фантазёра», а в письме к Х. Семпруну в сентябре 1985 г. как «дряхлого бахвала». Это заявление в бюллетене идёт вслед за материалом «Снимай накладные усы, тебя узнали», состоящим из редакционного коммент. «Выдержки из проповеди “О Сен-Жюсте”, вышедшей в январском выпуске “Nouvelle nouvelle Revue Française” за подписью нового-нового Мальро» и обширной цитаты из бесед А. Мальро.

1. Жан Кокто (1889–1963) – фр. поэт, писатель, художник, драматург и режиссёр. В 1955 г. был избран членом Французской академии, а также

Королевской бельгийской академии, на что, вероятно, содержится намёк в последней фразе текста. Он сыграл большую роль в организации премьеры фильма И. Изу «Трактат о слоне и вечности» на Каннском фестивале, а также, используя свои связи в жюри, выбил для фильма специальный приз фестиваля. В августе 1951 г. Дебор с др. леттристами побывал в гостях у Кокто на его вилле в коммуне Сен-Жан-Кап-Ферра. Мнение Дебора о Кокто и о его творчестве, однако, было весьма невысоким. В письме, адресованном в редакцию “*Les Lèvres nues*”, от 2 октября 1955 г. Дебор описывал следующую ситуацию: «Мы задумали план вторжения на открытие вернисажа в галерее “*Dutilleul*” на рю Серпант, чтобы посрывать там все картины. К сожалению, из полученного нами журнала мы узнали, что это картины Кокто. Мы отказались из опасения, что этот поступок будет истолкован как десять тысяч плевков на столь ничтожную жертву» (см.: *Debord G. À la revue Les Lèvres nues* (2 octobre 1955) // *Debord G. Correspondance. Vol. o. P. 77–78*). В письме к А. Франкину от 29 октября 1955 г. Дебор писал: «Более того, похоже, что вы ставите Кено и Жарри на один уровень; для нас Кено равен Кокто, и этим всё сказано», — выказывая своё недовольство подобным принижением Жарри (см.: *Debord G. À André Frankin* (29 octobre 1955) // *Debord G. Correspondance. Vol. o. P. 84*). Такое отношение к Кокто Дебор пронёс через всю жизнь и в письме к А. Ле Бран от 5 декабря 1992 г. он указывал на то, что «в настолько деградировавшем мире даже Кокто в наши дни мог бы с полным правом сойти за крайне талантливого» (*Debord G. À Annie Le Brun* (5 décembre 1992) // *Debord G. Correspondance. Vol. 7. P. 378*). В заключительных фразах текста также, вероятно, скрыта отсылка к двум путешествиям Кокто в Египет (слово «мамлюк» относится к истории этой страны), отражённым в его путевых записках «Моё первое путешествие» (1937) и «Маалеш» (1949).

АРХИТЕКТУРА И ИГРА

Пер. с фр. Т. Петухова. Впервые опублик. в “*Potlatch*” (№ 20, 30 мая 1955).

1. См.: *Хёйзинга Й.* Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. СПб: Издательство И. Лимбаха, 2011. С. 80.
2. Курт Швиттерс (1887–1948) — нем. художник и поэт, участник дадаистского движения, в 1923–1932 гг. издавал журн. “*Merz*”.
3. Речь идёт о “*Merzbau*”, квартире-произведении искусства в герм. Ганновере, над которой К. Швиттерс работал около 13 лет и которая была уничтожена бомбардировкой в 1943 г.
4. Автор, вероятно, отсылает к следующему фрагменту из кн. Й. Хёйзинги: «Игра не есть обыденная или настоящая жизнь. Это выход из такой жизни в преходящую сферу деятельности с её собственным устремлением» (см.: *Хёйзинга Й.* Человек играющий. С. 32).

ПОЧЕМУ ЛЕТТРИЗМ?

Пер. с фр. Т. Петухова. Впервые опублик. в "Potlatch" (№ 22, 9 сентября 1955).

1. Александрийский стих — фр. двенадцатисложный стих с ударениями на шестом и двенадцатом слоге, с цезурой после шестого слога и с чередованием двух мужских и двух женских рифм. Был популярен у фр. поэтов в XVI–XVIII вв.
2. Жак Превьер (1900–1977) — фр. поэт и сценарист, участник сюрреалистического движения. В 1933 г. в составе театральной труппы «Октябрь» посетил СССР. С 2007 г. Французская гильдия сценаристов вручает Премию Жака Превьера за лучший киносценарий. Рене Шар (1907–1988) — фр. поэт, кавалер Ордена Почётного легиона, в начале 1930-х гг. сотрудничал с сюрреалистами, публ. в журн. "La Révolution surréaliste" («Сюрреалистическая революция», *фр.*) и "Le Surréalisme au service de la révolution" («Сюрреализм на службе революции», *фр.*). Жюльен Грак (наст. имя Луи Пуарье, 1910–2007) — фр. писатель. Был вдохновлён работами А. Бретона и получил от него восторженный отзыв на свой первый роман «Замок Арголь» (1938), в 1948 г. опублик. кн. «Андре Бретон: некоторые аспекты писателя». Анри Пишетт (1924–2000) — фр. писатель, поэт и драматург, был близок к сюрреалистам (первая публ. его поэзии состоялась при помощи П. Элюара), называл свой стиль драматургии «театром разрыва».
3. Витторио Де Сика (1901–1974) — итал. режиссёр и актёр. К моменту публ. статьи его фильма «Шуша» (1946) и «Похитители велосипедов» (1948) были удостоены почётной премии «Оскар», а фильм «Чудо в Милане» (1951) получил Золотую пальмовую ветвь Каннского кинофестиваля. Один из наиболее заметных представителей итал. неореализма — течения в кинематографе 1940–1950-х гг., сложившегося под сильнейшим влиянием поэтического реализма (направления во фр. кинематографе 1930–1940-х гг.), что, следует полагать, и предопределило характеристику Де Сика как «плагиатора».
4. Под «перестройкой феноменологии» авторы, очевидно, имеют в виду популярную в то время во Франции (и, в частности, во фр. академических кругах) философию экзистенциализма, уходящую своими корнями в феноменологию.
5. Подвалы кафе района Сен-Жермен-де-Пре были в послевоенные годы культурными местами: там играли современный джаз (бибоп), выступали известные певцы и собиралась интеллектуальная и творческая элита Парижа.
6. Метаграфия — вид леттристского творчества, выражающийся в комбинировании в едином произведении изобразительных (фото, рисунки) и текстовых элементов, а также символических обозначений. Эта техника была заимствована участниками ЛИ у группировки Изу. В исполнении ЛИ мета-

графии были близки к фотомонтажу и коллажу, выступая своеобразными идейными предшественниками *détournement* в плане переработки готовых художественных форм. В июне 1954 г. в Париже в галерее “Double Doute” состоялась организованная Вольманом выставка из 66 метаграфий, составленных Дебором, Вольманом, Щегловым, Фийоном и др. Метаграфия фактически не практиковалась ситуационистами, а у леттристов Изу со временем трансформировалась в гиперграфию. Дебор в письме к И. Щеглову в апреле 1963 г. писал: «Совершенно верно, что СИ практически полностью отказался от метаграфического письма, но я, как и ты, полагаю, что оно содержит много неизученных ресурсов для самых разных форм коммуникации... Оно было полностью противоположно метаграфии леттристов [из группировки Изу], последствия которой в области живописи, значительно реверсированные в “гиперграфии”, привели к превращению её в некое подобие узкого сектора в абстрактном искусстве» (см.: *Debord G. À Ivan Chtcheglov (débüt avril 1963) // Debord G. Correspondance. Vol. 2. P. 207*).

7. В XVII в. возникло движение прециозной литературы (от слова “*précieux*”, «драгоценный», *фр.*), существовавшее в атмосфере аристократических и придворных салонов, одной из черт которого был особый язык перифразов, утончённых и высокопарных риторических построений и т. п. Прециозное направление литературы было высмеяно Ж.-Б. Мольером в комедии «Смешные жеманницы» (1659).
8. Традиционное название периода, примерно совпадающего с границами XVII в., когда Франция занимала лидирующее положение в Европе.
9. Роже Франсуа Вайян (1907–1965) — фр. писатель. Авторский стиль Вайяна испытал сильное влияние Стендаля, отсылки к Стендалю содержатся не только в романе «Бомаск» (1954, в рус. пер. «Пьеретта Амабль», 1956), но и в романах «Странная игра» (1945), «Форель» (1964) и др. произведениях.
10. В сентябре 1952 г. Ч. Чаплин отправился в европейское турне для презентации своего фильма «Огни рампы», посвящённого карьере артиста и носящего отчасти автобиографический характер. Когда он прибыл в Европу, его амер. въездная виза была аннулирована, и Чаплин как политически неблагонадёжный, подозреваемый в симпатиях к коммунистам, был лишён возможности вернуться в США. Показ фильма в США был также запрещён. 29 октября 1952 г. в парижском отеле “Ritz” режиссёр должен был провести пресс-конференцию, посвящённую выходу фильма и всем последовавшим событиям. В момент, когда он в окружении свиты журналистов должен был войти в отель, Дебор и Берна заблокировали двери отеля, а Бро и Вольман разбросали листовки ЛИ, озаглавленные «Хватит плоскостопия!». И. Изу и его соратники М. Леметр и Г. Померан предпочли публично дистанцироваться от этой акции и опубли. в газ. “Combat” 1 ноября 1952 г. заявление «Леттристы дезавуируют оскорбления в адрес Чаплина», где говорилось: «Мы отмежевываемся от листовки наших друзей и присоединяемся к похвалам Чаплину, высказываемым всем населением». Подр.

об этом см. тексты «Хватит плоскостопия!», «Позиция Леттристского интернационала» и «Смерть коммивояжера» в кн.: *Дебор Г. За и против кинематографа: Теория, критика, сценарии / Сост., примеч. и коммент. С. Михайленко. М.: Гилея, 2015.*

11. Эжен Ионеско (1909–1994) — фр. драматург, в 1970 г. избран членом Французской академии. Является одним из основателей и наиболее ярких представителей течения театра абсурда, восходящего к традиции и к театральным опытам дадаизма и патафизики.
12. Тристан Тцара (наст. имя Сами Розеншток, 1896–1963) — румын. и фр. поэт, один из основателей дадаизма, автор «Семи манифестов Дада» (1916–1920), пьес «Первая небесная авантюра господина Антипирина» (1916), «Вторая небесная авантюра господина Антипирина» (1920), «Газодвижимое сердце» (1921). В 1946 г. премьера пьесы Тцара «Побег» была сорвана участниками группировки И. Изу, выкрикивавшими: «Дада мёртв! Его место занял леттризм!»
13. Антонен Арто (1896–1948) — фр. драматург, писатель, поэт, актёр, режиссёр и теоретик театра, автор театральной концепции «театр жестокости». В конце 1930-х гг. здоровье Арто ухудшилось, и он провёл несколько лет в психиатрических лечебницах. После выписки в 1946 г. возобновил свою карьеру, что вызвало во фр. обществе новый всплеск интереса к его личности и творчеству.
14. Обыгрывается название “La Nouvelle Revue française”, одного из самых влиятельных фр. журн. между мировыми войнами. В период 1943–1953 гг. не издавался из-за обвинений в коллаборационизме. Возобновлённое издание поначалу выходило под названием “La Nouvelle Nouvelle Revue française” («Новое новое французское обозрение», *фр.*).
15. Рене Этьембль (1909–2002) — фр. писатель, критик, лингвист, литературовед, известный в области изучения неевропейских литератур и сравнительного литературоведения. Преподавал в Александрийском университете (Египет), затем в Университете Монпелье, в 1955 г. был приглашён в Сорбонну.
16. Роже Кайуа (1913–1978) — фр. писатель, философ, социолог, литературный критик. В нач. 1930-х гг. находился под влиянием сюрреализма, с которым порвал к 1935 г. Во время Второй мировой войны находился в Аргентине, после возвращения работал над особой серией кн. издательства “Gallimard”, где публ. переводы южноамер. литературы (в частности, Борхеса). В 1948 г. был назначен на высокую должность в Юнеско. В 1955 г. публ. статьи в “Nouvelle Revue française”.
17. Раймон Арон (1905–1983) — фр. философ, социолог, публицист. В 1945 г. вместе с Ж.-П. Сартром выпускал журн. “Les temps modernes”, но уже с 1947

по 1977 г. работал в газ. “Le Figaro” (считавшейся скорее правоконсервативной), с 1958 по 1968 г. заведовал кафедрой социологии в Сорбонне.

КОММЕНТАРИИ
И ПРИМЕЧАНИЯ

18. Father Divine (Божественный Отец, *англ.*), или Reverend Major Jealous Divine (Преподобный Высший Ревностный Божественный, *англ.*, наст. имя, вероятно, Джордж Бейкер, ок. 1876–1965) — афроамер. духовный лидер, основатель религиозного движения «Мирная миссия», имевшего большую популярность в США в 1930-е гг. и владевшего значительными капиталами. Называл себя сперва посланником, затем богом.
19. Мормон — согласно вероучению Церкви последних дней христианский пророк, живший на территории доколумбовой Америки в IV в. Его жизнеописание представлено в «Книге Мормона».
20. Здесь, скорее всего, содержится отсылка к И. Изу и привнесённым им в леттризм мотивам мессианизма и евр. мистицизма, нашедшим отражение, в частности, в его произведениях «Соединение имени и мессии» (1947) и «Дневники богов» (1950).
21. О. Сен-Луи находится в самом центре Парижа, рядом с о. Сите.

ВВЕДЕНИЕ В КРИТИКУ ГОРОДСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Пер. с фр. Т. Петухова. Впервые опублик. в журн. “Les Lèvres nues” (№ 6, сентябрь 1955), выходившем в 1954–1958 гг. под редакцией Марселя Марьена (1920–1993), бельг. поэта, писателя, коллажиста и кинорежиссёра. В 1937 г. на одной из выставок Марьен увидел картины Р. Магритта, которыми был очень впечатлён, после чего познакомился с их автором и присоединился к бельг. сюрреалистам. Осенью 1952 г. Дебор и Вольман приехали в Брюссель для организации показа фильма И. Изу «Трактат о слюне и вечности», где встретились с Марьеном и бельг. поэтами-сюрреалистами П. Нуже и Л. Скютнером. Те изложили им свои планы создать новый журн., который бы «продолжил довоенную революционную традицию сюрреализма как общественного движения и как творческого метода» (см.: *Hussey A. The Game of war. P. 67*). “Les Lèvres nues” в основном публиковал тексты бельг. сюрреалистов, но в 1955–1956 гг. в № 6–9 также вышел ряд текстов ЛИ (Ги Дебора, Ж. Вольмана, Ж. Фийона, М. Бернштейн). В 1959 г. Марьен снял сюрреалистический кинофильм «Подражание кино» о юноше, на которого прочтение средневекового богословского трактата «О подражании Христу» произвело столь сильный эффект, что тот решил сам подвергнуться распятию. Фильм встретил ожесточённое сопротивление католических организаций в Бельгии и был запрещён к показу во Франции. В 1969–1975 гг. Марьен возобновил выпуск “Les Lèvres nues” как «вторую серию» журн. В 1979 г. опублик. кн. «Сюрреалистическая деятельность в Бельгии (1924–1950)», посвящённую истории бельг. сюрреализма.

1. Кабилы — название одного из бербер. народов севера Алжира. Автором термина «психогеография» был, очевидно, один из посетителей алжир.

бара на ул. Ксавье-Прива в Париже, в котором из-под полы продавали гашиш. Леттристы называли этот бар «У малайца Томá» и регулярно появлялись там в 1953 – нач. 1954 г., пока заведение не было закрыто полицией за наркоторговлю. Несколько таких посещений описываются Дебором в статье «Два отчёта о дрейфах» (см.: *Дебор Г.* Психогеография. С. 31–41).

2. Указанный район имел особое значение для психогеографических исследований леттристов, был объектом многочисленных дрейфов и считался ими «психогеографической вершиной» Парижа. Описанию района, в частности, посвящены статьи Щеглова «Введение в континент Контрэскарп» (1954) и Дебора «Положение континента Контрэскарп» (1956).
3. Имеется в виду перепланировка Парижа под руководством барона Османа (см. коммент. к тексту «Корни небоскрёба»), осуществлённая в период Второй империи, который длился с провозглашения Наполеона III императором в 1852 г. до его низложения в 1870 г.
4. “Potlatch” – информационный бюллетень, издававшийся участниками ЛИ в Париже с 1954 по 1957 г. Первый выпуск предварялся редакционным комментарием: «Вы будете получать его часто. В нём Леттристский интернационал освещает актуальные вопросы недели. “Potlatch” является наиболее ангажированным изданием в мире: мы заняты осознанным и коллективным формированием новой цивилизации». Второй выпуск (29 июня 1954) содержал составленное Дебором редакционное папужество, озаглавленное «“Potlatch” – инструкция по применению» и гласившее: «Напомним, что ваши приятные воспоминания не представляют интереса. Речь идёт о реальных силах. Несколько сотен человек по воле случая определяют мышление эпохи. Они находятся в нашем распоряжении, независимо от того – знают они об этом или нет. Рассылая “Potlatch” людям, разбросанным по всему земному шару, мы оставляем за собой возможность прекратить распространение, когда и где мы сочтём нужным. Некоторые читатели были выбраны произвольно. У вас всё-таки есть шанс быть одним из них». Во многом благодаря рассылке бюллетеня ЛИ удалось наладить связи с художественными движениями др. стран, в частности, с представителями скандинавского авангарда из Международного движения за имажинистский Баухаус (далее – МДИБ), что привело к созданию в 1957 г. СИ на базе этих организаций. После создания СИ было начато издание “Internationale Situationniste”, а “Potlatch” был прекращён. В июле 1959 г., после двухлетнего перерыва, в Амстердаме был опубл. № 30 “Potlatch”. Возрождённый бюллетень должен был служить внутренним изданием для секций СИ, но этот выпуск оказался последним. Название издания восходило к обычаю племён североамер. индейцев, заключающемуся во взаимном обмене дарами, который выступал в качестве механизма социальной связи и принципа товарного обмена между племенами. Обычай потлача описан фр. антропологом М. Моссом (см.:

Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр., послесл. и комм. А. Б. Гофмана. М.: «Восточная литература» РАН, 1996. С. 85–111). Названию бюллетеня был посвящён материал Дебора в № 14 (30 ноября 1954), сопровождаемый «шапкой» «Небольшая дань уважения американскому образу жизни» и озаглавленный «Кто такой Potlatch?». Читателю на выбор предлагалось три варианта ответа: «1. Советский шпион, главный сообщник Розенберга, разоблачённый ФБР в 1952 г.? 2. Практика чрезмерных подарков, призывающих других к ответным подаркам, которая была основанием экономики в доколумбовой Америке? 3. Лишённое смысла слово, изобретённое леттристами для названия одного из их изданий?» Правильный ответ был обещан в следующем номере. № 15 (22 декабря 1954) действительно содержал материал Дебора «Кто такой Potlatch? (Ответы)», где говорилось: «Наиболее распространённые мнения были выражены третьим вариантом: лишённое смысла слово (Franc-Tigeur, Камю и т. д.) и первым вариантом: советский шпион (Aspects de la France, Бретон, Г. Молле и т. д.). Однако некоторые из наших адресатов отважно поддержали вторую возможность: чрезмерный подарок. Потому бесполезно задерживаться на этом вопросе, настолько же запутанном, как и все вопросы, которые это общество притворяется, что ставит перед собой. И на решении, столь же очевидном, как и все остальные». “Franc-Tigeur” («Партизан», «Вольный стрелок», *фр.*) — фр. газета, изначально возникшая в 1941 г. как офиц. издание одноимённой организации, участвовавшей во фр. движении Сопротивления. “Aspects de la France” («Аспекты Франции», *фр.*) — правое националистическое издание, созданное в 1947 г. Ж. Калзаном, участником фр. монархистского и коллаборационистского движения «Французское действие» (*фр.* “Action française”). Ги Молле (1905–1975) — фр. политический и государственный деятель, в 1946–1969 гг. занимавший пост генерального секретаря Французской секции Рабочего интернационала (организация-предшественница фр. Социалистической партии). В 1956–1957 гг. был Председателем совета министров Франции. Текст «Кто такой Potlatch? (Ответы)» носит очевидно ироничный характер, и ни один из указанных респондентов в действительности не отвечал на поставленный вопрос. Дебор же таким образом, с одной стороны, указывает, что для традиционных левых леттристские идеи лишены смысла (который им недоступен), а с другой стороны — ставит Бретона и Молле в один ряд с коллаборационистами.

5. Цит. по: Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 97.
6. Джорджо де Кирико (1888–1978) — итал. художник, один из родоначальников метафизической живописи. Архитектурные конструкции являющиеся элементом многих его картин. И. Щеглов в статье «Формуляр нового урбанизма» называет де Кирико «одним из самых выдающихся предтеч архитектуры». Авторскому описанию могут соответствовать полотна «Крас-

- ная башня» (1913), «Тайна и Меланхолия улицы» (1914), «Туринская весна» (1914), «Загадка дня» (1914) и др.
7. Дебор, вероятно, имеет в виду картины К. Лоррена «Морская гавань при заходе солнца» (1639) и «Прибытие Клеопатры в Тарсус» (1642).
 8. Мэтью Банкер Риджуэй (1895–1993) — амер. военный деятель, генерал армии США, верховный главнокомандующий вооружёнными силами НАТО в Европе в 1952–1953 гг., начальник штаба сухопутных войск США в 1953–1955 гг. Во время Корейской войны в 1950-х гг. командовал войсками США и ООН, сражавшимися против сил Северной Кореи и кит. добровольческих войск, и, по его собственным словам, отдавал войскам приказы «в духе тех, за которые немецкие генералы находятся в заключении», на что и намекает автор.
 9. Цитата из предисловия А. Бретона к сборнику «Седовласый револьвер» (1932) (см.: *Breton A. Le Revolver à cheveux blanc // Breton A. Œuvres complètes*. Т. II. Paris: Gallimard, 1992. P. 50).

МЕТОДИКА DÉTOURNEMENT

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опубли. в «Les Lèvres nues» (№8, май 1956). На обложке авторами статьи названы Л. Арагон и А. Бретон. Также там изображена карта Франции, подвергнутая *détournement*: названия фр. городов на ней были заменены на названия алжир. городов. «*Détournement*» — многозначное фр. слово, которое в букв. переводе может иметь значения: «отклонение», «изменение направления», «незаконное присвоение», «злоупотребление», «искажение», «растрата», «расхищение», «совращение», «присвоение» и т. д. Традиционно при публ. лёттристских и ситуационистских текстов на др. языках это слово не переводится; наиболее близким к сути этой методики, на наш взгляд, был бы перевод «реверсирование».

1. Речь идёт о картине М. Дюшана «L.H.O.O.Q.» (1919).
2. «Сид» — пьеса П. Корнеля, относящаяся к классике фр. драматургии (1636). «Мамаша Кураж и её дети» — пьеса Б. Брехта (1939).
3. Авторы отсылают читателя к работе М. Виру «Лотреамон и доктор Шеню», опубли. несколькими годами ранее (см.: *Vitoux M. Lautréamont et le Dr. Chenu // Mercure de France*. № 1070. Dec. 1952. P. 632–642).
4. Жорж-Луи Леклерк (граф де Бюффон, 1707–1788) — фр. натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель.
5. Цит. по: *Лотреамон. Стихотворения II // Лотреамон. Песни Мальдорора. Стихотворения. Лотреамон после Лотреамона*. С. 353. Пер. с фр. М. Головановской.

6. Цит. по: *Лотфреамон*. Стихотворения II. С. 359.
7. “Paix et Liberté” – ультраправая антикоммунистическая организация, действовавшая во Франции с 1950 по 1955 г.
8. Жорж Бенжамен Клемансо (1841–1929) – фр. государственный и политический деятель, премьер-министр Франции в 1906–1909 и 1917–1920 гг. За свои яростные выступления в парламенте и непримиримость к соперникам заслужил прозвище Тигр. В годы Первой мировой войны вёл активную милитаристскую пропаганду и выступал против антивоенного социалистического движения. Был одним из организаторов интервенции против Советской России.
9. «Рождение нации» – амер. фильм, повествующий о Гражданской войне в США (1915).
10. Александр Жорж Пьер Гитри (псевд. Саша Гитри, 1885–1957) – фр. актёр, режиссёр и драматург. Авторы намекают на ряд исторических фильмов («Если б Версаль поведал мне», 1954, «Наполеон», 1955 и т. д.), снятых Гитри, который до этого снимал в основном комедии.
11. Видоизменённая цитата из драмы Софокла «Эдип в Колоне». Структура цитаты в ориг. фр. тексте (отличная от распространённых фр. переводов драмы) позволяет предположить, что авторы статьи взяли за основу её воспроизведение в работе «Миф о Сизифе» А. Камю. В наст. изд. эта фраза также воспроизводится на основе текста Камю: «Моя старость и величие моего духа побуждают меня, невзирая на столькие испытания, признать, что всё – хорошо» (см.: *Камю А. Миф о Сизифе // Камю А. Сочинения в 5 т. / Коммент. С. Дубина. Т. 2. Харьков: Фолио, 1997. С. 101. Пер. с фр. В. Великовского*).
12. Цит. по: *Робеспьер М. Против манифестов европейских монархов. Доклад 5 декабря 1793 г. // Робеспьер М. Избранные произведения / Изд. подгот. А. З. Манфред, А. Е. Рогинская, Ф. Б. Шуваева. Т. 3. М.: Наука, 1965. С. 86.*
13. Габриеле д’Аннунцио (1863–1938) – итал. писатель, поэт, военный и политический деятель, считается одним из идейных и эстетических предшественников и вдохновителей итал. фашизма.
14. Речь идёт о знаменитой симфонии Л. ван Бетховена, иначе называемой «Симфония № 3».

ПЛАТФОРМА АЛЬБЫ

Пер. с фр. С. Михайленко. Отчёт Дебора о Первом международном конгрессе свободных артистов, организованном на базе Экспериментальной лаборатории МДИБ. Сам Дебор на конгрессе присутствовать не смог – в начале сентября

1956 г. он был задержан военными, попытавшимися подвергнуть его призыву в армию, и был вынужден три недели провести в военном госпитале, пока врачи не убедились в наличии у него астмы. Текст его выступления был зачитан Вольманом. Конгресс в Альбе послужил укреплению связей между МДИБ и ЛИ, став важным шагом на пути с созданию СИ. Впервые опубли. в виде листовки, затем в "Potlatch" (№ 27, 2 ноября 1956). Последний абзац текста был добавлен при публикации в "Potlatch".

1. Асгер Йорн (наст. имя Асгер Олаф Йоргенсен, 1914–1973) — дат. художник, один из основателей международного авангардного движения СоВгА (о нём. см. коммент. к «Докладу о создании ситуаций и принципах организации и деятельности международной ситуационистской тенденции») и МДИБ. В сентябре 1955 г. вместе с Дж. Пино-Галлицио и П. Симондо основал Экспериментальную лабораторию МДИБ в Альбе (Италия), на базе которой в 1956 г. был проведён Первый международный конгресс свободных артистов. Стал одним из основателей и лидеров СИ. В соавторстве с Дебором выпустил две кн. — «Конец Копенгагена» (1957) и «Мемуары» (1959). Созданная Йорном кинокомпания "Dansk-Fransk Experimentalfilmskompagni" («Датско-французская экспериментальная кинокомпания») занялась производством двух фильмов Дебора — «О прохождении нескольких людей через достаточно короткий период времени» (1959) и «Критика разделения» (1961). Покинул ряды СИ в 1961 г., но продолжал финансово поддерживать издание "Internationale Situationniste". Является автором множества работ в области пластических искусств, проявил себя также как теоретик искусства (его самый известный труд в этой области — кн. «За форму», 1957); также считается изобретателем трёхстороннего футбола. В Силькеборге (Дания) действует музей Йорна.
2. Джузеппе Пино-Галлицио (1902–1964) — итал. художник. В 1955 г. познакомился с А. Йорном и присоединился к МДИБ, был среди основателей СИ. Работал в собственном стиле под названием «индустриальная живопись», был автором «Манифеста индустриальной живописи: за унитарно применимое искусство», опубли. в № 3 "Internationale situationniste" (декабрь 1959). Индустриальная живопись представляла собой авангардистские полотна гигантского размера, продавалась по метрам и предполагалась к вполне утилитарному использованию покупателями в дальнейшем (например, в качестве обоев), что должно было устранить грань между искусством и повседневностью. Первая выставка индустриальной живописи состоялась в Турине в 1958 г., в поддержку выставки ситуационистами был распространён текст «Апология Пино-Галлицио», составленный М. Бернштейн. В 1960 г. Пино-Галлицио, не пожелавший разорвать отношения с итал. художественными кругами, как того требовали его товарищи по СИ (что было охарактеризовано Дебором в письме к Органу от 2 июня 1960 г. как «гнусный карьеризм»), был исключён из организации. Он остался крайне недоволен этим исключением — по воспоминанию М. Викера, который несколько дней спустя был в гостях у Дебора и Бернштейн: «...их обед... был прерван кем-то, снаружи бросавшим камни в ок

но и кричавшим. Дебор, прекрасно осознававший, что это был подвыпивший, раздосадованный и обозлённый Пино-Галлицио, продолжал обедать как ни в чём не бывало» (см. *Hussey A. The Game of war. P. 192–193*). Однако в сообщении о смерти Пино-Галлицио, опублик. в редакционной сводке «Самые долгие месяцы» в № 9 “Internationale situationniste” (август 1964), говорилось: «Экспериментатор во всех областях, Галлицио был одним из тех художников, которые наилучшим образом являли собой предельный уровень творчества, достигнутый современным искусством... Первые шаги ситуационистского движения многим ему обязаны».

3. Отсылка к тексту «Первый уходящий камень», подписанному «Мохамед Даху от лица Леттрисского интернационала» и приветствовавшему увольнение с поста директора Ульмской школы дизайна (Германия) швейц. архитектора М. Билла, спорившего с А. Йорном относительно понимания идеи Баухауса. В кн. «За форму» Йорн воспроизводит три цитаты из их переписки, выражающие сущность этого спора: «Баухаус — это имя художественного вдохновения», Асгер Йорн (письмо директору Нового Баухауса в Ульме, архитектору Максу Биллу, 16 января 1954); “Баухаус — это не имя художественного вдохновения, но обозначение движения, представляющего собой чётко определённую доктрину”, Макс Билл (письмо Асгеру Йорну, 23 января 1954); “Если Баухаус — это не имя художественного вдохновения, то это имя доктрины без вдохновения, т. е. мёртвой”, Асгер Йорн (письмо Максу Биллу, 12 февраля 1954)» (см.: *Jorn A. Pour la forme. Paris: Allia, 2001. P. 20–21*).
4. Кристиан Дотремон (1922–1979) — бельг. поэт, писатель и художник. В нач. 1940-х гг. присоединился к сюрреалистическому движению, участвовал в издании журн. “La Main à Plume” («Рука с пером», *фр.*). В 1947 г. участвовал в создании Революционной сюрреалистической группы. Стал одним из основателей движения СоВгА и до распада движения принимал активное участие в его деятельности и в публ. одноимённого журн. Разрабатывал собственный жанр произведений «логограммы», соединявший рукописный текст и живопись, которые можно характеризовать как абстрактную каллиграфию. Дебор в письме к Я. Котику от 28 декабря 1956 г. так пояснял неучастие Дотремона в конгрессе в Альбе: «Не следовало приглашать Дотремона в Альбу, и никакое интересное сотрудничество между нами невозможно, поскольку Дотремон публично занял реакционные позиции. “Nouvelle Nouvelle Revue Française” представляет в Париже наиболее буржуазную тенденцию в культуре, и то же самое справедливо в отношении политики... Отказ от сотрудничества с реакционными элементами является не “религиозным суждением”, но необходимым реализмом» (см.: *Debord G. À Jan Kotik (28 décembre 1956) // Debord G. Correspondance. Vol. o. P. 135*).
5. Энрико Бай (1924–2003) — итал. художник. В 1951 г. вместе с С. Данджело основал Движение ядерного искусства. Изданный в 1952 г. манифест движения гласил: «Ядерщики стремятся низвергнуть все *измы* в живописи,

которые, независимо от их происхождения, неизбежно впадают в академизм... Формы распадаются: новые формы человека — это формы атомной вселенной». В 1953 г. познакомился с А. Йорном, с которым они вместе основали МДИБ. В 1954 г. он переслал Йорну несколько выпусков "Potlatch", что стало началом знакомства Дебора и Йорна; в письме к А. Франкину от 8 декабря 1954 г. Дебор писал, что «ядерщики не представляют никакого интереса. Но Международное движение за имажинистский Баухаус Агера Йорна, к которому они примыкают, отстаивает воистину современную позицию в архитектуре» (см.: *Debord G. À André Frankin* (8 décembre 1954) // *Debord G. Correspondance. Vol. 0. P. 48*). В 1957 г. Бай совместно с С. Данджело составил новый манифест Движения ядерного искусства «Против стиля», осуждавший стиль как последний оплот академизма в искусстве. Манифест был подписан П. Мандзони, Ж. Калонном, И. Кляйном и др. (по характеристикам Дебора, данным в письмах к П. Самондо от 28 июня и от 4 июля 1957 г., этот манифест «доказывает, что Баю удалось заполнить несколько новых имбецилов», и «является безусловно идиотским»). Бай попытался также получить подписи А. Йорна и Р. Рамни, но оба ответили отказом. Будучи убеждённым анархистом, в 1972 г. создал картину «Похороны анархиста Пинелли», посвящённую Дж. Пинелли, погибшему в полицейском участке в 1969 г. Планировавшаяся демонстрация картины в Милане была запрещена властями после убийства итал. революционерами из группировки "Lotta Continua" одного из полицейских, ответственных за гибель анархиста. Интересовался патафизикой, был основателем *Institutum Pataphysicum Parthenoreium* и автором ряда работ по этой квазинаучной дисциплине.

6. Православ Рада (1923–2011) — чехосл. скульптор, известный благодаря своим работам в области керамики. Автор ряда кн., посвящённых технологии керамики. В 1956 г. избран членом Международной академии керамики (Женева). В 1958 г. был награждён золотой медалью всемирной ярмарки Экро'58 (Брюссель) за серию декоративных объектов из стекла.
7. Ян Котик (1916–2002) — чехосл. художник-абстракционист. Помимо живописи занимался художественным стеклянным литьём и промышленным дизайном. В 1942–1948 гг. — участник чехосл. литературно-художественной группировки «Группа 42». В 1969 г. эмигрировал в Западный Берлин, в Германии также достиг признания и в 1992 г. был избран членом Берлинской академии художеств.
8. Жак Калонн (род. 1930) — бельг. художник, композитор и писатель. В 1944 г. изготовил бомбу с калом, которую применил против бургомистра бельг. г. Глен (пригород г. Монс), состоявшего в профашистской и коллаборационистской Рексистской партии. В 1949 г. познакомился с К. Дотремоном, с которым его впоследствии связали дружба и совместные проекты. В том же году присоединился к движению СоВгА и стал самым юным его участником. В 1957 г. вместе с Э. Баем, И. Кляйном и др. подписал манифест «Против стиля».

9. Констан Нивенхейс (псевд. Констан, 1920–2005) — голл. художник, скульптор и музыкант. В 1948 г. основал голл. художественную группировку “Reflex”, издававшую одноимённый журн. Участвовал в деятельности движения CoBrA. В 1958–1960 гг. состоял в СИ, в рамках которого занимался вопросами архитектуры и градостроительства и возглавлял созданное им Бюро исследований в области унитарного урбанизма (после того как Констан покинул ряды СИ, бюро переехало из Амстердама в Брюссель и его возглавил А. Котаньи). В 1950–1970-х гг. работал над футуристическим архитектурным проектом города «Новый Вавилон». В кон. 1960-х гг. сотрудничал с голл. молодёжным контркультурным движением Provo.
10. Пьеро Симондо (род. 1928) — итал. художник. Участвовал в работе МДИБ и в создании Экспериментальной лаборатории в Альбе. В декабре 1956 г. участвовал в организации выставки в Турине, посвящённой унитарному урбанизму. Был одним из организаторов учредительной конференции СИ в своём родном городе Козио-ди-Арроша и одним из основателей СИ. В январе 1958 г. Симондо вместе с Е. Верроне и В. Ольмо стали первыми лицами, исключёнными из СИ (из-за несогласия Дебора с текстом Ольмо «К концепции музыкальных экспериментов», поддержанным Симондо и Верроне).
11. Этторе Соттсасс (1917–2007) — итал. дизайнер и архитектор, сын архитектора Э. Соттсасса-ст. В 1954 г. присоединился к МДИБ, на конференции в Альбе выступал с докладом о роли цвета в архитектуре. В кон. 1956 г. МДИБ отправило письмо организаторам миланского Триеннале с запросом предоставить МДИБ место на выставке для экспериментального павильона, но организаторы стали затягивать с ответом, сочтя тон этого письма недостаточно почтительным. Тогда 1 января 1957 г. было опубл. «Открытое письмо ответственным за Триеннале индустриального искусства в Милане», (подписанное участниками МДИБ, ЛИ, Экспериментальной лаборатории в Альбе и Организационным комитетом предварительного конгресса по психогеографической фрагментации городского округа Лондон), в котором организаторы Триеннале были подвергнуты непосредственным оскорблениям. Соттсасс, планировавший принять участие в Триеннале (и в конечном итоге реализовавший своё желание), поспешил отречься от подписантов, отправив 5 января Йорну письмо, где было сказано: «Дорогой Йорн, этим утром я получил письмо, отправленное из Парижа на XI Триеннале. Даже хоть под ним и нет моей подписи, я предупреждаю тебя, что впредь не желаю иметь никаких отношений с Международным движением за имажинистский Баухаус, поскольку движение, состоящее из таких гениев, как ты и твои французские друзья, находится вне пределов моих способностей» (впоследствии это письмо, сопровождаемое заголовком «От юмора к страху», было воспроизведено в № 28 “Potlatch”, 22 мая 1957). Йорн и Дебор ответили ему на это совместным письмом 15 января: «Соттсасс, мы поняли в 1956 году, что движение, состоящее из таких гениев, как я и мои французские друзья, находится вне

пределов твоих способностей: именно поэтому под письмом и нет твоей подписи. Теперь довольно» (см.: *Jorn A., Debord G. À Ettore Sottsass* (15 janvier 1957) // *Debord G. Correspondance*. Vol. o. P. 145). Впоследствии Соттсасс прославился благодаря своим работам в сфере промышленного дизайна, особенно благодаря проектам, выполненным им по заданию итал. компании-производителя офисной техники Olivetti, самым известным из которых является дизайн пишущей машинки Valentine, выпущенной на рынок в 1969 г. В 1981 г. был в числе организаторов группы «Memphis», развивавшей экспериментальный подход к дизайну.

12. Елена Верроне — итал. художница, жена П. Симондо. Участница МДИБ и один из редакторов журн. МДИБ «Egistica». Была в числе основателей СИ.
13. Фестиваль лучезарного города (также фигурирующий под названием Фестиваль авангардного искусства) открылся в Марселе 4 августа 1956 г. по инициативе туристических организаций, а также Министерства реконструкции и урбанизма, в здании «Жилой единицы» в Марселе, построенном Ле Корбюзье. В этом фестивале принимали участие Э. Ионеско, Ж. Превьер, М. Бежар, А. Ходейр, Н. Шеффер и др., а также леттристы И. Изу и М. Леметр. ЛИ выпустил направленную против фестиваля листовку «Распоряжение к бойкоту», клеймившую участников фестиваля как «основавших свою карьеру на копировании и вульгаризации некоторых прошлых новаций», указывавшую на то, что «компания является однородной и изначально компрометирует тех, кто лично ещё не доказал собственную бездарность», и призывавшую международный авангард «осудить суть этой махинации и распространить имена её соучастников»; а затем опубликовал список участников фестиваля в «Potlatch» № 27 (2 ноября 1956). С ЛИ солидаризировались участники бельг. сюрреалистической группы, отправившие участникам фестиваля оскорбительное письмо, а также воспроизведшие в № 9 «Les Lèvres nues» (ноябрь 1956) список участников и «Распоряжение к бойкоту».

ТЕОРИЯ ДРЕЙФА

Пер. с фр. Т. Петухова. Впервые опублик. в «Les Lèvres nues» (№ 9, ноябрь 1956). В этом номере были опублик. ещё две статьи Дебора, посвящённые теме дрейфа: «Два отчёта о дрейфах» и «Положение континента Контрэскарп». С рядом сокращений текст был воспроизведён в «Internationale Situationniste» (№ 2, декабрь 1958). В наст. изд. публикуется в оригинальной версии.

1. Поль-Анри Шомбар де Лов (1913–1998) — фр. социолог, известный благодаря своим исследованиям в области социологии города, в которых он раскрывает взаимосвязи между планированием городской среды и повседневной жизнью разных социальных слоёв.
2. Издательский дом «Presses Universitaires de France» («Университетское издательство Франции», *фр.*).

3. Свободная школа политических наук (*фр.* École Libre des Sciences Politiques) – такое название носил до 1945 г. парижский Институт политических исследований (*фр.* Institut d'études politiques de Paris).
4. Эрнст Уотсон Бёрджесс (1886–1966) – амер. социолог, в 1934 г. занимал пост президента Американской социологической ассоциации. Модель концентрических зон города, о которой пишет Дебор, была представлена в работе Бёрджесса «Рост города: введение в исследовательский проект» (1925). В соответствии с ней землепользование и распределение социальных групп в мегаполисе происходит по принципу 5 концентрических колец: от ядра (деловой центр) через фабричную зону и два типа спальных районов (для рабочего класса и для более привилегированных слоёв населения) к внешнему кольцу (пригородам).
5. В действительности описанные события имели место в мае 1924 г., когда четверо сюрреалистов (Л. Арагон, А. Бретон, М. Мориз и Р. Витрак) случайным образом выбрали на карте г. Блуа, до которого доехали на поезде, а затем на протяжении нескольких дней шли пешком до г. Роморантен (порядка 45 км по сельской местности).

ОДИН ШАГ НАЗАД

Пер. с фр. Т. Петухова. Впервые опублик. в “Potlatch” (№ 28, 22 мая 1957).

1. Андре Стиль (1921–2004) – фр. журналист и писатель, главный редактор коммунистической газ. “L’Humanité”, в 1951 г. был удостоен Сталинской премии. Мину Друэ (род. 1947) к 7 годам имела славу «Модарта от поэзии» во фр. прессе.
2. См. текст «Вон за дверь!».
3. По всей видимости, речь идёт о журн. “Les Lèvres nues”. Имя исключённого остаётся неизвестным.
4. Вероятно, это отсылка к презентации МДИБ в № 2 журн. “Eristica”, где говорилось: «Мы требуем тех же экономических и практических ресурсов и возможностей, которыми уже пользуются научные исследования, чьи весомые достижения всем известны. Художественное исследование идентично “науке о человеке”, и в нашем представлении является наукой “заинтересованной”, а не чисто исторической. Это исследование должно проводиться художниками при содействии учёных» (см.: Note sulla formazione d’un Bauhaus immaginista // Eristica. № 2. Luglio 1956).

О СЛУЧАЕ

Пер. с фр. С. Михайленко. Написано 23 мая 1957, впервые опублик. посмертно в: *Debord G. Œuvres*. Paris: Gallimard, 2006. P. 296.

ДОКЛАД О СОЗДАНИИ СИТУАЦИЙ И ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИОНИСТСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опубликован в Брюсселе в июне 1957 г. в виде брошюры, разосланной участникам предстоящей учредительной конференции СИ. Конференция состоялась 27–28 июля 1957 г. в г. Козио-ди-Арроша (Италия), в ней участвовали: Г. Дебор и М. Бернштейн от ЛИ; А. Йорн, Дж. Пино-Галлицо, В. Ольмо, П. Симондо и Е. Верроне от МДИБ; Р. Рамни от Лондонского психогеографического комитета.

1. Николас Калас (наст. имя Никос Каламарис, 1907–1988) — греч. писатель, близкий к кругам сюрреалистов в период эмиграции во Францию.
2. Андрей Александрович Жданов (1896–1948) — сов. партийный и государственный деятель, в 1939–1948 гг. — член Политбюро ЦК ВКП(б). С 1946 г. руководил идеологической и пропагандистской кампанией по ужесточению партийного контроля за интеллектуальной жизнью и интеллигенцией. Подготовил постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (1946), содержавшее разгромную критику А. Ахматовой и М. Зощенко. Участвовал в подготовке и осуществлении кампании по борьбе с космополитизмом, ввёл в оборот выражение «безродный космополит».
3. Цит. по: Выступление товарища А. А. Жданова на совещании деятелей советской музыки // Жданов А. А. Вступительная речь и выступление на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в январе 1948 г. М: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. С. 23.
4. Речь идёт о бельг. сюрреалистической группе в Брюсселе, к которой принадлежали М. Марьен, Р. Магритт, П. Нуже, Л. Скютнер и др.
5. СоВрА — авангардное движение, существовавшее в 1948–1951 г., основанное А. Йорном, К. Дотремоном, К. Аппелем, Констаном и др. Название предложено К. Дотремоном и является сокращением от «Копенгаген, Брюссель, Амстердам» — городов, в которых жило большинство основателей движения. Первый его манифест «Причина была понятна» (1948) гласил: «Мы рассматриваем в качестве единственного пути для продолжения международной деятельности органично экспериментальное сотрудничество, которое избегает всякой бесплодной и догматичной теории» (см.: *Stokvis W. Sobra: La conquête de la spontanéité*. Paris: Gallimard, 2001. P. 209). Движение издавало журн. “Собра” (10 номеров, 1949–1951), ответственным за издание был К. Дотремон.
6. См. текст «Платформа Альбы».
7. Речь идёт о проекте, представленном в статье И. Щеглова «Формуляр нового урбанизма».

8. См. «Введение в критику городской географии».
9. Андре Жид (1869–1951) — фр. писатель, поэт и драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе (1947). Являлся олицетворением официальной фр. литературы и в этом качестве высмеивался в язвительном тексте «Андре Жид» А. Кравана, крайне уважаемого Дебором (см.: *Краван А. Андре Жид // Краван А. «Я мечтал быть таким большим, чтобы из меня одного можно было образовать республику...»*. С. 71–77). Жид умер за несколько лет до написания «Доклада о создании ситуаций», таким образом Дебор противопоставляет мёртвого классика новому авангардному движению.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опублик. в «Internationale Situationniste» (№ 1, июнь 1958).

ТЕЗИСЫ О КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опублик. в «Internationale Situationniste» (№ 1, июнь 1958).

1. Автор отсылает читателя к работе фр. философа Д. Масколо «Коммунизм. Революция и коммуникация или диалектика ценностей и потребностей» (см.: *Mascolo D. Le communisme. Révolution et communication ou la dialectique des valeurs et des besoins*. Paris: Gallimard, 1953).
2. Анри Лефевр (1901–1991) — франц. социолог, автор работ «Критика повседневной жизни» (1947), «Повседневная жизнь в современном мире» (1968), «Производство пространства» (1974). В 1957–1962 гг. активно общался с Дебором, одним из поводов для чего была крайняя схожесть ключевого для ситуационистов концепта «ситуации» и описанного в работах Лефевра концепта «момента». Автор отсылает читателя к статье А. Лефевра «К революционному романтизму» (см.: *Lefebvre H. Vers un Romantisme révolutionnaire // Nouvelle Revue Française*. № 58. 1 Octobre 1957. P. 644–672). В этой работе Лефевр устанавливает принципы нового, революционного романтизма, который строится на обновлении отдельных элементов традиционного романтизма, но при этом, однако, не является его продолжением и во многом ему противоположен. Традиционный романтизм противопоставляет настоящему идеализированное, фетишизированное прошлое, а следовательно, является реакционным. Ключевым элементом революционного романтизма выступает противопоставление «возможного — невозможного»: осознание того возможного, что позволяет современный уровень технического развития, и одновременно невозможности реализации этого в рамках капиталистической формации. Таким образом, по словам Лефевра, революционный романтизм оказывается в «радикальной оппозиции к существующему во имя возможного».

АМСТЕРДАМСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Пер. с фр. С. Михайленко. Текст, составленный в рамках подготовки к Третьей конференции СИ в Мюнхене (17–20 апреля 1959 г.). Был переведён на нем. язык участниками нем. секции СИ и опублик. в виде машинописной листовки. На фр. яз. впервые опублик. в "Internationale Situationniste" (№ 2, декабрь 1958). В ходе обсуждения текста на конференции в него был внесён ряд поправок, которые были опублик. в виде материала «Исправления для утверждения одиннадцати амстердамских пунктов» в "Internationale Situationniste" (№ 3, декабрь 1959). В наст. изд. опублик. в первоначальной авторской версии.

ТЕЗИСЫ СИТУАЦИОНИСТОВ ОБ УЛИЧНОМ ДВИЖЕНИИ

Пер. с фр. Т. Петухова. Впервые опублик. в "Internationale Situationniste" (№ 3, декабрь 1959).

РОЛЬ "ПОТЛАТЧ" — ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опублик. в качестве вступительной статьи к первому выпуску новой серии, а фактически последнему номеру "Potlatch" (№ 1 (30), 15 июля 1959), выпущенному в Амстердаме под редакцией Х. Полаклаана.

1. Третья конференция СИ проходила во втором зале гостиницы "Herzogstand" в Мюнхене с 17 по 20 апреля 1959 г. В её работе приняло участие 14 делегатов (в их числе были Дебор, А. Йорн, Констан, Дж. Пино-Галлицио, М. Викакер и др.) из 6 стран (Бельгии, Германии, Голландии, Дании, Италии и Франции). Конференция состояла из трёх секций, проводившихся ежедневно с 18 по 20 апреля. Первый день был посвящён обсуждению доклада Констан о создании в Амстердаме несколькими днями ранее Бюро исследований в области унитарного урбанизма. Заседание 19 апреля начиналось с доклада нем. художника из мюнхенской группировки «Шпур» (Sprug, нем. шпора) Х.-П. Циммера, посвящённого условиям ситуационистской деятельности в ФРГ, а также деятельности «Шпур». Этот доклад знаменовал присоединение «Шпур» в полном составе к нем. секции СИ. Также на заседании обсуждались 11 пунктов «Амстердамской декларации». Последний день был посвящён организационным вопросам, в частности, идее возобновления издания "Potlatch". На этом конференции закончилась и «немедленно на столе появился экспериментальный алкоголь, созданный по такому случаю Пино-Галлицио, позже за полночь за ним последовали классические напитки» (см.: La Troisième Conférence de l'I. S. a Munich // Internationale Situationniste. № 3 (Décembre 1959). P. 22.). По итогам заседаний 21 апреля был выпущен пресс-релиз на нем. языке «Культурный путч, пока вы спите».
2. Морис Викакер (1923–1996) — бельг. художник, работавший в жанре лирической абстракции и известный во многом благодаря своим работам в области пейзажа. Был участником МДИБ, в 1958–1961 гг. состоял в СИ и в ред-

коллегии “Internationale Situationniste”. В нач. 1961 г. нем. галерист О. Ван де Лоо, сотрудничавший с рядом художников-ситуационистов, включая Викера, запланировал сделать из своей галереи в Эссене «лабораторию унитарного урбанизма», никак не согласовав свои планы с СИ, вследствие чего получил от СИ гневную отповедь и был вынужден отказаться от своих планов, однако затем предпринял попытку создать раскол внутри СИ, воздействуя на зависимых от его галерей нем. художников-ситуационистов как шантажом, так и щедрыми посулами. Те уведомили об этом остальных членов СИ, которые приняли немедленное решение порвать всякие отношения с Ван де Лоо. Викиер, связанный с Ван де Лоо деловыми отношениями в большей степени, чем остальные, не торопился разрывать с ним сотрудничество и на ультимативное требование товарищей выбрать, с кем он, предпочёл ответить уклончиво. В результате на третьей сессии Центрального совета СИ, проходившей в Мюнхене 11–13 апреля 1961 г., он был исключён из СИ.

МАНИФЕСТ

Пер. с фр. С. Михайленко. Коллективный текст, составленный ситуационистами в рамках подготовки акции прямого действия в парижской штаб-квартире ЮНЕСКО (которая так и не была проведена). Впервые опубл. в “Internationale Situationniste” (№ 4, июнь 1960).

1. Цит. по: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 21. М.: Гос. издво полит. лит-ры, 1961. С. 173.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К СОЗДАНИЮ ЕДИНОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОГРАММЫ

Пер. с фр. С. Михайленко. В 1960–1961 гг. Дебор сотрудничал с фр. марксистской группировкой «Социализм или варварство» (1948–1967), рассчитывая создать революционную организацию нового типа с привлечением её активистов. Данный текст, который должен был послужить основанием для дальнейшей дискуссии между членами СИ и этой группировки, был написан в соавторстве с её участником Даниелем Бланшаром (выступавшим под псевдонимом Поль Канжуэр). Впервые опубл. в виде четырёхстраничной листовки в июле 1960 г.

1. «Утопия» в прямом переводе с древнегреч. обозначает «нигде», «место, которого не существует».

ПЕРСПЕКТИВЫ ОСОЗНАННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Пер. с фр. Т. Петухова. Текст выступления Дебора 17 мая 1961 г. на заседании Группы по исследованию повседневной жизни, организованной А. Лефевром на базе Центра социологических исследований Национального центра научных

исследований Франции (НЦНИ), был заранее начитан Дебором на магнитофон, и аудиозапись была затем проиграна на заседании. С минимальной авторской редакцией текст был впервые опубликован в "Internationale Situationniste" (№ 6, август 1961); в наст. изд. публ. по этой версии.

1. См.: *Lefebvre H. Foreword to the Second Edition* // Lefebvre H. *Critique of Everyday Life* / Trans. by J. Moore. London: Verso, 1991. P. 86.
2. Дебор отсылает к тексту предисловия А. Лefевра ко второму изданию кн. «Критика повседневной жизни» (1958), в котором тот говорит: «Тот удивительный способ, которым современные технологии проникли в повседневную жизнь, привнес в этот отсталый сектор неравномерное развитие, которым характеризуется всякий аспект нашей эпохи» (см.: *Lefebvre H. Foreword to the Second Edition*. P. 8).
3. «Благородный дикарь» — архетип персонажа, особенно популярный в литературе времён века Просвещения, обозначающий героя, находящегося в «естественном состоянии», не испорченного городской цивилизацией, которому, таким образом, присуща врождённая человеческая добродетельность.
4. Ален Роб-Грийе (1922–2008) — фр. писатель и кинорежиссёр, был избран членом Французской академии (2004). Заложил теоретические основы фр. литературного направления «новый роман» в ряде статей, изданных в 1956–1963 г. и затем объединённых в сборник «За новый роман» (1963).
5. Объединённая социалистическая партия (*фр.*, Parti socialiste unifié) была создана в 1960 г. Э. Дёпре и имела имидж партии левых интеллектуалов. В 1989 г. прекратила своё существование.
6. Цит. по: *Ларошфуко Ф. де. Максимы и моральные размышления* // Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимы / Изд. подг. А. С. Бобович, Э. Л. Линецкая, М. В. Разумовская, Н. Я. Рыкова. М.: Наука, 1971. С. 165. Пер. с фр. Э. Л. Линецкой.
7. "France Observateur" («Французский обозреватель», *фр.*) — название, которое в период с 1954 по 1964 г. носил фр. еженедельный журн., основанный в 1950 г. как "L'Observateur politique, économique et littéraire" («Политический, экономический и литературный обозреватель», *фр.*), а в 1953 г. переименованный в "L'Observateur aujourd'hui" («Обозреватель сегодня», *фр.*). В 1964 г. журн. стал называться "Le Nouvel Observateur" («Новый обозреватель», *фр.*), а в 2014 г. был переименован в "L'Obs".

О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

Пер. с фр. С. Михайленко. Тезисы, составленные в марте 1962 г. по просьбе А. Лefевра, который работал над кн. о Коммуне. Вышедшая в том же году в журн. "Arguments" статья Лefевра «Значение Коммуны» содержала очевидные заим-

ствования идей и текста тезисов. Впервые опубликован в феврале 1963 г. в составе направленного против Лефевра памфлета «В помойку истории!», напротив каждого из тезисов был приведён соответствующий абзац из статьи Лефевра с заимствованиями из этого тезиса. Эта публикация была воспроизведена факсимильно в “Internationale Situationniste” (№ 12, сентябрь 1969) в сопровождении редакционного предисловия «Причины переиздания».

Аттила Котаньи (1924–2003) — венг. писатель и архитектор. В 1956 г. после восстания в Венгрии эмигрировал с семьёй в Брюссель. В 1960–1963 гг. состоял в СИ, участвовал в работе редколлегии “Internationale Situationniste” и возглавлял Бюро исследований в области унитарного урбанизма. Позже, в 1970–1980 гг., Котаньи преподавал искусство в Дюссельдорфской академии искусств, в 1990-х вернулся в Венгрию и работал преподавателем в Венгерском университете изобразительных искусств.

Рауль Ванейгем (род. 1934) — бельг. философ и писатель. В 1960 г. при посредничестве А. Лефевра познакомился с Дебором, в 1961–1970 гг. состоял в СИ. Автор «Трактата об умении жить для молодых поколений», одного из двух основных теоретических текстов СИ (наряду с кн. «Общество спектакля» Дебора), рус. изд.: *Ванейгем Р.* Революция повседневной жизни: Трактат об умении жить для молодых поколений / Пер. с франц. Э. Саттарова. М.: Гилея, 2005. После выхода из рядов СИ занимался исследованием средневековых ересей и опубликовал на эту тему ряд кн. Также выпустил исследование по истории сюрреализма, см.: *Ванейгем Р.* Бесцеремонная история сюрреализма / Пер. с франц. и примеч. М. Лепиловой. М.: Гилея, 2014.

1. Восстание в Астурии («Октябрьские бои») — крупное восстание рабочих в Испании в октябре 1934 г. В ночь с 4 на 5 октября 1934 г. в ответ на включение в исп. правительство трёх членов Испанской конфедерации автономных правых в Испании началась всеобщая политическая забастовка, переросшая в вооружённые бои в отдельных регионах. Восстания к 9 октября были подавлены во всех регионах, кроме провинции Астурия. В Астурии восставшие, чей костяк составляли рабочие горнодобывающих предприятий, провозгласили Рабоче-крестьянскую астурийскую республику, сформировали на местах рабочие советы и создали 20-тысячную революционную армию. Через две недели (20 октября) восстание было подавлено правительственными войсками под командованием генерала Франко.
2. Цитата из редакционной статьи «Плохие дни пройдут» в “Internationale Situationniste” (см.: *Les mauvais jours finiront // Internationale Situationniste.* № 7 (Avril 1962). P. 12).
3. Цит. по: *Маркс К.* Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 17. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. С. 350.
4. Цит. по: *Энгельс Ф.* Введение к «Гражданской войне во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 22. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1962. С. 201.

5. «Петролейщицами» (от “*rétroleuses*”, *фр.*, также встречается перевод «керосинщицы») контрреволюционная пропаганда во Франции XIX в. называла сторонниц Парижской коммуны, якобы устроивших серию поджогов парижских зданий в последние дни восстания. В действительности же ни одна из женщин, осуждённых за участие в событиях Парижской коммуны, не была осуждена за поджог. Одновременно с тем, множество зданий действительно были сожжены бойцами-коммунарами при отступлении в ходе уличных боёв (о чём говорится в п. 10 этого текста).
6. Дырка — отсутствие электрона в валентной зоне атома. Такая дырка может быть заполнена электроном из соседнего атома, в котором на месте ушедшего электрона образуется дырка. Последовательное заполнение положительных дырок электронами равносильно движению дырки в полупроводнике и появлению в нём свободных положительных носителей тока.
7. См.: *Kotányi A., Vaneigem R. Programme elementaire du Bureau d’urbanisme unitaire // Internationale Situationniste. № 6 (Août 1961). P. 18.*
8. Цитата из доклада Сен-Жюста в Конвенте 8 вантоза II года республики (26 февраля 1794 г.) (см.: *Saint-Just. Œuvres complètes. P. 667*).
9. Фраза К. Маркса в письме к Л. Кугельману от 12 апреля 1871 г. звучит так: «Теперешнее парижское восстание, если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, является славнейшим подвигом нашей партии со времени парижского июньского восстания» (см.: Маркс — Людвигу Кугельману в Ганновер (Лондон, 12 апреля 1871 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 33. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1964. С. 172).

“ALL THE KING’S MEN”

Пер. с фр. Т. Петухова. Впервые опублик. в “*Internationale Situationniste*” (№ 8, январь 1963). Название статьи “*All the King’s men*” («*Вся королевская рать*», *англ.*) является строчкой из традиционной англ. детской песенки про Шалтая-Болтая, а также названием изданного в 1946 г. романа Р. П. Уоррена, демонстрирующего неприглядную изнанку политической борьбы.

1. Цит. по: *Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье // Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье / Пер. с англ. Н. М. Демуровой. М.: Наука, 1991. С. 176.*
2. Цит. текст А. Бретона «Пренебрежительное признание» (1923) (см.: *Breton A. La Confession dédaigneuse // Breton A. Œuvres complètes. T.I. Paris: Gallimard, 1988. P. 198*).
3. «Тёмный», или «герметичный» стиль — направление в поэзии прованс. troubadours XII в.

4. «Сладостный новый стиль» — направление в поэзии на рубеже Средних веков и раннего Возрождения (XIII–XIV вв.) в Италии.
5. Панчо Вилья (наст. имя Хосе Доротео Аранго Арамбула, 1878–1923) — мекс. военный деятель, один из революционных генералов и лидеров повстанцев-крестьян во время Мексиканской революции 1910–1917 гг.
6. Динамитьерос (*исп.* dinamiteros, «динамитчики») — бойцы-метатели взрыв-пакетов в Испании. Принимали активное участие в событиях Астурийского восстания, благодаря большому количеству взрывчатки, использовавшейся для горнодобывающих работ в этом регионе. В дальнейшем были задействованы в ходе Гражданской войны против франкистской бронетехники.
7. См. текст «Стачка в Астурии».
8. В 1918 г. в нем. городе Киль произошло восстание матросов на судах герм. императорского флота, которое переросло в ноябрьскую революцию.
9. См.: *Лотреамон*. Стихотворения П. С. 353.

СИТУАЦИОНИСТЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ ДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИКЕ И ИСКУССТВЕ

Пер. с фр. Т. Петухова. Текст был опублик. в виде брошюры на фр., англ. и дат. языках, распространявшейся на ситуационистской акции «Разрушение RSG-6» (*détournement* художественной выставки). Акция была организована дат. ситуационистом Й.-В. Мартином в июне 1963 г. в галерее EXI в г. Оденсе (Дания) при помощи Дебора, М. Бернштейн и голл. ситуациониста Я. Страйбоша. В соответствии с задумкой Дебора галерея была разделена на три секции. Первая («Убежище») воспроизводила своей обстановкой атмосферу ядерного убежища. Вторая («Восстание») содержала, в частности, тир, в котором в качестве мишеней выступали фотографии высокопоставленных лиц (Кеннеди, Хрущёва, де Голля, Франко и т. д.). Каждый стрелок, попавший точно в глаз, получал в награду экземпляр журн. скандинавской секции СИ “*Situationistisk Revolution*” («Ситуационистская революция», *дат.*). Третья («Выставка») являлась собственно выставкой художественных работ.

1. Йорген Наш (наст. имя Йорген Аксель Йоргенсен, 1920–2004) — дат. художник, младший брат А. Йорна, участник СИ. В 1960 г. приобрёл ферму на 200 акрах (ок. 81 га) земли в швед. деревне Дракабюггет, где организовал экспериментальное арт-пространство Ситуационистский Баухаус. Был исключён из СИ в 1962 г. из-за разногласий, связанных с отказом СИ от действий в мире искусства в пользу непосредственно политических действий. Смена вектора организации выражалась, в частности, в исключении из её рядов участников нем. группировки «Шпур», ориентировавшихся на подрыв официального художественного мира извне. Наш и присо-

единившиеся к нему ситуационисты — голл. художница Ж. де Йонг и швед. художник А. Эльде, попытались воспротивиться этому, выпустив совместное заявление «Опасно! Не высовывайся!», но повлиять на позицию организации не смогли и сами были также исключены. В том же 1962 г. Наш, де Йонг и Эльде сформировали Второй СИ, ориентированный на проблемы искусства, архитектуры и урбанизма. Его участники сотрудничали с основанным де Йонг журн. “The Situationist Times” (1962–1967, 6 выпусков). В 1964 г. Наш и его единомышленники отпилили голову статуи Русалочки, размещённой в порту Копенгагена.

2. Цитата из письма П. Югена Д. де Монфрейду (см.: *Gauguin P. Lettre à Daniel de Monfreid, octobre 1902 // Gauguin P. Ovir. Les écrits d'un sauvage. Paris: Gallimard, 1974. P. 249*).
3. “RSG-6” (Regional Seat of Government, Местная резиденция правительства, *англ.*) — расположенное недалеко от г. Рединг секретное ядерное убежище брит. правительства (одна из 11 аналогичных резиденций в разных частях Великобритании), в котором в случае ядерной войны должны были укрыться ответственные лица разных ведомств. Публ. координат расположения убежища и его фотографий вызвала общественный скандал, поскольку продемонстрировала, что правительство по неясной причине тайно готовится к последствиям конфликта с использованием ядерного оружия. Лица, ответственные за рассекречивание тайной информации, скрывавшиеся под коллективным псевдонимом «Шпионы за мир» (*англ.* “Spies for peace”), так и не были установлены.
4. Вольная цитата из редакционной статьи «Геополитика слячки» в “Internationale Situationniste” (см.: *Géopolitique de l'hibernation // Internationale Situationniste. № 7 (Avril 1962). P. 6–7*).
5. Цитата из редакционной статьи «Приоритетная коммуникация» в “Internationale Situationniste” (см.: *Communication prioritaire // Internationale Situationniste. № 7 (Avril 1962). P. 24*).
6. «Директивы» — серия из пяти картин Дебора, созданных в Дании в 1963 г. специально для выставки «Разрушение RSG-6». Четыре из них представляют собой надписи («Преодоление искусства», «Реализация философии», «Все против спектакля», «Нет — любым специалистам во власти; рабочие советы — везде»), сделанные Дебором чёрным цветом на белом фоне. Пятая, содержащая директиву «Отмена отчуждённого труда», была выполнена белой краской поверх метра индустриальной живописи Дж. Пино-Галлицио.
7. «Термоядерная картография» — серия работ Й.-В. Мартина («Два часа после начала Третьей мировой войны», «Два с половиной часа после начала Третьей мировой войны», «Кто бы не выиграл в войне — мы проиграли» и др.), изображающих мир в ходе и в результате ядерной войны. Была вы-

полнена путём нанесения на холст штукатурки и др. материалов. Поверх изображённых таким способом континентов в стиле живописи действия (см. далее) была разбрызгана чёрная и красная краска, что символизировало огонь и кровь. В марте 1965 г. в дом Й.-В. Мартина в г. Рандерс (Дания) была брошена зажигательная бомба, возникший пожар уничтожил большую часть оригиналов «Термоядерной картографии», а также «Побед» М. Бернштейн (о них см. далее).

8. Живопись действия — вид абстрактной живописи (абстрактного экспрессионизма), при котором краска наносится «нетрадиционными» способами: наливается, разбрызгивается и т. п.
9. «Победы» — серия работ М. Бернштейн, состоявшая из трёх трёхмерных композиций, выполненных при помощи штукатурки и краски: «Победа Парижской коммуны», «Победа испанских республиканцев», «Победа Великой Жакерии 1358 г.».
10. Орас Верне (1789–1863) — фр. художник, специализировавшийся на батальных полотнах, создававшихся им с вниманием к мельчайшим деталям.
11. Жорж Матьё (1921–2012) — фр. художник, приверженец «ташизма», смежного с «живописью действия» направления. В картинах часто прибегал к историческим темам, также создавал рекламные изображения на заказ. Например, в 1961 г. он создал этикетку для вин Шато Мутон-Ротшильд.
12. Цит. по: *Лотреамон*. Стихотворения П. С. 345, 361, 370.

СТАЧКА В АСТУРИИ

Пер. с фр. Т. Петухова. Текст, написанный на англ. языке для вице-президента Дзенгакурена Т. Тагаки и отправленный ему в письме от 28 октября 1963 г. Впервые опублик. в переводе на фр. язык в: *Debord G. Œuvres*. P. 657–662.

Дзенгакурен (сокр. от «Всеяпонская федерация студенческих самоуправляемых ассоциаций», *япон.*) — название ряда япон. леворадикальных студенческих группировок. Изначально создана в 1948 г. как единая организация, аффилированная с Компартией Японии. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. разделилась на несколько фракций, каждая из которых продолжала использовать имя Дзенгакурена. Группировка Сампа Ренго («трёхфракционный альянс», *япон.*), возникшая в конце 1961 г. и критически настроенная по отношению к япон. и сов. компартиям, наладила связь с СИ и издала ряд ситуационистских текстов на япон. языке. Весной 1963 г. её представители Ц. Курокава и Т. Тагаки встретились с Дебором и М. Бернштейн в Париже. Всем фракциям Дзенгакурена был свойствен антиамериканизм, в 1960-е гг. их члены принимали активное участие в радикальных протестах против амер. интервенции во Вьетнам и амер. военных баз в Японии. Группировки, использующие имя Дзенгакурена, существуют в Японии и в наши дни.

1. Силикоз – профессиональное заболевание лёгких у шахтёров и рабочих литейных цехов.
2. POUM – Partido Obrero de Unificación Marxista (Рабочая партия марксистского объединения, *исп.*) – антисталинистская левая партия, существовавшая в Испании 1935–1980 гг. Пик её численности пришёлся на нач. Гражданской войны в Испании, когда в рядах партии состояло несколько десятков тысяч членов. В 1937–1938 гг. неподконтрольная Коминтерну POUM была подвергнута репрессиям со стороны республиканского правительства и сталинистов и фактически разгромлена. После Второй мировой войны немногочисленные ячейки POUM в Испании вели подпольную борьбу против режима Франко.
3. Профсоюзное объединение трудящихся (*исп.* Alianza Sindical Obrera, сокр. ASO) – профсоюзная организация, основанная в Барселоне в 1962 г. активистами Всеобщего союза трудящихся (*исп.* Unión General de Trabajadores, сокр. UGT). После прихода к власти Франко UGT существовал на подпольном положении, а его руководство находилось в эмиграции во Франции. Волна стачек 1962 г. породила дискуссию на конгрессе UGT в Париже, состоявшемся летом 1962 г. Часть активистов предлагала сосредоточить усилия на возобновлении активной деятельности организации внутри Испании, но они не были поддержаны «старой гвардией», убеждённой в том, что подобные действия будут пресечены полицейскими методами. Несогласные с этим решением в октябре 1962 г. организовали ASO, к созданию которой были привлечены также анархисты и католики. Создатели ASO рассчитывали на поддержку и со стороны активистов, находящихся в эмиграции, однако те увидели в этом попытку раскола UGT и отказались от сотрудничества. В 1964 г. ASO разделилось на отраслевые профсоюзы, рассчитывая тем самым достичь большей эффективности действий, но желаемого результата это не дало, и в 1968 г. ASO полностью прекратило существование.
4. Фронт народного освобождения (*исп.* Frente de Liberación Popular) – подпольная леворадикальная антифранкистская организация, основанная исп. философом Х. С. Аюсо, действовавшая в Испании в 1958–1969 гг. В январе 1969 г. член организации студент Э. Р. Казанова был арестован и убит в участке Политико-социальной бригады (франкистской тайной полиции). Власти заявили, что он выпрыгнул из окна при попытке бегства. Последовавшие за этим студенческие протесты и демонстрации были столь сильны, что привели к введению чрезвычайного положения.
5. Локаут (от *англ.* lock out – запира́ть двери) – временная приостановка деятельности предприятия (с прекращением выплаты зарплаты) его владельцем с целью оказания давления на работников в ходе трудового конфликта.
6. Гаррота – способ казни через постепенное удушение при помощи сжимающих шею деревянных тисков, приводимых в движение винтом. При-

АНКЕТА

Пер. с фр. С. Михайленко. Коллективный редакционный текст, опубликован в «Internationale Situationniste» (№ 9, август 1964).

1. Парафраз одного из «Тезисов о Фейербахе» К. Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (см.: *Маркс К. Тезисы о Фейербахе* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 4).
2. Пограничная ситуация — понятие, введённое нем. философом, психиатром и психологом, одним из основателей экзистенциально-феноменологической психиатрии К. Ясперсом для обозначения ситуаций, в которых человек переживает сильное эмоциональное потрясение (или его жизнь подвергается риску), тем он самым отрешается от рутины повседневной жизни, выходит за её границы и познаёт трансцендентность бытия.
3. Якоб Буркхардт (1818–1897) — швейц. историк и философ культуры. Авторы отсылают к названию главной работы Буркхардта «Культура Италии в эпоху Возрождения» (1860), вышедшей в фр. переводе под названием «Цивилизация Италии в эпоху Возрождения».
4. Антониу ди Оливейра Салазар (1889–1970) — португ. государственный деятель, в 1932–1968 гг. — председатель Совета министров Португалии, фактически был диктатором страны. Был активным противником предоставления независимости португ. колониям (Анголе, Мозамбику, Гвинея-Бисау и т. д.).
5. Авторы отсылают к дискуссии, развернувшейся на Пятой конференции СИ в Гётеборге (Швеция), которая проходила 28–30 августа 1961 г. Она началась с выступления Р. Ванейгема, в частности, сказавшего: «Капиталистический или так называемый “антикапиталистический” мир организует жизнь по модели спектакля... Речь идёт не о создании спектакля отказа, но об отказе от спектакля. Для того чтобы создание элементов разрушения спектакля было художественным, в новом и подлинном смысле, определённом СИ, они должны как раз перестать быть произведениями искусства. Не существует ни ситуационизма, ни ситуационистского произведения искусства, ни тем более ситуационистского спектакля. Раз и навсегда». В последовавшем обсуждении слово взял А. Котаньи, который сказал: «С момента возникновения движения встал вопрос о том, как надлежит называть художественные произведения членов СИ? Понятно, что ни одно из них не было ситуационистским творчеством, но как их тогда назвать? Я предлагаю вам очень простое правило: называть их антиситуационистскими. Мы выступаем против господствующих условий художественной

фальши. Я не говорю, что кому-то следует прекратить рисовать, писать и т. д. Я не говорю, что в этом нет никакой ценности. Я не говорю, что мы можем продолжать жить, не занимаясь этим. Но одновременно с тем мы знаем, что всё это будет захвачено обществом, чтобы быть использованным против нас... Я советую вам не забывать, что в настоящее время это именно антиситуационистское творчество». Протокол конференции гласит: «Все отклики на положение Котаньи были одобрительными... Конференция единогласно решила принять правило антиситуационистского искусства, распространяющееся на всех членов СИ» (см.: *La Cinquième Conférence de l'I. S. à Göteborg // Internationale Situationniste. № 7 (Avril 1962). P. 26–28).*

6. Ссылка на направленную против Й. Наша редакционную статью «Контрситуационистская операция в разных странах» в “*Internationale Situationniste*”, в которой, в частности, говорилось: «Все, кто знаком с СИ, сумели заметить, что он сопротивлялся всякому давлению и двигался в сторону, противоположную смягчению и ослаблению его мысли. Культурная среда, даже в её самых модернистских и доброжелательных видах, таким образом, будет одновременно способствовать максимальному беспорядку в реальности СИ (говоря прямо, капитала на нацистские предприятия всегда хватало), ещё более открыто относиться к нам как к отщепенцам, и, что особенно важно, пытаться организовать всё более сильное экономическое удушение» (см.: *L'opération contre-situationniste dans divers pays // Internationale Situationniste. № 8 (Janvier 1963). P. 26).*
7. Авторы отсылают к тексту «Объявление», гласящему: «Поскольку никому из ситуационистов не нравятся сады Пале-Рояль настолько, чтобы прогуливаться там каждый день с полудня до часу дня, то издатели, меценаты, кинопродюсеры и т. д. могут связаться с нами, написав по адресу: Париж, а / я 75–06. Будь это из полного бескорыстия, или из ожидания сверхприбылей от некоторых разумных инвестиций – мы не видим в этом никаких препятствий. Достаточно знать, что мы ни при каких условиях не будем обсуждать содержание или форму наших книг, журналов, фильмов и любых других произведений, полную свободу которых может ограничивать только СИ» (см.: *Annonce // Internationale Situationniste. № 9 (Août 1964). P. 48).*
8. Имеется в виду высадка партизан (среди которых были Ф. Кастро, Че Гевара, К. Сьенфуэгос) 2 декабря 1956 г. с яхты «Гранма» на о. Куба, положившая нач. Кубинской революции.
9. То есть Первый интернационал.
10. Имеется в виду проигранное греками Фермопильское сражение (480 г. до н. э.), эпизод греко-перс. войны, в котором греки под командованием царя Леонида противостояли перс. войску, превышавшему их по численности в несколько десятков раз. Наиболее известным моментом сражения

является последний бой отряда из 300 спартанцев, чьи отвага и доблесть стали легендой.

11. Согласно Геродоту, эпитафия на могиле 300 спартанцев, погибших в Фермопильском сражении.

ПОСЛАНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ АЛЖИРА И ВСЕХ ДРУГИХ СТРАН

Пер. с фр. Т. Петухова. Текст, посвящённый военному перевороту в Алжире 19 июня 1965 г., был опублик. в июле 1965 г. в виде анонимных листовок, затем (в ноябре) – в виде брошюры на англ., араб., исп., нем. и фр. языках.

1. Цит. по: *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 8. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. С. 123.
2. Отсылка к фразе из «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса: «Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. второе. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 34). Впоследствии воспроизведена в нач. 73-го тезиса деборовского «Общества спектакля» (1967).
3. Ахмед бен Белла (1918–2012) – алжир. революционер и государственный деятель, один из лидеров Фронта национального освобождения во время борьбы за независимость, премьер-министр (1962–1963) и первый президент Алжира (1963–1965). В 1963 г. все предприятия, имения и фермы европейских владельцев были переданы рабочим комитетам самоуправления. Бен Белла был свергнут в результате военного переворота 19 июня 1965 г., после чего до 1980 г. находился под домашним арестом, а затем проживал во Франции и в Швейцарии.
4. Сиди-Бель-Аббес – город на северо-западе Алжира, административный центр одноимённой провинции.
5. Хуари Бумедьен (1932–1978) – алжир. государственный и военный деятель, правитель Алжира, сместивший президента бен Беллу и возглавлявший страну сначала в качестве председателя Революционного совета Алжира (1965–1976), затем как президент Алжира (1976–1978). Здесь обыгрывается название международной религиозно-политической организации «Братья-мусульмане»: намёк на то, что Бумедьен придерживался не светской, а исламистской модели национального строительства.
6. Год нач. Мексиканской революции, падения диктатуры П. Диаса.
7. Имеются в виду народные движения (в частности, движение мулелистов) в ходе событий «Конголезского кризиса» (от провозглашения независи-

мости Конго от Бельгии в 1960 г. до захвата власти Ж.-Д. Мобуту в 1965 г.). Этому была посвящена статья Дебора «Условия конголезского революционного движения» (1966), в которой, в частности, говорилось: «Безусловно, социализм в Африке должен полностью изобрести себя не потому, что это Африка, но потому, что он ещё нигде не существует! Следовательно, ему не следует определять себя как африканский социализм... Это движение должно заявлять, что оно требует полной дехристианизации страны, как можно более быстрой и бесповоротной. Религия повсюду является отчуждением. Но в Африке это импортированное отчуждение, таким образом, это вдвойне чуждая сила... Революционное конголезское движение сегодня не является частью истории негритюда, но относится ко всеобщей истории. Оно является частью революционного пролетариата, который вновь поднимается на поверхности каждой страны. Оно должно сражаться с Джонсоном и Мао. Оно должно отомстить за Лумумбу и Либкнехта, за Бабёфа и Дуррути» (см.: *Debord G. Conditions du mouvement révolutionnaire congolais // Debord G. Œuvres. P. 697–698*).

8. Предыдущие два предложения, как и некоторые предложения в последующих абзацах, воспроизводят с незначительными добавлениями фрагменты из текста «Ситуационисты и новые формы действия в политике и искусстве».
9. Антонио Грамши (1891–1937) – итал. философ и политический деятель, считается одним из теоретиков неомарксизма. Указанная максима часто приписывается ему, однако в его работах не содержится. Наиболее близкой по смыслу является фраза в написанной им совместно с П. Тольятти статье «Рабочая демократия»: «Говорить правду, сообща добиваться правды – значит работать на благо коммунизма и революции» (см.: *Грамши А. Избранные произведения в 3 томах. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. С. 32*).
10. «Чёрные мусульмане» (англ., “Black Muslims”) – общее название для общественных и религиозных движений, действующих в среде чернокожего населения США и сочетающих в своей идеологии исламизм и чёрный национализм. Наиболее ярким примером может служить организация «Нация ислама», основанная в 1930 г. У. Ф. Мухаммадом.
11. Дебор, очевидно, имеет в виду слова В. И. Ленина «политика есть самое концентрированное выражение экономики» (см.: *Ленин В. И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. пятое. Т. 42. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. С. 216*).
12. Масштабные студенческие волнения в Калифорнийском университете в Беркли, возглавляемые созданным там «Движением за Свободу Слова», прошли в 1964 г. и смогли добиться права студентов на политические выступления.

13. В 1965 г. вооружённые силы США вторглись в Доминиканскую республику, после того как в ходе восстания «конституционалистов» была свергнута правящая хунта во главе с Триумvirатом, во главе которого стоял Д. Р. Кабраль, и к власти в стране пришёл Ф. Кааманьо. Требованиями «конституционалистов» было возвращение к власти свергнутого военными при участии спецслужб США в 1963 г. президента Х. Боша и восстановление конституционного строя 1963 г. Называя Кааманьо «кеннедистом» Дебор имеет в виду, что Бош пользовался определённой поддержкой президента США Дж. Ф. Кеннеди (полагавшего, что либерально-демократические режимы более эффективно противостоят распространению коммунизма в Латинской Америке, чем ультраправые диктатуры), что, например, выразалось в том, что во время правления Боша страна получала от США финансирование в рамках программы «Альянс во имя мира».
14. Горнодобывающий союз Верхней Катанги (*фр.*, Union Minière du Haut Katanga) — бельг. горнодобывающая компания, крупнейшая на территории конголез. провинции Катанга.
15. Патрис Эмери Лумумба (1925–1961) — конголез. политический деятель, один из лидеров национально-освободительного движения Конго, первый премьер-министр Демократической республики Конго (июнь — сентябрь 1960 г.) после провозглашения независимости от Бельгии в 1960 г. Морис Мполо (1928–1961) — конголез. политический деятель, министр по делам молодёжи и спорта в кабинете Лумумбы. После провозглашения независимости Конго в регионе Катанга, богатым полезными ископаемыми, началось сепаратистское восстание под руководством М. Чомбе, поддержанное бельг. Горнодобывающим союзом, желавшим сохранить контроль над шахтами. В сентябре 1960 г. Лумумба, активно выступавший против внутреннего сепаратизма, был снят с поста премьер-министра. В кон. 1960 г. Лумумба и Мполо были арестованы, затем переданы в Катангу, где 17 января 1961 г. были расстреляны катангийскими солдатами под командованием бельг. офицеров.
16. Пьер Мулеле (1929–1968) — конголез. политический деятель, при П. Лумумбе недолгое время занимал пост министра образования, в 1964 г. возглавлял восстание в регионе Квилу, позднее подавленное властями при поддержке Бельгии и США.
17. Стэнливиль — город на северо-востоке Конго, ставший центром восстания Симба (от «simba», «лев», *суах.*) в 1964 г. Дебор имеет в виду осуществлённую в ноябре 1964 г. операцию «Красный дракон», в ходе которой город был захвачен бельг. десантниками при поддержке амер. авиации.

УПАДОК И РАЗРУШЕНИЕ ТОВАРНО-ЗРИТЕЛЬСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опубл. в декабре 1965 г. в виде брошюры в англ. переводе, выполненном англ. ситуационистом Д. Николсоном-Смитом,

для распространения в Нью-Йорке. Фр. текст впервые опублик. в “Internationale Situationniste” (№ 10, март 1966). Название статьи является отсылкой к названию шеститомного труда англ. историка Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи» (1776–1789).

1. Уоттс — административный район Лос-Анджелеса, населённый преимущественно афроамериканцами.
2. NAACP — National Association for the Advancement of Colored People (Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, *англ.*), одна из старейших амер. общественных организаций, занимающаяся защитой прав чернокожего населения.
3. Джеймс Френсис Макинтайр (1886–1979) — архиепископ Лос-Анджелеса в 1948–1970 гг.
4. Аджорнаменто — программа обновления католической церкви путём инкорпорации теологией отдельных достижений современной культуры и философии, провозглашённая папой Иоанном XXIII и обсуждавшаяся на Втором Ватиканском соборе (1962–1965).
5. Имеется в виду «Послание революционерам Алжира и всех других стран».
6. Джордж Уоллес (1919–1998) — амер. политик-демократ, в 1963–1967 гг. губернатор штата Алабама.
7. Марши из Сельмы на Монтгомери — серия из трёх маршей, прошедших в марте 1965 г. в амер. штате Алабама в рамках борьбы чернокожих американцев за равные избирательные права. Все они стартовали из г. Сельма. Первый состоялся 7 марта 1965 г. и был с особой жестокостью разогнан полицией, выполнявшей распоряжение губернатора штата. Эти события, в ходе которых более 50 участников получили ранения, вошли в историю под названием «кровавого воскресенья» (*англ.*, Bloody Sunday). Второй марш состоялся 9 марта. Организаторы попробовали заранее получить судебное определение, запрещающее полиции препятствовать проведению марша, но федеральный окружной судья Ф. М. Джонсон вынес решение, запрещающее марш до проведения дополнительных слушаний по этому вопросу. Также маршу предшествовали негласные переговоры между представителями властей и его организаторами (среди них был и М. Л. Кинг), в ходе которых представители власти убеждали отложить шествие на более поздний срок. Однако полностью исключить мероприятие было невозможно, поскольку недовольство событиями «кровавого воскресенья» было столь сильным, что многие готовы были в нём участвовать невзирая на судебный запрет. Тогда участвовавший в переговорах экс-губернатор Флориды Т. Л. Коллинс предложил завершить марш на городском мосту Эдмунда Петтуса, гарантировав, что в таком случае полиция не будет вмешиваться в происходящее. Кинг, ожидавший положительного исхода судебного рас-

смотрения (шансы на него сильно снизились бы в случае, если бы марш состоялся вопреки запрету), принял эти условия. В итоге марш прошёл по заранее согласованному плану, и после проведения Кингом на мосту непродолжительного молебна протестующие были развёрнуты организаторами обратно, так и не покинув границ г. Сельма. Эти события стали известны как «разворот во вторник» (*англ.*, Turnaround Tuesday) и именно к ним отсылает Дебор. Третий марш начался 21 марта 1965 г., ему предшествовало решение судьи в пользу проведения марша. Он завершился 25 марта в столице штата Алабама г. Монтгомери. Марши вызвали большой общественный резонанс и привели к принятию в 1965 г. «Акта об избирательных правах», запрещавшего расовую дискриминацию избирателей.

8. «Последний довод» (*лат.*).
9. Teach-in (диспут, *англ.*) — форма протестных действий в виде образовательного семинара, посвящённого актуальным политическим вопросам, с выступлениями экспертов, сопровождаемыми свободной дискуссией, вопросами и репликами присутствующих. Особенностью teach-in (в отличие от обычного семинара) является отказ от заданных временных рамок и строгого академического подхода. Teach-in возникли в США в 1965 г. как форма протеста преподавателей и студентов против войны во Вьетнаме, первый из них был проведён в Мичиганском университете в г. Анн-Арбор 24–25 марта 1965 г.
10. «Дальше некуда» (*лат.*).
11. Цит. по: *Маркс К.* Ницета философии. С. 143.
12. Тип ускорителя тяжёлых заряженных частиц.
13. Речь идёт о режиме «состояния восстания», вводимом в соответствии с «Актом о восстании» (1807) и позволяющем президенту США использовать против восставших «те вооружённые силы, которые он сочтёт необходимыми для обеспечения соблюдения законов или подавления восстания».
14. Батальон имени Авраама Линкольна — сформированный из амер. добровольцев батальон в составе интербригад в ходе Гражданской войны в Испании.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ СИТУАЦИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опубл. на *англ.* языке без заголовка в конце брошюры «Упадок и разрушение товарно-зрительской экономики» (см. ранее) и на *фр.* языке в 1966 г. в листовке «Классовая борьба в Алжире», приложенной к «Internationale Situationniste» (№ 10, март 1966). Заголовок «Презентация ситуационистского движения» присвоен тексту при публ. в: *Debord G.* Œuvres. P. 715–716.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В АЛЖИРЕ

Пер. с фр. Т. Петухова. Текст впервые опубли. в виде листовки в декабре 1965 г. для распространения в Алжире и воспроизведён в “Internationale Situationniste” (№ 10, март 1966) — в самом журн. и в виде приложенной к нему листовки.

1. Имеется в виду «Послание революционерам Алжира и всех других стран».
2. ФНО — Фронт национального освобождения (*фр.* Front de libération nationale, сокр. FLN), алжир. национально-освободительная организация, действовавшая во время Войны за независимость страны (1954–1962). После провозглашения независимости ФНО стал правящей политической организацией. В 1964 г. был преобразован в политическую партию социалистической ориентации, которая на момент написания статьи была единственной разрешённой партией в Алжире.
3. Сукарно (наст. имя Кусно Сосродихарджо, 1901–1970) — индонез. государственный деятель, лидер освободительного движения, первый президент страны (1945–1967). Во время правления Сукарно Коммунистическая партия Индонезии играла значительную роль в государственном управлении и в общественно-политической жизни страны (коммунизм наряду с национализмом и религией был одним из трёх основ Насаком — политической концепции, выдвинутой Сукарно). Неудачная попытка государственного переворота в 1965 г., осуществлённая левой группировкой офицеров «Движение 30 сентября», привела к запрету компартии, массовым убийствам её реальных и мнимых членов и сторонников, а также к постепенной утрате Сукарно власти и её переходу к главнокомандующему армией Сухарто.
4. «Эль-Муджахид» («Воин», *араб.*) — ежедневная государственная газ. в Алжире, издаваемая с 1965 г.; во время Войны за независимость газ. с таким же названием была официальным рупором ФНО.
5. Мохаммед Харби (род. 1933) — алжир. историк, член ФНО во время Войны за независимость, позже советник и член кабинета бен Беллы, был арестован через 2 месяца после государственного переворота, позже смог бежать в Париж. Один из первых историков, описавших деятельность ФНО изнутри.
6. Воинское звание Эрнесто Че Гевары (команданте) соответствует званию майора, а не лейтенанта. Весной 1965 г. Че Гевара негласно покинул Кубу и отправился в Конго, чтобы возглавить отряд куб. добровольцев, сражавшихся на стороне повстанцев во главе с Л.-Д. Кабилой в ходе Конголезского кризиса. Исчезновение одного из лидеров Кубинской революции породило много слухов и домыслов, которые были отчасти развеяны после того, как 3 октября 1965 г. на учредительном заседании ЦК Коммунистической партии Кубы Ф. Кастро обнаружил направленное ему

«прощальное письмо» Че Гевары от 1 апреля, в котором тот высказывает намерение покинуть Кубу, чтобы «бороться против империализма везде, где он существует» (не конкретизируя своих планов). После того как осенью того же года восстание в Конго было окончательно подавлено, Че Гевара перебрался в Танзанию, а затем — в Чехословакию, где на момент публ. данного текста находился под вымышленным именем и с изменённой внешностью.

7. Гамаль Абдель Насер (1918–1970) — египет. государственный деятель, президент Египта (1956–1970). Идейный лидер организации «Свободные офицеры», совершившей в 1952 г. переворот, в результате которого в Египте была установлена республиканская форма правления. Сторонник панарабистских и социалистических идей.
8. Ахмед Мессали Хадж (1898–1974) — алжир. политик, один из первых активистов, выступавших за независимость страны, основатель ряда революционных организаций. В годы войны за независимость основал Алжирское национальное движение, которое, несмотря на близость целей, находилось в сильной конфронтации с ФНО, вплоть до силового противостояния.
9. Договор, при котором до момента полной оплаты лицо считается арендатором.
10. “Révolution et Travail” («Революция и труд», *фр.*) — газ., центральный печатный орган Всеобщего союза алжирских трудящихся.
11. Хосин Захуан (род. 1935) — алжир. политик, избирался членом ЦК ФНО и Политбюро ФНО. После военного переворота участвовал в создании Организации народного сопротивления, которую возглавлял вместе с Б. Хадж Али и М. Харби. После её разгрома в августе-сентябре 1965 г. провёл несколько лет в тюрьме и под домашним арестом. В 1973 г. бежал во Францию, после смерти Бумедьена вернулся в Алжир. В 1985 г. принимал участие в создании Алжирской лиги защиты прав человека и в 2005–2007 гг. занимал в ней пост президента.
12. От имени Пальмиро Тольятти (1893–1964), лидера итал. коммунистической партии, участвовавшего в её создании. Под его влиянием партия совершила «Салернский поворот» в 1944 г., отказавшись от вооружённой борьбы за социализм и став легальной политической партией.
13. Этим интеллектуалом был венг. писатель и драматург Дьюла Хай (1900–1975).
14. Цит. по: *Вилье де Лиль-Адан О. Очерки в прессе Коммуны (17–22 мая 1871 г.) // Вилье де Лиль-Адан О. Жестокие рассказы / Изд. подг. Н. И. Балашов, Е. А. Гунст; ред. пер. Е. А. Гунст, М. В. Вахтерова. М.: Наука, 1975. С. 143. Пер. Е. А. Гунста.*

15. Мютюэлизм (от фр. *mutuel* – взаимный) – течение анархизма, обоснованное в работах П.-Ж. Прудона. Сам термин был введён в обращение в работе Прудона «Революционная программа» (1848). Мютюэлизм предусматривает организацию общества на основе равенства и взаимности, нахождение фабрик и земли в собственности товариществ равноправных трудящихся, взаимное беспроцентное кредитование через систему народных банков.
16. См. «Послание революционерам Алжира и всех других стран».

МИНИМАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Пер. с фр. С. Михайленко. Текст был принят на седьмой конференции СИ в Париже (5–11 июля 1966 г.) и впервые опублик. в “Internationale Situationniste” (№ 11, октябрь 1967). Распространялся Комитетом Бешеных-СИ в виде листовки на территории занятой студентами Сорбонны в мае 1968 г.

Точка взрыва идеологии в Китае

Пер. с фр. Т. Петухова. Текст впервые опублик. в виде брошюры в августе 1967 г. и воспроизведён в “Internationale Situationniste” (№ 11, октябрь 1967).

1. Имеется в виду «Послание революционерам Алжира и всех других стран».
2. Текст, который можно было бы адекватно сопоставить с цитируемым, в выпусках газеты «Известия» за сентябрь 1966 г. обнаружить не удалось. Поскольку автор явно использовал некий перевод на фр. язык (он не владел русским и не мог цитировать сами «Известия»), можно предположить, что либо этот фрагмент был добавлен фр. публикаторами, либо Дебор ошибся с атрибуцией текста или самой цитаты.
3. Речь идёт о стихотворении «Пролог» (см.: *Вознесенский А. А.* Стихи. М.: Худож. лит-ра, 1967. С. 56–62).
4. Имеется в виду начатое в 1965 г. полномасштабное вмешательство США в войну между Северным и Южным Вьетнамом на стороне последнего. Несмотря на то что в первые годы армии США удалось провести ряд успешных наступательных операций и нанести существенный урон войскам Северного Вьетнама и Национальному фронту освобождения Южного Вьетнама (Вьетконгу), полного разгрома сил противника им достичь не удалось. Через несколько месяцев после публ. статьи силы Северного Вьетнама и вьетконговцы предприняли широкомасштабное Тетское наступление (начато 30 января 1968 г.).
5. То есть япон. императора.

6. «Большой скачок» — экономическая политика, проводившаяся в КНР в 1958–1961 гг. по инициативе Мао Цзэдуна с целью форсированной индустриализации страны. Планировалось задействовать массовый труд (преимущественно жителей деревни) на небольших (зачастую кустарных) промышленных производствах. Итогом её проведения стала дезорганизация экономики и массовый голод.
7. Самостоятельные царства — собирательное обозначение независимых государств, существовавших на территории Китая в периоды раздробленности в разные моменты его истории (Период Сражающихся царств V–III в. до н. э., Эпоха пяти династий и десяти царств X в. н. э. и т. д.).
8. Имеется в виду гражданская война (называемая также «войной между Гоминьданом и Компартией»), начавшаяся в 1927 г. и продолжавшаяся с некоторыми перерывами до 1949 г.
9. Лю Шаоци (1898–1969) — кит. государственный и политический деятель, председатель КНР в 1959–1968 гг., один из руководителей КПК, считался «преемником Мао». В ходе Культурной революции был подвергнут публичной критике, затем исключён из КПК, смещён со всех постов. Умер в тюрьме, был посмертно реабилитирован.
10. Имеются в виду «рабочие группы», состоявшие из кадровых работников и создававшиеся сторонниками Лю Шаоци в июне — июле 1966 г. в качестве противовеса хунвейбинам.
11. Вариант перевода слова «хунвейбин» с кит. языка.
12. Чжоу Эньлай (1898–1976) — кит. государственный и политический деятель, один из руководителей КПК. В 1949–1976 гг. занимал пост премьера Госсовета КНР (т. е. был главой правительства).
13. Цит. по: *Макьявелли Н.* История Флоренции. Изд. второе / Пер. с итал. Н. Я. Рыковой. М.: Наука, 1987. С. 115.
14. «Цзефан Жибао» («Освобождение», *кит.*) — официальная ежедневная газ. Шанхайского комитета КПК.
15. «Хунци» («Красное знамя», *кит.*) — центральный теоретический журн. КПК в 1958–1988 гг.
16. «Синьхуа» («Новый Китай», *кит.*) — официальное информационное агентство правительства КНР.
17. Дебор отсылает читателей к Эре милитаристов, периоду в кит. истории с 1916 по 1928 г., во время которого фактической властью в разных регионах Китая обладали дучжони — полевые командиры, имевшие в своём под-

чинении многочисленные и хорошо вооружённые армии. Номинальный конец Эре милитаристов был положен Северным походом (1926–1927), осуществлённым Гоминьданом при поддержке коммунистов, в ходе которого были разбиты войска Фэнтяньской и Чжилийской клик милитаристов и занят Пекин.

18. Революционные комитеты – органы территориального управления, создававшиеся в годы Культурной революции на смену прежнему партаппарату, состоявшие из представителей хунвейбинов, армии и КПК.
19. События 12 декабря 1936 г. в г. Сиань, когда прибывший туда главнокомандующий Гоминьдана Чан Кайши был арестован двумя генералами Гоминьдана, требовавшими прекращения гражданской войны и выступления против япон. оккупации единым фронтом с коммунистами.
20. «Женьминь Жибао» («Народная газета», *кит.*) – официальная ежедневная газ. ЦК КПК.
21. Коренным, или внутренним Китаем, называют территорию восемнадцати провинций, где этнические китайцы традиционно составляли большинство населения (примерно соответствует территории Китая на момент 1644 г., то есть время падения династии Мин и прихода династии Цин).
22. Линь Бяо (1907–1971) – кит. военный и политический деятель, маршал КНР, один из руководителей КПК, стал «преемником Мао» после того, как им перестал быть Лю Шаоци. Принимал участие в организации и разворачивании Культурной революции и государственной политики борьбы с «четырьмя пережитками» (старыми мышлением, культурой, привычками и обычаями). В 1971 г. пытался организовать государственный переворот («Проект 571»), но заговор был раскрыт. При попытке бегства в СССР погиб в авиакатастрофе.
23. Автор отсылает к известной фразе К. фон Клаузевица «Война есть продолжение политики другими средствами».
24. Сунь Ятсен (1866–1925) – кит. революционер, первый президент Китайской республики, создатель первой кит. революционной организации Синчжунхой (Общество возрождения Китая, *кит.*) и партии Гоминьдан. Именно в Гуанчжоу в 1895 г. Синчжунхой планировал поднять восстание, однако его подготовка была раскрыта властями и участники организации были подвергнуты репрессиям.
25. Речь идёт о «Цитатах Председателя Мао Цзэдуна» – изданном правительством КНР в 1966 г. сборнике изречений Мао, активно распространявшемся в карманном формате.
26. Имеется в виду Коммунистическая партия Индии (марксистская).

27. Отсылка к термину из романа Дж. Оруэлла «1984», означающему способность сознания в мире тоталитарной идеологии при необходимости одновременно иметь противоположные убеждения.
28. Цитата из редакционной статьи «Ещё раз о разложении» в «Internationale Situationniste» (см.: *Encore une fois, sur la decomposition // Internationale Situationniste*. № 6 (Août 1961). P. 13).
29. Легитимность кит. императорских династий обеспечивалась концептом Небесного мандата, который предполагал монопольную связь с Небом правящего дома, но при этом в случае утраты добродетели правителем он мог также потерять Небесный мандат, чем и объяснялись случаи потери власти.

ПОСЛАНИЕ ПАРИЖСКОГО КОМИТЕТА СИТУАЦИОНИСТСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ЧЛЕНАМ СИ И ТОВАРИЩАМ, ПОДДЕРЖАВШИМ НАШИ ТЕЗИСЫ

Пер. с фр. Т. Петухова. Текст, подписанный Дебором, М. Хаяти, Р. Ванейгемом и Р. Вьене, был воспроизведён в качестве приложения к кн.: *Dumontier P. Les Situationnistes et Mai 68. Théorie et pratique de la révolution (1966–1972)*. Paris: Éditions G. Lebovici, 1990. P. 267–269.

1. Группировка Бешеные была создана в нач. 1968 г. на Факультете Нантера Сорбонны тремя увлечёнными идеями СИ бывшими активистами Синдикалистской Революционной Федералистской Тенденции (Патрик Шеваль, Рене Ризель и Жерар Бигорнь). Название по инициативе Р. Ризеля (о нём см. далее) было заимствовано у одноимённого движения городской бедноты, действовавшего в годы Великой французской революции, находившегося на идейных позициях левее якобинцев и фактически уничтоженного во время якобинского террора. Непосредственным поводом к созданию группировки стала появившаяся 26 января новость о том, что университетское руководство подготовило «чёрные списки» создающих проблемы студентов (преимущественно политических активистов), к которым в случае дальнейшего нарушения распорядка будут применены санкции. Р. Ризель связался с СИ и получил текст листовки «В ожидании кибернетика и ментов», который был растиражирован и распространён Бешеными по университету и университетскому городку. В течение нескольких дней группировка увеличилась более чем до десяти членов, однако университетское руководство применило против возмутителей спокойствия репрессии, под которые первым попал П. Шеваль, исключённый в феврале 1968 г. из университетского городка за неуважение к правилам университета. 22 марта Бешеные наряду с др. студенческими леворадикальными группировками участвовали в оккупации административного здания Факультета Нантера, однако покинули здание и не приняли участия в формировании Движения 22 марта (см. далее) из-за противоре-

чий с более умеренными группировками и Д. Кон-Бендитом (они отказались поддержать предложение Бешеных сжечь университетскую административную документацию). 14 мая 1968 г., в день оккупации Сорбонны, был сформирован Комитет Бешеных-СИ, которому удалось продвинуть в число 15 избранных членов Комитета оккупации Сорбонны Р. Ризеля. Поскольку общие собрания быстро потеряли форму органов прямой демократии и превратились в постоянную борьбу нескольких группировок за власть, а среди реальных ресурсов Комитета по оккупации Сорбонны осталась лишь возможность говорить от его имени, 17 мая ситуационисты и Бешеные покинули Комитет. В тот же день они вместе со своими сторонниками из студентов и рабочих сформировали Комитет по поддержке оккупаций, который 19 мая разместился в здании Национального педагогического института на улице Ульм. Комитет подготовил ряд текстов, агитационных афиш и комиксов, распространявшихся тиражами в сотни тысяч экземпляров. После событий мая 1968 г. группировка Бешеные прекратила существование (т. к. большинство её участников были исключены из университета), а П. Шеваль и Р. Ризель вошли в состав СИ. В 1970-х гг. Р. Ризель переехал в сельскую местность, где занимался разведением овец. В 1990-х гг. присоединился к движению против ГМО, в рамках которого некоторое время сотрудничал с известным фр. фермером-активистом Ж. Бове. За участие в акциях движения был осуждён и отбыл срок в тюрьме. Опубл. ряд кн., посвящённых проблеме ГМО в сельском хозяйстве.

2. Движение 22 марта (*фр.*, “Le Mouvement du 22 Mars”) – фр. студенческое леворадикальное движение. Сформировано 22 марта 1968 г. студентами Факультета Нантера, оккупировавшими административное здание факультета в знак протеста против ареста двумя днями ранее нескольких студентов на манифестации против амер. интервенции во Вьетнаме. Движение не имело чёткой организационной структуры и единой идеологии, являясь скорее конгломератом различных леворадикальных группировок, действовавших в студенческой среде. К кон. мая 1968 г. практически прекратило свою деятельность, распавшись на отдельные группировки, и перестало существовать после президентского декрета от 12 июня 1968 г., запретившего его деятельность.
3. Даниэль Марк Кон-Бендит (род. 1945) – нем. и фр. политический деятель. В 1966 г. поступил на факультет Сорбонны в Нантере для обучения социологии. В студенческие годы принимал участие в деятельности Федерации анархистов и группировки «Чёрное и красное» (см. далее). Снискал популярность среди студентов своей борьбой за право студентов-мужчин оставаться после 10 часов вечера в женском студенческом общежитии. Участвовал в оккупации студентами административного здания факультета 22 марта 1968 г. и в создании Движения 22 марта. Не являясь официальным лидером Движения, был его медийным лицом. В нач. мая 1968 г. был одним из вожаков студенческих протестов, в кон. месяца (являясь гражданином ФРГ) был депортирован из Франции. В 1984 г. всту-

- пил в нем. партию «Зелёные», от которой в 1994 г. был избран депутатом Европарламента.
4. «Чёрное и красное» (*фр.*, “Noir et Rouge”) — фр. анархистский журн., издававшийся в 1956–1970 гг. Изначально был основан организацией «Анархистские группы революционного действия» (*фр.* “Groupes Anarchistes d’Action Révolutionnaire”), часть активистов которой в 1961 г. присоединилась к «Федерации анархистов» (*фр.* Fédération Anarchiste), а часть — продолжила издание журн. и сформировала вокруг него одноимённую группировку.
 5. UNEF — Union nationale des étudiants de France (Национальный союз студентов Франции, *фр.*), крупнейший фр. студенческий профсоюз, основанный в 1907 г. В 1966 г. в руководство страсбургским подразделением UNEF был избран ряд ситуационистски настроенных студентов, которые, воспользовавшись этим, опубл. за счёт средств профсоюза памфлет «О нищете студенческой жизни», что вызвало национальный скандал. Подр. см.: Михайленко С. История одного памфлета // Ситуационистский интернационал. UNEF — Страсбург. О нищете студенческой жизни, рассмотренной в экономическом, политическом, психологическом и, в первую очередь, интеллектуальном аспекте, а также о некоторых способах её преодоления / Сост., пер. с фр., примеч. и послесл. С. Михайленко. М.: Гилея, 2012. С. 77–87.
 6. Народными клубами во времена Великой французской революции назывались общественные собрания, на которых осуществлялись публичные обсуждения различных политических вопросов.
 7. Гошисты (от *фр.* “gauche” — левый) — собирательное название леворадикальных группировок, стоявших на позициях левее Французской коммунистической партии (ФКП) (анархисты, троцкисты, маоисты и т. д.), действовавших в студенческой среде в 1960–1970-х гг.
 8. Странники фр. троцкиста Пьера Ламбера (наст. имя Пьер Буссель, 1920–2008), основателя Международной коммунистической организации (*фр.*, Organisation Communiste Internationaliste, сокр. OCI). После запрета её деятельности президентским декретом от 12 июня 1968 г. продолжили деятельность под именем «Троцкистской организации».
 9. Понятие «выживание» употребляется в смысле, раскрываемом в «Обществе спектакля»: «Спектакль — это перманентная опиумная война, которая ведётся с целью сделать общепринятым тождество между благами и товарами, между удовлетворением и выживанием, дорожающим согласно своим собственным законам. Но если потребляемое выживание должно постоянно дорожать, то только потому, что оно содержит в себе нужду. Если по ту сторону подорожавшего выживания ничего нет, если нет такой точки, на которой его рост может прекратиться, то только потому, что оно

само не находится по ту сторону нужды, оно является обогатившейся нуждой» (см.: *Дебор Г. Общество спектакля // Дебор Г. За и против кинематографа*. С. 110–111. Пер. Э. Саттарова).

10. См. наст. изд.

ЛИСТОВКИ КОМИТЕТА ПО ОККУПАЦИИ СОРБОННЫ И КОМИТЕТА БЕШЕНЫХ-СИ

Пер. с фр. С. Михайленко. Тексты листовок были воспроизведены в кн. «Бешеные и ситуационисты в оккупационном движении», составленной Г. Дебором, Р. Ванейгемом, М. Хайяти и Р. Ризелем и изданной в октябре 1968 г. под именем Р. Вьене, см.: *Viénet R. Enragés et situationnistes dans le mouvement des occupations*. Paris: Gallimard, 1968. P. 265–273. Кн. была переиздана в 1998 г. без указания автора.

1. Цитата из текста де Сада «Французы, ещё одно усилие, если вы желаете стать республиканцами», который входит в состав кн. «Философия в будуаре» (см.: *Маркиз де Сад. Философия в будуаре / Пер. М. Армалинского и И. Карабутенко*. Миннеаполис: M. I. P Company, 1992. С. 197).
2. NMPP – Nouvelles messageries de la presse parisienne (Новая экспедиция парижской прессы, *фр.*), концерн по распространению прессы во Франции, в 1997 г. переименован в Presstalis.
3. ORTF – Office de Radiodiffusion-Télévision Française (Управление радиовещания и телевидения Франции, *фр.*), фр. национальное агентство теле- и радиовещания, действовавшее с 1964 по 1974 г.

ОТЧЁТ ОБ ОККУПАЦИИ СОРБОННЫ

Пер. с фр. Т. Петухова. Текст листовки был воспроизведён в кн.: *Viénet R. Enragés et situationnistes dans le mouvement des occupations*. P. 276–279.

1. Подр. на тему ситуационистской критики студенческой среды см.: *Ситуационистский Интернационал. UNEF – Страсбург*. О нищете студенческой жизни, рассмотренной в экономическом, политическом, психологическом и, в первую очередь, интеллектуальном аспекте, а также о некоторых способах её преодоления / Сост., пер. с фр., примеч. и послесл. С. Михайленко. М.: Гилея, 2012.
2. В этом пригороде Парижа находился главный завод Renault.
3. См. листовку от 16 мая 1968 г. («Товарищи, завод Sud Aviation в Нанте...»).
4. JCR – Jeunesse communiste révolutionnaire (Революционная коммунистическая молодёжь, *фр.*), троцкистская молодёжная группировка, ос-

нованная в 1966 г. бывшими участниками «Союза студентов-коммунистов» (организации, аффилированной с ФКП), исключёнными из ФКП за отказ поддержать Ф. Миттерана на президентских выборах 1965 г. Была запрещена президентским декретом от 12 июня 1968 г. Активисты, игнорировавшие запрет, были арестованы на сроки до нескольких недель.

5. FER – *Fédération des étudiants révolutionnaires* (Федерация революционных студентов, *фр.*), троцкистская группировка, близкая к ОСИ, просуществовавшая лишь с апреля по 12 июня 1968 г., когда деятельность организации была запрещена.
6. После самороспуска Комитета по оккупации Сорбонны был избран новый его состав, состоящий практически полностью из активистов JCR и UNEF, против чего и протестовали оставшиеся не у дел активисты FER.
7. ВКТ – Всеобщая конфедерация труда (*фр.* *Confédération Générale du Travail*), *фр.* объединение профсоюзов, основанное в 1895 г. После образования ФКП в 1920 г. в ВКТ произошёл раскол, и революционные профсоюзы образовали Унитарную всеобщую конфедерацию труда (УВКТ). В 1936 г. ВКТ и УВКТ объединились. В 1940 г. правительство Виши распустило ВКТ. В 1944 г. она была восстановлена и находилась в тесной взаимосвязи с ФКП, коммунист Б. Фрашон в 1944–1945 гг. занимал пост секретаря ВКТ, а в 1945–1967 гг. – генерального секретаря ВКТ. В 1967–1982 гг. пост генерального секретаря ВКТ занимал член Политбюро ЦК ФКП Ж. Сеги. Сеги от лица ВКТ участвовал в Гренельских соглашениях, обсуждение которых проходило 25–27 мая 1968 г. в здании Министерства труда на рю Гренель. В ходе трёхсторонних переговоров между правительством, представителями предпринимателей и рядом профсоюзов была достигнута договорённость о прекращении забастовки в обмен на выполнение ряда требований экономического плана, которая была тотчас же отвергнута бастующими, отказавшимися прекратить забастовку. После этих переговоров слово “Grenelle” во *фр.* языке стало нарицательным, обозначающим соглашение со стороны профсоюзов или профсоюзного руководства.

ЗА ВЛАСТЬ РАБОЧИХ СОВЕТОВ

Пер. с *фр.* С. Михайленко. Текст листовки был воспроизведён в кн.: *Viénet R. Enragés et situationnistes dans le mouvement des occupations*. P. 280–281.

1. Намёк на то, что ВКТ подконтрольна ФКП.

ПОСЛАНИЕ ВСЕМ РАБОЧИМ

Пер. с *фр.* Т. Петухова. Текст листовки был воспроизведён в кн.: *Viénet R. Enragés et situationnistes dans le mouvement des occupations*. P. 282–284.

1. Андре Баржоне (1921–2005) — фр. профсоюзный деятель, член ФКП и ВКТ, из которых он вышел в 1968 г. в знак протеста против участия ВКТ в Грельских соглашениях.
2. Цит. по: Маркс — Иоганну Баптисту Швейцеру (Лондон, 13 февраля 1865 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 31. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1963. С. 376.
3. Авторы отсылают к фразе «Строй, создаваемый коммунизмом, является как раз таким действительным базисом, который исключает всё то, что существует независимо от индивидов» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 3. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 71).
4. См.: Дебор Г. Общество спектакля. С. 149.

БОЛЬНАЯ ПЛАНЕТА

Пер. с фр. Т. Петухова. Текст, написанный в 1971 г. для публикации в № 13 “Internationale Situationniste”, который так никогда и не был выпущен. Впервые опублик. в 2004 г. в сб. «Большая планета», который помимо одноимённого текста также содержал «Упадок и разрушение товарно-зрительской экономики» и «Точка взрыва идеологии в Китае» (см.: Debord G. La Planète malade. Paris, Gallimard, 2004. P. 77–94).

1. Сарсель — населённый пункт, пригород Парижа, где с 1955 по 1970 г. велось активное строительство высотных жилых домов (своего рода «спальных кварталов»).
2. Имеется в виду распространённое среди средневековых западноевропейских христиан представление о наступлении конца света в 1000 г.
3. Владислав Гомулка (1905–1982) — генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии в 1943–1948 гг., первый секретарь ЦК Польской объединённой рабочей партии в 1956–1970 гг.
4. Жозеф Дежак (1821–1864) — фр. поэт и писатель, один из первых представителей анархо-коммунизма. Цит. фраза относится к авторскому предисловию к произведению «Гуманисфера. Анархическая утопия» (1857).

О ПОЖАРЕ В СЕН-ЛОРАН-ДЮ-ПОН

Пер. с фр. Т. Петухова. Текст, написанный в 1971 г. для публикации в № 13 “Internationale Situationniste”, впервые опублик. в: Debord G. Œuvres. P. 1070–1075.

1. Речь идёт о гибели нем. пассажирского круизного лайнера “Wilhelm Gustloff”, подбитого 30 января 1945 г. на Балтийском море (около бере-

- гов Польши) сов. подводной лодкой под командованием А. И. Маринеско. Кроме нем. военнослужащих там погибло несколько тысяч беженцев, в том числе детей.
2. Дебор упоминает студенческие выступления в столице Мексики в 1968 г., которые жестоко подавлялись правительством с применением армии.
 3. В мае 1968 г. на этой парижской улице проходили основные столкновения между протестующими и правоохранительными органами.
 4. Изер — департамент на востоке Франции, в состав которого входит коммуна Сен-Лоран-дю-Пон.
 5. Адольф Тьер (1797–1877) — фр. государственный деятель и историк. Во время правления Луи-Филиппа I дважды становился премьер-министром (в 1836 и 1840 гг.). После установления Третьей республики был в 1871 г. избран Национальным собранием «главой исполнительной власти» (в этом качестве стал одним из палачей Парижской коммуны, к чему и отсылает читателя Дебор). В 1871–1873 гг. занимал пост президента Франции.
 6. Слоган группировки “Front de Libération des Jeunes” («Фронт освобождения молодых», *фр.*), образованной в нач. 1971 г. участниками группировки “Vive la révolution” («Да здравствует революция», *фр.*), стоявшей на позициях «либертарного маоизма» и выпускавшей газ. “Tout!” («Всего!», *фр.*).
 7. Ришар Дезэ (род. 1950?) — участник “Vive la révolution”, один из основателей “Front de Libération des Jeunes” и автор его манифеста, содержащего упомянутый выше слоган. 9 февраля 1971 г. участвовал в манифестации в Париже в поддержку забастовки рабочих локомотивостроительного завода Batignolles-Châtillon (Нант). Полицейская граната со слезоточивым газом попала ему в лицо, выбив глаз и сломав кости лица в 40 местах. Это событие вызвало яростный общественный протест, фотография окровавленного лица Дезэ была использована для листовки с заголовком «Они хотели убить!» и требованием распустить полицейское спецподразделение. 13 февраля 1971 г. в связи с этим событием активисты группировки “Gauche Prolétarienne” («Пролетарская левая», *фр.*) оккупировали парижский собор Сакр-Кёр, в этой акции принимал участие Ж.-П. Сартр.
 8. Сокр. от “Internationale Situationniste”.

ЛИБЕРТАРИЯМ

Пер. с фр. Т. Петухова. Письмо в защиту анархистов из автономных групп, находившихся под следствием в Испании. Дебор использует термин «либертари» (“libertaires”), обозначающий сторонников антиэтатистских, антиав-

торитарных, антикапиталистических позиций. Во многих случаях он синонимичен термину «анархист» и потому нередко использовался анархистами как самоназвание (иногда это было вынужденным решением, например, фр. анархисты в кон. XIX – нач. XX в. называли себя либертариями, чтобы обойти принятые в 1890-х гг. против них законы). Одновременно с этим понятие «либертарии» является более узким, чем собирательное понятие «анархисты», поскольку не включает в себя, например, анархо-капиталистов или национал-анархистов.

Впервые опубли. в виде листовки в исп. переводе в сентябре 1980 г. После широкого её распространения 6 анархистов, в отношении которых прокурор требовал в сумме 115 лет тюремного заключения, были освобождены за недостатком улик, несмотря на то, что они признали факт совершения вменяемых им действий и озвучили идейные установки, которыми руководствовались (кроме того, полиция изъела типографское оборудование, закупленное ими на деньги, полученные путём экспроприации банков). При этом, как Дебор писал в письме к М. Прижану от 26 января 1981 г., в тюрьме в Сеговии оставались «двенадцать или пятнадцать членов автономных групп Барселоны и Валенсии: все приговорены к семи годам (прокурор требовал от пятнадцати до двадцати), и самое главное, трое рабочих из Барселоны (Г. Ботифоль Гомес, Х. Эрнандес Тапиа, М. Ногалес Торо), приговорённые в начале июля 1980 г. примерно к двадцати пяти годам тюремного заключения каждый, прежде чем мы смогли вмешаться» (см.: *Debord G. À Michel Prigent (26 janvier 81) // Debord G. Correspondance. Vol. 6. P. 82*).

На фр. языке впервые опубли. в ноябре 1980 г. в кн. «Воззвания из тюрьмы в Сеговии», содержащей тексты анархистов: *Coordination des groupes autonomes d'Espagne. Appels de la prison de Ségovie. Paris: Champ Libre, 1980*. Издание также включает 7 песен, восславляющих заключённых анархистов, написанных Дебором и его второй женой А. Беккер-Хо. Позднее Дебор и издатель Ж. Лебовичи работали на проекте по записи этих песен в исполнении певицы Мары Херес, но он так и не был реализован.

1. «Образцовая тюрьма» (*кат. presó Model*) – распространённое народное название мужской тюрьмы в г. Барселона, действовавшей в 1904–2017 гг. (впоследствии превращена в музей). Тюрьма построена по принципу паноптикума, позволяющего надзирателю наблюдать за всеми заключёнными одновременно, при этом заключённый не знает, находится ли он непосредственно под наблюдением в данный момент времени. Её конструкция принята за образец при постройке упоминаемой здесь мадридской тюрьмы Карабачель.
2. Сантьяго Каррильо Соларес (1915–2012) – исп. политик, сыгравший важную роль в политике постфранкистской Испании. С 1960 по 1982 г. возглавлял исп. компартию. В 1981 г. после поражения попытки профранкистского государственного переворота, организованного военными под руководством подполковника А. Техеро, Каррильо, преисполненный благодарности королю Хуану Карлосу I за публичный отказ от поддержки путчистов, сказал на камеру: «Боже, храни короля».

3. Энрико Берлингуэр (1922–1984) — итал. политик, с 1972 г. председатель итал. компартии.
4. Жискар д'Эстен (род. 1926) — фр. политик и государственный деятель, президент Франции с 1974 по 1981 г.
5. Федерико Гарсия Лорка (1898–1936) — исп. поэт и драматург, был расстрелян франкистами.
6. Андреу Нин (1892–1937) — исп. революционер, лидер POUM. Был также писателем и переводчиком рус. литературы. Убит агентами НКВД.
7. Генеральные Кортесы — парламент Испании.
8. GRAPO — Grupos de Resistencia Antifascista Primero de Octubre (Группы антифашистского сопротивления первого октября, *исп.*), исп. леворадикальная организация, создана в 1975 г. для ведения вооружённой борьбы против франкистского режима (а затем — и монархии) с целью установления в Испании социалистической республики. После вступления Испании в НАТО в 1982 г. атакам GRAPO стали подвергаться амер. и натовские военные объекты на территории Испании.
9. Предположительно речь идёт об “Action directe” («Прямое действие», *фр.*), фр. леворадикальной организации, которая вела вооружённую борьбу в 1979–1987 гг.
10. Эускади — баск. название Страны басков.
11. Хуан Карлос I (род. 1938), ставший королём Испании после смерти Франко в 1975 г., принадлежит к династии исп. Бурбонов.
12. Буэнавентура Дуррути (1896–1936) — один из виднейших деятелей анархистского движения в Испании. Ещё до революции, в составе основанной им в 1922 г. группы “Los solidarios” («Солидарные», *исп.*) проводил экспроприации банков и акции по физическому устранению персон, связанных с властью. В годы Гражданской войны в Испании — командир составленного из анархистов вооружённого формирования Колонна Дуррути (в её рядах, в частности, воевал друг А. Бретона сюрреалист Б. Пере). В 1966 г. студент Страсбургского университета А. Бертран составил комикс «Возвращение колонны Дурутти» (ошибки в написании фамилии авторские), являвшийся рекламой ситуационистского памфлета «О нищете студенческой жизни».
13. Строка из «Романса об испанской жандармерии» Ф.Г. Лорки. В пер. А. Гелескула звучит так: «И кто увидел однажды, забудет тебя едва ли» (см.: Лорка Ф.Г. Романс об испанской жандармерии // Лорка Ф.Г. Цыганское романсеро / Сост. и коммент. Н. Малиновской. М.: Радуга, 2007. С. 121).

14. В январе 1933 г. правительственные войска жёстко подавили восстание крестьян-анархистов в деревне Касас-Вьехас, погибло 22 человека, включая ребёнка. Часть была расстреляна, 6 человек сгорели заживо в подожжённой правительственными силами хижине.
15. После того как в августе 1936 г. войска Франко взяли штурмом Бадахос, они организовали масштабные репрессии против населения (против тех, кого они считали сторонниками Республики), во время которых по официальным оценкам погибло от 2 до 4 тысяч человек, в основном — гражданское население. Расстрелы проводились на нескольких площадках, включая арены для боя быков.
16. Трагедия случилась в июле 1978 г. из-за аварии автоцистерны с пропиленом близ туристического кемпинга. Из-за случившегося взрыва погибло 217 человек.
17. Пожар в отеле “Corona de Aragón” случился в 1979 г., погибло более 80 человек, среди которых было несколько членов семьи Франко и высокопоставленных военных чинов. Изначально правительство квалифицировало это как случайное возгорание, но к 2000 г. случившееся было признано терактом, организованным баскской леворадикальной организацией “ЕТА”, что, разумеется, не было известно на момент написания статьи.
18. Этот способ расправы с неудобными был распространён во время Мексиканской революции и позже использовался против профсоюзных активистов в Испании. Он фактически являет собой внесудебную казнь, которая представляется как убийство при попытке к бегству.
19. Сальвадор Пуч Антик (1948–1974) — исп. анархист и антифашист, казнённый на гарроте в возрасте 25 лет. Его казнь вызвала сильный международный резонанс и протесты, но правительство Франко исполнило приговор. После этого случая такой вид казни больше не применялся.

ЗАКУСКА

Пер. с фр. Т. Петухова. Впервые опубликовано анонимно в “Encyclopédie des Nuisances” (т. I, вып. 5, ноябрь 1985), перед публикацией текст был с согласия автора отредактирован редколлегией для соответствия общему стилю этой энциклопедии. В наст. изд. публ. в соответствии с этой, окончательной его версией. “Encyclopédie des Nuisances” («Энциклопедия вредных вещей», *фр.*) — фр. журн., издававшийся в 1984–1992 гг., тематически и идейно находившийся в общем русле ситуационистской критики общества. В состав его редколлегии входили К. Себастьяни (в прошлом — член СИ), Х. Семпрун, М. Аморос и др. Журн. представлял собой détournement формы академической энциклопедии. Каждая статья посвящалась какому-то явлению, название которого являлось её заголовком. Все статьи публиковались анонимно. Страницы имели сквозную нумерацию, статьи публиковались в алфавитном порядке, таким образом, некоторое

количество выпусков журн., выстроенных подряд, составляло том энциклопедии (издание завершилось на 15-м выпуске и на 1-м томе). В 1986–1987 гг. Дебор подготовил для журн. ещё два материала: “Ab irato” («В порыве гнева», *лат.*) и “Abolir” («Устранять», *фр.*).

1. Аллюзия к словам Ленина «...для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для неё требуется ещё, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде» (см.: *Ленин В. И. Маёвка революционного пролетариата // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. пятое. Т. 23. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1973. С. 300*).
2. Дебор обыгрывает выражение “défendre son bifeck” (дословно «защищать свой бифштекс», *фр.*), обозначающее «отстаивать свои интересы».
3. «С Востока свет» (*лат.*) — парафраз лат. текста Евангелия от Матфея (2:1), где говорится о звезде, приведшей волхвов.
4. INRA — Institut national de la recherche agronomique (Национальный институт сельскохозяйственных исследований, *фр.*), фр. государственное научно-исследовательское учреждение, основанное в 1946 г.
5. Food and Drug Administration (Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов, *англ.*) — федеральное агентство Министерства здравоохранения и социальных служб США.
6. Статья с названием “Abstraction” издана не была, выпуск энциклопедии завершился на статье “Abrenuntio” («Отрекаться», *лат.*). Вероятно, это рабочее название статьи Дебора “Abolir” («Устранять», *фр.*), опублик. в “Encyclopédie des Nuisances” (вып. 11, июнь 1987), содержание которой соответствует описанию статьи «Абстракция».
7. Статья опублик. в “Encyclopédie des Nuisances” (т. I, вып. 6, февраль 1986).
8. “Findus” — торговая марка замороженных полуфабрикатов, в 1962–1999 гг. принадлежавшая швейц. пищевому концерну Nestlé.
9. Лоран Фабиус (род. 1946) — фр. политик, премьер-министр Франции в 1984–1986 гг. Будучи членом социалистической партии, выступал за «новый социализм», приветствующий рыночную экономику.
10. Цит. по: *Маркс К. Ницета философии. С. 142*.
11. “Actuel” («Современный», *фр.*) — фр. ежемесячный журн., издававшийся в 1967–1994 гг. Поначалу был посвящён музыке и андерграундной культуре. Начал набирать популярность с 1979 г., когда, резко сменив курс, стал позиционировать себя как модная площадка для современных трендов и основных идейных веяний 1980-х гг.

12. Физиократы – название фр. экономической школы единомышленников и последователей Ф. Кенэ, возникшей в 1750-х гг. и отводившей центральную роль в экономике земледелию и сельскохозяйственному производству.
13. “Agro-alimentaire” – статья, очевидно, запланированная редколлегией “Encyclopédie des Nuisances”, но так и не вышедшая.
14. 3 декабря 1984 г. на заводе амер. транснациональной компании Union Carbide в инд. г. Бхопал произошла одна из крупнейших техногенных катастроф: взрыв на заводе и последующие выбросы отравляющих веществ в течение нескольких лет унесли жизни около 18000 человек, число пострадавших по разным оценкам – от 200 до 600 тысяч человек.
15. Дебор имеет в виду связанный с австр. виноделием скандал 1985 г., когда выяснилось, что некоторые производители добавляли в вино диэтиленгликоль (компонент антифриза).
16. Дебор не совсем точен, т. к. в июле 1985 г. Р. Рейган перенёс операцию по удалению полипов из прямой кишки, а в августе – по удалению раковой опухоли из носа.
17. «в строгом смысле слова» (*лат.*).
18. Речь идёт о частных школах, которые могли быть переведены в 1984 г. в сектор общественных услуг в рамках законопроекта А. Савари, бывшего тогда министром образования. Масштабные протестные выступления привели к отзыву этого законопроекта.

“ПОТЛАТЧ” (1954–57)

Пер. с фр. С. Михайленко. Впервые опублик. в 1985 г. в качестве предисловия к кн.: Potlatch 1954–57. Paris: Éditions G. Lebovici, 1985 (содержит тексты 29 выпусков журн.).

ЗАМЕЧАНИЯ К «ВОПРОСУ ОБ ИММИГРАНТАХ»

Пер. с фр. С. Михайленко. Текст, составленный в 1985 г. для М. Улдаме, работавшего над кн. «Иммигрантский кошмар в разлагающейся Франции» (1986). Впервые опублик. в 2006 г. в двух разных изданиях – под авторским заголовком «Заметки для Мезиуда» в: *Debord G. Correspondance. Vol. 6. P. 363–368*, а также под заголовком «Замечания к “вопросу об иммигрантах”» в: *Debord G. Œuvres. P. 1588–1592*.

1. Дебор использует слово “intolérance”, обозначающее не только несмеси-мость, неслиянность, но и нетолерантность, нетерпимость.
2. Магриб – территория на северо-западе Африки, включающая в себя земли Алжира, Марокко и Туниса.

3. Дебор отсылает читателя к пассажу из статьи «Закуска» об исчезновении хлеба во Франции и подмене его псевдохлебом.
4. Франсуаза Кастро (род. 1947) – фр. кинопродюсер и на момент написания текста жена Л. Фабиуса. Бернар-Анри Леви (род. 1948) – фр. философ и общественный деятель.
5. Речь идёт о Церкви объединения – секте, основанной Мун Сон Мёном в 1954 г. в г. Сеул (Южная Корея).
6. Чикано – латиноамер. этническая группа, проживающая на юго-западе США.
7. Дебор использует алжир.-фр. фразеологизм “béni-oui-oui” (досл. «сыновья со всем согласного»), составленный из араб. слова «сыновья» (во фр. транскрипции – “béni”) и фр. слова «да» (“oui”) и обозначающий человека, полностью покорного решениям властных инстанций.
8. Метеки – чужеземцы, переселившиеся в Аттику (во времена Древней Греции). Метеки не обладали всей полнотой прав граждан, но их положение было выше положения рабов (метеки сами могли владеть рабами). Кроме того, использованное Дебором слово “métèques” используется во фр. языке как пренебрежительное название чужаков, иностранцев, аналогичное рус. жаргонизму «понаехавшие».
9. Цит. по: *Дебор Г.* Общество спектакля. С. 124.
10. Кварталы Парижа (Сарсель) и Лиона (Мингет), застроенные в сер. XX в. многоэтажными зданиями, с большой долей мигрантов в населении.

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО
Корректор НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА
Вёрстка МАРАТА ЗИНУЛИНА

Книгоиздательство «Гилея»
www.hylaea.ru

Отпечатано в типографии SIA “PNB Print”
www.pnbaltic.eu
Тираж 1500 экземпляров

ХАНС РИХТЕР
Дада — искусство
и антиискусство

Вклад дадаистов в искусство XX века

Перевод с немецкого Татьяны НАБАТНИКОВОЙ

*Научная редакция, редакция перевода,
примечания и библиография*

КОНСТАНТИНА ДУДАКОВА-КАШУРО

Дада было не направлением в искусстве в традиционном смысле, — то была гроза, разразившаяся над искусством того времени, как война над народами. Она разразилась без предупреждения в душной атмосфере сытости... и оставила после себя новый день, в котором энергии, скопившиеся в дада и излучённые им, проявились в новых формах, новых материалах, новых идеях, новых направлениях, новых людях и были обращены к новому человеку.

Дада не имело единых формальных признаков, как другие стили. Но оно обладало новой художественной этикой, из которой затем — весьма неожиданно — возникли новые формы выражения. Эта новая этика находила в разных странах и в разных индивидуальностях совершенно разное выражение в зависимости от внутреннего ядра, темперамента, художественного происхождения, художественного уровня конкретного дадаиста. Она являлась то позитивным, то негативным образом, иногда как искусство, а потом снова как отрицание искусства; иногда глубоко морально, а иногда совершенно аморально.

Эндрю Хьюгилл
'Патафизика
Беспользньй путевооителъ

Перевод с английскооо
Владимира Саоовскооо

Общая редакция перевода
Сергея Дубина

Из всего культурного экспорта Франции за последние 150 или около того лет патафизика на удивление оказалась одним из самых долговечных явлений, и по сей день привлекающих всё возрастающее внимание. Само слово было изобретено школьниками из Ренна в 1880-х годах и чаще всего ассоциируется с одним из них — поэтом и драматургом Альфредом Жарри (1873–1907). Принято считать, что патафизика находится где-то у истоков ключевых явлений искусства и культуры XX века, включая абсурдизм, дада, футуризм, сюрреализм, ситуационизм и другие. Тот факт, что относительно немногие знают о её существовании, отчасти раскрывает секрет её успеха. В отличие от других, более известных *-измов*, подробно задокументированных и описанных, патафизика сумела сохранить свою жизнеспособность, беспрестанно избегая самого феномена *-измов*. Она никогда полностью не становилась ни «движением», ни «философией», хотя порой демонстрирует характерные черты того и другого. Она сумела просочиться и в культуру, и в общество, хоть и несколько странным образом. Как пьяный бред французского поэта XIX века смог до такой степени проникнуть в коллективное сознание? Хочется надеяться, что эта книга поможет лучшему пониманию этого феномена.

Сюрреализм

Воззвания и трактаты международного движения

Составитель и автор предисловия Ги Жирак

*Переводы с французского, английского,
испанского и голландского*

Общая редакция переводов СЕРГЕЯ ДУБИНА

Взглянув на хронологию этих текстов, читатель сразу заметит, что сюрреализм, зародившийся в Париже, очень быстро распространился за пределами Франции, приобретя международное значение и интернационалистский характер, который, в числе прочих факторов, обеспечил этому движению подлинную революционную ценность. По счастью, таких стран было немало: Бельгия, Япония, Югославия, Чехословакия, Великобритания, Дания, Румыния, Греция, Египет, Аргентина — и это ещё до Второй мировой войны. Сегодня сюрреалистические группы ведут активную деятельность в Париже, Мадриде, Лондоне и Лидсе, Праге, Стокгольме, Афинах, Кимбре, Чикаго, на острове Денман, в Сан-Паулу и в Сантьяго. Мы надеемся, что в текстах, представленных на следующих страницах, в этих коллективных обращениях сюрреалистов из разных стран к современникам читатель найдёт и узнает нечто, способное вдохновить его самого на сопротивление и убедить в том, что понимание собственных фантазий позволит ему внести свой вклад в коллективную мечту о новой цивилизации, где не будет, наконец, ни богов, ни властителей.